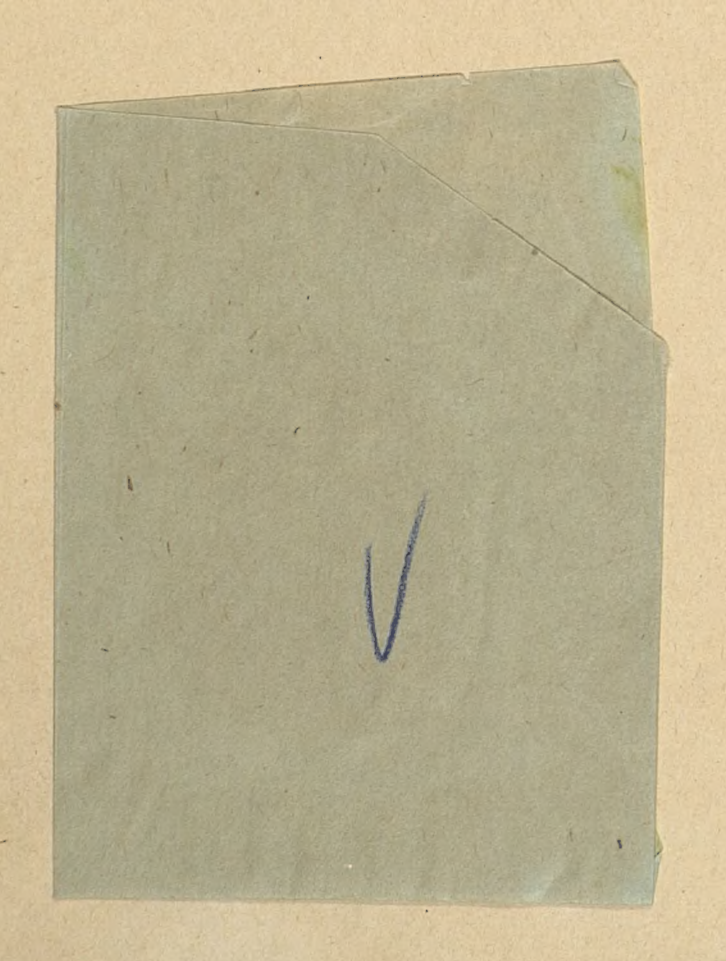

Сочиненія М. Ю. Лермонтова

т. V

МОСКВА
„ПЕЧАТНИКЪ"

Иллюстрированное

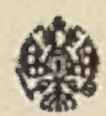
Полное собрание сочиненій М. Ю. Лермонтова

Редакція В. В. Каллаша.

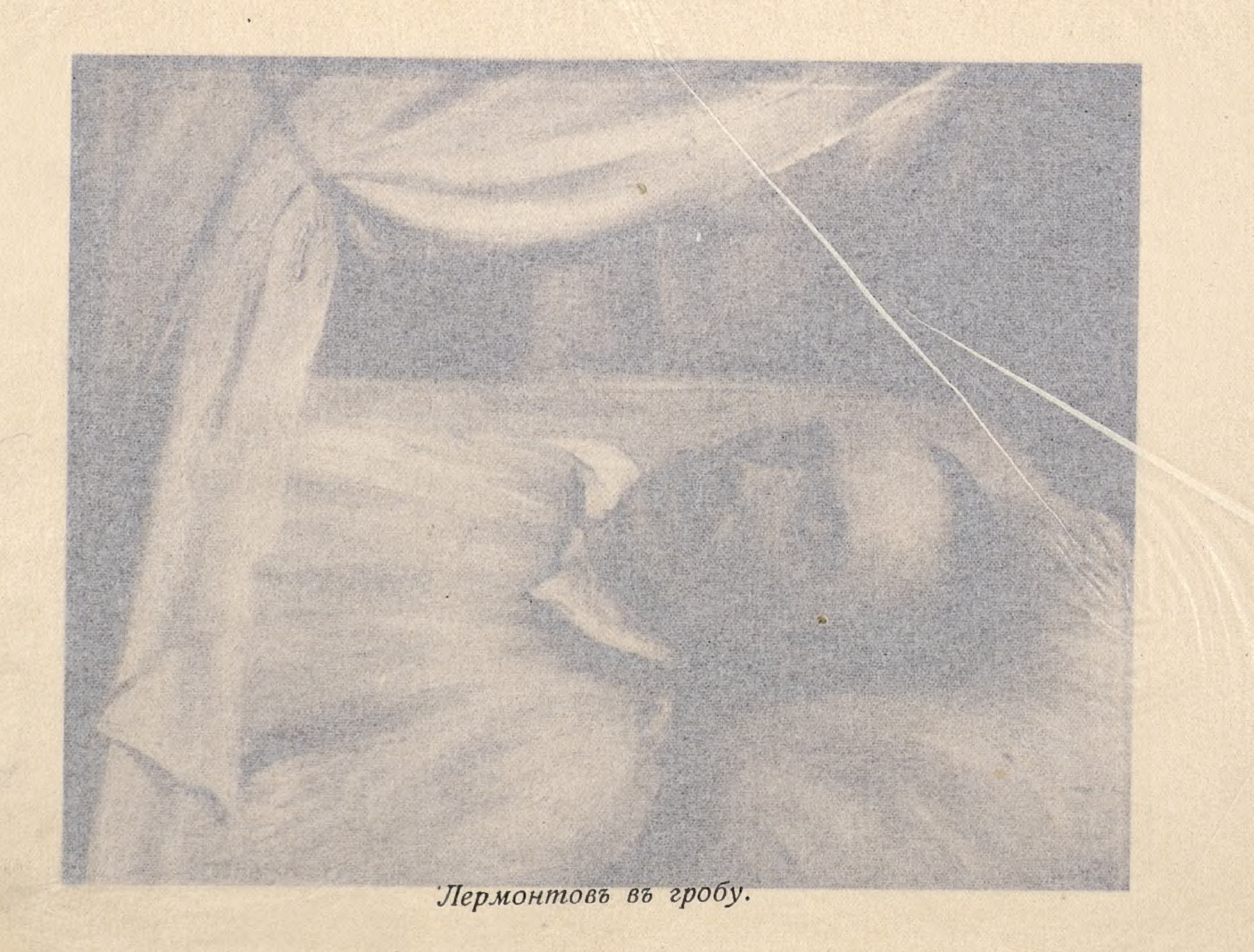
ТОМЪ V.

МОСКВА,
Печатникъ.

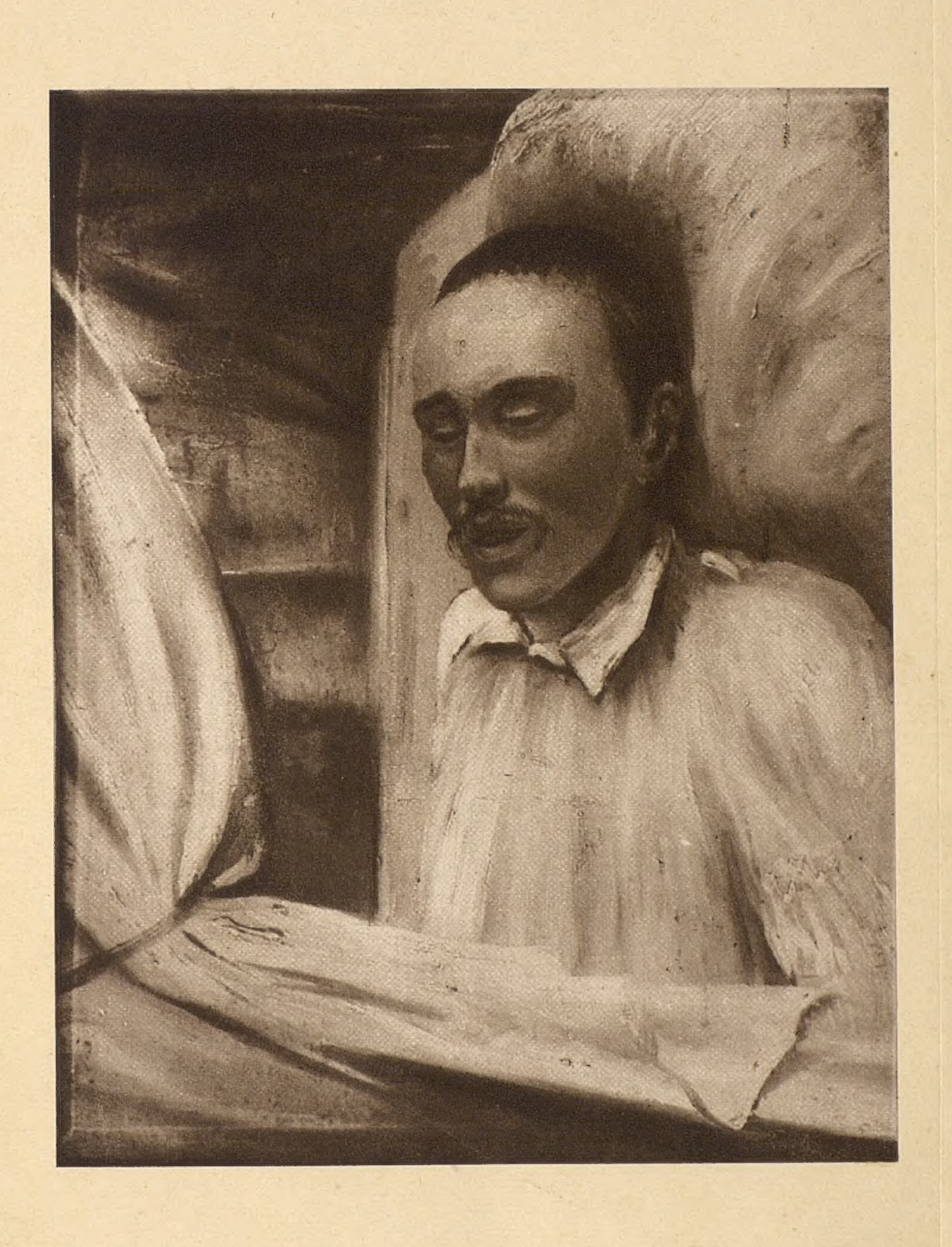
Н. З.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА—1915.

Лермонтовъ въ гробу.

1830 г.

ИСПАНЦЫ

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Не отвергай мой слабый даръ,
Хоть здѣсь я выразилъ небрежно
Души непобѣдимый жаръ
И дикой страсти пылъ мятежной.
Нѣтъ! не для свѣта я писалъ,—
Онъ чуждъ восторгамъ вдохновенья;
Нѣтъ! не ему я обѣщалъ
Свои любимыя творенья.
Я знаю: все равно ему—
Душѣ ль, исполненной печали,
Или веселому уму
Живыя струны отвѣчали.
Но ты меня понять могла:
Страдальца ты не осмѣяла,
Ты съ безпокойнаго чела
Морщины раннія сгоняла.
Такъ надъ гробницею стоитъ
Береза юная, склоняя
Съ участьемъ вѣтки на гранитъ,
Когда реветъ гроза ночная!..

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Донъ-Алварецъ. Дворянинъ испанскій.
Эмилія. Дочь его.
Донна-Марія. Мачеха ея.
Фернандо. Молодой испанецъ, воспитанный Алварецомъ.
Патеръ Соррини. Итальянецъ-іезуитъ, служащій при инквизиціи.
Доминиканецъ. Пріятель Соррини.
Моисей. Еврей.
Ноэми. Дочь его.
Сарра. Старая няня, еврейка.
Испанцы—бродяги, подкупленные Соррини.
Жиды и жидовки.
Слуги инквизиціи.
Слуги Алвареца, слуги Соррини съ ихъ начальникомъ, народъ, гробовщики.

(Дѣйствіе происходитъ въ Кастиліи).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Комната у Алвареца. Столъ, портреты на стѣнахъ и зеркало на стѣнѣ. Донна Марія сидитъ на креслахъ, Эмилія стоитъ и перебираетъ четки.

Донна Марія.

Да, съ этихъ поръ тебѣ я запрещаю
Съ Фернандо говорить. Во-первыхъ, онъ
Неблагородный. Оттого мой мужъ
Тебѣ съ нимъ не позволитъ съединиться
Супружествомъ; и я въ томъ настою!

Эмилія.

Повѣрьте, благородство не въ бумагахъ,
А въ сердцѣ.

Донна Марія.

Такъ, ужъ, вѣрно, отъ него
Ты этого наслушалась. Прекрасно!..

Эмилія.

Не мудрено, что мнѣ Фернандо много
Прекрасныхъ чувствъ помогъ узнать. Когда

Еще я забавлялась куклой, онъ,
Безвѣстный сирота, былъ взятъ моимъ отцомъ;
И съ этихъ поръ я подъ одной съ нимъ кровлей
Жила, какъ съ братомъ, и, бывало,
Вдвоемъ гуляли мы въ горахъ Кастильскихъ:
Онъ былъ подпора и вожатый мнѣ,
И не было на тѣхъ вершинахъ розы,
Которой для меня не могъ бы онъ достать.

(Донна Марія въ разсѣянии какъ бы поправляетъ что-нибудь въ своемъ одѣяніи и не слушаетъ).

Однажды мы до ночи заходились;
Душистый вѣтерокъ свѣжѣе становился,
И мѣсяцъ по небу катился.
Предъ нами быстрый былъ потокъ. Фернандо,
Чтобъ перенесть, взялъ на руки меня.
Мы перешли, но я все оставалась
Въ его объятьяхъ. Вдругъ, я помню,
Онъ страннымъ голосомъ спросилъ меня:
„Эмилія меня не любитъ?“—Нѣтъ, люблю!—
Сказала я, и ужъ съ того мгновенья
Люблю его нѣжнѣй всего на свѣтѣ!

Донна Марія.

Вотъ это именно меня и заставляетъ
Тебѣ совѣтовать не говорить съ нимъ;
Тебѣ я замѣняю мать, могу—
И мнѣ дано отъ Алвареца право—
Смотрѣть, какъ можно строго, за тобою;
И ты женой Фернандо быть не мысли.

Эмилія.

А, можетъ быть, гаданья ваши ложны.

Донна Марія.

Повѣрь, тебя я не глупѣе, потому
Что ужъ за третьимъ мужемъ: опытность
Разсудокъ замѣняетъ; знаю, какъ
Несчастливы супружества, когда
Мужъ и жена не равны состояньемъ.

Эмилія.

Неужели умершіе мужья
Разсудку придаютъ?

Донна Марія *(будто не слыхавъ)*.

Звонятъ къ обѣднѣ!

Эмилія. Звонятъ! *(въ сторону).*

А онъ все не приходитъ.

Донна Марія.

Взяла ли ты молитвенную книжку?

Эмилія.

Ахъ, позабыла! *(Беретъ со стола).* О, какъ долго!

(Фернандо входитъ. Донна Марія не видитъ его, выходитъ въ дверь. Эмилія изъ-подъ мантильи, слѣдуя за мачехой, роняетъ записку. Фернандо, глядѣвшій вслѣдъ за нею, подымаетъ.)

Фернандо *(открываетъ).*

„Я знаю, что батюшка слышалъ о нашей любви и о твоемъ намѣреніи жениться на мнѣ. Онъ тебѣ, вѣрно, станетъ говорить объ этомъ. Ради Бога, не горячись съ нимъ; иначе мы никогда не будемъ счастливы".

Ты много требуешь, Эмилія! *(Молчаніе).*
Кто бъ могъ подумать, что такой глупецъ,
Такой безчувственный... Чудна природа...
И это милое, небесное созданье —
Эмилія... нѣтъ, нѣтъ!—она не дочь его.
Мнѣ скажутъ: благодарность! благодарность!..
За что?—За то ль, что каждый день
Я чувствовать былъ долженъ, что рожденъ
Я въ низкомъ состояньи, что обязанъ
Всѣмъ, всѣмъ тому, кого душою выше;
За то ли, что ломо̀ть вседневный хлѣба,
Меня питавшій, долженъ былъ упрекомъ
Кольнуть мое встревоженное сердце?..
За это—благодарность отъ меня?
О; лучше бы отъ голода погибнуть,
Чѣмъ выносить такія укоризны!..
И какъ онъ могъ узнать мои желанья? странно!..
Но, что ни будь,—а даже для нея
Малѣйшей не стерплю обиды! полно!
Любовь возьметъ свое... но не теперь...
(Алварецъ входитъ тихими шагами и садится въ кресла).

Фернандо.

Какой же гордый видъ, какъ будто въ немъ
Соединилися всѣ души предковъ!
(Обращаясь къ портретамъ).
О вы, вы, образы людей великихъ
Своею мудростью и силой!

Эмилія изъ-подъ мантильи, слѣдуя за мачехой, роняетъ записку.

(„Испанцы“).

Рисун. худ. Д. Митрохина.

Бр. Менертъ.
Ф. Митрохинъ
1914

Скажите мнѣ, ужель гніющія
Нѣмыхъ гробовъ безчувственныя жертвы
Отнимутъ у меня мою Эмилію?...
Смѣшно!—я не могу себѣ представить,
Чтобъ мертвые имѣли предразсудки!...

Алварецъ.

Фернандо! до меня доходятъ слухи,
Что ищешь ты войти въ мое семейство...
Безумецъ ты!—клянусь Святою Дѣвой!—
И мысль одна, мой милый, быть мнѣ зятемъ
Должна казаться смертною обидой.

Фернандо.

Желательно, чтобы моя обида
Могла вамъ заплатить за ваши...

Алварецъ.

Мои обиды!.. Слушай же, глупецъ,
Что я скажу тебѣ, да со вниманьемъ.

Фернандо *(насмѣшливо)*.

Какъ счастливъ тотъ, кто можетъ, оказавъ
Добро одинъ разъ въ жизни человѣку,
Бранить его сто разъ и каждый день!

Алварецъ.

Узнать ты долженъ, наконецъ,
Кто ты... Доселѣ содержалъ я
Тебя почти совсѣмъ, какъ бы родного,
Но съ этихъ поръ перемѣнилось все!
Я повторю тебѣ, какъ ты попалъ сюда:
Съ слугой однажды шелъ я изъ Бургоса
(Тогда еще я только что женился),
Ужъ смерклось, и сырой туманъ покрылъ
Вершины горъ. Иду черезъ кладбище,
Среди котораго стояла церковь
Забытая, съ худыми окнами;
Мы слышимъ дѣтскій плачъ... и на крыльцѣ
Находимъ бѣднаго ребенка,—то былъ ты;
Я взялъ тебя, принесъ домой и воспиталъ. *(Насмѣшливо)*.
Но для чего тебя тамъ положили,
И кто родители твои,—Богъ знаетъ!
А я такъ не хочу и знать. Да, да!

Фернандо *(пораженный, про себя).*

Такъ, такъ, совсѣмъ, совсѣмъ забытый сирота!...
Въ великомъ Божьемъ мірѣ ни одной
Ты не найдешь души себѣ родной!...
Питался я не материнской грудью
И не спалъ на ея колѣнахъ. Чуждый голосъ
Училъ меня родному языку
И пѣлъ надъ колыбелію моей. *(Молчаніе).*

(Ходитъ взадъ и впередъ, потомъ опять приходитъ въ спокойное положеніе).

Алварецъ.

О чемъ печаленъ? точно, вотъ какъ было.
Возможно ли тебѣ теперь жениться
На дочери моей? Что послѣ скажутъ
Другіе благородные испанцы?...

Фернандо.

Поговорятъ—и замолчатъ.

Алварецъ.

Не замолчатъ: неслыхано у насъ,
Чтобы на улицѣ найдённый человѣкъ
Съ семействомъ очень древнимъ, благороднымъ
Могъ сблизиться.

Фернандо.

Сказать вамъ, отчего?
Боятся эти люди, чтобъ тогда
Ихъ равенство скорѣй не увидали...

(Алварецъ подходитъ къ портретамъ).

Алварецъ.

Вотъ этотъ, здѣсь, мой первый предокъ, жилъ
При Карлѣ Первомъ, при дворѣ, въ благоволеньи
У короля; второй при инквизицьи
Священной былъ не въ малыхъ людяхъ;
Вотъ тутъ написано, что сдѣлалъ онъ:
Три тысячи невѣрныхъ сжегъ и триста
Въ различныхъ наказаніяхъ замучилъ.

Фернандо *(насмѣшливо).*

О, этотъ былъ безъ спору мужъ святой;
Конечно, онъ причисленъ къ лику?

Алварецъ *(равнодушно).*

Нѣтъ еще!...
Вотъ третій здѣсь, въ военномъ одѣяньи,

Съ перомъ на шляпѣ краснымъ и съ усами:
Вторымъ служилъ на флотѣ онъ и утонулъ
Въ сраженьи противъ англичанъ проклятыхъ.
Еще жъ пятнадцать прадѣдовъ моихъ ты видишь
(Дай Богъ, чтобъ и меня сюда вписали,
И родъ нашъ до трубы послѣдней продолжался).
И ты, ты захотѣлъ вступить въ число ихъ?
Гдѣ, гдѣ твои родители, бродящіе
По свѣту негодяи, подлые... или...
Несчастные любовники, или какіе-
Нибудь еще похуже... Дерзкій! что ты скажешь?
Когда пергаменты свои покажешь
И явишь все,—тогда я замолчу.

Фернандо.

О, еслибъ только я хотѣлъ молчать
Заставить васъ *(трогая шпагу)*, то безъ пергаментовъ
Я бъ это могъ.

Алварецъ.

Ужъ слишкомъ ты забылся,
Бродяга! Покажи жъ сейчасъ,
Какъ ты меня молчать заставишь; а не то
Велю тебя прибить,—и это вѣрно,
Какъ то, что папа есть апостоловъ намѣстникъ!
Какъ ты меня молчать заставишь?
Бѣдняга, плутъ, найденышъ!... Ты не помнишь,
Что я, испанскій дворянинъ, могу
Тебя суду предать за эту
Обиду. *(Топнувъ.)* Видишь ты передъ собою
Изображенія отцовъ моихъ?
Кто жъ твой отецъ?... Кто мать твоя,
Которая оставила мальчишку
У ветхой церкви?... Вѣрно ужъ жидовка,
А съ христіанкой быть сего не можетъ.
Итакъ, смирись, жидовское отродье,
Чтобъ я тебя изъ жалости простилъ!...

Фернандо *(въ безпокойствѣ)*.

Послушай, Алварецъ! теперь, теперь я
Ничѣмъ тебѣ не долженъ!... Алварецъ,
Ни благодарности, ни уваженья
Не требуй отъ меня. Кровь благородная
Текла понынѣ въ жилахъ этихъ. *(Минута молчанія.)*
Вотъ эта шпага, если хочешь знать,
Она тебя молчать заставитъ.

Алварецъ.

Вонъ! вонъ скорѣй изъ дома моего,
Чтобъ никогда ни самъ, ни дочь моя
Тебя близъ этихъ мѣстъ не увидали.
Но если жъ ты замыслишь потихоньку
Видаться съ нею,—то, клянусь Мадритомъ,
Клянусь портретами отцовъ моихъ,
Заплатишь кровью мнѣ.

Фернандо.

Ты можешь кровь мою
Испить до капли всю, но честь, но честь
Отнять не въ силахъ, Алварецъ!...

Алварецъ.

Вонъ! вонъ, глупецъ!... Когда ты хлѣба
Имѣть не будешь, къ моему окошку
Не подходи, а то велю прогнать.
(Въ сторону). Каковъ же негодяй Фернандо сталъ!...

Фернандо.

О адъ и небо!... ну, прощай!...
Но бойся, если я рѣшусь на что-нибудь.

(Убѣгаетъ въ бѣшенствѣ и сталкивается въ дверяхъ съ патеромъ Соррини, котораго не замѣчаетъ. Соррини на минуту пораженъ, но, наконецъ, сгибаетъ спину и съ поклономъ входитъ. Алварецъ идетъ радостно іезуиту навстрѣчу.)

Алварецъ.

А! добрый день отцу Соррини!

(Онъ его сначала въ безпокойствѣ не замѣтилъ).

Какъ поживаете, святой служитель Божій?

Соррини

(кланяясь съ притворствомъ, глаза къ небу).

Помилуйте, я лишь смиренный рабъ
Его и вашъ слуга покорнѣйшій.
Да что у васъ за шумъ въ дому случился?
Какъ бѣшеный, тутъ кто то пробѣжалъ
И даже мнѣ не поклонился.

Алварецъ.

Да, я теперь лишь изъ дому прогналъ
Питомца своего; давно пора ужъ было.

Соррини.

И я давно уже замѣтилъ это,
Но не хотѣлъ лишь безпокоить васъ...
Повѣса онъ большой и пылкій малый,
Съ мечтательной и буйной головой;
Такіе люди не служить родились,
Но всѣмъ другимъ приказывать;
Не то, что мы, которые должны
Склоняться ежедневно въ прахѣ,
Чтобъ чувствовать ничтожество свое,
Стараясь добрыми дѣлами
Купить себѣ прощенье за грѣхи.
А что онъ сдѣлалъ, должно ли мнѣ знать?
Быть можетъ, противъ церкви или короля,
Такъ мнѣ не худо знать...

Алварецъ.

Бѣдняга этотъ...

Соррини.

Бѣдняга?

Алварецъ.

Какъ же! я его нашелъ
Ребенкомъ, брошеннымъ на улицѣ.

Соррини.

Такимъ бы людямъ надобно прощать:
Они наказаны ужъ Богомъ...

Алварецъ.

Какъ прощать?
Да я вамъ разскажу, что сдѣлалъ онъ.

Соррини *(въ сторону)*.

Какъ жалко, что его карманы пусты,
А то набилъ бы я свои потуже:
Такъ въ мірѣ все изъ рукъ въ другія переходитъ.

Алварецъ *(съ таинственнымъ видомъ)*.

Когда онъ былъ еще ребенкомъ, позволялъ
Ему я съ дочерью моей играть;
Они играли, да играли,—я не думалъ,
Что выйдетъ что-нибудь изъ этого худое.
Бывало, спросишь: что вы, дѣти?—Мы играемъ.—
Во что?—Въ любовь!—И нѣжно цѣловались,
Какъ горлицы. Фернандо, ставъ постарше,
Ужъ понялъ, что нейдетъ такъ вольно обращаться,

И началъ думать, какъ бы продолжать
Игру когда-нибудь... Изъ словъ его я видѣлъ
Нерѣдко, что желалъ бы онъ жениться
На дочери моей. Какъ я взбѣсился,
Вы можете понять, отецъ Соррини!..
Съ тѣхъ поръ я сталъ съ нимъ грубъ, суровъ, хоть противъ воли.
Какъ вы ни говорите,—взялъ его
Еще ребенкомъ я подъ эту крышу,
Онъ жилъ со мною двадцать лѣтъ,
Былъ будто первенцемъ моимъ... Недавно
Я вновь хотѣлъ съ нимъ показаться нѣжнымъ,—
Какъ вдругъ узналъ я отъ жены моей,
Что хочетъ у меня просить Фернандо
Эмилію въ замужество... Ну жъ, меня
Вы знаете: хоть сѣдъ, но какъ взбѣшусь...
Ну!.. я и уговаривалъ его
И представлялъ всѣ важныя причины;
Онъ много мнѣ грубилъ,—и я рѣшился
Прогнать его изъ дома, наконецъ,
И не увидитъ христіанская душа
Его ноги въ дверяхъ моихъ,—въ томъ я увѣренъ!..

Соррини.

Хмъ, хмъ! что жъ ваша дочь?

Алварецъ.

Не знаю, у обѣдни
Она теперь сидитъ съ моей женою
И вѣрно молится о немъ. Да какъ вы
Мальчишкѣ этому дорогу уступили,
Когда не поклонился даже онъ?
Какъ вы его не удержали тотчасъ,
Чтобъ должнаго потребовать почтенья?

Соррини.

Слѣпымъ дорогу должно очищать.

Алварецъ.

Слѣпымъ? Да онъ глядѣлъ вѣдь въ оба глаза.

Соррини *(съ презрительной улыбкой)*.

Конечно, вы не поняли меня.
Покуда ни одной сѣдинки не видать
На головѣ, пока огнемъ живымъ,
Какъ розами, красуются ланиты,
Пока глаза во лбу не потускнѣли,

Бивуакъ гусаръ подъ Краснымъ Селомъ. Картина М. Ю. Лермонтова.

Пока трепещетъ сердце отъ всего—
Отъ радости, печали, ревности, любви,
Надежды, счастья, и пока все это
Не пронеслось и навсегда,—есть страсти, страсти
Ужасныя: какъ тучею онѣ
Взоръ человѣка покрываютъ; ихъ гроза
Свирѣпствуетъ въ душѣ несчастной, и она
Достойна сожалѣнія безспорно.
Такіе люди слѣпы; вашъ Фернандо
Изъ ихъ числа. Такъ что жъ мнѣ было дѣлать?
Я долженъ былъ дорогу уступить,
Совсѣмъ не отъ того, чтобъ я боялся...
А... безъ причинъ съ опасностію спорить
Нейдетъ ни званью моему, ни чину.
Вы согласитесь *(показывая на крестъ):* этотъ крестъ смиренью учитъ
Меня. Тотъ, Кто на немъ былъ распятъ,
Моимъ примѣромъ долженъ быть, и я,
Какъ могъ, свою обязанность исполнилъ!..
(Слуга Соррини входитъ съ письмомъ и отдаетъ его своему господину).

Слуга.

Отецъ Соррини! вотъ письмо отъ бѣдной;
Лишь только вы ушли, она явилась въ домъ нашъ.

Соррини.

Да отъ кого письмо, какая крайность?

Слуга.

Отъ бѣдной женщины, которую прогнали
Намедни вы...

Соррини *(прерываетъ его).*

И нынче приходить велѣлъ...

Слуга.

О, господинъ мой, какъ она жалка;
Я, слыша рѣчь ея, расплакался:
Шесть, семь ребятъ въ лохмотьяхъ,
Лежащихъ на соломѣ безъ кусочка хлѣба
Насущнаго. Какъ я вообразилъ ихъ крикъ:
„Мать! дай намъ хлѣба, хлѣба... мать! дай хлѣба!..“
Признаться, сердце сжалось у меня.

Соррини.

Молчи, молчи,—не то и я заплачу!..
О Боже мой, пошли благословенье
На бѣдную, забытую семью,
Услыши недостойнаго молитву! *(Слугѣ громко).*
Дай пять серебряныхъ монетъ—дай отъ меня.

(Слуга смотритъ на него. Соррини подходитъ и говоритъ тихо).

Ступай, дай ей одну!..

Слуга.

Да сжальтеся!..

Соррини *(топнувъ, громко).*

Какъ? Много?..
Добра не дѣлаемъ мы никогда довольно...

(Слуга въ смущеніи уходитъ).

Алварецъ.

Я удивляюсь вамъ, святой отецъ.

Соррини.

Ахъ! замолчите, я молю васъ; слышать страшно..
Я самый, самый бѣдный грѣшникъ.

Алварецъ *(глядитъ въ окно).*

Вотъ и жена моя идетъ изъ церкви,
А съ ней Эмилія съ своими четками.

Соррини (*въ сторону*).

Идетъ, прелестная! Пусть бережется! если
Заронитъ искру пламя въ эту грудь,
Оледенѣвшую отъ лѣтъ, то не легко
Она избѣгнетъ рукъ моихъ; мнѣ трудно
Носить понынѣ маску—но что жъ дѣлать?
Того ужъ требуетъ мой санъ. Ха! ха! ха! ха!..

(*Эмилія и Донна Марія входятъ.*)

Какъ счастливъ я, что вижу, наконецъ,
Прелестную Марію и тебя,
Невинную Эмилію. О, Алварецъ!
Не долженъ тотъ роптать на Провидѣнье,
Кто обладаетъ этими дарами неба,
Хотя бы крыши не было—отъ солнца
Ихъ защитить.

Алварецъ.

Эмилія, поди сюда!
Я объявилъ отцу Соррини,
Что влюблена ты.

Эмилія (*покраснѣвъ*).

Батюшка!

Алварецъ.

Молчи.
Отецъ святой тебя наставить хочетъ
Въ томъ, какъ вредна любовь, а ты—
Ты слушай со вниманьемъ, чтобъ ни слова
Не кинулъ онъ на воздухъ. Сердце
Твое запутано, не знаешь ты,
Чего ты хочешь; онъ тебѣ откроетъ
Опасность страшную любви.

Соррини.

Да, если мнѣ позволилъ вашъ родитель,
То я готовъ неопытность ввести
На лучшій путь: тамъ нѣтъ цвѣтовъ,
Тамъ терніи, но цѣль, къ которой мы
Приходимъ, веселитъ насъ, а былое
Печально или весело, смотря по тѣмъ
Мгновеніямъ, когда о немъ воспоминаешь;
Итакъ, всего важнѣй послѣдствіе:
Коль къ доброму концу дѣянья наши,
То способы всегда ужъ хороши,
Какіе бъ ни были... Страшись Фернандо;
Онъ льститъ тебѣ, обманетъ или,

Положимъ, на тебѣ онъ женится,
Но это для того, чтобъ быть богаче.

Алварецъ.

Да, этого не будетъ никогда;
Скорѣй всѣ мертвые воскреснутъ.

Соррини.

Не говорите этого,—бываютъ
Такіе случаи. Но васъ, Эмилія,
Прошу бояться пламенной любви.
Быть можетъ, притворяется Фернандо?
Послушайте, я разскажу вамъ случай,
Которому свидѣтель былъ въ Мадритѣ,
При инквизиціи святой.
У дѣвушки одной любовникъ былъ,
Красивый, молодой и умный малый,
И, такъ сказать, на все удалый;
И онъ красавицу мою любилъ,
И очень долго это продолжалось;
Какъ, наконецъ, замѣтила она,
Что, отъ нея безъ грусти удаляясь
Подъ разными предлогами, не сталъ
Онъ находить веселья въ разговорѣ нѣжномъ,
Что къ ней онъ вовсе охладѣлъ,
Что не дивился ужъ красѣ ея наряда,
И призывающаго взгляда
Онъ понимать ужъ не умѣлъ.
Какъ женщинѣ все это не замѣтить,
Когда вся жизнь ея въ томъ только состоитъ?
Вотъ ревность въ грудь ея, какъ червь, закралась
И долго сердце горькое точила...
Ну, просто безъ обиняковъ скажу,
Она любимца отравила,
И онъ скончался въ двое сутокъ...
Но такъ какъ бѣдный сей испанецъ
Служилъ при инквизиціи писцомъ,
То въ дѣло всѣ вошли по праву мщенья.
Преступницу наказывали долго,
Имѣнье въ пользу церкви обративъ,
И, наконецъ, замучили до смерти!.. *(Всѣ содрогаются).*
Вотъ слѣдствія любви!.. Страшись, Эмилья!
На мячикъ сердце въ насъ походитъ: положи
Ты на крутой горѣ его тихонько,
И онъ не тронется; но, разъ толкнувъ,

За нимъ хоть бросишься, но не догонишь.
Не такъ ли говорю я?

Алварецъ.

Точно такъ,
Вы совершенно справедливо поступили
Съ несчастною преступницей... Какъ? Отравить
Служителя священной инквизицьи?
Она мученья смерти заслужила.

Соррини.

Нѣтъ! я совсѣмъ не говорю сего! *(Кидая взоръ на Эмилію).*
Я слишкомъ жалостливъ... насильно
Меня заставили бумагу подписать.
Всѣ члены у меня хладѣя трепетали,
И осуждалъ мой умъ, что пальцы написали...
Но такова судьба судей земныхъ!..
Всѣ люди мы, и ослѣпленье страсти,
Безумное волненіе души должны мы
Прощать, когда мы излѣчить не въ силахъ.

Донна Марія.

Ахъ! я и прежде такъ судила.

Алварецъ.

И въ самомъ дѣлѣ, правда это.

Соррини *(радостно въ сторону).*

Они меня боятся!

Эмилія.

Позволь тебя спросить мнѣ, батюшка,
Къ чему все это клонится?

Алварецъ.

Къ тому,
Что не должна ты плакать и крушиться
О томъ, что болѣе Фернандо не увидишь:
Онъ нагрубилъ мнѣ нынче, и навѣки
Его изъ дому я прогналъ.
Не смѣй съ нимъ видѣться тихонько, иначе
Страшися оскорбленнаго отца...
Прощаю я твою любовь, какъ бы порокъ,
Въ которомъ ты исправилась. Надѣюсь,
Что это будетъ такъ по крайней мѣрѣ.

Соррини.

Утѣшьтесь, нѣжная Эмилія!
Любовь пройдетъ, самимъ вамъ будетъ легче.

Эмилія *(сквозь слезы).*

Довольно и того, что сдѣлали;
Но для чего смѣяться надо мной?.. *(Плачетъ).*

(Эмилія уходитъ, закрывъ глаза платкомъ. Всѣ въ изумленіи).

Соррини.

Какъ рѣзко вы сказали, Алварецъ!
Нечаянный ударъ во-слѣдъ себѣ
Ведетъ раскаянье нерѣдко.

Алварецъ.

Э! нужды нѣтъ, отецъ Соррини!
Вѣдь надо было бы открыть,
А чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше...

Соррини.

Не всегда.
Вы знаете ли, женщина—цвѣтокъ,
Который, если вы его согнете вдругъ,
Изломится.

Донна Марія.

Да не угодно ль вамъ
Позавтракать, отецъ Соррини?

Соррини.

Благодарю, прекрасная Марія!
Земная пища часто не должна
Ласкать того, кто пищею духовной
Владѣетъ. До свиданья, донна! До свиданья
И вы, почтенный другъ мой, Алварецъ!
Желаю, чтобъ небесъ благословенье
Сошло на домъ вашъ... и чтобъ ваша дочь...
Утѣшилась скорѣй; я думаю,
Она и не замедлитъ. Ха! ха! ха! прощайте!

(Уходитъ, низко кланяясь).

Алварецъ.

Когда еще намъ сдѣлать честь придетъ
Вамъ въ голову, то, вѣрьте мнѣ,
Открыты будутъ ежедневно двери
Мои для васъ... какъ сердце... *(кланяясь)* одолжите!

(Соррини, провожаемый до двери, уходитъ, наконецъ).

Ну, слава Богу!.. онъ такой смиренный,
Что и не знаешь, что сказать ему;
Боюсь такихъ людей, которые всегда
На языкѣ своемъ имѣютъ: да! и да!
Хоть сердятся они—не знаешь извиниться,
Затѣмъ что съ виду всѣмъ довольны.
Но съ кѣмъ бранился я, съ тѣмъ можно помириться!

(Уходятъ всѣ).

СЦЕНА II.

Ночь. Театръ являетъ садъ и балконъ съ лѣвой стороны. На него выходитъ Эмилія. Балконъ соединенъ ступенями съ садомъ. Эмилія сидитъ. Мѣсяцъ надъ деревьями.

Эмилія.

Все тихо, только это сердце безпокойно;
Неблагодарный! я его просила,
Чтобы хоть для меня онъ удержался.
Ужели для меня не могъ онъ?—вотъ мужчины!
Ужели мнѣнье моего отца
Ему дороже, чѣмъ любовь моя?
Теперь ужъ некому меня утѣшить. *(Молчаніе).*
Ужъ эти мачехи! презлобныя творенья!
И этотъ езуитъ!—вѣдь надобно жъ
Мнѣ окруженной быть такимъ народомъ!..
О, еслибъ могъ прекрасный мѣсяцъ озарить
Хотя послѣднее свиданье наше!
Фернандо разлюбилъ меня, конечно,
А то бы онъ пришелъ проститься; я прощаю
Его горячность,—но зачѣмъ нейдетъ
Онъ извиниться въ этомъ предо мною...
Ему грозилъ отецъ мой,—это правда!
Попробую сойти. *(Сходитъ съ балкона).* Тамъ кто то шевелится!
Какъ бьется сердце!.. но чего бояться?
Вѣдь я одна... а если кто-нибудь...
Кто тамъ?... тѣнь шевелится на землѣ...
Ахъ, Боже мой!... куда уйду...

(Слышенъ голосъ).

Эмилія!...

Эмилія.

Ахъ, ахъ! святой Доминго, помоги!
Злой духъ ко мнѣ идетъ. *(Въ страхѣ не знаетъ, что дѣлать).*

Фернандо *(выходитъ въ черномъ плащѣ).*

Эмилія!
Мой голосъ страненъ для тебя... ты испугалась!...

Эмилія.

Нѣтъ!... нѣтъ!... ахъ, сядемъ, я дрожу...

Фернандо (*беретъ ее за руку*).

Ты права!
Но отъ чего я испугалъ тебя такъ сильно?

(*Они садятся на скамью*).

Эмилія.

Ну, что жъ ты скажешь?

Фернандо.

Я пришелъ проститься!...
Проститься!... въ первый разъ такое слово
Должно меня печалить... Знаешь ли,
Я думаю, что былъ бы счастливѣй,
Когда бы не съ кѣмъ было мнѣ проститься...
Ты будешь плакать — мнѣ двойная мука...

Эмилія.

Самъ виноватъ; вѣдь я тебя просила...
Ты не хотѣлъ. Кто жъ виноватъ? Кто жъ виноватъ?

Фернандо.

Нѣтъ, я не могъ, клянуся небомъ!
Ты знала нравъ мой — для чего писала?...
Но все ужъ кончилось... не укоряй меня...
Не укоряй; признаться виноватымъ
Мнѣ было бъ тяжело,—ты это знаешь...
Что сдѣлано—то сдѣлано...

Эмилія.

Гдѣ будешь
Ты жить теперь, Фернандо?

Фернандо.

Гдѣ? гдѣ жить?...
Ты мнѣ напомнила ужасное!...
Зачѣмъ такой вопросъ?... Ты знала,
Что не имѣю я ни друга, ни родни,
Ни мѣста въ цѣломъ королевствѣ, гдѣ бъ
Я могъ найти пріютъ. Послѣдній нищій
Имѣетъ то, чего я не имѣю:
Онъ равнодушно и спокойно проситъ хлѣба.
Вообрази,—лишь ты одна на свѣтѣ
Сказала мнѣ „люблю“; тебѣ одной

Я повѣрялъ всѣ мысли, всѣ желанья;
Ты для меня родня, друзья—ты все мнѣ!...
Гордися этимъ!... такъ, Эмилія,
Мы созданы небеснымъ другъ для друга;
Ты все для сердца этого,—и Богъ
Не такъ жестокъ, чтобъ все отнять
У человѣка. *(Молчаніе).* Дай мнѣ свой портретъ.

Эмилія. *(Она снимаетъ съ шеи и даетъ).*

А я сама его хотѣла дать тебѣ,
Затѣмъ и принесла сюда съ собою;
Но знаешь, говорятъ, не должно
Съ мужчиной дѣвушкѣ сидѣть въ полночь...

Фернандо.

Со мной сидѣть не бойся никогда.

Эмилія *(кидается ему на шею).*

О, милый! какъ мнѣ грустно! будто
Свинецъ въ груди на мѣсто сердца...
Какъ вспомню, что въ послѣдній разъ тебя
Здѣсь вижу,—слезы остановятся, дыханье
Рѣдѣетъ... то боюсь, чтобъ не пришелъ отецъ мой,
То чтобы часъ прощанья не пришелъ...
Ко мнѣ ужасныя тѣснятся мысли;
Вчерась я видѣла во снѣ, что ты
Меня хотѣлъ зарѣзать...

Фернандо *(мрачно и быстро).*

Перестань.
Взгляни на тихую луну! о, какъ прекрасна!
И облачка вокругъ нея! Луна,
Луна! какъ много въ этомъ звукѣ чувствъ...
Что будетъ, что теперь и что прошло—все въ немъ
Соединяется, и что прошло!...
И кто бъ подумать могъ, что та жъ луна,
Которая была нѣмой свидѣтель
Минуты первой... у ручья... въ горахъ—ты помнишь?
Что та жъ луна свидѣтель будетъ
Разлуки, нѣжная Эмилія!...
Взгляни опять: подобная Армидѣ,
Подъ дымкою сребристой мглы ночной,
Она идетъ въ волшебный замокъ свой.
Вокругъ ея и слѣдомъ тучки
Тѣснятся, будто рыцари-вожди,
Горящіе любовью, и когда

Чело ихъ обращается къ прекрасной,
Оно блеститъ; когда же отвернуто
Къ соперникамъ, то ревность и досада
Его нахмурятъ тотчасъ; посмотри,
Какъ шлемы ихъ чернѣются, какъ перья
Колеблются на шлемахъ... Помнишь, помнишь?
Въ тотъ вечеръ все такъ было, кромѣ
Судьбы Фернандо; небо и земля
Все тѣ же, только люди... Еслибъ ты
Не причислялась къ нимъ, то я бъ ихъ проклялъ...

Эмилія.

Да развѣ ты не человѣкъ же?

Фернандо.

О, я себя бы вмѣстѣ съ ними проклялъ!...

Эмилія.

За что это?

Фернандо.

За то, что не могу
Я видѣть хладнокровно, какъ они
Стараются другъ другу дѣлать зло,
Съ притворной добротой, когда совсѣмъ
Не просятъ ихъ; за то, что не могу
Я видѣть общаго стремленья къ ничему
Или для золота разбитыя сердца!...
За то... Эмилія... О! я злодѣй —
Я могъ бы сдѣлать счастливой тебя,
Стараться, чтобы ты меня забыла...
Но какъ взгляну на будущность... на жизнь
Безцвѣтную, съ прошедшимъ ядовитымъ...
Тогда... Эмилія... тогда я жертвовать
Готовъ твоимъ блаженствомъ, чтобъ имѣть
Близъ этой груди существо такое,
Которое понять меня бъ могло.
Желаю, чтобы вѣчно часъ такой
Не приходилъ... Но... не люби меня!
Ты видишь нравъ мой,—позабудь меня...
Забудешь ли?

Эмилія.

Что, еслибъ я сказала „да“?
Не говори въ другой разъ то, чего не мыслишь...

Фернандо.

Мой ангелъ, ангелъ... ты понять не можешь, какъ
Любовь твоя меня терзаетъ!

(Фернандо обнимаетъ ее и она его).

О, если счастье неба будетъ
Имѣть такъ много горечи, какъ этотъ
Единый поцѣлуй, то я бы отказался
Отъ рая добровольно! Ахъ, Эмилія!
Ступай ты лучше въ монастырь,
Ступай въ обитель, скрой себя отъ свѣта,
Умри!... Предвижу много страшнаго!
О, еслибъ никогда ее не зналъ я! *(Звонъ).*
Полночь... прости!... Но что за шорохъ? *(Молчанье).*
Мы пропали!
Я позабылъ калитку затворить...
Бѣги!... бѣги!...

Эмилія.

Спаси насъ, Царь Небесный!

(Уходитъ на балконъ и скрывается).

Фернандо *(вынимаетъ шпагу).*

Кто тамъ?... Заплатишь дорого
За это любопытство мнѣ!

(Ударяетъ по кусту. Вскрикнувъ, выползаетъ жидъ сѣдой и бросается на колѣна).

Моисей.

Помилуй...
Яви, что жалость у испанца есть.

Фернандо.

Вздоръ, вздоръ... ты слышалъ—и умрешь.
Признайся, ты подосланъ? *(Шпагу подставляетъ къ горлу).*

Моисей *(на колѣнахъ).*

Нѣтъ.

Фернандо.

Ты лжешь!

Моисей.

Страшись убить напрасно старика!

(Кидается въ ноги, обнимаетъ колѣна).

Спаси меня... у насъ вѣдь Богъ одинъ...
Меня преслѣдуютъ... Быть можетъ, твой
Отецъ въ живыхъ... я самъ отецъ... о, для него

Спаси меня отъ инквизицьи...
Возьми имѣнья половину... но зачѣмъ
Ругаться по-пусту надъ сѣдинами...
Тебѣ заплатитъ Богъ твой... у меня
Есть дочь: что будетъ съ нею, если ты
Меня не пощадишь?... Что будетъ съ нею?
О, сжалься, сжалься!

Фернандо.

У тебя есть дочь?
А я хотѣлъ... о... нѣтъ! довольно въ свѣтѣ
Сиротъ и безъ нея... Возьми!

(Кидаетъ ему не глядя плащъ и шляпу).

Надѣнь!...
Иди за мной; ни слова... или смерть!..
Ни слова,—я хочу тебя спасти!..

Моисей.

Какъ?... какъ?...

(Молчаніе. Жидъ въ изумленіи. Испанецъ съ презрѣніемъ глядитъ на него).

Клянусь Ерусалимомъ,
Что онъ не христіанинъ... это вѣрно.

(Надѣваетъ плащъ и шляпу).

Фернандо.

Собака! что сказалъ ты... что сказалъ ты?...
Не смѣй законъ мой поносить при мнѣ...
Пойдемъ. *(Являются издали факелы и люди съ другой стороны).*

Моисей *(тихо про себя).*

Но, если онъ меня предастъ,
Но если онъ...

Фернандо.

Ты видишь факелы,—пойдемъ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Въ домѣ Сорриии; комната, гдѣ онъ угощаетъ бродягъ, чтобъ они ему служили. Нѣсколько испанцевъ сидятъ за двумя столами, кричатъ, смѣются и пьютъ; слуги разносятъ вина.

1-й испанецъ *(бродяга)*.

Да, если инквизиція святая
На тотъ конецъ учреждена была,
Чтобъ насъ кормить, то дай Богъ ей здоровья...
Соррини, впрочемъ, очень добрый малый:
Хотя ханжитъ немного, но съ лѣтами,
Когда придетъ пора разсудка, можно
Надѣяться на исправленье.

2-й испанецъ.

Ты, конечно,
Ослѣпъ, и бѣлое за черное берешь,
Какъ всѣ слѣпые... Ха! ха! ха!... не такъ ли? *(Пьетъ)*.

1-й испанецъ.

Могу завѣрить васъ, друзья мои,
Что молодъ патеръ нашъ не тѣломъ, такъ душой:
Какъ любятъ женщины его понынѣ,
И какъ онъ самъ ихъ любитъ, вопреки закону!

3-й испанецъ.

Онъ женщинами столько же любимъ,
Какъ нами...

1-й испанецъ.

Развѣ ты его не любишь?

3-й испанецъ.

Ну да! когда накормитъ хорошо.
Но, ergo, эта нѣжная любовь
Проходитъ съ голодомъ и жаждой...

4-й испанецъ.

А я готовъ побиться объ закладъ,
Что нашъ Соррини плутни затѣваетъ
Опять. Ужъ эти угощенья не къ добру.
Такъ, помнишь ли, ему хотѣлось,
Чтобъ мы зарѣзали Донъ-Педро
И домъ его сожгли?... Ужъ то то пиршество
Онъ задалъ намъ... Или въ другой разъ,

Предъ тѣмъ, чтобъ намъ велѣть похитить для него
Красавицу бургосскую отъ тетки,—
Вотъ дьявольское было дѣло!—positum:
Теперь онъ также затѣваетъ плутни...

1-й испанецъ.

Эхъ, что намъ въ томъ? вѣдь надо жъ ѣсть и пить!
Притомъ же...
Онъ нашъ заступникъ въ инквизицьи.

3-й испанецъ.

Однако же, не худо бы ему
Своимъ гаремомъ подѣлиться съ нами,
Не то всѣ гуріи завянутъ, или
Имъ будетъ слишкомъ тѣсно, наконецъ.

5-й испанецъ *(за другимъ столомъ).*

Вина! *(Кричитъ).*

Слуга.

Сейчасъ... въ минуту...

5-й испанецъ.

Къ чорту—ждать! Вина!
Будь проклятъ ты съ своимъ Соррини!

Слуга *(подаетъ стаканъ).*

Вотъ вамъ вино.

5-й испанецъ.

Прегадкое, съ водой.
Поди ты къ чорту съ нимъ, ракалья!...

(Бросаетъ стаканъ на полъ и обливаетъ 2-го испанца).

2-й испанецъ *(горячо).*

Послушай! будь впередъ поосторожнѣй:
За это бьютъ у насъ.

5-й испанецъ *(вскочивъ).*

Чего ты хочешь, ты?

2-й испанецъ.

Я говорю, чтобы ты впредь остерегался...
Не то... *(схватываетъ стулъ)* я стуломъ разсчитаюсь...

5-й испанецъ.

Клянуся честью, ты въ живыхъ не будешь!
Я вырву твой языкъ... и псамъ

Рисунокъ М. Ю. Лермонтова.

Голоднымъ на обѣдъ отдамъ! *(Вынимаетъ кинжалъ).*
Ужъ я тебя достану... *(Бросается на него).*

3-й испанецъ.

Погодите! *(Другіе удерживаютъ ихъ).*
Оставь кинжалъ, а ты свой стулъ, и станьте
Какъ должно въ поединкѣ; шпаги выньте,
А секундантовъ будетъ ужъ довольно.
(Они вынимаютъ шпаги и становятся).
Вотъ такъ. Начните! *(Начинаютъ).* Хладнокровнѣй только...
А ты ужъ слишкомъ близко наступаешь...
Зачѣмъ такъ горячишься ты?...

2-й испанецъ *(перестав).*

Я тронулъ.

5-й испанецъ.

Нѣтъ!...

1-й испанецъ.

Смотрите, чтобъ при первой крови кончить.

5-й испанецъ *(нападая).*

Онъ жизнью мнѣ своей заплатитъ!

1-й испанецъ *(четвертому).*

Хоть взбалмошный, зато и храбрый малый...
(2-й испанецъ отступаетъ, тотъ на него нападаетъ, и вдругъ раненъ въ плечо; ихъ разнимаютъ).

3-й испанецъ.

Товарищи, довольно! помиритесь.

4-й испанецъ.

Конечно, миръ за бранью слѣдуетъ всегда.

5-й испанецъ.

Пожалуй, я готовъ... Твоя побѣда.

2-й испанецъ.

Итакъ, мы вновь друзья.

5-й испанецъ.

Когда бъ они меня не удержали,
То я сдержалъ бы обѣщанье—
И, вѣрно бъ, твой языкъ собаки съѣли!

(Входитъ Соррини; они всѣ низко ему кланяются).

Соррини.

Какой я слышалъ шумъ?

5-й испанецъ.

Да мы немножко
Повздорили, почтенный патеръ... но
Все кончилося примиреньемъ... такъ ли? *(Къ другимъ).*

Соррини.

А я пришелъ вамъ дать препорученье:
Столь важнаго давно не исполняли вы...
Вопросъ: вы знаете ли Алвареца?

Всѣ.

Знаемъ.

Соррини.

Есть у него жена...

Всѣ.

Жену?

Соррини.

Нѣтъ, нѣтъ!... не то!...
Я къ ней поддѣлаться хочу, чтобы она
Не помѣшала вамъ похитить дочку;
Она на это, вѣрно, согласится,
Затѣмъ, что если дочери не будетъ,
То ей имѣнье все достанется
По смерти мужа... а его кончины часъ

Она приблизитъ ужъ по-своему.
Но дѣло не о томъ теперь.
У Алвареца есть премиленькая дочь,
И я... но вы ужъ знаете,—зачѣмъ
Старинные уроки повторять?
Она понравилася мнѣ ужасно... я горю
Любовью къ ней... готовъ я всю казну
Мою отдать вамъ... только бъ вы
Эмилію мнѣ привезли! Что только можно:
Ядъ, страхъ, огонь, мольбу употребите,
Убейте мачеху, служителей, отца,
Лишь мнѣ испанку привезите...
И все, все тайно доведите
До этого счастливаго конца...
Тогда, друзья мои... вы не видали
Такого пиршества, какое будетъ.
Но слушайте: я ввѣрилъ тайну вамъ,
Страшитесь измѣнить! О, если
Хоть искра заговора выскочитъ...
То всѣхъ подъ инквизицію отдамъ.

3-й испанецъ.

Я знаю Алвареца, дочь его
И мачеху... но есть еще Фернандо,
Который въ домѣ ихъ воспитанъ...
Онъ молодецъ... Я видѣлъ, какъ въ аренѣ
Предъ нимъ ужасный буйволъ упадалъ.
Его ты не подкупишь... и не такъ то
Легко съ нимъ будетъ справиться.

4-й испанецъ.

Конечно!
Да онъ же и влюбленъ въ Эмилію...

Соррини *(вспоминая).*

Фернандо—кто такое? да... Фернандо...
Знакомо это имя что то мнѣ!...
А!... вотъ судьба!... онъ выгнанъ изъ дому
Два дня тому назадъ безмозглымъ Алварецомъ
За вздоръ какой то... нечего бояться!...
Но... правда... можетъ онъ узнать... предостеречь...
Ну, если эта буйная душа
Испортитъ дѣло все... Нѣтъ!... прежде
Убейте мнѣ его!... найдите, справьтесь...
Какъ вамъ тогда придетъ на умъ...

Потомъ Эмилію похитить можно...
Клянусь... я выдумалъ прекрасно...

Всѣ *(кричатъ)*.

Пожалуй!... какъ ты хочешь, патеръ.

Соррини.

Прощайте! я надѣюся на вашу скромность. *(Половина уходитъ).*
(Про себя.)
Когда ты хочешь непремѣнно,
Чтобъ что-нибудь не сдѣлали иль сдѣлали,
То говори, что ты увѣренъ въ людяхъ,—
И самолюбіе заставитъ ихъ
Исполнить трудное твое желанье.
(Остальная половина уходитъ. Соррини садится въ кресла).
Что значитъ золото? Оно важнѣй людей:
Черезъ него мы можемъ оправдать
И обвинить; черезъ него мы можемъ,
Купивши индульгенцію,
Грѣшить безъ всякихъ дальнихъ опасеній
И, несмотря на то, попасть и въ рай.
И вотъ послѣдній годъ мой ужъ насталъ,
Однако жъ не уйдетъ Эмилія
Изъ рукъ моихъ,—я отомщу ей
За смѣхъ вчерашній; о, повѣрь мнѣ,
Надменная красавица, ты будешь
Стоять передо мною на колѣняхъ,
И плакать, и молить... тогда меня узнаешь...
Не засмѣешься ты, когда скажу,
Что и старикъ любить умѣетъ сильно;
И въ томъ признаешься невольно ты...
Любить!—смѣшно, какъ это слово
Употребляю я съ самимъ собою...
Но я ей отомщу за гордый смѣхъ,
Хотя бъ она была моей послѣдней жертвой...
Послѣдней?... Будто нѣту денегъ у меня,
Чтобы купить еще на десять лѣтъ
И больше отпущеніе грѣховъ?
Грѣховъ! ха! ха! ха!—на что оно годится
Для тѣхъ, которые ему душой не вѣрятъ?
А я и безъ него умѣю обойтиться.
(Входятъ съ радостью толпой испанцы и ведутъ пѣвца съ гитарой).

Испанцы.

Вотъ мы пѣвца поймали на дорогѣ.
Не хочешь ли послушать? Онъ споетъ

Про старину, про гордыхъ нашихъ предковъ.
Не хочешь ли, почтенный патеръ?

Соррини (*поглядывая на пѣвца*).

Благодарю я васъ, друзья мои.
Нейдетъ мнѣ быть свидѣтелемъ мірскихъ веселій
И юности пировъ гремящихъ.
Сѣдинамъ этимъ преклоняться должно въ прахѣ
Передъ Распятымъ, а не украшаться
Вѣнками радости: не пѣть я долженъ, но
Рыдать, моляся за грѣхи свои
И ваши, ибо стадо съ пастыремъ едино.
(*Уходитъ, нагнувшись*).

5-й испанецъ (*въ сторону*).

Что жъ! безъ тебя такъ намъ еще вольнѣе.

3-й испанецъ.

Признаться, я не вѣрю, чтобъ у насъ
У каждаго одни грѣхи съ нимъ были:
Мы дѣлаемъ злодѣйства, чтобы жить,
А онъ живетъ, чтобы злодѣйства дѣлать...

Пѣвецъ.

Что жъ мнѣ вамъ спѣть, ей Богу, я не знаю...

2-й испанецъ.

Ну, полно, братъ, садись и начинай играть,
А пѣсни выльются невольно.
Люблю я пѣсни: въ нихъ такъ живо
Являются душѣ младенческіе дни;
О прошломъ говорятъ краснорѣчиво
И слезы на глаза влекутъ они;
Какъ будто въ нихъ мы можемъ слезы возвратить,
Которыя должны мы были проглотить;
Пусть слезы тѣ въ груди окаменѣли,
Но ихъ одинъ разводитъ звукъ,
Напомнивъ дни, когда мы пѣли
Безъ горькой памяти, безъ ожиданья мукъ.

3-й испанецъ.

Ха! ха! ха! ха! разнѣжился опять...
Опять понесъ ты вздоръ давнишній;
Опять воспоминанья, чортъ бы съ ними...

5-й испанецъ.

Баба!...

4-й испанецъ *(показываетъ на пѣвца)*.

Тсъ, тсъ!

1-й испанецъ.

Онъ начинаетъ! Слушать!...

Баллада.

Гвадьяна бѣжитъ по цвѣтущимъ полямъ,
Въ ней блещутъ вершины церквей;
Но въ прежніе годы невѣрные тамъ
Купали своихъ лошадей.
На томъ берегу,—поклянусь, что не лгу,—
Хранимый рукой христіанъ,
Съ чалмой и крестомъ надъ чугуннымъ столбомъ
Стоитъ превысокій курганъ.
Недалеко отсюда обитель была;
Монахи веселой толпой,
Когда наступала вечерняя мгла,
За пиръ садились ночной.
Вотъ чаши гремятъ... и поютъ, и кричатъ...
И дверь отворяется вдругъ:
Взошелъ сарацинъ, безоруженъ, одинъ,—
И смутился пирующій кругъ.
Невѣрный, склоняясь челомъ, говоритъ:
„Я желаю проститься съ чалмой,
Крестите меня, какъ законъ вашъ велитъ.
Клянуся восточной луной:
Не ложь, не обманъ изъ далекихъ странъ
Привели меня къ вашимъ стѣнамъ;
Я узналъ вашъ законъ, мнѣ понравился онъ:
Я жизнь свою Богу отдамъ".
Но монахи его окружили толпой
И въ сердце вонзили кинжалъ,
И съ золотомъ сняли алмазъ дорогой,
Который на шеѣ сіялъ.
И ругались надъ нимъ со смѣхомъ пустымъ,
Пока день не взошелъ молодой;
И кровавый трупъ на прибрежный уступъ
Былъ брошенъ злодѣйской рукой.
Не прошло трехъ ночей, какъ высокій курганъ
Воздвигся съ крестомъ и чалмой,
И подъ нимъ тотъ пришлецъ изъ восточныхъ странъ
Зарытъ, но не силой земной.
И съ тѣхъ поръ каждый годъ, только мѣсяцъ взойдетъ,
Въ обитель приходитъ мертвецъ;

И монахамъ кричитъ (такъ молва говоритъ),
Чтобъ крестили его, наконецъ...

(Многіе хлопаютъ въ ладоши.)

1-й испанецъ.

Прекрасно! очень хорошо!

Всѣ испанцы.

Благодаримъ.
Не хочешь ли вина, искусный трубадуръ?

(Ему подаютъ, и онъ пьетъ).

Пѣвецъ.

За здравье папы... а потомъ за ваше!

3-й испанецъ.

Товарищи, пойдемте же теперь
Искать свою любезную добычу,
Пойдемте, съ помощью святого Доминика.
Намъ Богъ проститъ... вѣдь надо людямъ жить...

(Уходятъ всѣ съ громкимъ хохотомъ).

СЦЕНА II.

Комната у жида. Богатые ковры вездѣ и сундуки. Тутъ стоитъ на столбикѣ лампа горящая. Въ глубинѣ сцены двѣ жидовки нижутъ жемчугъ. Все богато. Ноэми сидитъ у стола, облокотившись.

Ноэми.

Нѣтъ, не могу работой заниматься;
Шитье въ глазахъ сливается, и пальцы
Дрожатъ, какъ будто бы иголка тяготитъ ихъ.
Молиться я хотѣла, то же все:
Начну лишь... а слова мѣшаются;
То холодъ пробѣжитъ по тѣлу вдругъ,
То жаръ въ лицо ударится порой,
И сердцу такъ неловко, такъ неловко...
И занимаетъ все воображенье
Прекрасный образъ незнакомца,
Который моего отца избавилъ
Отъ гибели вчера. Дай Богъ ему все счастье,
Отнятое у насъ несправедливо...
Какъ будто бы евреи ужъ не люди!
Нашъ родъ древнѣй испанскаго, и ихъ
Пророкъ рожденъ въ Ерусалимѣ.
Смѣшно! они хотятъ, чтобъ мы
Ихъ приняли законъ,—но для чего?

Чтобъ въ гибель повергать другъ друга, какъ они?
Они такъ превозносятъ кротость,
Любовь къ себѣ подобнымъ, милость,
И говорятъ, что въ этомъ ихъ законъ;
Но этого пока мы не видали. *(Молчаніе).*
Однако жъ, есть и между ними люди!
Вотъ, напримѣръ, вчерашній незнакомецъ;
Кто бъ ожидалъ? Какъ жалко, что его
Я не увижу... но отецъ мой
Его такъ живо описалъ, такъ живо...
Высокій станъ и благородный видъ,
И кудри черныя, какъ смоль, и быстрый взоръ,
И голосъ... Но зачѣмъ о немъ я мыслю?
Что пользы?... Ахъ, какой же я ребенокъ! *(Молчаніе).*
Мнѣ скучно, вся душа разстроена,
И для меня суббота поневолѣ
Сегодня... Сердце бьется, бьется,
Какъ птичка, пойманная въ сѣткѣ.
Зачѣмъ нейдетъ отецъ мой? Онъ опять
Злодѣямъ въ руки попадется...
Какъ скучно быть одной весь день.
Все пѣснь одна: низать и распускать свой жемчугъ.
Читать и перечитывать, одѣться
Въ парчу и вновь раздѣться, ѣсть и пить
И спать... Однако жъ, эту ночь
Мой сонъ былъ занимателенъ и страшенъ. *(Молчаніе).*
Что пользы? *(Кличетъ).* Няня! Сарра, Сарра,
Поди ко мнѣ! поди сюда! ну, что же?...

Сарра *(старуха, идетъ).*

Что, милая Ноэми, что тебѣ?
Иль жемчугъ распустила? Но вѣдь я
Стара, мои глаза всю бойкость потеряли;
Тебѣ вредитъ неосторожность,
А мнѣ такъ невозможность; такъ ли?

Ноэми.

Нѣтъ, Сарра, жемчугъ я оставила низать.

Сарра.

Что? аль не нравится? Вотъ я
Въ свои года не тѣмъ была довольна;
А этой молодежи нынѣшней
Все дурно!—Что жъ меня звала ты?

Ноэми.

Такъ!
Мнѣ скучно... я больна...

Сарра.

Больна! ахъ, Боже мой!
Такъ я пошлю скорѣе за врачомъ...
Есть у меня знакомый, преискусный...

Ноэми.

Не надо... Я не то, чтобы больна,
А такъ, не въ духѣ... все нейдетъ на ладъ,
Что ни начну... мнѣ хочется того, чего
Сама опредѣлить не въ силахъ я...
Мнѣ грустно... Разскажи мнѣ сказку
Про старину... садись и разскажи...

Сарра.

Дай мнѣ припомнить, милое дитя...
Вотъ, видишь, память то слаба.
Я столько слышала, видала, испытала,
Что изъ толпы моихъ воспоминаній
Наврядъ одно вполнѣ перескажу.

Ноэми.

Я видѣла сегодняшнюю ночь
Ужасный сонъ, ужасный!... растолкуй мнѣ:
Мнѣ снилось, что приходитъ человѣкъ,
Обрызганный весь кровью, говоря,
Что онъ мой братъ... но я не испугалась,
И стала обмывать потоки крови,
И увидала рану противъ сердца
Глубокую... и онъ сказалъ мнѣ:
„Смотри, я братъ твой"... но, клянуся,
Въ тотъ мигъ онъ былъ мнѣ больше брата;
И я заплакала, и стала умолять
Я Бога, чтобы жизнь его продлилъ.
Но этотъ человѣкъ захохоталъ
И вдругъ воскликнулъ: „перестань молиться!
Я братъ твой! нынѣ братьевъ ненавидятъ...
Оставь меня, прекрасная еврейка:
Я христіанинъ—и не братъ твой;
Я надъ тобой хотѣлъ лишь посмѣяться".
И онъ спѣшилъ уйти... и я схватила
Его широкій плащъ... но что жъ?—въ рукахъ
Остался погребальный саванъ... я проснулась...

Сарра.

Онъ братомъ называлъ себя твоимъ?

Ноэми.

Но это вздоръ: я не имѣла брата
И никогда имѣть не буду...

Сарра.

О, Ноэми!
Не говори... случиться это можетъ.

Ноэми.

Какъ можетъ? Какъ?... Нѣтъ, это невозможно.

Сарра.

Послушай, у тебя былъ братъ;
Онъ старше былъ тебя... Судьбою чудной,
Бѣжа отъ инквизиціи, отецъ твой
Съ покойной матерью его оставили
На мѣстѣ томъ, гдѣ ночевали:
Страхъ помѣшалъ имъ вспомнить это...
Быть можетъ, думали они, что я
Его держала на рукахъ... Съ тѣхъ поръ
Его мы почитали всѣ умершимъ
И для того тебѣ о немъ не говорили:
А, можетъ быть, онъ живъ—какъ знать!
Вѣдь Божья воля неисповѣдима.

Ноэми.

Ахъ, Сарра, Сарра! нѣтъ, онъ умеръ...
Увялъ онъ, какъ трава пустыни, и какъ цвѣтъ
Полей засохнулъ... Такъ, онъ былъ рожденъ для жизни,
Онъ былъ рожденъ, чтобъ быть мнѣ другомъ.
О, Сарра! если умеръ онъ,—какъ счáстливъ,
И какъ должна я плакать о себѣ...
Гонимый всѣми, всѣми презираемъ,
Нашъ родъ скитается по свѣту; родина,
Спокойствіе, жилище наше—все не наше!
Но часъ придетъ, когда и мы возстанемъ...
Такъ говоритъ писанье, такъ я вѣрю.
Зачѣмъ и нѣтъ? Что сдѣлалъ мой отецъ
Симъ кровожаднымъ христіанамъ? Деньги
Имѣетъ онъ и дочь—вотъ все его богатство.
И еслибъ онъ увѣренъ былъ найти
Отчизну и спокойствіе, то, вѣрно бъ,
Свои всѣ деньги отдалъ людямъ,

Которые его понынѣ притѣсняли...
Однако жъ и межъ нихъ есть добрые.

Сарра.

Да, да, вотъ тотъ испанецъ молодой,
Который спасъ намедни Моисея.
Родитель твой хотѣлъ вознаградить
Его звенящимъ кошелькомъ, но онъ
Его ногами истопталъ, сказавъ:
„Собака, жизнь твоя сего не стоитъ!
Я не наемникъ твой!...“ Прости ему, Всевышній,
Подобныя хулы за то,
Что спасъ онъ одного изъ гибнущихъ сыновъ
Израиля.

Ноэми.

Прости ему, Всевышній!...

Сарра *(подходитъ къ окну).*

Какая ночь! въ такую ночь
Я стала жертвою любви... Іосифъ мой!
О, еслибъ ты меня теперь увидѣлъ,
Ты испугался бы. Въ то время я цвѣла;
Мои глаза блистали, какъ алмазы,
И щеки были нѣжны, точно пухъ...
Увы, Ноэми! кто бъ тогда подумалъ,
Что этотъ лобъ морщины исчертятъ,
Что эти косы посѣдѣютъ... То то время!...

Ноэми.

Что мой отецъ нейдетъ?

Сарра.

Чу, вотъ сова кричитъ... ужасный крикъ!
Я не люблю его... во мнѣ всѣ жилы
Кровь оставляетъ при подобномъ крикѣ... *(Стучатъ въ дверь).*
Ахъ, вѣрно, твой отецъ пришелъ!... ну жъ поздно!...

Голосъ.

Скорѣе отоприте! отоприте!

(Служанки, сидѣвшія за шитьемъ, бросаются и отпираютъ: входитъ Моисей, ведетъ Фернандо съ перевязанной рукой; сей сова поетъ.)

Моисей.

Ноэми! Сарра! помогите! помогите!
Измученъ я усталостью и страхомъ...
Онъ истекаетъ кровью... О, проклятье

Злодѣямъ!... Дайте кресло и подушки...
Онъ истекаетъ кровью...

(Даютъ длинную подушку и кладутъ на полъ. Его сажаютъ и поддерживаютъ голову ослабѣвшую.)

Будь Авраамъ свидѣтель... Эта ночь
Ужаснѣй той, когда я сына потерялъ:
Тому я далъ существованье,
А этотъ возвратилъ мнѣ жизнь...
О, Богъ, Богъ іудеевъ, сохрани
Его, хоть онъ не изъ Твоихъ сыновъ!...

Фернандо.

Кто здѣсь моихъ убійцъ такъ проклиналъ?
Зачѣмъ? Они хотѣли сдѣлать мнѣ добро,
Освободить отъ мукъ. Такъ земляки мои
Всегда добро другъ другу дѣлаютъ.
О, перестаньте! *(Какъ отъ сна).* Гдѣ я?... Кто со мной?...
(Поднимаетъ голову). Благодарю того, кто спасъ меня.
Но кто онъ?

Моисей.

Ты спасъ его недавно самъ:
Онъ здѣсь, передъ тобой—еврей, гонимый
Твоимъ народомъ; но ты спасъ меня,
И я тебѣ обязанъ заплатить,
Хоть я въ твоей отчизнѣ презираемъ.
Такъ, дочь моя, вотъ мой спаситель...

Ноэми

(становится на колѣна и цѣлуетъ руку).

Еврейка у тебя цѣлуетъ руку,
Испанецъ...
(Она остается на колѣняхъ и держитъ руку).

Фернандо *(Моисею).*

Что сказалъ ты, иновѣрный?
Отчизна, родина—слова пустыя для меня,
Затѣмъ, что я не вѣдаю цѣны ихъ.
Отечествомъ зовется край, гдѣ наши
Родные, домъ нашъ и друзья;
Но у меня подъ небесами
Нѣтъ ни родныхъ, ни дома, ни друзей...

Ноэми.

Когда ты не нашелъ себѣ друзей
Межъ христіанъ, то между насъ найдешь;
Ты добръ, испанецъ,—небо справедливо!...

Фернандо.

Я былъ добръ...

Моисей *(стоя надъ нимъ).*

Кровь течетъ изъ раны...
Перевяжите... какъ онъ поблѣднѣлъ...

Фернандо.

У волка есть берлога, и гнѣздо у птицы;
Есть у жида пристанище;
И я имѣлъ одно—могилу...
Чудовище, зачѣмъ ты отнялъ у меня
Могилу?... Всѣ старанья ваши—зло!
Спасти отъ смерти человѣка для того,
Чтобъ сдѣлать зло... безумцы!
Прочь!... Пусть течетъ свободно кровь моя,
Пусть веселитъ... О, жалко! нѣтъ монаха здѣсь!...
Одни евреи бѣдные... что нужды?
Они все люди же, а кровь
Пріятна людямъ... Прочь!... *(Срываетъ перевязи).*

Ноэми.

Отецъ мой! *(Въ отчаяніи)*
Онъ сорвалъ перевязку! онъ умретъ!

(Всѣ бросаются опять навязать).

Сарра.

О, какъ онъ ослабѣлъ, несчастный!
Какая блѣдность покрываетъ щеки;
Какъ жалко!...

Фернандо.

Дайте пить мнѣ, я горю...
Языкъ засохъ... скорѣе, ради Бога!

(Сарра уходитъ за питьемъ).

Ноэми.

Испанецъ, успокойся! успокойся!
Ты былъ несчастливъ, это видно,
Хоть молодъ. Я слыхала прежде,
Что если мы страдальцу говоримъ,
Что онъ несчастливъ, то снимаемъ тягость
Съ его души... Ахъ, какъ бы я желала,
Чтобы ты сталъ здоровъ и веселъ!

Фернандо.

И веселъ! *(Стонетъ).*

Ноэми.

Я прошу тебя: подумай,
Что я твоя сестра, что тотъ еврей—отецъ твой;
И воображенiе тебя утѣшитъ:
Оно дано намъ, людямъ, для того,
Испанецъ!

Фернандо.

Дѣвушка, ты дочь его?

Ноэми.

Ты отгадалъ, ты спасъ отца мнѣ!—
И онъ тебя спасетъ. Я заклинаю
Тебя твоимъ закономъ: перестань
Тревожиться печальной думой;
Она вредитъ здоровью твоему,
Разгорячаетъ кровь... *(Сарра приноситъ стаканъ).* На, выпей!

Фернандо.

Благодарю! твои слова напитка лучше...
Когда о мнѣ жалѣетъ женщина,
Я чувствую двойное облегченье...
Послушай: что я сдѣлалъ этимъ людямъ,
Которые меня убить хотѣли?
Что не разбойники они, то это вѣрно:
Они съ меня не сняли ничего
И бросили въ крови вблизи дороги...
О, это все коварство!... я предвижу,
Что это лишь начало... а конецъ...
Конецъ... *(Вздрагиваетъ).* Что вздрогнулъ я? Что бъ ни было,
Я уступлю скорѣй судьбѣ, чѣмъ людямъ...
Оставь меня покуда!

(Она встаетъ и отходитъ, но издали все на него смотритъ).

Сарра *(подходитъ къ Моисею).*

Скажи, молю тебя, какъ ты его нашелъ?
Я это все за сонъ принять готова...

Моисей.

Пошелъ къ раввину я: онъ былъ мнѣ долженъ;
Онъ задержалъ меня часа съ четыре,
Хоть противъ воли; ночь уже была
Темна, и я, въ сапогъ засунувъ
Свой кошелекъ, боясь воровъ, пошелъ
Домой. Луна вставала надъ болотомъ,
И между горъ густой туманъ дымился.
Иду я недалеко ужъ отсюда

Густымъ лѣскомъ и слышу звукъ шаговъ...
Всѣ жилки задрожали у меня,
И я невольно бросился за кустъ...
Сижу, дрожу... Передо мной была поляна,
И мѣсяцъ ударялъ въ нее лучами;
Шесть человѣкъ стояли на полянѣ...
И слышу: „этой самою дорогой
Идти онъ долженъ нынѣ... Ну жъ не знаю,
Какъ выдержитъ кинжалы наши онъ?!
Мнѣ жалко бы его убить до смерти,
Онъ малый славный и къ тому жъ бѣднякъ...
Да дѣлать нечего, когда велѣлъ намъ патеръ
Его отправить въ дальнюю дорогу!...“
Едва окончена была такая рѣчь,
Какъ вдругъ я слышу крикъ и звукъ кинжаловъ...
Онъ долго защищался... наконецъ,
Упалъ, и всѣ они въ минуту разбѣжались,—
Какъ будто мертвый былъ страшнѣй живого...
Когда утихло все, я вышелъ посмотрѣть,
Кто былъ несчастной жертвою злодѣйства.
И что жъ?—мой благодѣтель, мой спаситель!...
Я различилъ черты его при свѣтѣ
Луны... Онъ раненъ былъ легко,
Но, странно, не узналъ меня,
И, будто по природному влеченью,
Всталъ... Я понесъ его... онъ все шепталъ,
Но я не понялъ словъ... потоки крови
Бѣжали на меня... Такъ я принесъ
Несчастнаго сюда... Богъ сдѣлалъ это чудо!...

Сарра.

И точно: это чудо, Моисей!

Ноэми

(которая въ то время опять сѣла у ногъ Фернандо).

Что? Утихаетъ боль твоя или нѣтъ?

Фернандо.

Дай руку мнѣ, о нѣжное созданье!
Какъ обо мнѣ она печется...

Моисей *(Саррѣ).*

Поди, постель ему ты приготовь;
Я тотчасъ самъ приду туда.

Сарра.

Да какъ
Его зовутъ, кто онъ таковъ, нельзя ль узнать? *(Уходитъ).*

Моисей *(подходитъ).*

Позволь, одно я у тебя спрошу:
Кто ты, и какъ тебя зовутъ?

Фернандо.

Когда я жизнь свою подвергнулъ для твоей,
То спрашивалъ ли, какъ тебя зовутъ?... *(Молчаніе).*
Меня зовутъ—Фернандо!
Вотъ все, что я могу сказать; другое
Пусть спитъ въ груди моей, какъ прахъ твоихъ отцовъ
Въ землѣ сырой... Я не скажу—моихъ отцовъ:
Я ни отца, ни матери не знаю...
Но полно, я прошу, не спрашивай меня
Вторично о такихъ вещахъ:
Ты этимъ ни отца, ни матери не дашь мнѣ.

Ноэми.

Я буду для тебя сестрой.

Фернандо.

Ты для меня сестрой не будешь.

Ноэми.

Зачѣмъ же отвергать такъ своенравно
Того, кому ты можешь ввѣрить горесть
Души твоей? Ужель различье вѣры?
Ужели хочешь ты, чтобъ я
Раскаялася въ томъ, что іудейка?...

Фернандо.

Богъ сохрани меня отъ мысли!
Ты—цвѣтъ пустыни, ты—дитя свободы:
Безъ правилъ любишь ты,—испанцы только
Безъ правилъ ненавидятъ ближнихъ.
У нихъ и рай, и адъ—все на вѣсахъ;
И деньги сей земли владѣютъ счастьемъ неба,
И люди заставляютъ демоновъ краснѣть
Коварствомъ и любовью къ злу...
У нихъ отецъ торгуетъ дочерьми,
Жена торгуетъ мужемъ и собою,
Король—народомъ, а народъ—свободой;
У нихъ, чтобъ угодить вельможѣ или

Штурмъ Варшавы въ 1831 г. Картина М. Ю. Лермонтова.

Монаху, можно человѣка
Невиннаго предать кровавой пыткѣ...
И сжечь за слово на кострѣ, и подъ окномъ
Оставить съ голоду погибнуть, для того,
Что нѣтъ креста на шеѣ бѣдняка,—
Есть дѣло добродѣтели великой!
О, Боже, сохрани меня отъ мысли,
Что ты должна принять ихъ предразсудки;
Нѣтъ! вѣрь, что есть на небѣ Богъ—и только!
А самъ я больше этого не вѣрю...
Но между нихъ одно есть существо,
Но между демоновъ одинъ есть ангелъ
Души моей... Но замолчу объ этомъ...

Ноэми.

Ты горячишься,—это увеличитъ
Твое страданье съ болью ранъ твоихъ;
Не хочешь ли чего-нибудь? Усни...
Вотъ мой отецъ придетъ; онъ приготовитъ
Постель твою; всю ночь я просижу
Вблизи тебя... Чего не пожелаешь ты,

Мы все достанемъ, только будь спокоенъ,
Иль кровь опять начнетъ течи изъ ранъ.

Фернандо *(въ сторону).*

Эмилія далёко отъ меня...
О, еслибъ эта милая еврейка
Была Эмилія!... какъ скоро бы всѣ раны
Закрылися, кромѣ одной;
Но рана эта такъ пріятна сердцу...
Эмилія! Эмилія!... быть можетъ,
Умру я здѣсь, далеко отъ тебя,
И ты моей могилы не найдешь,
И отъ послѣдней отъ тебя я буду
Забытъ!... забытъ!...

Моисей.

Усни! постель уже готова.
Эй, Сарра! помоги поднять его.

(Двѣ еврейки, слуга-еврей, Сарра и Моисей подымаютъ слабаго Фернандо и уводятъ. Ноэми одна остается.)

Ноэми.

Проникло сожалѣнье въ грудь мою...
Такъ вотъ кого я такъ желала видѣть,
Не вѣдая желанію причины...
Нѣтъ, нѣтъ! я не спасителя отца
Хотѣла видѣть въ немъ:
Испанецъ молодой, съ осанкой гордой,
Какъ тополь стройный, съ черными глазами,
Съ такими жъ черными кудрями,
Являлся моему воображенью,
И мною овладѣлъ непостижимой силой,
И завладѣлъ моимъ дѣвичьимъ сномъ...
Отецъ мой такъ его подробно описалъ. *(Молчаніе).*
О, какъ судьба людьми играетъ!...
Кто бъ отгадалъ, что этотъ человѣкъ,
Недавно спасшій моего отца,
Сегодня будетъ здѣсь, у насъ, облитый
Своею неповинной кровью,
Измученный, едва не мертвый?
Мнѣ кажется, я чувствую любовь
Къ нему—не сожалѣнье, а любовь.
Какъ это слово звучно въ первый разъ!...
Когда онъ говоритъ, то сердце у меня
Трепещетъ, точно какъ боится,
Чтобъ сердце юноши не перестало биться.
Когда жъ произношу его названье—

Хотя бы въ мысляхъ только я сказала:
„Фернандо!“—то краснѣю, будто бы
Самой себя стыжусь или боюсь...
Чего стыдиться—я не понимаю.
Любви? Всѣ любятъ,—что же тутъ худого?
Такъ точно, ничего худого нѣтъ въ любви;
Къ чему же совѣсть тутъ мѣшается
И будто сердце предостерегаетъ?...
Но какъ же слушаться ея?...
Какъ не любить? Ахъ, безъ любви такъ скучно,
И даже думать не о чемъ! О, Боже,
Храни его! храни обоихъ насъ!
Прости любовь мою!... я не могу иначе!...

(Она стоитъ въ задумчивости).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Въ домѣ Алвареца. Спальня Донны Маріи. Большое зеркало, столъ и стулья. Алварецъ въ креслахъ. Марія передъ зеркаломъ надѣваетъ что то на голову.

Алварецъ.

Желалъ бы я узнать, зачѣмъ сюда
Эмилія здороваться нейдетъ?
Ужъ, вѣрно, плачетъ о своемъ любезномъ
Иль съ цитрою мечтаетъ на балконѣ.
Вотъ дочери! отъ нихъ заботъ гора,
А нѣтъ ни утѣшенья, ни добра.

Донна Марія *(оборачиваясь).*

Какъ думаешь, любезный мой супругъ,
Идетъ ли мнѣ вотъ это ожерелье,
И можно ли такъ показаться въ люди?
Оно не дурно?..

Алварецъ.

Все къ тебѣ идетъ!
И еслибъ ты явилась мнѣ теперь
Въ измаранномъ и самомъ гадкомъ платьѣ,
То—я клянусь мечомъ отцовскимъ—
Любилъ бы я тебя, какъ прежде,
И столько же прекрасна ты бъ казалась
Моимъ глазамъ.

Донна Марія.

Неужли? ахъ, мой милый!.. *(Въ сторону.)*
Онъ думаетъ, что только для него
Я одѣваюсь, какъ прилично мнѣ.
Возможно ль быть самолюбиву такъ,
Возможно ль быть такъ глупу, какъ мужья?..
Да, странно, что такъ много требуютъ отъ насъ;
Ужель мы созданы блистать красой своею
Для одного лишь въ свѣтѣ?

Алварецъ.

Говорилъ я
Тебѣ ужъ о намѣреньи своемъ,
Иль нѣтъ?

Донна Марія.

А что такое?

Алварецъ.

Слушай:
Хочу я замужъ выдать дочь свою,
Боюсь, чтобъ не ушла съ Фернандо;
Женихъ готовъ: богатъ онъ и уменъ...

Донна Марія.

Ахъ, милый другъ, не рано ли?
Нѣтъ, погоди; она такъ молода.

Алварецъ.

Да слушай: вѣдь женихъ то рѣдкій;
Онъ храбръ, въ честяхъ, любезенъ и богатъ...

Донна Марія.

Да хочетъ ли онъ самъ жениться?

Алварецъ.

Я покажу тебѣ письмо его,
Оно вотъ въ этомъ ящикѣ лежало.
(Хочетъ отперетъ ящикъ у стола. Марія смущенная подходитъ. Онъ дергаетъ).
Да что жъ? Онъ запертъ у тебя; дай ключъ...

Донна Марія.

Что хочешь ты?

Алварецъ.

Дай ключъ.

Донна Марія.

Что?

Алварецъ.

Ключъ мнѣ!

Донна Марія.

Ключъ?
Ахъ, Боже мой, я, вѣрно, затеряла...
Да послѣ мы найдемъ...

Алварецъ.

Какъ послѣ? Для чего не тотчасъ?

Донна Марія *(въ сторону)*.

Если онъ увидитъ, я пропала! *(Ему)*.
Да послѣ я найду письмо твое...
Зачѣмъ сердиться изъ пустого,—какъ смѣшно!..

Алварецъ.

И ключъ потерянъ, чортъ возьми! досадно!

Слуга *(входитъ)*.

Ждетъ лошадь у крыльца, и все готово.

Алварецъ.

А я совсѣмъ забылъ, что надо ѣхать;
Прощай, моя Марія! до свиданья! *(Цѣлуетъ и уходитъ)*.

Донна Марія *(одна)*.

Ахъ!.. наконецъ, отъ сердца отлегло!
Переложу въ другое мѣсто я
Подарокъ патера Сорринія съ письмомъ
Его. *(Вынимаетъ ключъ. Изъ стола вынимаетъ ящикъ)*.
Прекрасный жемчугъ, нечего сказать!..
Алмазы въ кольцахъ, точно звѣзды, блещутъ!
За это мнѣ не должно помѣшать
Увезть Эмилію... О, старый сластолюбецъ!
Богатъ ты... оттого твои подарки малы;
Но такъ и быть, согласна я
На предложеніе твое, Соррини...
Эмилія самой мнѣ надоѣла;
Но, впрочемъ, этимъ ей не много зла
Я сдѣлаю... невинной дѣвушкѣ
Пріятно быть любимой старикомъ,
Какъ старой—молодымъ, затѣмъ
Что пылкость одного безчувствіе другого
Обыкновенно замѣняетъ...
Наскучила ужъ мнѣ Эмилія давно;
Покуда здѣсь она, боюсь

Я пригласить къ себѣ кого-нибудь,
И хорошо, что патеръ захотѣлъ
Избавить отъ нея; и жалко только,
Что мужа моего увезть никто не хочетъ...

(Смотритъ на ящикъ Соррини).

Какое множество природныхъ недостатковъ
Покроютъ эти малые алмазы,
Какъ много тѣней въ блескѣ ихъ потонетъ...
И за подобное благодѣянье
Мнѣ не пожертвовать безсмысленной дѣвчонкой,
Которая ребяческой любовью
Вскружила голову свою? ха! ха! ха! ха!

(Смотритъ письмо Соррини, которое было въ ящикѣ).

Мой мужъ, я думаю, уѣхалъ и надолго,
И нынче нашъ монахъ пришлетъ людей,
Которымъ и вручу подарокъ свой.
А для меня же лучше, чтобъ Соррини
Ее имѣлъ, чѣмъ мужъ законный:
Алмазы, жемчугъ градомъ на меня
Посыплются, и я поѣду въ городъ,
И удивленье поразитъ моихъ соперницъ,
Когда явлюсь въ арену; я сто глазъ
У нихъ украду силой красоты!
Никто не отгадаетъ, что сей жемчугъ
Цѣною слезъ невинныхъ купленъ...
Но я придумала: въ Мадридъ отправлюсь,
Тамъ получу прощеніе грѣховъ,—
И совѣсть успокоится моя.

(Ставитъ ящикъ съ жемчугомъ на кровать и оборачивается. Эмилія входитъ блѣдная, въ черномъ платьѣ, въ черномъ покрывалѣ и съ крестикомъ на груди своей).

Донна Марія.

Здорова ли, моя Эмилія?
Какъ ты спала?..

Эмилія.

Благодарю васъ;
Спросите лучше, какъ я не спала:
Ужъ сонъ давно бѣжитъ моихъ рѣсницъ...
Съ тѣхъ поръ...

Донна Марія.

О, знаю, знаю, милый другъ!
Я чувствую вполнѣ твое несчастье,
И все бы отдала, чтобы помочь тебѣ.
Клянусь душой!

Эмилія *(съ нѣжнымъ упрекомъ).*

Итакъ, одно лишь слово
Всего дороже было вамъ.

Донна Марія.

Ты мнѣ простишь:
Не знала я, что любишь ты такъ сильно,
И только остеречь тебя желала;
Но нынѣ я ошибку ту заглажу.

Эмилія.

Одинъ Спаситель мертвыхъ воскрешалъ.

Донна Марія.

Зачѣмъ ты такъ блѣдна, и въ черномъ платьѣ,
И въ черномъ покрывалѣ?

Эмилія.

Я слыхала,
Что черный цвѣтъ—печали цвѣтъ.

Донна Марія *(беретъ ее за руку).*

О, не грусти, я все поправлю.

Эмилія.

Что отнялъ Богъ, того не отдадутъ
Намъ люди. А что люди взяли,
То можетъ возвратить одна могила.

Донна Марія.

Ты отъ Фернандо это слышала, навѣрно?
О, памятлива ты! *(Эмилія отворачивается).* Но успокойся!
Тотъ, кто достоинъ былъ воспоминанья,
Тотъ и тебя достоинъ; испытанья
Пройдутъ. И я тебѣ клянусь,
Что упрошу жестокаго отца:
Позволитъ онъ соединиться вамъ,
И счастіе опять украситъ
Твои ланиты пламеннымъ румянцемъ.
Не плачь, не плачь! не все гроза бушуетъ,
Проглянетъ солнце, и цвѣтокъ, измятый
Порывомъ вѣтра, встанетъ обогрѣться...

Эмилія.

Не смѣйтесь надъ несчастьемъ, чтобы вамъ
Не заплатило небо тѣмъ же.

Донна Марія.

Боже,
Храни меня смѣяться надъ тобой!
Я говорю, что скоро твой любезный
Фернандо будетъ мужъ твой.
Повѣрь: мои старанья совершатъ
Блаженство то, къ которому такъ сильно
Стремишься ты ребяческою мыслью.

Эмилія

(съ рыданіемъ бросается къ ногамъ Маріи, обнимаетъ колѣна).

Я не ищу блаженства—нѣтъ его,
Нѣтъ въ свѣтѣ ничего,—Фернандо умеръ!
Онъ умеръ... умеръ... онъ погибъ навѣки...
О, плачьте обо мнѣ, всѣ люди, всѣ созданья,
Всѣ плачьте; если ваши слезы
Сравняются когда-нибудь съ моими,
Мой стонъ могилу потрясетъ. О, плачьте!..
Онъ умеръ... онъ погибъ на-вѣки!..

Донна Марія.

О, поднимись! ты бредишь, ангелъ мой,
Встань, встань.

Эмилія.

(Все на колѣнахъ, поднявъ голову).

Исполни просьбу сироты.

Донна Марія.

Исполню, все исполню, только встань
И отдохни,—встревожилась ты слишкомъ.

Эмилія *(встаетъ).*

Такъ выслушай, о чемъ прошу тебя. *(Цѣлуетъ руку).*
Когда прощались мы въ послѣдній разъ,
Въ ту ночь, онъ мнѣ сказалъ: „иди
Скорѣе въ монастырь, иди въ обитель,
Сокрой отъ свѣта добродѣтель сердца“...
Молю тебя, молю тебя, какъ нищій,
Не помѣшай уйти мнѣ въ монастырь
Сегодня... Помоги мнѣ, заклинаю,—
Тебѣ заплатитъ Тотъ, Кто всѣмъ заплатитъ!

(Кинула умоляющій взглядъ на Донну Марію).

Фернандо умеръ! я хочу исполнить
Его желанье... онъ меня любилъ. *(Молчаніе).*

Донна Марія.

Но если онъ не умеръ, если
Тебя пустые обманули слухи?..
Но если станетъ онъ искать тебя,
Чтобъ къ алтарю вести невѣстою своей,
И вдругъ увидитъ въ черномъ покрывалѣ
Въ ряду монахинь,—что съ нимъ будетъ?
Ужели ты о немъ не пожалѣешь?
Не пожалѣешь ты о счастіи,
Котораго бъ могла дождаться?..
Какая слабость! гдѣ твое терпѣнье?..

Эмилія.

Мое терпѣнье? *(Поднимаетъ глаза къ небу).*

(Тихо въ сторону).

Онъ былъ живъ, и я
Терпѣла!

Донна Марія.

Выкинь изъ ума
Твой глупый замыселъ. Повѣрь мнѣ,
Пустые слухи обманули
Тебя... повѣрь мнѣ... я ужъ знаю,
Что говорю.

Эмилія *(съ укоризной).*

Его не воскресить вамъ,
Вы не имѣете подобнаго искусства.
Я васъ просила объ одномъ,—вы не хотѣли
Исполнить просьбы самой униженной...

(Хочетъ уйти, Донна Марія удерживаетъ ее).

Донна Марія.

Такъ слушай же: вчера бродила я
Въ саду, и подъ вечеръ зашла я въ рощу;
Вдругъ вижу, человѣкъ ко мнѣ подходитъ,—
Онъ издали все слѣдовалъ за мною.
То былъ Фернандо... Онъ упалъ къ моимъ ногамъ,
Онъ плакалъ, обнималъ мои колѣна
И сдѣлалъ то, что обѣщалась я
Составить ваше счастье. Твой отецъ
Уѣхалъ на два дня; межъ тѣмъ
Вы можете видаться, и потомъ
Къ ногамъ родителя вы упадете,
И я соединю свои моленья...

Эмилія.

О, это слишкомъ! Я не вѣрю...

Донна Марія.

Клянусь тебѣ, что живъ онъ,—и увидишь
Его ты скоро... что съ тобой?

Эмилія.

Мнѣ дурно!
О, Боже!.. голова кружится... кто бъ подумалъ?
(Упадаетъ въ слабости на стулъ).

Донна Марія.

Какое дѣтство! что съ тобой?.. Скрѣпись!.. *(Въ сторону).*
Я заманю голубку въ сѣти,
Я поведу на тайное свиданье;
Тамъ будетъ шайка дожидаться, вѣрно,
И тутъ же схватятъ и умчатъ ее.
Благодари мой умъ, Соррини,—онъ искусенъ!

Эмилія *(встаетъ).*

Нѣтъ! ничего, простительная слабость!..
Такъ тяжело я мучилась, что счастье
Мнѣ тяжело... Онъ живъ! о, Боже!
Прости мой ропотъ!.. какъ я легковѣрна:
Служанка мнѣ сказала, и я тотчасъ
Повѣрила обманчивымъ разсказамъ!
О! видно, что печаль родня намъ, людямъ,
Когда мы ей скорѣй веселья вѣримъ. *(Маріи).*
Благодарю васъ... мой укоръ напрасный
Васъ огорчилъ... простите вы меня!
Я слишкомъ мучилась... Скажите:
Гдѣ я съ нимъ встрѣчусь?

Донна Марія.

Сегодня мы пойдемъ въ густую рощу;
Тамъ на полянѣ есть высокій дубъ
Съ дерновою скамьей, и тамъ увидишь ты
Фернандо... Не счастлива ли ты
Одной надеждой? для чего
Смущала такъ предчувствіемъ себя?
Повѣрь, невинную любовь
Хранятъ святые ангелы, какъ стражи!
Дитя, дитя!—и вотъ вся горесть
Разсѣялась, и въ монастырь не хочешь!..
Но не стыдись ребячествомъ своимъ:

Рисунокъ М. Ю. Лермонтова.

Оно есть добродѣтель, потому
Что, какъ все доброе, не долговѣчно.

Эмилія.

И я его увижу? Онъ не умеръ?

Донна Марія.

Увидишь, и повѣришь мнѣ совсѣмъ.

(Эмилія устремляетъ на Марію взоръ, хочетъ что то сказать, но волненіе мѣшаетъ ей. Она цѣлуетъ крѣпко мачехѣ руку и, закрывъ лицо, убѣгаетъ).

Донна Марія *(глядитъ вслѣдъ).*

Ступай, ступай,—и жди спокойно
Свиданья, вмѣсто гибели своей;
Ступай, тебя старикъ излѣчитъ скоро
Отъ бредней пламенной любви.
Поплачешь ты, потрусишь ты, пожмешься,
Поморщишься, но наслажденье
Прогонитъ ужасъ; послѣ все пройдетъ!..
Создатель мой! ужели точно
Мое такъ дурно предпріятье, что сама
Я это чувствую? Что жъ тутъ худого?
Она счастливѣй будетъ у Соррини,
Чѣмъ здѣсь; когда она ему наскучитъ,
Съ приданымъ выдастъ замужъ онъ ее.

Быть можетъ, такъ случится, что Фернандо
Получитъ руку бѣдной дѣвы...
Но, что бы ни было, я все избавлюсь
Отъ любопытныхъ глазъ, и мой любимецъ
Безстрашнѣй будетъ навѣщать меня...
Такъ все взаимно въ этомъ свѣтѣ:
Соррини благодаренъ мнѣ, а я ему... *(Уходитъ).*

СЦЕНА II.

Въ горахъ, передъ жилищемъ Моисея. Дикое мѣстоположеніе. Скамья направо подъ большимъ дубомъ, возлѣ коего сдѣлано въ родѣ бѣлой палатки, гдѣ сидятъ служанки и слуги жида и работаютъ и поютъ свою печальную пѣсню.

Еврейская мелодія.

I.

Плачь, Израиль! о, плачь!—твой Солимъ опустѣлъ!...
Начужѣ въ раздольи печально житье;
Но сыны твои взяты не въ пышный предѣлъ:
Въ пустыняхъ разсѣяно племя твое.

II.

О родинѣ можно ль не помнить своей?
Но когда ужъ нельзя воротиться назадъ,
Не пойте! досадные звуки цѣпей
Свободы веселую пѣснь заглушатъ.

III.

Изгнанники, пепломъ посыпьте чело,
И молитесь вы ночью при хладной лунѣ,
Чтобъ стенанье израильтянъ тронуть могло
Того, кто явился къ пророку въ огнѣ.

IV.

Тому только можно Сіонъ вамъ отдать,
Привесть васъ на землю ливанскихъ холмовъ,
Кто можетъ утѣшить скорбящую мать,
Когда сынъ ея палъ подъ мечами враговъ.

Фернандо *(медленно входитъ).*

Что золото? Какая это вещь,
Когда оно могло бъ составить счастье
Мое?... Металлъ, какъ и другой!
Или далъ Богъ ему такое право,
Какимъ лишь рѣдко люди обладаютъ?...

(Опять начинаютъ пѣть).

Какой печальный голосъ! Эти люди
Поютъ о родинѣ далеко отъ нея,
А я въ моемъ отечествѣ не знаю,
Что значитъ это сладкое названье...
Я въ мірѣ не имѣю ничего почти,
А все желалъ бы больше,—но зачѣмъ?...
Чтобъ новыми желаньями томить
Себя? чтобы опять ловить мечты?
Нѣтъ! пусть останусь я, каковъ теперь;
Пусть никогда не буду счастливъ, чтобъ
Не сдѣлаться похожимъ на другихъ...
Въ страданьяхъ жизнь—я въ нихъ живу, я къ нимъ привыкъ.
Никто ихъ не раздѣлитъ... И тѣмъ лучше
Для тѣхъ людей, которые бъ хотѣли
Ихъ раздѣлить... *(Ноэми входитъ).* Гдѣ твой отецъ?

Ноэми.

Ушелъ
По дѣлу онъ... на что тебѣ отецъ мой?

Фернандо.

Хотѣлъ бы я благодарить его...
Онъ спасъ мнѣ жизнь,—и я его стараньемъ
Теперь здоровъ, какъ прежде.

Ноэми *(быстро).*

Ты здоровъ?...

Фернандо.

Да, я здоровъ, какъ человѣкъ, который
Такъ часто боленъ былъ, что старую болѣзнь
Болѣзнью не считаетъ...

(Садится на скамью. Она возлѣ него).

Ноэми.

Ты долженъ долѣе у насъ остаться.
Повѣрь, не вовсе залѣчились раны
Твои... и чѣмъ тебѣ здѣсь худо?...
Останься здѣсь еще; ты самъ вѣдь говорилъ,
Что у тебя пристанища нѣтъ въ свѣтѣ...
Ты, вѣрно, здѣсь останешься, испанецъ?...

Фернандо.

Нѣтъ!...
Я не хочу обременять васъ больше
Моимъ присутствіемъ, мнѣ надо...

Ноэми.

Ужъ благодарность тяготитъ
Тебя?... Я этому не вѣрю.
Не говорилъ отецъ мой такъ,
Когда отъ гибели его ты самъ избавилъ...

Фернандо.

Я разъ ужъ былъ неблагодарнымъ, и боюсь
Вторично быть такимъ; но, впрочемъ,
Я не могу остаться здѣсь никакъ,
Я не могу... не долженъ... не хочу!...

Ноэми *(въ сторону вставъ).*

Итакъ, намъ разлучиться должно;
Итакъ, моя любовь... О сжалься, небо! *(Ему).*
Послушай: я твои лѣчила раны,
Моя рука была въ крови твоей,
Я надъ тобой сидѣла ночи, я старалась
Всѣмъ, чѣмъ могла, смягчить ту злую боль;
Старалась, какъ раба, чтобъ даже
Малѣйшій стукъ тебя не потревожилъ...
Послушай, я за всѣ мои старанья
Прошу одной, одной награды...
Она тебѣ не стоитъ ничего,
Исполни жъ эту малую награду—
Останься здѣсь еще недѣлю...

Фернандо.

Не искушай меня лукавой рѣчью:
Я ужъ сказалъ, что не могу: мнѣ должно прочь! *(Сильно).*
Ты хочешь знать, зачѣмъ?

(Показывая ей портретъ Эмиліи).

О! на, взгляни сюда!...

(Она отворачивается, взглянувъ, и закрываетъ лицо).

Вотъ женщина! она не можетъ видѣть
Лица, которое не уступаетъ
Ей въ красотѣ... *(Молчаніе).* Такъ! такъ! я долженъ къ ней.
Съ опасностію жизни я увижу
Эмилію! *(Ей).* Гдѣ твой отецъ?

(Подходитъ и видитъ, что она плачетъ).

О чемъ ты плачешь?

Ноэми.

Не думала я плакать!

Фернандо.

Стало быть,
Ты плакала не думавши. Скажи,
О чемъ?... скажи, не я ль виновенъ въ томъ?
Остаткомъ горькихъ слезъ, въ груди моей
Хранящихся, я выкуплю твои.
Въ лѣта надеждъ не прячутъ слезъ... о чемъ ты плачешь?...

Ноэми.

О томъ, чего ты дать не можешь мнѣ;
О внутреннемъ спокойствіи...

Фернандо.

Какъ рано
Его ты потеряла, если правда,
Что говоришь...

Ноэми *(въ сторону).*

Скажу ему, что онъ
Въ томъ виноватъ; скажу, что я его
Люблю—и упаду въ его объятья;
Онъ не погубитъ, онъ великодушенъ...
Но что хотѣла я? Другая ужъ владѣетъ
Душой Фернандо... Что хотѣла я?
Но нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—она любить не можетъ,
Какъ я: она не обтирала крови
Съ его глубокихъ ранъ, она не просидѣла
У ногъ его ни ночи, трепеща,
Чтобы желанный сонъ не превратился
Въ сонъ безпробудный! нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!...
Она любить его, какъ я, не можетъ!...

(Входитъ Моисей. Ноэми примѣчаетъ его, идетъ медленно навстрѣчу. Онъ ее обнимаетъ).

Моисей *(печально).*

Ну, дочь моя, скажу тебѣ я новость...
Сегодня...

Фернандо *(подходитъ).*

Моисей! благодарю тебя
За попеченія твои...

(Протягиваетъ руку. Моисей медлитъ).

Дай руку;
Не думай, что боюсь я оскверниться,
Не почитай Фернандо за глупца:
Ты человѣкъ... и ты мой благодѣтель.

Благодарю... я ухожу отсюда...

Моисей.

Такъ скоро? Какъ?

Фернандо.

Не возражай, еврей!
Я до тебя имѣю просьбу... лишь одну,
Одну: дай мнѣ червонцевъ пять взаймы.
Я знаю, что жиды всѣ деньги любятъ,
И христіанамъ не ввѣряютъ ихъ,
И въ этомъ правы. Но меня ты знаешь!
Я преступленіе свершу,—но все отдамъ
Твои червонцы... вотъ вся просьба.

Моисей.

Куда жъ ты хочешь? Для чего идешь?

Фернандо.

Недалеко живетъ отсюда
Донъ Алварецъ; въ его саду когда то
Мы встрѣтились съ тобою. Я къ нему
Хочу идти просить гостепріимства.
Я былъ воспитанъ тамъ отъ юныхъ лѣтъ.
Но здѣсь мнѣ оставаться невозможно,
На это есть причины... Я клянусь,
Что возвращу тебѣ червонцы...
Ты знаешь, въ свѣтѣ деньги нужны,
Чтобы исполнить предпріятье.
И въ случаѣ, что онъ меня не приметъ
Въ свой домъ...

Моисей *(съ удивленіемъ)*.

Донъ Алварецъ! Донъ Алварецъ!...
Ахъ, Боже мой! тотъ бѣденъ, кто постигнутъ
Твоимъ палящимъ гнѣвомъ... У меня
Есть дочь... я понимаю это горе...
Невѣроятно... страшно!

Фернандо.

Что случилось?

Моисей

Несчастіе большое... Ахъ, злодѣй,
Злодѣи!... адъ не такъ искусенъ...
Мнѣ нынче самовидецъ разсказалъ...

Фернандо.

Зловѣщій воронъ! *(Въ сильномъ движеніи)*.

Моисей.

Ада мало имъ...
Такого ангела... вотъ вы услышите!
Горою встанетъ волосъ вашъ, не слезы—камни
Уроните изъ глазъ вы... вотъ испанцы!
(Къ Фернандо).
Вотъ ваша инквизиція святая!...
Теперь не смѣйте презирать евреевъ!

Фернандо.

Зловѣщій воронъ!... что такое?
Сейчасъ скажи! гранитнымъ этимъ небомъ
Клянусь, клянусь твоимъ закономъ, я, какъ тигръ,
Тебя на части раздеру...

(Еврей въ изумленіи. Фернандо хватаетъ его за руку; тише, дрожащимъ голосомъ).

Ты видишь,
Я ума лишаюсь!... Человѣкъ!...
Молю тебя, скажи мнѣ, что случилось?...

Ноэми.

Какъ онъ дрожитъ... отецъ мой, говори
Скорѣй... взгляни, какая блѣдность!...

Моисей.

У дона Алвареца дочь была!

Фернандо *(вскрикнувъ).*

Была!... *(Молчаніе).* Я твердъ, не бойся продолжать:
Какая мнѣ нужда до этой дочери,
И мало ль дочерей на свѣтѣ... *(Принужденно).* Ха! ха! ха!...
Я твердъ!...

Моисей.

Еврей знакомый разсказалъ мнѣ
Печальный случай... (Онъ подслушать гдѣ то
Умѣлъ злодѣевъ). Есть доминиканецъ
Иль езуитъ, по-вашему,—не знаю,
По имени Соррини... и хоть старъ,
Онъ любитъ женщинъ. Подкупивъ злодѣевъ,
Онъ имъ велѣлъ похитить непремѣнно
Дочь Алвареца... Нынче жертву
Негодные на гибель повлекли.
Не понимаю только, какъ могли
Они успѣть въ своемъ ужасномъ дѣлѣ...
Отца то дома не было, я слышалъ.
Погибнетъ дѣвушка... А жалко! жалко!

Я четверть бы имѣнья тотчасъ далъ,
Чтобы ее спасти... но врядъ ли можно.

(Фернандо хочетъ что то сказать, поднимаетъ руки, вдругъ съ невольнымъ стономъ опускаетъ и быстрыми шагами съ отчаяньемъ уходитъ въ горы).

Моисей *(пораженный)*.

Куда?... Куда?... Остановите, удержите
Его!... Онъ въ бѣшенствѣ!...

Ноэми *(смотритъ вслѣдъ)*.

Взгляни, вотъ онъ вбѣжалъ
Ужъ на гору... бѣжитъ... остановился...
Надъ самой пропастью... онъ упадетъ... но нѣтъ!...
Идетъ сюда... *(Бросается отцу на шею)*.
Зачѣмъ, зачѣмъ, отецъ мой,
Сказалъ ему ты эту новость?

Моисей.

Дочь моя,
Все воля Божія! никто изъ насъ не можетъ
Противостать ей. Тотъ, Кто сотворилъ насъ,
Имѣетъ право съ нами поступать,
Какъ хочетъ...

Ноэми.

Для чего жъ Онъ далъ намъ душу?
Зачѣмъ способность далъ любить, страдать,
Когда Онъ вѣрно зналъ, что муки есть
Неизлѣчимыя, что можно обмануть
Любовь?... Зачѣмъ насъ Богъ оставилъ?.

(Она уходитъ).

(Фернандо возвращается).

Фернандо *(подходитъ)*.

Ты думалъ, я запла̀чу, старый!
Ты этого хотѣлъ,—но женская печаль
Не устыдитъ моихъ ланитъ! Безчеловѣчный!
Я отомщу... чтобъ цѣлый міръ... я то свершу,
Что, я не знаю самъ еще, но землю
Мой подвигъ испугаетъ... Ты подумалъ,
Что... я запла̀чу? Нѣтъ! клянусь:
Скорѣе разорвется это сердце,
Чѣмъ я запла̀чу...

Моисей *(беретъ его за руку)*.

Успокойся! объясни мнѣ
Твое отчаянье... не сожалѣнье
Одно...

Фернандо.

Старикъ, старикъ!... ты жилъ покойно,
Не зналъ страстей... во мнѣ онѣ кипѣли
Сильнѣй, чѣмъ всѣ земныя бури. О! проклятье
Тому, кто далъ мнѣ жизнь! Несправедливый Богъ!
Зачѣмъ казнить меня черезъ другихъ,
И ангела губить, чтобъ наказать безумца
Ничтожнаго? Иль также въ небесахъ
Есть пытки?... Я терпѣлъ—и полно мнѣ терпѣть!
Повиновался я судьбѣ довольно...
Я могъ быть счàстливымъ!... довольно,
Довольно!... никогда не буду счàстливъ...
Отнынѣ отдаюся мести,
Союзъ съ землей и небомъ разрываю...
Старикъ, дай денегъ!... съ этимъ я прорвусь
Въ его жилище.

Моисей *(даетъ денегъ).*

Вотъ! возьми!

Фернандо.

Эмилія—моя!
Живая или мертвая—моя!...
Въ безчестьи иль невинная—моя!
О! какъ я отомщу... Прощай, отецъ...
Я своего не знаю. *(Обнимаетъ его крѣпко).* Мстить прекрасно...
Благослови меня!... иду на смерть... прощай! *(Уходитъ).*

Моисей *(поднимаетъ руки).*

Услыши, Богъ, молитву іудея,—
Храни его отъ преступленья!
Ты можешь удержать порывъ страстей,
Вселить покорность, вѣру такъ легко,
Какъ усмиряешь вихри горъ... Ты—Богъ
Израиля! Ты—Богъ Ерусалима!... *(Уходитъ).*

СЦЕНА III.

Комната въ домѣ у жида, какъ во 2-мъ дѣйствіи.

Ноэми *(за нею Сарра).*

Не утѣшай меня! не утѣшай меня!
Злой духъ меня сгубилъ! онъ предвѣщалъ
Мнѣ радость и любовь,—любовь онъ далъ,
А радость онъ похоронилъ навѣки.
Теперь мы больше не увидимся съ Фернандо;
И я могу открыто плакать,
Закона не боясь. О, я люблю
Его, какъ Бога—онъ одинъ мой Богъ!

И небо запретить любить его не можетъ.
Меня не понялъ онъ, другую любитъ,
Другую, слышишь ли—другую!... я умру!
Не утѣшай меня! не утѣшай меня! *(Ломаетъ руки)*.

Сарра.

Съ тобою плакать вмѣстѣ я хочу,
Когда тебя нельзя утѣшить...

Ноэми.

Плакать!
Тебѣ ль со мною плакать?... Любила ль ты,
Какъ я?... Любила ль чужеземца,
Любила ль христіанина, была ли
Имъ презрѣна, какъ я?... Ахъ, Сарра, Сарра!
Мое блаженство кончилось надолго!
И вотъ плоды моихъ надеждъ, мечтаній,
Плоды недоспанныхъ ночей и безпокойствъ...
О, сжалься надо мною, небо!
Скорѣй въ сырую землю; поскорѣй,
Покуда я себя роптаньемъ не лишила
Спокойствія и тамъ.

Сарра.

Старайся
Разсѣяться! въ твои лѣта позабываютъ
И самую жестокую печаль.
Вотъ твой отецъ придетъ: теперь
Съ раввиномъ онъ бесѣдуетъ
О чемъ то занимательномъ и важномъ.
Онъ новостью тебя займетъ.

Ноэми.

Я проклинаю
Всѣ эти новости: одна ужъ
Меня лишила счастья... а другая
Мнѣ не отдастъ его.—Ахъ, Сарра!
Все кончено! все кончено! *(Моисей вбѣгаетъ, какъ бѣшеный)*.

Моисей.

Дочь! дочь! дочь! онъ нашелся!
Зачѣмъ теперь? Зачѣмъ такъ поздно онъ нашелся?
Твой братъ... мой сынъ!... сынъ!... я не зналъ...
Жестокій случай! такъ... я не прижалъ
Его къ груди, и не прижму... найденъ
И въ тотъ же мигъ потерянъ... О, судьба!
Земля и небо, вѣтры, бури, громъ,

Рисунокъ М. Ю. Лермонтова.

Куда вы сына унесли? Зачѣмъ отдать,
Чтобы отнять... и христіанинъ!...
Возможно ли? Мой сынъ... я чувствовалъ,
Что кровь его—моя... я чувствовалъ,
Что онъ родной мой... О, Израиль,
Израиль!... ты скитаться долженъ въ мірѣ,
Тебя преслѣдуютъ стихіи даже...
И Богъ твой отъ тебя отворотился!
Мой сынъ! мой сынъ!

Сарра.

Гдѣ жъ онъ? Зачѣмъ не здѣсь?
Кто жъ онъ... и кто сказалъ... что сынъ твой?

Моисей.

О, горе! горе! горе намъ! онъ здѣсь былъ.
Раввинъ принесъ мнѣ доказательства... я вѣрю,
Что онъ мой сынъ! я спасъ... онъ спасъ меня...
И онъ погибнуть долженъ... не спастись
Ему вторично отъ руки злодѣевъ...
Ноэми! горе, горе для тебя!
Фернандо—братъ твой!
Испанецъ—братъ твой!

Онъ гибнетъ; онъ родился, чтобъ погибнуть
Для насъ!... онъ христіанинъ!... онъ твой братъ!

(Ноэми упадаетъ безъ чувствъ на полъ. Сарра спѣшитъ къ ней).

Пускай умретъ и дочь и я!... у Бога
Моихъ отцовъ нѣтъ жалости... Мой сынъ! мой сынъ!...

(Ломаетъ руки и стоитъ недвиженъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Въ домѣ Соррини. На столѣ бумаги и книги и песочные часы.

Соррини *(входитъ).*

Сегодня, можетъ быть, увижу я
Мою красавицу. Мою! зачѣмъ же нѣтъ?
Она моя,—такъ вѣрно, какъ я плутъ.
Когда я самъ съ собою, то никакъ
Себя я не щажу. Зачѣмъ? я плутъ,
Я это знаю самъ, зачѣмъ скрываться
Передъ собой? Я плутъ, но умный плутъ.
Да, впрочемъ, я не вижу тутъ худого:
Я сотворенъ, чтобъ жить и наслаждаться,
И всѣми средствами я долженъ достигать
Предположѐнной цѣли. Я достигъ—
И умный человѣкъ, не удалось—глупецъ!
Такъ судятъ люди, большей частью.
Великій инквизиторъ обѣщалъ
У нашего отца святого выпросить
Мнѣ шапку кардинала, если я
Явлюсь ея достойнымъ, то есть,—
Обманывать и лицемѣрить научусь.
О, это важная наука въ мірѣ,—
Наука женщинъ! съ нею прямо въ папы!
И этому есть доказательства у насъ. *(Молчаніе).*
Въ кровавый путь отправленъ ужъ Фернандо...
Одинъ лишь Алварецъ,—да этотъ плохъ!
О, бѣдная Эмилія, давно ли
Сказала ты, что старику смѣшно
Любить и невозможно?... Но сегодня
Ты мысли перемѣнишь... *(Садится).* Говорятъ,
Что женщины должны быть неприступны
Для нашего сословья, что законъ велитъ...

Ужель законъ въ сей толстой книгѣ
Сильнѣй закона вѣчнаго природы?
Безумецъ тотъ, кто думалъ удержать
Ничтожнымъ правиломъ, постановленьемъ
Движеніе природы человѣка;
Онъ этимъ увеличилъ грѣхъ—и только;
Далъ лишній совѣсти урокъ, и между тѣмъ
Желаніе усилилъ запрещеньемъ.
Постриженъ былъ насильно я въ монахи,
Почти насильно (въ пылкой юности
Не можемъ понимать мы важной пользы);
Пускай, пускай они за все отвѣтятъ,
Что сдѣлалъ я, пускай въ аду горятъ
Они... Но что такое адъ и рай,
Когда металлъ, въ землѣ отрытый, можетъ
Спасти отъ перваго, купить другой?
Не для толпы ль довѣрчивой, слѣпой
Сочинена такая сказка? Я увѣренъ,
Что проповѣдники о раѣ и объ адѣ
Не вѣрятъ ни въ награды рая,
Ни въ тяжкія страданья преисподней.
Да, впрочемъ, добрый смыслъ велитъ не вѣрить,
Что души будетъ вѣчный жечь огонь,
Что черти за ноги повѣсятъ тѣхъ,
Которые ни рукъ, ни ногъ имѣть не будутъ.

(Беретъ книгу, перо и бумагу).

Займусь! *(Кладетъ).* Нѣтъ, что то я не въ духѣ!
Кто бы повѣрилъ, что въ мои лѣта
Хорошенькой дѣвчонки ожиданье
Могло смущать, тревожить, безпокоить?
Я все не понимаю, для чего
Мнѣ не годится женщину любить:
Какъ будто бы монахъ не человѣкъ? *(Смотритъ на часы).*
Часы бѣгутъ—и съ ними время, вѣчность,
Коль есть она, все ближе къ намъ, и жизнь,
Какъ дерево отъ путника, уходитъ.
Я жилъ.—Зачѣмъ я жилъ?—Ужели нуженъ
Я Богу, чтобъ пренебрегать законъ?
Ужели безъ меня другой бы не нашелся?
Я жилъ, чтобъ наслаждаться, наслаждался—
Чтобъ умереть... умру... а послѣ смерти?—
Исчезну! какъ же?... да, совсѣмъ исчезну...
Но если есть другая жизнь?... нѣтъ! нѣтъ!...
О наслажденье! я твой рабъ, твой господинъ!

(Звонитъ; слуга входитъ).

Не позабудь, что я тебѣ сказалъ:
Когда подъѣдутъ близко удальцы
Мои, то киньтесь вы съ оружіемъ толпой,
И, будто бы освободивши силой,
Ее сюда скорѣе приведите,
Да чуръ не забывать, что вы безъ языковъ,
А то... меня... ты знаешь коротко!
Возьми жъ себѣ заранѣе награду *(дастъ кошелекъ).*
И раздѣли другимъ... Ступай же.

(Слуга беретъ кошелекъ и цѣлуетъ руку).

Слуга.

Все исполню.

Соррини *(подходитъ къ окну).*

Да, кажется, я вижу пыль, ужели
Они спроворили все дѣло? Донна
Марія лакома на жемчугъ,
Какъ видно; впрочемъ, ей мѣшала
Моя красавица, какъ лишнее бревно
Въ строеньѣ дома; самъ его не дашь,
А какъ попросятъ, такъ легко разстаться! *(Глядитъ въ окно).*
Они, такъ точно! ближе подъѣзжаютъ.
Вотъ и мои спасители бѣгутъ... сраженье!
Желѣзо о желѣзо бьется и стучитъ
Безвредно... искры сыплются кругомъ.
Такъ въ спорѣ двухъ глупцовъ, хоть много шуму,
Да толку нѣтъ... Какъ кровь моя кипитъ
Въ полузасохшемъ сердцѣ! Ну! *(смотритъ)* схватили
Эмилію и тащатъ... Торжество!
Victoria!... Теперь я говорю
Отважно: veni-vici, потому
Что я еще дѣвицу не видалъ!

(Отходитъ отъ окна; слуга входитъ).

Въ лицѣ твоемъ побѣду я читаю;
Веди сюда... *(Слуга ушелъ).* Victoria, Соррини!...

(Потираетъ руками).

Поплачетъ Алварецъ, поплачетъ, покричитъ,
Порветъ сѣдые волосы... и не узнаетъ,
Гдѣ дочь его... ха! ха! ха! ха! побѣда!

(Вводятъ Эмилію; Соррини даетъ знакъ; люди уходятъ).

Эмилія.

Гдѣ мой спаситель?... Ахъ, отецъ Соррини,
Не вамъ ли я обязана спасеньемъ?

Вознагради васъ, Боже, такъ, какъ я
Желала бы!... о, мой спаситель!

Соррини.

Я христіанскій долгъ исполнилъ только.
(Идетъ и запираетъ дверь).

Эмилія.

О, возвратите поскорѣй меня
Родительскому дому.... Мой отецъ
Въ отчаяніи будетъ, если онъ
Узнаетъ про ужасный этотъ случай.
Со мной гуляла мачеха моя
Въ саду, и вдругъ злодѣи ухватили
Меня, связали, повлекли съ собою...
Окончите благодѣянье ваше,
Велите отвезти меня домой,
Какъ можно поскорѣй... Что мой отецъ
Подумаетъ, что скажетъ онъ? *(Плачетъ).*

Соррини.

Эмилія, ты вся дрожишь... какъ можно
Теперь тебѣ домой отправиться? Теперь
Ты такъ слаба... Нѣтъ, отдохни подолѣ здѣсь,
Побудь подолѣ у меня... зачѣмъ лишать
Меня такого счастья?

Эмилія.

Ради Бога!
Я не могу остаться здѣсь у васъ!
Я не должна.

Соррини.

Зачѣмъ же ты не можешь?
Мой ангелъ, кто тебѣ мѣшаетъ
День, два и три здѣсь отдохнуть?

Эмилія.

День, два и три!

Соррини.

Чему дивиться тутъ?

Эмилія.

Я васъ не понимаю.

Соррини.

День, два, три
И болѣе останешься ты здѣсь;
И ежели понравится тебѣ,

То можешь ты остаться вѣчно... то есть *(въ сторону).*
Пока ланиты не поблекнутъ, и глаза
Не потеряютъ пламень свой волшебный.

Эмилія.

Отецъ Соррини!

Соррини.

Да, я не шучу;
Ты тамъ была рабой,—здѣсь будешь ты царицей.
Мой домъ и все, что въ немъ—твое,
А ты—моя!

Эмилія.

Какое право?

Соррини.

Силы.
Я спасъ тебя,—вотъ, право, и довольно!

Эмилія.

Вы позабыли, кто вы! какъ могу
Я съ вами жить? что это значитъ?

Соррини.

Не горячись *(держа ей руку)*, красавица,—любовь
Не смотритъ на лѣта своихъ печальныхъ жертвъ.
Ты видишь, я былъ правъ, когда сказалъ,
Что можетъ и старикъ любить.

Эмилія.

Соррини! *(Вырываетъ руку).*
Оставь меня!... Безчестный человѣкъ!
Когда судьба меня случайно отдала
Во власть твою, ты оскверняешь
Гостепріимство... Что ты хочешь? Боже!
Спаси меня, спаси, Святая Дѣва!...

Соррини.

Скажу тебѣ, святыхъ здѣсь нѣтъ... и такъ...

Эмилія.

Конечно, только демоны одни
Живутъ съ подобнымъ извергомъ... Но Богъ
Услышитъ вопль невинной дѣвушки!

Соррини.

Насъ опытъ научаетъ въ свѣтѣ
Не упускать благопріятный случай.
Ну, поцѣлуй меня на первый разъ!

Эмилія *(отворачивается дрожа).*

Такъ вотъ моя судьба! *(Ему).* Прочь, прочь, злодѣй!

Соррини.

Ты думаешь, что ты теперь царица
Въ моемъ дому? Нѣтъ, это будетъ послѣ,
Когда все сдѣлаешь, что я скажу,
Когда въ мои объятья упадешь.

Эмилія.

Въ твои объятья... никогда!

Соррини.

Послушай:
Тебѣ слова пустыя не помогутъ;
Да или нѣтъ—два слова могутъ только
Подѣйствовать на сердце это; если
Ты скажешь да... то для тебя жъ пріятнѣй!
А ѐсли нѣтъ... то берегись упрямства!
Оно къ добру не доведетъ; покорность
Одна лишь облегчитъ твою судьбу...
Но, впрочемъ, я не вижу твоего несчастья...
Любовь мою нельзя назвать несчастьемъ...
Умѣю я любить и награждать,
И ни одна прекрасная дѣвица
Не вырывалась изъ моихъ объятій,
Когда почувствовала пламень груди
Моей... Повѣрь, старикъ такой, какъ я,
Любить умѣетъ лучше юноши:
Все опытность, мой другъ...

Эмилія *(послѣ минуты молчанія).*

Знавалъ ли ты
Спокойствіе души, знавалъ ли ты
Надежду, радость... счастье...
Всѣмъ тѣмъ, что ты знавалъ и не знавалъ,
Чему ты вѣрилъ, отъ чего страдалъ,
Всѣмъ тѣмъ, что страшно для души твоей,
Коль есть въ тебѣ душа, безсовѣстный злодѣй,
Я заклинаю на колѣнахъ... пощади! *(Становится на колѣна).*
О, пощади... оставь меня! я буду
Молчать о всемъ, что слышала, о всемъ,
Что знаю... только пощади меня!...
Не тронь моей невинности; за это
Грѣхи твои и самыя злодѣйства
Проститъ тебѣ Всевышній. Такъ, Соррини!

Но если ты... тогда умру я! и къ тебѣ
Придетъ моя страдальческая тѣнь,
И блѣдною рукой отгонитъ сонъ...
О, пощади!... клянусь молчать до гроба!...

Соррини.

Глупецъ, кто вѣритъ женскимъ обѣщаньямъ,
А пуще женской скромности,—да, да!
Не все ль равно—на нитку привязать
Медвѣдя и надѣяться, что онъ
Не перерветъ ее, чтобы уйти;
Невольно проболтается языкъ твой...
Нѣтъ, я теперь въ такомъ ужъ положеньи,
Что предо мною смерть или побѣда
На волосѣ висятъ... а такъ какъ, вѣрно,
Я изберу побѣду, а не смерть,
То всѣ твои мольбы напрасны,
Эмилія...

Эмилія.

И такъ спастися нечѣмъ. *(Плачетъ).*

Соррини.

Мнѣ кажется...

Эмилія.

Пошли мнѣ смерть, о, Боже,
А не безчестье! *(Падаетъ въ кресла и закрываетъ лицо).*

Соррини.

Все притворство это!
Не вѣрю я, чтобъ дѣвушка могла
Съ упрямостью такою защищаться.

(Хочетъ у нея поцѣловать руку, она ему даетъ пощечину. Онъ, грозя пальцемъ, съ тихою злостью говоритъ).

Ты такова, сердитая дѣвчонка!..
О! о! я справлюсь, нѣтъ, я не стерплю
Такой обиды... отомщу... увидишь...
Теперь не жди себѣ спасенья;
Скорѣе эти стѣны всѣ заплачутъ,
Чѣмъ я, твой стонъ услышавъ; такъ! скорѣй,
Скорѣй земля разступится, чтобъ въ мигъ
Испанію со мною поглотить, чѣмъ сердце
Мое разступится, чтобы впустить одно
Лишь чувство сожалѣнья... Ты увидишь,
Каковъ Соррини!.. онъ просить умѣетъ,
Умѣетъ и приказывать, какъ надо.

(Она открываетъ лицо и смотритъ съ ужасомъ).

Умѣю и кинжалъ употребить
При случаѣ, чтобы заставить васъ,
Сударыня, повиноваться мнѣ. *(Злобно).*
Ха! ха! ха! ха!.. о, ты меня узнаешь!—
Эй! кто тамъ?

(Соррини отпираетъ дверь, подходитъ къ ней; вдругъ слышенъ шумъ, и входятъ испанцы толпою).

Вы зачѣмъ? Какая дерзость!

Одинъ испанецъ.

Мы
Пришли за награжденьемъ.

Соррини.

За какимъ?

Другой испанецъ.

А какъ же, развѣ ты намъ, патеръ, не велѣлъ
Дочь Алвареца увезти... иль позабылъ?
Что? Видно, только предъ услугой
Твой кошелекъ открытъ издалека.

Третій испанецъ.

А какъ достали мы твою красотку,
Такъ тотчасъ обѣднѣлъ?

Соррини.

Бездѣльники! *(Бросаетъ большой кошелекъ золота).*
Терпѣнья не было?..

Всѣ *(берутъ золото и уходятъ).*

Прощай, отецъ Соррини! *(Онъ уже не запираетъ дверь).*

Соррини.

Эмилія! рѣшись же, наконецъ...

Эмилія *(встаетъ съ кресла).*

Такъ ты ихъ посылалъ меня похитить?
О, верхъ злодѣйства въ человѣкѣ! я погибла,
Погибла... нѣтъ надежды.

Соррини *(насмѣшливо).*

Нѣтъ надежды! *(Беретъ ее за руку).*
Пойдемъ со мной *(цѣлуетъ),* мой другъ безцѣнный!
Такъ долго защищаться, плакать,
Просить... чтобъ, наконецъ, признаться побѣжденной!

Эмилія.

Ты думаешь, я вынесу позоръ свой?
Нѣтъ, я умру, старикъ!..

Соррини *(съ гордой улыбкой).*

Старикъ! шути...
Старикъ тебѣ покажетъ, что довольно
Онъ пылокъ.

Эмилія *(сложивъ руки).*

Матерь Божія! ужель
Ты не спасешь меня?..

Соррини.

Пойдемъ... пойдемъ...
Не скажутъ, что Соррини уступилъ
Кому-нибудь. О, я наединѣ
Не тотъ, какимъ кажуся въ людяхъ. *(Беретъ ея руку).*

Эмилія.

Оставь меня, твое прикосновенье,
Какъ зараженнаго чумою, ядовито...

Соррини *(злобно).*

Пойдемъ же, я велю...

(Вдругъ стучится кто то въ дверь, оба останавливаются. Езуитъ отходитъ прочь; отворяетъ дверь человѣкъ, окутанный плащомъ пилигрима; снявъ шляпу, входитъ.)

Неизвѣстный

(онъ входитъ быстро, потомъ нагибается).

Впустите ради
Христа!.. я такъ усталъ... прошу
Кусочка хлѣба только. Здравствуйте.
Пошли вамъ Богъ свое благословенье,
Честной отецъ!.. я бѣдный, бѣдный странникъ...

Соррини *(въ сторону).*

Некстати онъ пришелъ, зачѣмъ его пустили?
(Скрипитъ зубами. Глядитъ).
Онъ подозрителенъ. *(Ему).* Садись... садись!..
Тебѣ велю тотчасъ подать вина и хлѣба.
Откуда ты идешь? Кто ты?

Неизвѣстный.

Я бѣдный странникъ!
Ходилъ въ Ерусалимъ... иду назадъ...

Усталъ... и голоденъ, иду домой...
Пока языкъ мой смерть не охладитъ,
Вездѣ тебя я буду прославлять,
Кто бъ ни былъ ты, гостепріимный.

Соррини.

Я исполняю только долгъ свой.

Неизвѣстный.

Долгъ?
Немногіе тебѣ подобно мыслятъ.
Благодарю!—и Богъ тебя благодаритъ!..

Соррини *(къ Эмиліи).*

Сестра! вели принесть вина и хлѣба... *(Страннику).*
Живемъ съ сестрой мы вмѣстѣ.
(Видя, что Эмилія нейдетъ, дрожитъ и подходитъ къ ней).
Ступай! когда я говорю: иди!

Неизвѣстный *(про себя).*

Меня ты не обманешь, крокодилъ!

Соррини *(громко).*

Ступай же...

Неизвѣстный.

Стой!

Соррини *(испугавшись).*

Какъ! кто ты?

Неизвѣстный.

Я... *(Сбрасываетъ плащъ съ себя и вынимаетъ кинжалъ).*

Эмилія.

Фернандо!..

Фернандо.

(Беретъ быстро за руку Эмилію и уводитъ на другую сторону сцены, становится предъ ней, держа ее одной рукой).

Теперь я требую съ тебя отвѣта...

Соррини.

Кто ты? Фернандо не воскреснетъ!
Ты духъ иль человѣкъ?

Фернандо.

Я тотъ,
Кто не боится адскихъ умысловъ,

Кто можетъ наказать тебя кинжаломъ,
И чья рука не дрогнетъ предъ убійствомъ,
Когда оно ее спасетъ... отдай ее! *(Схватываетъ Соррини за горло).*

Я ничего не жду на небесахъ,
Я ничего не жду подъ небесами,
Я мести душу подарилъ; не жди,
Чтобъ я помедлилъ отослать
Тебя туда, гдѣ ждетъ судъ Божій
Тебѣ подобныхъ! Видишь этотъ ножъ—
Онъ надъ тобой. Оставь же добровольно
Свой умыселъ.

Соррини.

Но если ты убьешь меня,
То все-таки Эмилію нельзя
Спасти: тебя не выпустятъ
Отсюда слуги. Такъ пусти жъ меня!
Я закричу...

Фернандо *(пускаетъ его).*

Ты правъ: я не палачъ!.. *(Въ сторону).*
Ужели я боюсь увидѣть кровь? *(Ему).*
Отдашь ли мнѣ Эмилію?

Соррини.

Нѣтъ, не отдамъ... *(Подбѣгаетъ къ двери все ближе).*

Фернандо.

Отдашь! ты вѣрно содрогнешься
Предъ тѣмъ, что я предпринялъ. А! Соррини!
Она моя... и честь ея моя.
Когда бъ ты далъ мнѣ тысячу міровъ
За эту дѣвушку, я бъ ихъ отвергнулъ всѣ!
Не принуждай меня, не принуждай
Къ убійству.

Соррини.

Не отдамъ ее.

Фернандо.

Ты камень, но передъ моимъ отчаяньемъ
Ты содрогнешься.

Соррини.

Нѣтъ!

Фернандо.

Соррини!
Соррини, рѣдко лишь прошу кого-нибудь
Я на колѣнахъ... но узнай сперва,

Стычка въ горахъ. Картина М. Ю. Лермонтова.

Что тотъ, предъ кѣмъ стоялъ я на колѣнахъ,
Не долго проживетъ.

Соррини *(со смѣхомъ).*

Опять за то же.

Фернандо.

Ты мнѣ отдашь Эмилію, не то
Я отниму... Не доведи меня
До этой крайности. Я ужъ готовъ
На все; я съ нею потерять готовъ
И небо, чтобъ избавить отъ твоихъ когтей.
Я не шутить пришелъ... О, слушай! слушай
Въ послѣдній разъ... отдай ее!

Соррини.

Посмотримъ! *(Бросается въ дверь и зоветъ на помощь).*
Сюда! сюда! сюда! разбой! эй, слуги! *(Шумъ и крикъ за сценой).*

Эмилія *(бросивъ томный взоръ).*

Фернандо...

Фернандо.

Ну, все кончено! напрасно
Желалъ я крови не пролить; прощай,
Мой другъ! *(обнимаетъ ее)* прощай! мы долго
Съ тобою не увидимся... *(отворачиваясь)* о, Боже!
Итакъ, Ты хочешь, чтобъ я былъ убійца!
Но я горжусь такою жертвой... кровь ея—
Моя! она другого не обрызжетъ...
Безумецъ! какъ искать въ томъ сожалѣнья,
О комъ самъ Богъ ужъ не́ жалѣетъ!
Часъ билъ! часъ билъ!—послѣдній способъ
Удастся—или кровь!.. Нѣтъ, я судьбѣ
Не уступлю... хотя бы демонъ удивился
Тому, чего я не могу не сдѣлать.

(Эмилія устремляетъ молящій взоръ на него. Во время этого разговора входятъ слуги Соррини и онъ; всѣ съ оружіемъ).

Соррини.

Посмотримъ, кто сильнѣй изъ насъ!.. эй, слуги!..

Фернандо.

Узнай же клятву: мы стоимъ предъ Богомъ...
Живая или мертвая—она
Моя... Ты видишь? *(Показываетъ кинжалъ).*

Эмилія.

Ахъ! *(Склоняетъ голову на грудь Фернандо).*

Соррини.

Меня не настращаешь!
Мнѣ мертвую не нужно... Слуги, эй!
Схватите, бейте, рѣжьте наглеца! *(Онъ самъ защищенъ слугами).*

Фернандо.

Ни съ мѣста! *(Всѣ останавливаются).*

Соррини.

Что же вы! *(Они опять хотятъ броситься).*

Фернандо.

Ни съ мѣста вы, рабы!.. *(Соррини).*
Въ послѣдній разъ, въ виду небесъ и ада:
Отдашь ли мнѣ ее?

Эмилія *(едва слышнымъ голосомъ).*

Хранитель, ангелъ мой! спаси меня!

Соррини.

Живую не отдамъ!..
Что бъ ни было...

Фернандо.

О... такъ смотри сюда!

(Прокалываетъ ей грудь; въ эту минуту всѣ поражены; онъ подымаетъ ея трупъ съ полу и уноситъ сквозь толпу удивленную. Слуги хотятъ броситься вслѣдъ.)

Соррини

(послѣ молчанія, остановивъ слугъ).

Оставьте! иначе хочу я сдѣлать. *(Онъ дрожитъ).*

(Даетъ знакъ, чтобъ всѣ ушли; уходятъ).

Какая дерзость!.. да! онъ мнѣ заплатитъ.
Я самъ въ опасности. Онъ можетъ...
Что можетъ онъ?.. Я золъ теперь,
Какъ дьяволъ... Отомщу жъ ему,—
Сожгу его, сдеру съ живого кожу,
Сорву желѣзомъ ногти, исщиплю
Горячими щипцами, на гвоздяхъ
Его ходить заставлю, мѣдь кипящую
Волью безумцу въ горло и упьюсь,
Упьюсь, какъ сладкимъ нектаромъ,
Его терзаньемъ, вздохами и визгомъ!..
Спади съ меня личина скромности;
Пускай узнаютъ всѣ, что итальянецъ
Соррини, по его веселію и плескамъ,
Когда Фернандо будетъ издыхать
Въ огнѣ иль подъ ударомъ палача.
Чѣмъ медленнѣй конецъ его придетъ,
Тѣмъ будетъ счастіе мое полнѣй.
Оклевещу его; хоть самъ не вывернусь,
Но все же я упьюсь его мученьемъ!
О, клевета, приди на помощь! никогда
Такъ не нуждался я въ тебѣ, какъ нынѣ;
Дай тысячу мнѣ жалъ змѣиныхъ, чтобъ
Я могъ облить врага холоднымъ ядомъ
Твоимъ... *(Ударяетъ себя двумя пальцами въ лобъ).*
Мой планъ почти готовъ...
Да, да... вотъ такъ... а тамъ, богиня
Души моей, тебѣ съ сихъ поръ я отдаю
Себя... возьми! я твой и за могилой!

(Входитъ Доминиканецъ, пріятель Соррини).

Доминиканецъ.

Соррини, здравствуй!

Соррини.

Здравствуй! кстати ты пришелъ.

Доминиканецъ.

А что такое?

Соррини.

Я тебѣ скажу
Сейчасъ.

Доминиканецъ.

Должно быть, ты узналъ
Пристанище богатаго жида
Или, что все равно, еретика:
Веселье на лицѣ твоемъ блистаетъ.
Такъ точно, ревностный служитель вѣры,
Я отгадалъ, что хочешь ты сказать?

Соррини.

Ты отгадалъ. Знавалъ ли прежде
Ты Дона Алвареца? у него
Воспитывался юноша Фернандо...
Онъ еретикъ! онъ вѣритъ Лютеру
И чтитъ его!.. сегодня онъ убилъ
Дочь Алвареца въ домѣ у меня.
Я спасъ ее отъ хищниковъ, но, Боже!
Не могъ спасти отъ остраго кинжала.
Его сыскать намъ надо и вести
На казнь преступника двойного.
Онъ трупъ несчастной дѣвушки
Понесъ съ собой!.. да! я его найду;
Я по слѣдамъ его пойду кровавымъ,
И жизнію заплатитъ онъ...

Доминиканецъ.

Конечно!
Да, кажется, я на дорогѣ встрѣтилъ
Убійцу... но случайно не замѣтилъ,
Что несъ онъ мертвую: такъ быстро
Онъ шелъ!.. такъ страшенъ онъ казался!

Соррини *(послѣ минуты задумчивости)*.

Дай руку мнѣ! клянись быть заодно...

Доминиканецъ *(протягиваетъ руку)*.

Возьми съ моей рукою обѣщанье.

Соррини.
Быть заодно во всякомъ случаѣ!

Доминиканецъ.
(кинувъ боязливый и подозрительный взглядъ).
А развѣ ты виновенъ въ чемъ-нибудь?

Соррини.
Нѣтъ, нѣтъ! вѣдь знаешь ты: мы вѣчно правы.

Доминиканецъ.
Брось шутки! ты тутъ не виновенъ?

Соррини.
Нѣтъ, нѣтъ! но если бъ даже былъ...

Доминиканецъ.
Безъ если... просто,
Какъ съ другомъ говори...

Соррини.
Да нѣтъ!

Доминиканецъ.
Простѣе!
Скажи: невиненъ ты?

Соррини.
Какъ голубь!

Доминиканецъ *(съ коварной улыбкой).*
Вотъ такъ! ха! ха! ха! ха! давай бумаги;
За друга всѣмъ готовъ, душой и тѣломъ,
Пожертвовать. А еретикъ Фернандо
Погрѣется у насъ, пока
Охолодѣетъ прахъ его проклятый.
(Садится и беретъ перо съ бумагой).
Я напишу, какъ ты мнѣ говорилъ,
А тамъ и въ судъ съ убійственной бумагой!
Уменъ былъ тотъ, кто изобрѣлъ письмо:
Перо терзаетъ иногда сильнѣе,
Чѣмъ пытка! Чтобъ уничтожить царство—
Движенія пера довольно; даже рай
Даетъ перо отца святого, папы;
Ты вѣришь въ эту власть?

Соррини.
Какъ въ добродѣтель!

Доминиканецъ.

Итакъ, начну писать я свой доносъ.
(Начинаетъ писать).

Соррини

(пока онъ пишетъ, подходитъ къ мѣсту, гдѣ убита Эмилія; глядя внизъ).

На этомъ мѣстѣ кровь ея текла!
Вотъ пятна: вотъ одно, другое!
Впервые мнѣ на кровь глядѣть ужасно,
Впервые сердце бьется и трепещетъ,
И волосы невольно дыбомъ
Встаютъ при мысли объ убійствѣ!
Жалѣть ли мнѣ Эмилію? Да что жъ?
Всѣмъ должно умереть!... Но если тѣнь
Ея предстанетъ мнѣ во мглѣ ночной,
Какъ говорила дѣва; если я
Преслѣдуемъ, терзаемъ буду
Ея рукой холодною повсюду,
Какъ совѣстью мятежной; если
Кровавое пятно и день и ночь
Глазамъ безсоннымъ станетъ представляться?...
Какъ? я боюсь? Соррини сталъ бояться?!
Кого? себя?... стыдись... нѣтъ тѣней,
Нѣтъ призраковъ: могила слишкомъ крѣпко
Свою добычу держитъ, чтобъ она
Могла исторгнуться изъ рукъ ея сырыхъ.
Но совѣсть?... совѣсть—вздоръ, однако жъ... Какъ, Соррини,
Ты совѣсти боишься, и давно ль?... *(Ударяетъ ногой въ землю).*
Я презираю эту кровь, какъ совѣсть.

Доминиканецъ.

Доносъ готовъ.

Соррини *(подписываетъ).*

Я подписалъ.

Доминиканецъ.

И я.

Соррини.

Идемъ!

Доминиканецъ.

Ужель доносъ подать боишься?
Товарищъ, ты дрожишь?...

Соррини.

Отъ радости. *(Беретъ шляпу и палку).*
Вотъ все мое оружіе, пойдемъ!

Доминиканецъ.

И горе
Врагамъ закона нашего и нашимъ!
Пощады нѣтъ! клянемся.

Соррини.

Нѣтъ пощады!
Какое же мученіе избрать,
Чтобы мой еретикъ почувствовалъ
Всю тягость нашихъ рукъ, всю тягость
Закона для отступника?—не сжечь ли?
Онъ оскорбилъ законъ, онъ осквернилъ мой домъ.

Доминиканецъ.

Нѣтъ, четверить.

Соррини.

Свинца кипящаго
Ему влить въ горло.

Доминиканецъ.

Иль на гвоздяхъ
Его заставить спать.

Соррини.

О, еслибъ онъ имѣлъ
Сто жизней, я бы каждую инымъ,
Ужаснѣйшимъ терзаньемъ истощилъ...
Однако цѣль моя достигнута... *(Потираетъ руками).*

Доминиканецъ.

Пойдемъ!
И, съ помощью святого Доминика,
Еретика безъ жизни въ прахъ повергнемъ!

(Уходятъ въ радости).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Домъ Алвареца. Столъ. Свѣча на столѣ.

Алварецъ *(сидитъ у стола).*

Итакъ, она бѣжала отъ меня
Съ Фернандо... убѣжала съ негодяемъ.

Донна Марія.

Какъ я тебѣ сегодня объяснила.
Зачѣмъ ты не хотѣлъ позволить ей
За этого бродягу выйти замужъ?

Алварецъ.

Такъ не хочу же плакать о негодной,
Неблагодарной.

Донна Марія *(насмѣшливо)*.

Плачь! нѣтъ, плачь!
О дочери такой нельзя не плакать!

Алварецъ.

И какъ она была привязана ко мнѣ!

Донна Марія.

Да, это видно!

Алварецъ.

Гдѣ тутъ стыдъ?
Покрыть сѣдые волосы отца
Безчестьемъ, посмѣяться надъ отцомъ,
Любовницею быть бездомнаго бродяги,
Въ такихъ лѣтахъ... А, это слишкомъ много!
Нѣтъ!... звѣри благороднѣй! звѣри лучше!...

Донна Марія.

Побереги себя!...

Алварецъ.

Пускай она съ Фернандо,
Какъ нищая, подъ окнами блуждаетъ.
Я отвергаю отъ себя ее!
Эмилія—не дочь мнѣ; пусть она
Найдетъ отца себѣ другого; я отвергнулъ
Безстыдную отъ сердца своего.
Когда бъ она пришла къ моимъ дверямъ
Усталая, голодная, худая,
Какъ смерть, когда бъ она просила
Кусочка хлѣба у меня,—и этого
Я бъ не далъ ей; пускай она умретъ
На обезчещенномъ моемъ порогѣ...

Донна Марія.

Ты боленъ, другъ; не хочешь ли прилечь?

Алварецъ.

Такъ! мнѣ покой необходимъ теперь:
Я чувствую, что я совсѣмъ разстроенъ.

Донна Марія *(въ сторону).*

Бѣднякъ вѣдь точно весь измученъ.

Алварецъ.

Боже!
Зачѣмъ Ты далъ мнѣ дочь, зачѣмъ послалъ
Ты съ ней безчестье на главу мою?
О, накажи ее, прошу Тебя...
Молю Тебя... Изъ древняго семейства...
И такъ бѣжать съ Фернандо! нынѣ вижу,
Я воскормилъ змѣю въ дому своемъ... *(Уходитъ).*

Донна Марія.

Что дѣлаетъ теперь любезный патеръ
Соррини?—Вѣрно, онъ уже сòрвалъ
Цвѣтокъ невинности и наслажденья!...
Пришлетъ ли онъ еще подарокъ мнѣ,
Его сотрудницѣ?... Конечно, онъ пришлетъ...
Мнѣ кажется, что начинаю я
Жалѣть о бѣдной жертвѣ сластолюбья!...
А я была вѣдь главною причиной...
О, совѣсть, для чего терзать меня
Некстати? прежде бы терзала:
Теперь помочь едва ли могутъ люди.

(Открываетъ ящикъ стола и вынимаетъ подарки Соррини; смотритъ на нихъ и кладетъ на мѣсто опять).

Нѣтъ, не могу я видѣть этотъ жемчугъ
И камни дорогіе!—руки, пальцы
Мои дрожатъ, когда я ихъ держу;
Какая то невидимая сила
Весь этотъ жемчугъ превращаетъ въ слезы.
Прочь! прочь!... *(Кладетъ въ ящикъ).* Какъ могъ меня прельстить
Подобный гадкій жемчугъ?... Совѣсть, ты
Не хочешь покидать моей души?...
Зачѣмъ теперь? Что пользы для тебя?...
Угодники святые, помогите!
Молитвою, постомъ, богатымъ подаяньемъ
Загладить я хочу проступокъ свой,
Лишь дайте сонъ мнѣ, дайте мнѣ покой!

(Входитъ Алварецъ встревоженный).

Алварецъ.

Жена, послушай! здѣсь блуждаютъ тѣни...
Мнѣ кажется... сейчасъ я видѣлъ что то,
Я слышалъ голосъ... голосъ мнѣ знакомый...
Мнѣ дурно... *(Садится).*

Донна Марія.

Успокойся, другъ мой,
Гдѣ тѣни? тѣней не бывало здѣсь!
Твоя печаль, твое воображенье,
Быть можетъ, эти призраки рождаетъ.

Алварецъ.

Мнѣ дурно... *(Звонитъ).* Эй! слуга! воды! *(Слуга входитъ).*
Воды!... какъ можно поскорѣе. *(Уходитъ слуга).*
Жена! я говорю, здѣсь бродятъ тѣни;
Ужель ты не слыхала голосъ томный?
Ужель ты не могла примѣтить ихъ?

Донна Марія.

Твои глаза отъ слезъ устали!

Алварецъ.

Какъ?
Нѣтъ! я не плакалъ и не стану плакать!...
Я проклинаю дочь свою.

(Слуга приноситъ стаканъ; онъ пьетъ; слуга уходитъ).

Донна Марія *(въ сторону).*

Мнѣ страшно!...
Есть мертвецы, есть тѣни, говорятъ
Ученые монахи... Мы должны
Имъ вѣрить... это, право, страшно!

Алварецъ.

Ну, если умерла Эмилія...
Ну, если въ эту самую минуту
Ея душа разсталась съ нею... если...

Донна Марія.

Что говоритъ онъ?... Небо!

Алварецъ.

Нѣтъ! за гробомъ
Проклятіе отцовское не тронетъ;

За гробомъ есть другой Отецъ... прощаю
Тебя, когда тебя не будетъ
Между живыхъ... пусть тѣнь твоя не бродитъ
Вокругъ меня, не отгоняетъ сонъ
Отъ глазъ моихъ, пусть ужасъ не подыметъ
Сѣдые волосы, покрытые тобою
Стыдомъ и поношеньемъ,—нѣтъ!... въ могилѣ
Проклятіе отцовское не тронетъ!
Тамъ есть другой Судья... прощаю,
Прощаю дочь мою... о небо! небо!

(Открывается дверь настежь съ шумомъ; является Фернандо, держа трупъ Эмиліи. Старикъ вскакиваетъ; ужасъ во всѣхъ лицахъ).

Донна Марія.

Ахъ!... все пропало! *(Бросается въ другую комнату).*

Алварецъ.

Что такое значитъ?... *(Фернандо кладетъ тѣло на стулъ).*
Чья кровь? Чье это тѣло? *(Фернандо стоитъ надъ нею мраченъ).*
Кто она? Кто ты?

Фернандо.

Я дочь тебѣ принесъ.

Алварецъ.

Эмилія... мертва!...

Фернандо.

Мертва!

Алварецъ.

Такъ ты убійца?

Фернандо.

Я...

Алварецъ.

Такъ ты!... О, еслибъ я имѣлъ довольно силы,
Чтобъ растерзать тебя: ты, похититель,
Убійца!... и съ такой холодностью
Принесъ сюда... О, милое созданье!
Дочь! дочь моя! и кровь ея течетъ,
И я...

Фернандо.

Не правда ли, она прекрасна?

Алварецъ.

Чего ты ждешь? Ступай хоть въ адъ,
Но прочь отъ глазъ моихъ, убійца! Кровь ея,

Пока ты здѣсь, течи не перестанетъ...
О, если бы не слабъ я былъ... Прочь, демонъ!
Прочь, прочь отъ дочери моей!

Фернандо.

Я здѣсь остаться
Рѣшился...

Алварецъ.

Ты рѣшился?

Фернандо.

Да! въ живыхъ
Она была твоя... теперь—моя.
Геройскимъ преступленьемъ я купилъ
Кровавый этотъ трупъ... онъ мой... Смотри
На эти блѣдныя черты и отрекись
Отъ дочери...

Алварецъ.

Такъ подожди! ты скоро
Меня увидишь! Тигръ, змѣя коварства!
Я средство отыщу тебѣ отмстить...
Я инквизицію на помощь призову.

Фернандо.

Кто не боялся уничтожить это *(показывая на трупъ)*,
Того ничто не испугаетъ въ мірѣ...

(Алварецъ убѣгаетъ и запираетъ двери за собой).

Онъ заперъ двери! ха! ха! ха! прекрасно!
Старикъ, исполнилъ ты мое желанье!
Я съ нею быть хочу наединѣ,
Какъ съ другомъ... Духи тишины!
Вы будете свидѣтелями свадьбы
Моей... Здѣсь я клянусь любить
Ее одну, что бъ ни было... Вы, стѣны,
Смотрите на Эмилію мою
И плачьте, если можете вы плакать!
Блѣдна! блѣдна!—мертва!...

(Бросается къ ногамъ ея и плачетъ. Молчаніе).

Ты мнѣ простишь? Не правда ли, мой ангелъ?
Я спасъ тебя!... смотрите, улыбнулась!—
Улыбкой смерти, сладкою улыбкой! *(Беретъ за руку).*
Рука ея, какъ ледъ! *(Цѣлуетъ руку).* Позволь поцѣловать!
О, какъ пріятно мертвыхъ цѣловать!... *(Встаетъ).*
Что, ежели отрѣжу я косму

Фернандо у трупа Эмиліи.

Рисун. худ. Д. Митрохина. (*„Испанцы“*)

Бр. Менертъ.
Д. Митрохинъ
1914.

Волосъ и съ ней умру, не легче ль будетъ мнѣ
Терпѣть послѣднія мученья тѣла?

(Отрѣзываетъ косму волосъ кинжаломъ).

Залогъ ея любви! Какъ я великъ!
Пожертвовалъ собой, своей душой,
Пожертвовалъ такимъ созданьемъ, чтобъ
Освободить Эмилію, хоть вѣчно
Я не увижусь съ ней!... Одинъ, одинъ,
Какъ жилъ, такъ и умрешь, Фернандо!
Зачѣмъ же небо довело меня
До этого? Богъ зналъ заранѣ все,—
Зачѣмъ же Онъ не удержалъ судьбы?...
Онъ не хотѣлъ!... *(Молчаніе).* Эмилія!
Теперь, какъ прежде, всѣми ты забыта,
Но я съ тобой... *(Подходитъ ближе).* Кровь на груди засохла...
И предадутъ ее сырой землѣ;
Глаза, волшебныя уста, къ которымъ
Мой дерзкій взоръ прикованъ былъ такъ часто.
И грудь, и эти длинныя рѣсницы
Песокъ засыплетъ; червь переползетъ безъ страха
Недвижное, безцвѣтное, сырое,
Холодное чело... Никто и не помыслитъ
О томъ... и, можетъ быть, надъ той
Могилой проклянутъ мое названье,
Гдѣ будетъ гнить все, что любилъ я въ жизни...
О, я тебя навѣки потерялъ!
Рай не отдастъ божественный твой образъ
Душѣ моей, я навсегда простился
Съ тобой, когда ударъ судьбы свершился!
Я самъ разрушилъ... самъ отвергнулъ, самъ
Свою надежду уничтожилъ... О, прощай!
Прощай! прощай! ты, спящій ангелъ!...
Блѣдна! блѣдна!... Мертва...

(Шумъ за дверями и голоса, но Фернандо стоитъ съ поникшей головой и ничего не слышитъ. Входятъ служители инквизиціи съ начальникомъ и веревками и прочими приготовленіями).

Начальникъ.

Онъ здѣсь—Фернандо нашъ возлюбленный!
Здѣсь еретикъ! схватите поскорѣй! *(Подходятъ, берутъ: онъ недвижимъ, ничего не чувствуетъ).* Свяжите руки.

Фернандо *(какъ отъ сна).*

Что вамъ надобно?

Начальникъ.

Ты на кострѣ пылающемъ увидишь,
Что хочетъ инквизиція святая.

Фернандо.

За что?

Начальникъ.

Мы не привыкли отвѣчать, за что̀...
Свяжите!

Фернандо.

Я не дамся. *(Вырывается).*

Начальникъ.

Мы увидимъ!

Фернандо.

Кто хочетъ жить?

Начальникъ.

Я знаю: ты не хочешь.
Вотъ для чего пришли мы за тобой.

Фернандо.

Не думайте, что я боюся васъ:
Я не хочу оставить этотъ трупъ!...
Прочь отъ меня: своимъ присутствіемъ
Вы оскверните это мѣсто; посмотрите:
Она святѣй, чѣмъ всѣ святые ваши!
Своею кровію она купила рай,
А ваши—кровію другихъ мечтаютъ
Его купить... Прочь! прочь отсюда!

Начальникъ.

Я не люблю пустое толковать.
Схватите же его!

Фернандо *(вынимаетъ кинжалъ).*

Приди на помощь
Вторично, мой кинжалъ... Кто будетъ первый?

(Они отступаютъ).

Никто!... Да сколько васъ?... Ужель одинъ
Такъ страшенъ?

Начальникъ *(своимъ).*

Что намъ торопиться, други?...
Онъ не уйдетъ отъ нашихъ рукъ навѣрно...
Пускай придетъ отецъ Соррини самъ;

Онъ насъ прислалъ... пусть онъ съ нимъ справится.
А изъ чего намъ жертвовать собой?

(Становится у двери).

Фернандо.

Что, если брошусь я на нихъ, какъ тигръ,
И всѣхъ въ крови къ ногамъ своимъ повергну?...
Но нѣтъ,—зачѣмъ лишать ихъ бренной жизни,
Зачѣмъ лишить того, что имъ безцѣнно...
Я здѣсь одинъ... весь міръ противъ меня!...
Весь міръ противъ меня: какъ я великъ!...

(Входитъ Доминиканецъ съ бумагою въ рукахъ).

Доминиканецъ.

Фернандо!

Фернандо.

Что?

Доминиканецъ.

Противъ тебя доносъ есть.

Фернандо.

Немудрено!

Доминиканецъ.

И судъ ужъ подтвердилъ,
Чтобъ взять тебя.

Фернандо.

Гдѣ судъ въ Испаніи?—
Есть сборище разбойниковъ!...

Доминиканецъ.

А ты,
Ты не разбойникъ?

Фернандо.

Нѣтъ.

Доминиканецъ *(показавъ трупъ).*

А это что?

Фернандо.

Я спасъ ее! она меня любила.
Любила!... О, знавалъ ли ты любовь?
Нѣтъ, не знавалъ!... какъ воскъ бы ты растаялъ,
Взглянувъ на эти блѣдныя черты!
Она меня любила! какъ еще любила!...

Доминиканецъ.

Не о любви пришелъ я говорить:
Ты обвиненъ, что вѣришь Лютеру
И всѣмъ еретикамъ; вотъ для чего
Пришли мы взять тебя, мой другъ!
Ты вѣришь въ Лютера?

Фернандо.

Какъ странно:
Безъ пытки спрашиваетъ онъ меня!
Я вѣрю, что есть Богъ...

Доминиканецъ.

Что папа
Намѣстникъ Бога?

Фернандо.

Кто его поставилъ?

Доминиканецъ.

Такъ ты не вѣришь?

Фернандо.

Развѣ Богъ велѣлъ
Вамъ жечь людей?

Всѣ *(кричатъ)*.

Онъ еретикъ! онъ еретикъ!

Доминиканецъ *(къ другимъ)*.

Зачѣмъ его вы тотчасъ не связали?

Начальникъ.

Не сладили.

Доминиканецъ.

Такъ смѣлъ онъ защищаться? *(Къ Фернандо)*.
Ты долженъ умереть, мой другъ.

Фернандо.

Я это знаю!
Я это зналъ давно... и ты умрешь!
О, не хвались своей минутной властью!
Вотъ образъ смерти! *(Показывая на Эмилію)*. Если рокъ
Не пощадилъ, то пощадитъ ли васъ?

Доминиканецъ.

Ты слышалъ приговоръ, итакъ, сдавайся!...

(Соррини входитъ и крадется дальше отъ Фернандо).

Фернандо.

Соррини, здравствуй! вѣрно, ты пришелъ
Послѣдній мигъ страдальца усладить?
Не бойся! я тебѣ не сдѣлаю
Вреда: я прежнее забылъ.
Я совершилъ свое. Предоставляю
Тебя раскаянью и совѣсти.
Не вѣчно спятъ они; граница есть
Всему... но полно ужъ объ этомъ!

Соррини.

Глупецъ, ты смѣешь угрожать?

Фернандо.

Соррини!
Ты побѣдилъ; но просьба есть одна:
Исполни... Если ты ее исполнишь,
То на кострѣ я буду за тебя
Молиться; въ лютой пыткѣ буду имя
Твое благословлять.

Соррини *(съ улыбкой)*.

Скажи мнѣ, что такое? *(Насмѣшливо)*.
Скажи мнѣ, если только можно!...

Фернандо *(вынимаетъ косу Эмиліи)*.

Ты видишь этотъ черный пукъ волосъ?
Пускай они горятъ со мной; сегодня
Я ихъ отрѣзалъ съ головы ея.

(Указывая на тѣло Эмиліи).

Предъ смертью не снимайте ихъ съ меня,
Они вамъ не мѣшаютъ.

Соррини.

Нѣтъ, нельзя!
Никакъ нельзя...

Фернандо.

Послѣдняя мольба! *(Скрежещетъ зубами)*.
Повѣрь мнѣ, эти волосы никакъ
Тебѣ не помѣшаютъ слышать крики
Мои, которые желѣзо пытки
Исторгнетъ!...

Соррини.

Нѣтъ! никакъ нельзя!...
Ихъ видъ твои страданья облегчитъ,
Но этого не хочетъ судъ.

Фернандо.

Соррини!
Ты хочешь...

Соррини.

Я хочу, чтобъ ты повиновался.
Служители! еретика схватите
Сейчасъ и волосы изъ рукъ его
Нечистыхъ вырвите; канатами свяжите
Преступника! Онъ слышалъ приговоръ.
И глупо мѣшкать *(Въ сторону)*. Ты заплатишь мнѣ;
Узнаешь, что Соррини мстить не хуже
Тебя умѣетъ; впрочемъ, мы виновны оба,—
А кто взялъ верхъ, тому и слава!

(Въ это время всѣ приблизились къ Фернандо, но онъ отталкиваетъ одного ближайшаго, бросается на Соррини и ранитъ его въ руку).

Фернандо.

Издохни!

Соррини *(который упалъ отъ удара, встаетъ).*

Помогите!

Фернандо *(тихо и мрачно).*

Живъ!

Соррини.

Я живъ,
Чтобъ насладиться муками твоими!

Доминиканецъ.

Перевяжите руку! *(Перевязываютъ).*

Фернандо.

Нынѣ вижу,
Что не исполнилъ ты свое предназначенье
И мѣру всѣхъ твоихъ злодѣйствъ. Творецъ
Свидѣтель мнѣ: хотѣлъ очистить землю я
Отъ звѣря этого... Желѣзо обмануло,—
И онъ живетъ... Презрѣнный человѣкъ!
Онъ отвратительнѣе для меня,
Чѣмъ всѣ орудья пытки. *(Бросаетъ кинжалъ на землю).*
Прочь, невѣрный
Металлъ! ты мнѣ служилъ, какъ люди:
Помогъ убить невинность, притупился
О грудь злодѣя... *(Шепчетъ).* Прочь, измѣнникъ!

(Видя, что кинжалъ не въ рукахъ его, всѣ бросаются на него, схватываютъ и связываютъ руки).

Доминиканецъ.

Теперь онъ безопасенъ намъ! схватите,
Свяжите!

Соррини.

Какъ мы мѣшкаемъ!—О, сердце
Мое трепещетъ, хочетъ увидать
Огонь, гдѣ этотъ еретикъ погибнетъ
Во имя Бога! Дѣти! ну, ступайте!

Начальникъ.

Чтобъ онъ не вырвался! держите крѣпче!

Фернандо.

Не бойтесь! я не стану вырываться. *(Насмѣшливо).*
Кто отослать хотѣлъ на небеса
Такого ангела *(показывая на Соррини)*, заслуживаетъ тотъ
Ужаснѣйшую казнь!...

Моисей *(за дверью).*

Впустите поскорѣе! *(Вбѣгаетъ въ отчаяньи).*
Мой сынъ! Фернандо! гдѣ онъ? гдѣ онъ? гдѣ онъ?
Фернандо, ты—мой сынъ! недавно я
Узналъ,—раввинъ мнѣ объявилъ,—что сдѣлалъ ты?
Нашелъ... и вновь теряю навсегда!
Мой сынъ! мой сынъ! о, небо!

Фернандо *(вздрагиваетъ).*

Я твой сынъ? *(Молчаніе.)*
Старикъ... неправда! говори: неправда!
Что пользы мнѣ найти отца въ подобный часъ?
Старикъ... ты обманулся!... я не сынъ твой;
Никто не требуй больше отъ меня любви!

Моисей.

Нѣтъ, я тебя спасу! *(Бросается къ ногамъ Соррини).*
О, господинъ!
Я сожалѣнья не прошу у христіанъ:
Я знаю, господинъ, оно—проступокъ!
Но вся моя казна—твоя. *(Обнимаетъ колѣна).*
Вотъ здѣсь червонцы!... *(Вынимаетъ мѣшокъ).*
Спаси его! позволь ему бѣжать!
Онъ сынъ мой!... за него я все отдамъ.

Фернандо.

Встань! встань! не унижай себя предъ нимъ,
Будь гордъ, какъ я,—иль ты не мой отецъ!
Встань и учися ненавидѣть, презирая.

Моисей *(на колѣнахъ).*

Возьми мое богатство, все оно...
Передъ тобой!... я дочь еще имѣю!...

Фернандо.

Старикъ, молчи! когда бъ я не былъ связанъ,
Я бъ ротъ тебѣ зажалъ...

Моисей.

Помилуй!... *(Обнимаетъ колѣна).*

Соррини.

Нѣтъ!

Моисей.

На казнь?...

Соррини.

Ну, что жъ?

Начальникъ *(одному изъ служителей).*

Иди впередъ.

Фернандо *(къ Моисею и Эмиліи).*

Прощайте! *(Его уводятъ).*

Соррини *(Моисею).*

Ну, что ты?

Моисей.

Увели!... нельзя ль помочь?

Соррини *(беретъ мѣшокъ съ деньгами).*

Попробую! всѣ средства не исчезли:
Въ судѣ имѣю я довольно власти,—
Да ты—еврей! ага!... зачѣмъ ты здѣсь?...
О, погоди! я и съ тобою справлюсь. *(Уходитъ, смѣясь).*

Моисей.

Ушелъ!—и деньги взялъ, и сына взялъ,
Оставилъ съ мрачною угрозой!... О, Творецъ,
О, Богъ Ерусалима!... Я терпѣлъ...
Но я отецъ!—Дочь лишена разсудка,
Сынъ на краю позорныя могилы,
Имѣніе потеряно... О, Боже! Боже!
Нѣтъ! Аврааму было легче—самому
На Исаака ножъ поднять, чѣмъ мнѣ!...
Рвись, сердце, рвись, прошу тебя... и вы
Долой, густые волосы, чтобъ громъ

Рисунокъ М. Ю. Лермонтова.

Небесъ разилъ открытое чело! *(Рветъ волосы).*
Сынъ! дочь! имѣніе! червонцы!
Все, все *(ломая руки)* потеряно навѣкъ!

(Входятъ два человѣка съ носилками).

О горе! горе мнѣ! о горе! горе! *(Жидъ убѣгаетъ).*

(Два человѣка съ удивленіемъ глядятъ).

1-й гробовщикъ.

Вездѣ одно отчаянье да казни;
Конечно, этотъ человѣкъ не мало
Имѣлъ несчастья

(показывая на дверь, откуда ушелъ Моисей).

2-й гробовщикъ.

Да! какъ волосы онъ рвалъ!

1-й гробовщикъ.

Онъ жидъ; однако жъ я его жалѣю.

2-й гробовщикъ.

Примѣтилъ ли, когда насъ посылалъ
Донъ Алварецъ за тѣломъ дочери,

Какъ онъ едва держался на ногахъ,
И крупная слеза катилась по щекѣ?

1-й гробовщикъ.

Да! это приключенье занимаетъ
Весь городъ!

2-й гробовщикъ

(съ помощью другого кладетъ на носилки тѣло Эмиліи).

Миръ душѣ твоей, дѣвица!...

1-й гробовщикъ.

Ей пышныя готовятъ похороны,
Я слышалъ.

2-й гробовщикъ.

Вотъ чего не понимаю,—
Не все ль равно усопшему: въ парчѣ
Или въ холстѣ онъ будетъ съѣденъ червемъ?

1-й гробовщикъ.

Такъ принято.

2-й гробовщикъ

(обвивая покрываломъ тѣло на носилкахъ, чтобы оно не упало).

Вотъ брачная постель твоя,
Красавица! *(Молчаніе).* Куда она была прекрасна!..
Хоть я привыкъ къ такимъ работамъ, а теперь
Мнѣ какъ то жалко; какъ то тяжело
На сердцѣ. *(Подымаетъ носилки съ Эмиліею).*

1-й гробовщикъ.

Полно тутъ болтать. За дѣло!
Пойдемъ... Вотъ такъ! Смотри, держать ровнѣе.
(Уносятъ тѣло).

СЦЕНА II.

Улица въ городѣ близко жилища Алвареца; народъ.

1-й испанецъ.

А! здравствуй! добрый день! Ты слышалъ ли
Печальную исторію Фернандо?

2-й испанецъ.

Онъ въ городъ приведенъ сегодня, взятъ
Въ тюрьму; ужъ судъ надъ нимъ оконченъ,
Костеръ стоитъ готовъ,—я видѣлъ самъ.
У насъ не любятъ очень долго мѣшкать:

Когда какой-нибудь монахъ обиженъ,—
Сейчасъ сожгутъ, хотя невиноватъ.

3-й испанецъ.

Однако же Фернандо виноватъ. Зачѣмъ
Онъ бѣдную Эмилію зарѣзалъ?
Жестокосердый!... Нѣтъ, пускай горитъ онъ!

4-й испанецъ.

Онъ смерть предпочиталъ позорной жизни
И думалъ сдѣлать ей добро, не зло.

2-й испанецъ.

Народъ валитъ толпой, чтобъ посмотрѣть,
Какъ умираетъ человѣкъ. *(Показывая на толпу).*
Кто скажетъ,
Что эти люди сами смертные?

Сарра *(за сценой).*

О, помогите удержать ее!

(Ноэми входитъ съ растрепанными волосами, а за нею Сарра).

До самаго до города она
Все такъ бѣжала... я измучилась!
Ноэми! ахъ, она сошла съ ума!

Ноэми.

Пусти меня!... мой братъ! мой братъ! мой братъ!
Куда ты?... я тебя люблю! люблю такъ нѣжно.
Законъ—тиранъ! Какой уродливый
И гадкій видъ!... Дай руку мнѣ!—о нѣтъ!
Какъ эти пальцы пахнутъ смертью!
Отдайте ожерелье мнѣ назадъ...
Мой братъ! мой братъ! мой братъ!
Я знала: онъ погибнетъ. Сарра,
Пойдемъ домой. *(Сарра беретъ ее за руку).*
Нѣтъ! такъ я не хочу! *(Бросается на колѣна).*
О, люди добрые! скажите мнѣ:
Гдѣ братъ мой?

2-й испанецъ.

Кто она?

Сарра.

Ахъ!.. сжальтесь!
Вы видите, она сошла съ ума,
Никто ее не можетъ удержать...

2-й испанецъ.

Когда бы всѣ жиды съ ума сошли,
Какъ эта дѣвушка,—намъ было бъ лучше.

Ноэми.

Гдѣ братъ мой?

4-й испанецъ.

Бѣдная еврейка!

Ноэми *(вставъ)*.

Вы думали, что я бѣдна; но мой отецъ
Стократъ богаче васъ и въ столько жъ лучше.
Вы думали, что долго буду я
Стоять предъ вами на колѣнахъ,—такъ ошиблись!
Я буду пѣть, плясать и веселиться! *(Обтираетъ глаза)*.
Прочь! прочь, вы, слезы! вы—лжецы!
Не плакать я хочу, но веселиться!
Прочь, слезы! мой отецъ богатъ... *(Стонетъ)*.

Сарра.

Что говоритъ она? Все бредитъ!
Мы—бѣдные евреи!..

2-й испанецъ *(глядя на Ноэми)*.

Какъ жалка!

Ноэми.

Гдѣ онъ?
Пылаетъ небо, люди гибнутъ,
Земля трепещетъ... тамъ въ огнѣ, въ огнѣ
Мой братъ! мой братъ! Я не пойду къ нему!..
Пустите!..

Сарра.

Что ты дѣлаешь?
Великій Боже! образумь ее!

5-й испанецъ *(вбѣгаетъ)*.

Все кончилось! я былъ въ судѣ; Фернандо
Ведутъ на казнь, его пытали долго;
Вопросы дѣлали,—онъ все молчалъ; ни слова
Они не вырвали у гордаго Фернандо,
И скоро мы увидимъ дымъ и пламя.

2-й испанецъ.

Пойдемте посмотрѣть на казнь Фернандо.

(Нѣкоторые идутъ. Народъ толпится черезъ улицу).

Ноэми.

Чья казнь? *(Упадаетъ на землю).* Я слышала, Фернандо...
(тихо)
Мой братъ... что жъ? смѣйтесь... казнь и смерть!
Какъ это больно! *(Группа составляется вокругъ нея).*

Сарра.

Помогите ей!
Воды! я заклинаю Богомъ, помогите! *(Становится на колѣна возлѣ).*
Она еще тепла... О, демоны, не люди!
Что я могу, безсильная старуха?
О, помогите, помогите ей!

6-й испанецъ *(сухо).*

Жидовка умереть одна не можетъ?
Пускай она издохнетъ! и Фернандо,
Какъ говорятъ, былъ сынъ жида.

Сарра.

Онъ сынъ,
По крайней мѣрѣ, человѣка,—ты же камень!
Проклятье на тебя, кто бъ ни былъ ты! *(Склоняясь къ Ноэми).*
Ноэми! ты оставить хочешь насъ?
Ужасная судьба отца: и дочь, и сына
Въ одну минуту потерять!

Ноэми *(тихо).*

Фернандо!..
(Молодой человѣкъ изъ толпы подходитъ ближе).

7-й испанецъ.

Прелестныя черты!—когда бъ печаль
И смерть не истощили ихъ
Красы до половины... Что за блѣдность!
(Сарра беретъ ее за руку и вздрагиваетъ).
Свинцу подобны сдѣлалися губы...
. . . .

MENSCHEN UND LEIDENSCHAFTEN

ЛЮДИ И СТРАСТИ

Ein Trauerspiel.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Тобою только вдохновенный,
Я строки грустныя писалъ,
Не знавъ ни славы, ни похвалъ,
Не мысля о толпѣ презрѣнной.
Одной тобою жилъ поэтъ,
Скрываючи въ груди мятежной
Страданья многихъ, многихъ лѣтъ,
Свои мечты, твой образъ нѣжной
На зло враждующей судьбѣ.
Имѣлъ онъ лишь одно въ предметѣ:
Всю душу посвятить тебѣ,
И больше никому на свѣтѣ!..
Его любовь отвергла ты,
Не заплативши за страданья...
Пусть предъ тобой сіи листы
Листами будутъ оправданья.
Прочти,—онъ здѣсь своимъ перомъ
Напомнилъ о мечтахъ былова,
И, если не полюбишь снова,
Ты, можетъ быть, вздохнешь объ немъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Марѳа Ивановна Громова, 80 лѣтъ.
Николай Михалычъ Волинъ, 45 лѣтъ.
Юрій Николаичъ, сынъ его, 22 лѣтъ.
Василій Михалычъ Волинъ, братъ Ник. Мих., 48 лѣтъ.
Любовь } дочери: 1-я—17-ти лѣтъ, 2-я—19-ти лѣтъ.
Элиза }
Заруцкій, молодой офицеръ, 24 лѣтъ.
Дарья, горничная Громовой, 38 лѣтъ.
Иванъ, слуга Юрія.
Василиса, служанка двухъ барышень.
Слуга Волиныхъ.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ Громовой.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Утро.—Стоитъ на столѣ чайникъ, самоваръ и чашки.

Дарья.

Что, Иванъ, сходилъ ли ты на погребъ? Тамъ, говорятъ, все замокло отъ вчерашняго дождя... Да видѣлъ ли ты, гдѣ Юрій Николаичъ?

Иванъ.

Ходилъ, матушка Дарья Григорьевна, и перетеръ все, что надобно... а барина то я не видалъ,—вишь ты, онъ, вѣрно, пошелъ къ батюшкѣ наверхъ; дѣло обыкновенное,—кто не хочетъ съ подобнымъ отцомъ быть? ѣдетъ же онъ въ чужіе края, такъ что̀ мудренаго?.. А не знаете ли, матушка, скоро мы съ бариномъ то молодымъ отправимся или нѣтъ? Скоро ли вы съ нимъ проститесь?

Дарья.

Я слышала, барыня говорила, что черезъ недѣлю; для того то и Николай Михалычъ со всей семьей привалилъ сюда; да знаешь ли, вотъ тебѣ Христосъ, съ тѣхъ поръ, какъ они пріѣхали сюда, съ тѣхъ самыхъ поръ (я это такъ твердо знаю, какъ то, что у меня пять пальцевъ на рукѣ)—я двухъ серебряныхъ ложекъ не досчиталась. Ты не вѣришь?

Иванъ.

Какъ не вѣрить, матушка, коли ты говоришь! Однако жъ это мудрено,—вѣдь у тебя все приперто,—надо быть большому искуснику, чтобъ подтибрить двѣ серебряныя ложки. Да! тутъ, какъ хо-

чешь, экономію наблюдай и давай намъ меньше жалованья и одежи и все, что хочешь, а какъ всякій день, да всякій день пропажи, такъ ничего не поможешь.

Дарья.

Эта же вина все на мнѣ, да на мнѣ; а я, видитъ Богъ, такъ вѣрно служу Марѳѣ Ивановнѣ, что нельзя больше. Пускаютъ этихъ... прости, Господи, мое согрѣшеніе!—въ домъ, угощаютъ; а сдѣлалась пропажа,—я отвѣчаю. Ужъ ругаютъ, ругаютъ! *(Притворяется плачущею).*

Иванъ.

А можно спросить, отчего барыня въ ссорѣ съ Николаемъ Михалычемъ?—Кажись бы не отчего,—близкіе родня...

Дарья.

Не отчего? Какъ не отчего! Погоди, я тебѣ все это дѣло разскажу. *(Садится).* Вишь ты, я еще была дѣвчонкой, какъ Марья Дмитріевна, дочь нашей боярыни, скончалась, оставя сынка. Всѣ плакали, какъ сумасшедшіе,—наша барыня больше всѣхъ. Потомъ она просила, чтобъ оставить ей внука, Юрья Николаича; отецъ то сначала не соглашался, но, наконецъ, его улакомили,—и онъ, оставя сынка, да и отправился къ себѣ въ отчину. Наконецъ, ему и вздумалось къ намъ пріѣхать, а слухи то и дошли отъ добрыхъ людей, что онъ отниметъ у насъ Юрья Николаича. Вотъ отъ этого съ тѣхъ поръ они и въ ссорѣ еще...

Иванъ.

Да какъ-ста же за это можно сердиться? По-моему, такъ отецъ всегда воленъ взять сына,—вѣдь это его собственность. Хорошо, что Николай Михалычъ такой добрый, что онъ сжалился надъ горемъ тещи своей; а другой бы не сдѣлалъ того и не оставилъ бы своего дѣтища.

Дарья.

Да, посмотрѣла бы я, какъ онъ сталъ бы его воспитывать: у него у самого жить почти нечѣмъ, хоть онъ и нарахтится въ важные люди; какъ бы онъ сталъ за него платить по четыре тысячи въ годъ за обученье разнымъ языкамъ?

Иванъ.

Э-эхъ! матушка моя! есть пословица на Руси: глупому сыну не въ помощь богатство. Что въ этихъ учителяхъ? коли уменъ, такъ все уменъ, а какъ глупъ, такъ все напрасно.

Дарья *(съ улыбкой).*

А! я вижу, и ты заступаешься за Николая Михалыча,—онъ, видно, тебя прикормилъ, сердешный; таковъ то ты! добро, добро...

Иванъ *(въ сторону).*

По себѣ судитъ. *(Съ гордымъ видомъ).* Я всегда за правую сторону заступаюсь, и положусь на всю дворню, которая знаетъ, что меня еще никто никогда не прикармливалъ.

Дарья.

Такъ и ты оставляешь нашу барыню... хорошо, хорошо, Иванъ! *(Топнувъ ногой).* Такъ я одна остаюсь у нея, къ ней привязанная всѣмъ сердцемъ... Несчастная барыня! *(Притворяется плачущею).*

Иванъ *(въ сторону).*

Аспидъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Входитъ Василиса съ молочникомъ.

Василиса.

Пожалуйте, Дарья Григорьевна, барышнямъ сливокъ. Вы прислали молока, а онѣ привыкли дома пить чай со сливками; такъ не прогнѣвайтесь.

Дарья.

Онѣ у васъ все сливочки попивали! *(Въ сторону).* Видишь, богачки! *(Ей).* У меня нѣтъ сливокъ; теперь постъ, такъ я не кипятила.

Василиса.

Я такъ и скажу.

Дарья.

Такъ и скажи! Ну, чего ждешь? я тебѣ сказала, что у меня нѣтъ. *(Василиса уходитъ. Она продолжаетъ).* Экія какія спесивыя! вѣдь голь, настоящая голь, а туда же: сливокъ, да сливокъ! рады, что къ тѣмъ попали, гдѣ есть сливки. Пускай же знаютъ, что я не ихъ слуга! Экія какія...

ЯВЛЕНІЕ III.

Николай Михалычъ, Василій Михалычъ входятъ.

Ник. Мих. *(Дарьѣ).*

Здравствуй, Дарья!..

Дарья.

Здравствуйте, батюшка! хорошо ли почивали?..

Ник. Мих.

Хорошо; да у васъ что то жарко наверху. Послушай, пошли мнѣ моего человѣка.

Дарья *(Ивану).*

Пошли! что ты стоишь? *(Онъ уходитъ).*

Ник.. Мих. *(брату).*

Посмотри-ка, братъ, какъ утро прекрасно, какъ все свѣжо! Ахъ, я люблю ужасно это время,—пойдемъ прогуляться въ саду, пойдемъ...

Вас. Мих.

Изволь, я готовъ. *(Уходятъ. Дарья отворяетъ имъ дверь. Дарьѣ).* Подай намъ чаю въ садъ, слышишь?

Дарья.

Каковы!—принеси имъ туда чаю. Какъ будто я ихъ раба. Какъ бы не такъ! такъ не понесу же имъ чаю, пускай ждутъ или сами приходятъ. О-охъ, время пришло, времечко: всякій командуетъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Квартира Заруцкаго въ избѣ.—(Ребятишки на полатяхъ, люлька и баба за пряжей въ углу).

Заруцкій.

(Сидитъ за столомъ, на которомъ стоитъ бутылка и два стакана; онъ въ гусарскомъ мундирѣ).

Вотъ, кажется, я нашелъ еще товарища моей молодости. Какъ полезно это общественное воспитаніе: на каждомъ шагу жизни мы встрѣчаемъ собратій, раздѣлявшихъ наши занятія. Шалости, конечно, милы бываютъ, только пока мы молоды. Какъ старое воспоминаніе, намъ любезенъ старый другъ. *(Молчаніе).* А Волинъ былъ удалой малый: ни въ чемъ никому не уступалъ —ни въ буянствѣ, ни въ умныхъ дѣлахъ и мысляхъ; во всемъ былъ первый, и я завидовалъ ему! Но онъ скоро будетъ,—я послалъ сказать ему, что старый его пріятель здѣсь. Посмотримъ, вспомнитъ ли онъ меня? *(Пьетъ).* Славное вино, то то попотчиваю. *(Беретъ гитару и играетъ и поетъ или 1-е, или 2-е; гитара лежала на столѣ).*

1.

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись,
Въ день унынія смирись,—
День веселья, вѣрь, настанетъ.
Сердце въ будущемъ живетъ,
Настоящее уныло.
Все мгновенно, все пройдетъ;
Что пройдетъ, то будетъ мило... [1])

2-е.

Смертный, мнѣ ты подражай:
Наслаждайся, наслаждайся,

---

[1]) Стих. Пушкина.

Страстью пылкой утомляйся,
А за чашей отдыхай. *(Пьетъ).*

(Въ эту минуту дверь отворяется, и Юрій быстро входитъ въ избу и бросается на шею Заруцкому. Молчаніе).

ЯВЛЕНІЕ V.

Юрій.

Заруцкій!... Какъ неожиданно!...

Заруцкій.

Давно, братъ Волинъ, не видались мы съ тобой. Я ожидалъ тебя и зналъ навѣрно, что ты меня не забылъ. Каковъ же я пророкъ!

Юрій.

Какъ ты перемѣнился со время разлуки нашей,—ужасъ! Однако не постарѣлъ и такой же веселый и удалой.

Заруцкій.

Мое дѣло гусарское... А вѣдь и ты перемѣнился ужасно...

Юрій.

Да, я перемѣнился; посмотри, какъ я постарѣлъ. О, еслибъ ты зналъ всѣ причины этому, ты бы содрогнулся и вздохнулъ бы.

Заруцкій.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ больше всматриваюсь, ты мраченъ, угрюмъ, печаленъ; ты не тотъ Юрій, съ которымъ мы пировали, бывало, такъ беззаботно, какъ гусары наканунѣ кровопролитнаго сраженія.

Юрій.

Ты правду говоришь, товарищъ. Я не тотъ Юрій, котораго ты зналъ прежде; не тотъ, который съ дѣтскимъ простосердечіемъ и довѣрчивостью кидался въ объятья всякаго; не тотъ, котораго занимала несбыточная, но прекрасная мечта земного общаго братства, у котораго при одномъ названіи свободы сердце вздрагивало и щеки покрывались живымъ румянцемъ. О, другъ мой! того юношу давнымъ-давно похоронили. Тотъ, который передъ тобою, есть одна тѣнь: человѣкъ полуживой, почти безъ настоящаго и безъ будущаго, съ однимъ прошедшимъ, котораго никакая власть не можетъ воротить.

Заруцкій.

Полно! полно! я не вѣрю ушамъ своимъ. Ты, что ли, это ты говоришь? Скажи мнѣ, что съ тобою сдѣлалось, объясни мнѣ,—я, чортъ возьми, ничего тутъ не могу понять: изъ удальца сдѣлался

такимъ мрачнымъ, какъ докторъ Фаустъ! Полно, братецъ, оставь свои глупыя бредни.

Юрій.

Немудрено, что ты меня не понимаешь; ты вышелъ двумя годами прежде меня изъ пансіона и не могъ знать, что со мной случилось... Много, много было безъ тебя со мною; ахъ, слишкомъ много! *(Начинаетъ разсказъ; Заруцкій закуриваетъ трубку).*

Заруцкій.

Да что же могло съ тобою быть? Несправедливости начальства, товарищей? И ты этого въ шесть лѣтъ не могъ забыть? Полно, полно! что-нибудь другое томитъ и волнуетъ твою душу. Глаза черно-бровой красавицы, par exemple!

Юрій.

Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Что за смѣшная мысль! Ха! ха! ха! *(Молчаніе).*

Заруцкій.

Да что же? Мнѣ любопытно знать!... Кстати, выпей-ка стаканъ! *(Взявъ за руки).* Не знаю, чѣмъ тебя мнѣ угостить, дорогого гостя...

Юрій *(выпивъ).*

Помнишь ли ты Юрія, когда онъ былъ счастливъ, когда ни раздоры семейственные, ни несправедливости еще не начинали огорчать его? Лучшимъ разговоромъ для меня было размышленіе о людяхъ. Помнишь ли, какъ нетерпѣливо старался я узнавать сердце человѣческое, какъ пламенно я любилъ природу, какъ твореніе человѣчества было прекрасно въ ослѣпленныхъ глазахъ моихъ? Сонъ этотъ миновался, потому что я слишкомъ хорошо узналъ людей.

Заруцкій.

Вотъ мы, гусары, такъ этими пустяками не занимаемся; намъ жизнь—копейка, зато и проводимъ ее хорошо.

Юрій.

Безъ тебя у меня не было друга, которому могъ бы я на грудь пролить всѣ мои чувства, мысли, надежды, мечты и сомнѣнья... Я не знаю,—отъ колыбели какое то странное предчувствіе мучило меня; часто я во мракѣ ночи плакалъ надъ хладными подушками, когда воспоминалъ, что у меня нѣтъ совершенно никого, никого на цѣломъ свѣтѣ, кромѣ тебя, но ты былъ далеко. Несправедливости, злоба—все посыпалось на голову мою; какъ будто бы туча, разлетѣвшись, упала на меня и разразилась, а я стоялъ, какъ камень,—безъ чувства. По какому то машинальному побужденію я протянулъ руку и услышалъ насмѣшливый хохотъ,—и никто не принялъ руки моей, и она обратно упала на сердце... Любовь мою къ свободѣ

Рисунокъ М. Ю. Лермонтова.

человѣчества почитали вольнодумствомъ... Меня никто послѣ тебя не понималъ... Однако жъ, ты мнѣ возвращенъ снова! не правда ли?...

Заруцкій.

О, государь! нашъ мудрый государь! если бы ты зналъ, какимъ гидрамъ, какимъ чудовищамъ, какимъ низкимъ нравственнымъ уродамъ препоручаешь лучшій цвѣтъ твоего юношества! Но гдѣ тебѣ знать?... одинъ Богъ всевѣдущъ!... Чортъ меня дери, если я не изрублю этого... злодѣя, когда онъ мнѣ попадется,—онъ многихъ сдѣлалъ несчастливыми.—Продолжай, другъ мой!...

Юрій.

Потомъ ты знаешь, что у моей бабки, моей воспитательницы, жестокая распря съ отцомъ моимъ, и это все на меня упадаетъ. Наконецъ, я тебѣ скажу, не проходитъ дня, чтобы новыя непріятности не смущали насъ,—я окруженъ такими подлыми тварями, все такъ мнѣ противорѣчитъ...

Заруцкій.

Эхъ, любезный! чортъ съ ними!... всѣхъ не исправишь!

Юрій.

Еще *(беретъ его за руку)*. знаешь ли? Я люблю...

Юрій.

Я ѣду, я долженъ ѣхать, я хочу ѣхать... *(Кидается на стулъ и вдругъ закрываетъ лицо руками).*

Заруцкій.

(Стоитъ въ безмолвіи надъ нимъ; покачавъ головою).

Бѣдный!... кто виноватъ? Неужели человѣкъ можетъ быть такъ чувствителенъ, что всякая малость раздражаетъ его до такой степени? *(Ударивъ себя по сердцу).* Этого я, по чести, не понимаю!... Эй, братъ, вставай-ка, ты боленъ... опомнись! *(Трогаетъ его).*

Юрій.

Да! я боленъ! смертный ядъ течетъ по моимъ жиламъ. *(Заруцкій поднимаетъ его. Какъ ото сна всталъ).* Гдѣ я, у кого я?

Заруцкій.

Въ объятіяхъ твоего друга.

Юрій *(обнимаетъ его. Съ восторгомъ).*

У меня есть другъ!...

Заруцкій.

Утѣшься, братъ! не вѣкъ горе!

Юрій *(не слыша его).*

Ты на меня не сердитъ? А?—Прости мнѣ, если я что-нибудь тебѣ обидное сказалъ: не я говорилъ—мои страсти, мое безумство; прости меня...

Заруцкій.

Тебѣ нуженъ свѣжій воздухъ... Итакъ, пойдемъ отсюда... въ поле... *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Комната барышень. Любенька сидитъ и читаетъ; горничная шьетъ платье, а Элиза передъ трюмо. Все тихо.

Элиза *(примѣривая шляпу).*

Посмотрите, ma soeur, какъ эта шляпка на мнѣ сидитъ... не правда ли, что прекрасно?...

Любовь.

Да, это правда. *(Положивъ книгу).* Ахъ, если бы ты знала, какую прекрасную книгу я читаю.

Элиза.

А что такое, позвольте спросить?

Любовь.

Вудстокъ, или Всадникъ, Вальтеръ-Скотта. Я остановилась на томъ мѣстѣ, когда Алина удерживаетъ короля и полковника... Ахъ, какъ я ей завидую!...

Элиза.

По мнѣ ничего тутъ нѣтъ прекраснаго; пускай бы ихъ сражались да шею себѣ ломали. Ха, ха, ха! какая дура твоя Алина!...

Любовь.

У всякаго свой вкусъ...

Элиза.

Кстати. Помнишь ли, какъ мы были въ Москвѣ, я танцовала съ однимъ прехорошенькимъ молодымъ мальчикомъ; онъ мнѣ писалъ письмо, познакомился съ кузинами для меня.

Любовь *(съ презрѣніемъ).*

И ты приняла письмо?

Элиза.

Экая важность! я очень рада... Когда мы пріѣдемъ опять въ столицу, онъ на мнѣ женится... А ты не хочешь замужъ, душенька моя?—Будь спокойна, не возьметъ тебя никто!

Любовь.

Гдѣ жъ намъ съ вами, большими барынями, равняться... ты любимая дочка, а...

Элиза *(какъ будто не слышитъ ее).*

Какое прекрасное время! Пойду въ садъ. *(Уходитъ.)*

Любовь.

За что меня батюшка меньше ея любитъ? Боже мой! что я сдѣлала? Неужели должна любовь отца раздѣляться не равно! Ахъ, какъ мнѣ грустно!—Кажется, я привязана къ нему съ такой же нѣжностью, какъ и сестра моя; никогда не огорчала его непослушаніемъ—никогда, никогда... Ахъ, если бы маменька была жива, еслибъ было кому съ участіемъ, нѣжностью меня прижать къ груди своей, я бы не жаловалась на судьбу мою.—*(Василиса, служанка, встаетъ и уходитъ).* Какъ я помню ея послѣднія слова: „не плачь, дочь моя! что дѣлать, если отецъ тебя не любитъ! Молись, дочь моя! Божеская любовь равна любви родительской“. И блѣдное болѣзненное лицо ея сдѣлалось совершенно спокойно, какъ смерть!... *(Молчаніе).* Видно, мнѣ вѣчно быть сиротой! Я смутно помню, что когда то я была у Троицкой лавры, и мнѣ схимникъ предсказалъ много горестей. О, святой старикъ! зачѣмъ твое предсказаніе исполнилось? *(Она садится за книгу. Вдругъ входитъ Заруцкій. Она въ испугѣ вскакиваетъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Заруцкій подходитъ къ ней.

Любовь.

Чего вамъ надобно, милостивый государь, здѣсь, когда я одна? Вы, вѣрно, ошиблись комнатой, вы не сюда хотѣли войти...

Заруцкій.

Нѣтъ, сударыня, я точно тамъ, гдѣ хотѣлъ быть... Это ваша комната?...

Любовь.

Кажется...

Заруцкій.

Не пугайтесь, прошу васъ, не пугайтесь...

Любовь.

Мнѣ нечего васъ пугаться! только этотъ поступокъ очень удивителенъ...

Заруцкій.

Если вы узнаете причины его, то, клянусь вамъ, не будете удивляться... Если вы слыхали или чувствовали сами ту власть, которой покорствуетъ все въ природѣ... то исполните мою просьбу...

Любовь.

Мнѣ кажется, у васъ никакой просьбы до меня, 17-лѣтней дѣвушки, не можетъ быть. Что я могу вамъ сдѣлать?...

Заруцкій.

Я гусаръ, а гусары говорятъ то, что думаютъ. Позволяете ли мнѣ говорить откровенно? *(Она въ смущеніи молчитъ).* Знавали ли вы страданья любви? Вы носите ея имя... отвѣчайте, протекалъ ли огонь ея по вашимъ жиламъ?

Любовь.

Какой странный вопросъ...

Заруцкій.

Знавали ли вы любовь?...

Любовь.

Это слишкомъ много, слишкомъ дерзко, — я не привыкла къ такимъ разговорамъ! оставьте меня! Вы не хотите, — я вамъ приказываю, не то я позову людей... ибо я не хочу вамъ сдѣлать эту непріятность. Оставьте меня...

Заруцкій.

Въ послѣдній разъ заклинаю васъ, скажите мнѣ, любили ли вы какого-нибудь юношу... одного на цѣломъ свѣтѣ?

Любовь *(съ досадою).*

Это слишкомъ вольно, милостивый государь; повторяю вамъ, если вы меня не оставите...

Заруцкій

(вскакиваетъ, какъ громомъ пораженъ. Въ сторону).

Итакъ, всѣ надежды мои провалились сквозь землю... Попробую еще... быть можетъ, она мыслитъ, что Заруцкій ее любитъ—ахъ! счастливая мысль—еще есть спасенье. *(Подходитъ къ ней съ спокойнымъ видомъ).* Я обожаю сестру вашу...

Любовь.

Что же вамъ до меня? Зачѣмъ тревожить мое спокойствіе такимъ неожиданнымъ приходомъ? Зачѣмъ же вы пришли ко мнѣ? Вашъ поступокъ невозможно понять...

Заруцкій.

Я для того пришелъ къ вамъ, чтобы вымолить, выплакать помощь. Будьте увѣрены въ чистотѣ моихъ желаній,—я хочу, клянусь вамъ, хочу на ней жениться, но прежде доставьте мнѣ случай съ ней говорить наединѣ; скажите ей, что она любима страстно, столько, сколько гусаръ можетъ любить. Я хочу узнать ее ближе, вы будете свидѣтелемъ,—умоляю васъ! Но что это значитъ? Вы отворачиваетесь? Какъ можно отказываться сдѣлать доброе дѣло, когда мы въ состояніи?

Любовь.

Я не въ состояніи этого сдѣлать!...

Заруцкій.

Какъ! имѣя довѣренность сестры вашей, ея дружбу,—и вы...

Любовь.

Вы ошибаетесь... Я не имѣю ничьей довѣренности, ничьей дружбы...

Заруцкій.

Итакъ, мнѣ идти безъ надежды—а?...

Любовь.

Нѣтъ, останьтесь... Слушайте... поклянитесь мнѣ, что вы во зло не употребите ея снисхожденіе... Но чѣмъ вамъ клясться?... Нѣтъ... лучше... скажите мнѣ, положивъ руку на сердце: правда ли,

что мужчины такъ злы и коварны, какъ ихъ обвиняютъ? Правда ли, что ихъ душѣ ничего не стоитъ погубить дѣвушку навѣки?

Заруцкій *(подумавъ, рѣшительно).*

Неправда. *(Слышенъ шумъ).*

Любовь.

Я постараюсь убѣдить Элизу; но помните, что грѣшно будетъ употребить во зло мою и сестрину довѣренность... Слышите, — она идетъ; бѣгите скорѣй, бѣгите...

Заруцкій.

Я буду надѣяться. *(Уходитъ. Черезъ минуту входитъ Элиза).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Элиза.

Ахъ, какой смѣхъ! Grand Dieu! Grand Dieu! Кабы ты знала, Любенька, что тамъ за шумъ внизу. Марѳа Ивановна такъ раскапризничалась, что хоть изъ дому бѣги!... Ужасть!... дѣвокъ по щекамъ такъ и лупитъ. Ха! ха! ха! ха! Стоитъ посмотрѣть! И за что?... ахъ, дай отдохнуть, — самая глупѣйшая глупость. — Ахъ, какъ я устала!... послѣ тебѣ разскажу...

Любовь.

А у меня есть дѣло очень важное до тебя... и на твой счетъ...

Элиза.

Что такое? Скажи, пожалуйста! скажи!

Любовь.

Пойдемъ со мной. *(Уходятъ).*

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Комната Марѳы Ивановны. Она сидитъ на креслахъ; передъ ней стоитъ Дарья.

Марѳа Ив.

Какъ ты смѣла, Дашка, выдать на кухню нынѣшній день двѣ курицы и безъ моего спросу? Отвѣчай!

Дарья.

Виновата... я знала, матушка, что двѣ то много, да некогда было вашей милости доложить...

Марѳа Ив.

Какъ, дура, скотина! двѣ много? Да намъ ѣсть нечего будетъ; ты меня этакъ, пожалуй, съ голоду уморишь! Да знаешь ли, что я тебѣ сейчасъ, вотъ при себѣ, велю надавать пощечинъ...

Дарья *(кланяясь)*.

Ваша власть, сударыня! Что угодно... мы ваши рабы...

Марѳа Ив.

Что не было ли у васъ какого-нибудь крику съ Николай Михайловичемъ?...

Дарья.

Нѣту-съ, какъ-съ можно-съ намъ ссориться? а вотъ что-съ: нынче ко мнѣ барышни присылали просить сливокъ, и у меня хошь онѣ были, да...

Марѳа Ив.

Что жъ ты, вѣрно, отпустила имъ?

Дарья.

Никакъ нѣтъ-съ...

Марѳа Ив.

Какъ же ты смѣла?...

Дарья.

Добро бы съ вашего позволенія, а то вы почивали, такъ этакъ, если всякимъ давать сливокъ, — коровъ, сударыня, не достанетъ... У насъ же нынче одна корова захворала, и я, матушка, виновата! не дала, не дала густыхъ сливочекъ... Слыхано ли во свѣтѣ—безъ барскаго позволенія!...

Марѳа Ив.

Ну, такъ хорошо сдѣлала... Не знаешь ли ты, гдѣ мой внукъ, молодой баринъ?...

Дарья.

Кажется, сударыня, онъ у своего батюшки...

Марѳа Ив.

Все тамъ сидитъ, сюда не заглянетъ! Экій какой онъ сдѣлался... Бывало, прежде ко мнѣ онъ былъ очень привязанъ, не отходилъ отъ меня, пока малъ былъ. И напрасно я удаляла его отъ отца: таки умѣли Юрьюшку увѣрить, что я отняла у отца материнское имѣнье; какъ будто не ему же это имѣнье достанется!... ахъ! злые люди!...

Дарья.

Ваша правда, матушка! злые люди.

Марѳа Ив.

Кто станетъ покоить мою старость? и я ли жалѣла что-нибудь для его воспитанія? Носила сама, Богъ знаетъ, что, готова была отъ чаю отказаться, а по четыре тысячи платила въ годъ учителю... и все пошло невпрокъ... Ужъ, кажется, всякимъ ли маneромъ старалась сберечься отъ нынѣшней бѣды: ставила фунтовую свѣчу каждое воскресенье, всѣмъ святымъ поклонялась; ему ли не наговаривала я на отца, на дядю, на всѣхъ родныхъ, — все не помогло! Ахъ, кабы дочь моя была жива, не то бы на міру дѣлалось, не то бы...

Дарья.

Что это вы, сударыня, такъ сокрушаетесь? Все еще дѣло поправное! можно Юрья Николаича разжалобить чѣмъ-нибудь, а онъ ужъ извѣстенъ: какъ если разжалобится,—куда хочешь, для всякаго на ножъ готовъ... Есть, Марѳа Ивановна, поговорка: желѣзо тогда и куется, пока горячо...

Марѳа Ив.

Вотъ какъ вретъ! можно ли это? Какъ его разжалобишь?—онъ ужъ ничему не повѣритъ!...

Дарья.

Какъ вашей милости у насъ, рабовъ, объ такихъ вещахъ спрашивать?... вамъ ли не знать...

Марѳа Ив. *(смотря кверху).*

Видитъ Богоматерь, я не теряла молитвъ; постараюсь, попробую поступать по твоему совѣту, Дашка... Да слушай: что они тамъ ни будутъ говорить съ отцомъ, все узнавай и приходи сказывать мнѣ...

Дарья.

Слушаю-съ! ужъ на меня, Марѳа Ивановна, извольте надѣяться.

Марѳа Ив.

Ну, я надѣюсь: ты всегда мнѣ вѣрно служила.

Дарья.

Видитъ Богъ-съ, не обманывала никогда и вѣчно въ точности ваши приказанья исполняла... да и вашей милостью довольна. *(Кланяется).*

Марѳа Ив.

Но вотъ ужъ черезъ недѣлю Юрьюшка поѣдетъ, и я избавлюсь отъ этихъ несносныхъ Волиныхъ. То то, кабы дочь моя была въ живыхъ. *(Молчаніе).* Эй, Дашка, возьми-ка Евангеліе и читай мнѣ вслухъ.

Дарья.

Что прикажете читать?

Марѳа Ив.

Что попадется.

(Дарья открываетъ книгу и начинаетъ читать).

Дарья *(читаетъ вслухъ довольно ясно).*

„Ведяху же и ина два злодѣя съ Нимъ убити. И егда пріидоша на мѣсто, нарицаемое лобное, ту распяша Его и злодѣя, оваго убо одесную, а другого ошуюю. Іисусъ же глаголаше: Отче, отпусти имъ! не вѣдятъ бо, что творятъ. Раздѣляюще же ризы Его, и метаху жребія“.

Марѳа Ив.

Ахъ, злодѣи-жиды! нехристи проклятые! какъ они поступали съ Христомъ!... всѣхъ бы ихъ переказнила безъ жалости... Нѣтъ, правду сказать, еслибъ я жила тогда, положила бы мою душу за Господа, не дала бы его на растерзаніе... Переверни-ка назадъ и читай что-нибудь другое...

Дарья *(читаетъ).*

„Горе вамъ, книжницы и фарисеи, лицемѣри, яко подобитеся гробамъ повапленнымъ, иже внѣуду убо являются красны, внутрьуду же полни суть костей мертвыхъ и всякія нечистоты. Тако и вы, внѣуду убо являетеся человѣкомъ праведни, внутрьуду же есте полни лицемѣрія и беззаконія“.

Марѳа Ив.

Правда, правда говорится здѣсь!... ахъ, эти лицемѣры!... Вотъ у меня сосѣдка Зарубова... такая богомольная, кажется, всякій праздникъ у обѣдни; а намеднясь велѣла загнать своихъ коровъ и табунъ на мои озими,—всѣ потоптали. Злодѣйка!...

Дарья.

Да еще, сударыня, бранитъ васъ повсюду, по домамъ... такая змѣя! И людямъ то своимъ велитъ на васъ клепать ни вѣсть что. Мы хоть рабы, а какъ услышимъ что-нибудь такое, такъ кровь закипитъ, такъ бы и вцѣпилась ей въ волоса...

Марѳа Ив.

Продолжай...

Дарья *(читаетъ).*

„И вы исполните мѣру отецъ вашихъ. Змія, порожденія ехиднова, како убѣжите отъ суда огня геенскаго“.

Марѳа Ив.

Не убѣжитъ она... Послушай, Дашка... возьми что-нибудь другое...

Рисунокъ М. Ю. Лермонтова.

Дарья.

Изъ чьего Евангелія прикажете?

Марѳа Ив.

Отъ Марка.

Дарья.

„Сего ради глаголю вамъ: вся, елика аще молящеся просите, вѣруйте, яко пріемлете, и будетъ вамъ.—И егда стоите молящеся, отпущайте, аще что имате на кого, да и Отецъ вашъ, Иже есть на небесѣхъ, отпуститъ вамъ согрѣшенія ваша".

(Слышенъ громкій стукъ разбитой посуды, обѣ вздрагиваютъ).

Марѳа Ив.

Что это?... Вѣрно, мерзавцы, что-нибудь разбили... Сбѣгай-ка да посмотри!... *(Дарья уходитъ. Черезъ минуту приходитъ).*

Дарья.

Ваша хрустальная кружка, съ позолоченной ручкой и съ вензелемъ.

Марѳа Ив.

Она...

Дарья.

Въ дребезгахъ лежитъ на полу...

Марѳа Ив.

Ахъ, злодѣи! кто разбилъ? Кто этотъ окаянный?...

Дарья.

Васька поваренокъ.

Марѳа Ив.

Пошли его сюда... скорѣй... ужъ я ему дамъ, разбойнику, березовой каши! *(Дарья призываетъ его).*

Марѳа Ив.

Какъ ты это сдѣлалъ, мерзавецъ?... Знаешь ли, что она 15 рублей стоитъ?... Эти деньги я у тебя изъ жалованья вычитаю.—Какъ ты ее уронилъ? Отвѣчай же, болванъ! Ну что жъ ты? Говори. *(Мальчикъ хочетъ говорить).* Какъ? Ты еще оправдываться хочешь... эхъ, братъ! въ плети его, въ плети, на конюшню!... *(Мальчикъ кланяется въ ноги).* Вздоръ! я этимъ поклонамъ не вѣрю... убирайся съ чортомъ, прости, Боже, мое согрѣшеніе... *(Мальчикъ идетъ).* Убирайся... *(Топнувъ ногой).* Моя лучшая кружка, съ золотой ручкой и съ моимъ вензелемъ!... Нельзя ли, Дашка, ее поправить, склеить хоть какъ-нибудь...

Дарья.

Ни подъ какимъ видомъ нельзя-съ.

Марѳа Ив.

Экая бѣда какая!

(Входятъ Николай Михалычъ и Василій Михалычъ Волины. Дарья уходитъ съ книгой).

ЯВЛЕНІЕ II.

Ник. Мих.

Здоровы ли вы, матушка, нынче? и хорошо ли почивали? Я слышалъ, что вы долго не засыпали.

Марѳа Ив.

Да, батюшка, мнѣ что то не спалось,—я все думала объ моемъ Юрьюшкѣ... какъ то онъ поѣдетъ путешествовать; я боюсь за него... Вотъ вы, отцы, не такъ безпокоитесь объ дѣтяхъ... а мнѣ такъ грустно съ нимъ разставаться...

Ник. Мих.

Неужели вы думаете, что мнѣ легче. Вы ошибаетесь, позвольте мнѣ сказать: я сына моего не меньше васъ люблю; и этому доказательство то, что я его уступилъ вамъ, лишился удовольствія быть съ моимъ сыномъ, ибо я зналъ, что не имѣю довольно состоянія, чтобъ воспитать его такъ, какъ вы могли.

Марѳа Ив. *(къ Василію Михалычу).*

Что, батюшка, какъ ваше дѣло? что говоритъ сенатъ?

Вас. Мих.

Сенатъ-съ? До него еще дѣло не доходило, а все еще кутятъ да мутятъ въ уѣздномъ судѣ да въ губернскомъ правленіи... Такіе жадные, канальи, эти крючки-подьячіе со всей сволочью, что когда туда пріѣдешь, такъ и обступятъ. Чутье собачье! знаютъ, что у тебя въ карманахъ есть деньги... И вотъ ужъ пять лѣтъ тянется вся эта комедія... впрочемъ, для меня совсѣмъ не смѣшная, потому что я дѣйствующее лицо.

Марѳа Ив. *(къ Николаю Михалычу).*

Знаете ли, Николай Михалычъ, я хочу, чтобъ Юрьюшка ѣхалъ во Францію, а въ Германію не заглядывалъ, — я терпѣть не могу нѣмцевъ! Чему у нихъ научишься?... Все колбасники, шмерцы!...

Ник. Мих.

Позвольте прервать рѣчь вашу, матушка... Нѣмцы хотя въ просвѣщеніи общественномъ и отстали отъ французовъ, т.-е. имѣютъ нѣкоторыя странности, имъ приличныя, въ обхожденіи не такъ ловки и развязны, но зато глубокомысленнѣе французовъ, и многія науки у нихъ болѣе усовершенствованы; и Юрій въ его лѣта очень даже можетъ самъ располагать собою: ему 22 года, онъ уже имѣетъ чинъ и проч...

Вас. Мих.

Позвольте спросить, Юрій Николаевичъ поѣдетъ моремъ?

Марѳа Ив.

Сохрани Богъ!.. нѣтъ, ни за что.

Вас. Мих.

Такъ ему надо ѣхать чрезъ Германію, иначе невозможно, хоть на карту взгляните.

Марѳа Ив.

Какъ же быть! а я не хочу, чтобъ онъ жилъ съ нѣмцами,— они дураки...

Ник. Мих.

Помилуйте! у нихъ философія преподается лучше, нежели гдѣ-нибудь!—Неужто Кантъ былъ дуракъ?..

Марѳа Ив.

Сохрани Богъ отъ философіи!.. Чтобъ Юрьюшка сдѣлался безбожникомъ!

Ник. Мих. *(съ неудовольствіемъ).*

Неужели я желаю меньше добра моему сыну, чѣмъ вы? Повѣрьте, что я знаю, что говорю. Философія не есть наука безбожія,

а это самое спасительное средство отъ него и вмѣстѣ отъ фанатизма; философъ—истинный счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ, и есть тотъ, который знаетъ, что онъ ничего не знаетъ. Это говорю не я, но люди умнѣйшіе. *(Василій Михалычъ въ тайномъ удовольствіи).* И всякій тотъ, кто хотя мало имѣетъ добраго смысла, со мною согласится...

Мареа Ив.

Стало быть, я его совсѣмъ не имѣю?.. Это слишкомъ самолюбиво съ вашей стороны... увѣряю васъ...

Ник. Мих.

Лучше сами повѣрьте, что отецъ имѣетъ болѣе права надъ сыномъ, нежели бабушка... Я, сжалясь надъ вами, уступилъ единственное свое утѣшеніе, зная, что вы можете Юрія хорошо воспитать... но я ожидалъ благодарности, а не всякихъ непріятностей, когда пріѣзжаю повидаться къ сыну. Вы ошибаетесь очень: Юрій великъ, ужъ онъ сдѣлался почти мужемъ, и можетъ понимать, что тотъ, кто несправедливъ противу отца, недостоинъ уваженія отъ сына... Я говорю правду; вы ея не любите,—прошу вашего извиненія... Впрочемъ, знайте, что я не похожъ на низкихъ вашихъ сосѣдей и не могу не говорить о томъ, что чувствую: я очень огорченъ вашимъ противъ меня нерасположеніемъ... но что жъ дѣлать, вы задѣли меня за живое; я—отецъ и имѣю полное право надъ сыномъ... Онъ вамъ обязанъ воспитаніемъ и попеченіемъ, но я ничѣмъ не обязанъ; вы платили за него въ годъ по 5 тысячъ, содержали въ пансіонѣ,—но я сдѣлалъ еще для васъ жертву, которую не всякій отецъ сдѣлаетъ для тещи... Ужъ не говорю объ имѣніи... прошу извинить.

Мареа Ив. *(привставъ).*

Какъ, и вы тоже меня упрекать, ругать, какъ послѣднюю рабу... въ моемъ домѣ... Ахъ! *(Упадаетъ въ изнеможеніи злобы на кресло и звонитъ въ колокольчикъ).* Дашка, Дашка, палку!

Дарья.

Сію минуту *(приноситъ палку и выводитъ ее изъ комнаты подъ руку).*

Ник. Мих.

О, Боже мой! можетъ ли сумасшествіе женщины дойти до такой степени? *(Ходитъ взадъ и впередъ).*

Вас. Мих. *(подходитъ къ нему).*

Вотъ что значитъ, братецъ, спорить съ бабами! А отчего это все, отчего не могъ ты взять просто сына своего отъ нея? Не хотѣлъ заплатить 3000 р. за бумагу крѣпостную? Вѣдь она тебѣ отдавала имѣніе... что за глупое великодушіе не брать или брать на честное слово, что все равно. Вотъ она и сдѣлала условіе, что если

ты возьмешь къ себѣ сына, такъ она его лишитъ наслѣдства, а тебя не сдѣлала опекуномъ. Что, братъ, видно, поздно?

Ник. Мих.

Но ея слово, увѣренія брата ея... Я почему могъ отгадать, что они меня обманутъ...

Вас. Мих.

Что, скажи мнѣ, ты шутишь? Честное слово! ха! ха! ха!.. Нынче это нуль по лѣвую сторону единицы. *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Садъ.—Сумерки и луна на небѣ; налѣво бесѣдка.—Любовь въ длинной черной шали, въ волосахъ и бѣломъ платьѣ, съ письмомъ въ рукѣ.

Любовь *(читая).*

Онъ желаетъ говорить со мной здѣсь наединѣ, въ это время... Что такое значитъ? Юрій хочетъ со мною говорить,—объ чемъ? Между нами не можетъ быть и не должно быть ничего такого, что бы нельзя было сказать при свидѣтеляхъ. Однако жъ я не должна опасаться, хотя говорятъ, что дѣвушки должны бояться мужчинъ. Зачѣмъ мнѣ Юрія бояться?.. Ахъ! часто, когда на меня устремлялъ онъ свои взоры неподвижные, свѣтлые, что то чудное происходило въ груди моей, сердце билось... Быть можетъ, онъ въ меня влюбленъ? Нѣтъ! нѣтъ! сему не случиться никогда! я не вѣрю этой любви: онъ не можетъ на мнѣ жениться, такъ на что ему безнадежною страстью себя мучить?.. Зеркало мнѣ говоритъ, что я хороша собой, что могу нравиться, но онъ... онъ столько зналъ красавицъ лучше меня. И если бы это было въ самомъ дѣлѣ, если я любима, то онъ долженъ столько уважать меня; онъ долженъ думать, что добродѣтель не позволитъ мнѣ явно отвѣчать ему; къ тому же я, кажется, не показала ему ничего такого, что бы могло возбудить его страсти. Неужели онъ примѣтилъ біеніе моего сердца? Ахъ, нѣтъ!.. онъ самъ, Юрій, былъ со мною всегда мраченъ, холоденъ, онъ врядъ ли способенъ любить нѣжно... но зачѣмъ ему было свиданіе? Это письмо?.. Не понимаю, чего хотѣлъ онъ... *(Молчаніе).* Но вотъ луна взошла, все тихо и прохладно; а онъ нейдетъ *(Молчаніе).* Какъ я глупо сдѣлала, что пришла сюда: непонятное влеченіе управляло моими шагами... *(Садится возлѣ бесѣдки).* Что, если насъ увидятъ вмѣстѣ... моя честь погибла... о безумная!..

ЯВЛЕНІЕ IV.

Юрій

(въ плащѣ, безъ шляпы, тихими шагами подходитъ къ ней и беретъ ее за руку).

Любовь!.. вы здѣсь уже!..

Любовь *(испугавшись).*

Ахъ!

Юрій.

Вы испугались?..

Любовь.

Нѣтъ... Вы мнѣ что то хотѣли сказать,— я готова слушать со вниманіемъ.

Юрій.

Да, я много хотѣлъ сказать вамъ... Вы помните: съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами знакомы, вы никогда не отказывались отъ маловажной и легкой для васъ просьбы моей... теперь... я васъ прошу дать мнѣ честное слово: сказать мнѣ правду, правду чистую, какъ ваше сердце...

Любовь.

Мое слово? Хорошо! *(Смотритъ ему въ глаза).*

Юрій

(въ сильномъ движеніи беретъ ее за руку).

Прошедшую ночь, когда по какому то чудному случаю я уснулъ спокойно, удивительный сонъ началъ тревожить мою душу. Я видѣлъ отца, бабушку, которая хотѣла, чтобъ я успокоилъ ея старость на счетъ благополучія отца моего; съ презрѣніемъ отвернулся я отъ корыстолюбивой старухи... и вдругъ ангелъ-утѣшитель встрѣтился со мной. Онъ взялъ мою руку, утѣшилъ меня однимъ взглядомъ, однимъ неизъяснимымъ взглядомъ обновилъ къ жизни... и... упалъ въ мои объятья. Мысли, въ которыхъ крутилась адская ненависть къ людямъ и къ самому себѣ, мысли мои вдругъ прояснились, вознеслись къ Небу, къ Тебѣ, Создатель; я снова сталъ любить людей, сталъ добръ по-прежнему. Не правда ли,—это величайшее подъ луною благодѣяніе? И знаешь ли еще, Любовь, въ этомъ утѣшителѣ, въ этомъ небесномъ существѣ я узналъ тебя! Ты блистала въ чертахъ его, это была ты, прекрасная, какъ теперь; никто на свѣтѣ, ни самый адъ меня не разувѣритъ!.. Ахъ! это была минута, но минута блаженная, это былъ сонъ, но сонъ божественный... Послушай, Любовь, теперь исполни свое обѣщаніе, отвѣчай, какъ на исповѣди: можетъ ли этотъ сонъ осуществиться?.. Умоляю тебя всѣмъ, чѣмъ ты дорожишь теперь или когда-нибудь будешь дорожить, говори, какъ на исповѣди... Знай, что одно твое слово, одно слово можетъ много сдѣлать добра и зла... *(Любовь въ сильномъ нерѣшеніи).* И ты молчишь?!.. Любовь!..

Любовь.

Нѣтъ!..

Юрій.

Какъ! что̀ нѣтъ, говори, что̀ нѣтъ?..

Любовь.

Сонъ твой никогда не сбудется!..

Юрій.

Небо!.. что она хочетъ дѣлать? Скажи: да!.. *(Молчаніе).* Отчего не хочешь сказать: да!.. это слово, этотъ звукъ могъ бы возстановить мою жизнь, возродить меня къ счастью!.. Ты не хочешь? Что я тебѣ сдѣлалъ, за что такъ коварно мстишь мнѣ? Неужели женщина не можетъ любить, неужели она не радуется, когда видитъ человѣка, ей обязаннаго своимъ блаженствомъ, когда знаетъ, что это стоитъ одного слова, хотя бы оно выходило и не отъ сердца... Скажи: да!

Любовь.

Нѣтъ!

Юрій.

И въ тебѣ есть совѣсть?..

Любовь.

Я не могу сказать: да; на что искушать тебя? Моимъ ты никогда, никогда не будешь: узы родства, которыя связываютъ насъ вмѣстѣ, разрываютъ сердца наши... Забудь свои мечты!.. ты не хочешь погубить бѣдную дѣвушку, не правда ли? Такъ забудь свои безумныя желанья, забудь ихъ!.. *(Молчаніе).* Ты поѣдешь въ чужіе края, разные новые предметы развлекутъ твои мысли, тебѣ понравится другая...

Юрій.

Я не поѣду... У ногъ твоихъ—я говорю тебѣ—у ногъ твоихъ счастье цѣлой жизни человѣка, не раздави безжалостно! А если ты меня отвергнешь, ахъ! то, вѣрно, никакая дѣва не будетъ больше мнѣ нравиться,—я окаменѣю, быть можетъ, навѣки.

Любовь

(садится на скамью возлѣ бесѣдки и сажаетъ его).

Посмотри, братъ мой, какъ прекрасенъ взошедшій мѣсяцъ, какая тихая, свѣтлая гармонія въ усыпающей природѣ; а въ груди твоей бунтуютъ страсти, страсти жестокія, мятежныя, противныя законамъ. Посмотри на эти разсѣянныя облака, свѣтлыя, какъ минуты удовольствій, и мимолетныя, какъ онѣ; посмотри, какъ проходятъ эти путники воздушные... *(Она закрываетъ лицо платкомъ).* Перестань страдать, другъ мой, полно!.. *(Въ слезахъ упадаетъ на грудь Юрія, который въ сильномъ оцѣпенѣніи сидитъ недвижно, глаза къ небу).*

Юрій *(послѣ долгаго молчанія).*

Ахъ!.. *(Беретъ ея руку; между тѣмъ слышна вдали пѣсня русская со свирѣлью, и то удаляется, то приближается, въ концѣ которой вскакиваетъ и, какъ громомъ пораженный, отбѣгаетъ отъ Любови.)*

Юрій.

Какіе звуки! они поразили мою душу... Кто ихъ произвелъ? Не съ неба ли, не изъ ада ли?.. нѣтъ... но вотъ опять, опять... Всесильный Богъ!.. *(Кидается къ ногамъ Любови, которая встала со скамьи).* Пускай весь міръ на насъ обрушится... я люблю тебя! скажи и ты: люблю!..

Любовь *(черезъ силу).*

Нѣтъ! *(Хочетъ бѣжать).*

Юрій *(у ногъ ея).*

Не вѣрю... не обманешь... я прочелъ въ глазахъ твоихъ... только... я недоволенъ, скажи: люблю!

Любовь

(хочетъ что то сказать, но вдругъ остановилась).

Зачѣмъ тебѣ признанье, если ты прочелъ все въ глазахъ моихъ...

Юрій *(вскакиваетъ съ восторгомъ).*

Я любимъ... любимъ... любимъ!.. теперь, всѣ бѣдствія земли, осаждайте меня,—я презираю васъ: она меня любитъ... она, такое существо, которымъ бы гордилось Небо... и оно мнѣ принадлежитъ! Какъ я богатъ!.. *(Къ ней).* Ты не знаешь, дѣвушка, какъ много добра сдѣлала ты въ сію минуту... *(Обнимаетъ ее).* О, если бы мой отецъ видѣлъ это, какъ восхитился бы онъ взаимнымъ пламенемъ двухъ сердецъ.

Любовь.

Твой отецъ!.. что ты говоришь?..

Юрій

(дрожащимъ голосомъ, ударивъ въ грудь).

Да... да... ты говоришь правду, я не долженъ никому объ этомъ сказывать; все восхищеніе, вся сладость сихъ незабвенныхъ минутъ должны остаться здѣсь, здѣсь, въ груди моей; всякій день я буду упиваться воспоминаніемъ, ни одно горькое чувство ненависти и раскаянія не проникнетъ туда, гдѣ я схороню мое сокровище... *(Къ Любови).* Теперь, одинъ поцѣлуй на прощанье... *(Цѣлуетъ ее).* О!.. я слишкомъ счастливъ для человѣка!.. *(Завернувшись въ черный плащъ, быстро уходитъ).*

Любовь.

Какъ онъ любитъ... добрый юноша!.. *(Молчаніе).* Кажется, я ничего дурного не сдѣлала, ни одно преступленіе не тяготѣетъ на мнѣ, мнѣ не въ чемъ упрекнуть себя... а сердце бьется и трепещетъ, какъ птичка, попавшаяся въ сѣть нечаянно... *(Молчаніе).* Однако, ночь сгущается, и мѣсяцъ дошелъ до половины небесъ, меня будутъ искать вездѣ, а здѣсь такъ пусто, страшно... *(Становится на колѣна и под-*

нявъ руки наверхъ). Ангелъ-хранитель! не допусти случиться чему-нибудь съ бѣдной дѣвушкой! она предается тебѣ, прости ей слабости и охрани отъ нечистаго духа. *(Встаетъ и уходитъ).*

Конецъ второго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Галлерея, откуда виденъ садъ.—Элиза идетъ съ зонтикомъ одна.

Элиза.

Какъ жарко нынче, такъ и жжетъ лицо и шею... Еслибъ не этотъ благодѣтельный зонтикъ, я бъ сдѣлалась чернѣй арапки, и это бы было плохо для меня, потому что je dois être aujourd'hui plus belle que jamais для предложеннаго свиданія... Ха! ха! ха! Какъ Любенька смѣшна была вчерась. Начинаетъ мнѣ говорить про этого Заруцкаго и про его желаніе съ такой важностью, comme si c'était une affaire d'état... ха! ха! ха! ха! Бѣдненькая начиталась романовъ и скоро съ ума сойдетъ,—она судитъ цѣлый свѣтъ по себѣ... Напримѣръ, нынче всю ночь проплакала; вѣрно, ей кто-нибудь комплиментъ сказалъ, и она воображаетъ, что въ нее влюблены... и плачетъ! съ сожалѣнія! Нѣтъ, moi je me moque de tout cela! Вотъ ужъ вѣрно нынче будетъ страстное объясненіе: онъ упадетъ на колѣна, я ему скажу маленькій équivoque, и онъ долженъ быть доволенъ... чего же ему еще больше?.. Впрочемъ, этотъ Заруцкій вѣрно посѣщалъ большой свѣтъ, онъ ни мало не похожъ на этихъ армейскихъ его собратій... Ха! ха! ха! армейскій!.. одно это слово чего стоитъ!.. Но кто то идетъ, а мнѣ нужно нынче быть одной. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Юрій и Василій Михалычъ идутъ по галлереѣ, и Василій Михалычъ что то ему говоритъ, ведя за руку.

Вас. Мих.

Экій ты упрямый человѣкъ,—да выслушай только, что я тебѣ говорю. Твой отецъ нынче со мной приходитъ къ Марѳѣ Ивановнѣ; она насъ хорошо приняла; а у нея стояла эта змѣя, Дарья, причина всѣхъ нашихъ непріятностей... Вотъ, слушай, братъ, и начинаетъ говорить...

Юрій *(отходя прочь).*

И мнѣ нѣтъ спокойствія ни одной минуты... Эти сплетни, эта дьявольская музыка жужжитъ каждый день вокругъ ушей моихъ... *(Къ дядѣ).* Дяденька! въ другое время... теперь я...

Вас. Мих.

Да теперь, а не въ другое время; слушай: ты долженъ все это знать, чтобы умѣть цѣнить людей, окружающихъ тебя.

Юрій.

Я только цѣню тѣхъ, которые не мучатъ меня вѣчно своими клеветами...

Вас. Мих.

Я понимаю, что ты это на мой счетъ говоришь, но я не сержусь... Не для себя я говорю... но хочу тебѣ показать, кто твой отецъ и бабка.

Юрій *(твердо)*.

Ну, такъ и быть, я слушаю.

Вас. Мих.

Во-первыхъ, твой отецъ началъ говорить ей о тебѣ, о твоемъ отъѣздѣ... Она расханжилась по обыкновенію, увѣряла, что она тебя больше любитъ, нежели онъ, вообрази!—Потомъ онъ ей сталъ представлять доказательства противныя очень учтиво; она вздумала показывать, что ему и дѣла нѣтъ до тебя; тутъ Николай Михалычъ не выдержалъ, признаться: объяснилъ ей коротко, что она передъ нимъ виновата, а что онъ не обязанъ былъ тебя оставлять у нея, но что были у него причины постороннія, и что она измѣнила своему слову... Она взбѣсилась до невозможности, ушла, теперь она насъ выгонитъ изъ дому... Прощай, мой племянничекъ, надолго, потому что, вѣрно, ни я, ни братъ больше сюда не заглянемъ.

Юрій *(всплеснувъ руками)*.

Всемогущій Боже! Ты видѣлъ, что я старался всегда прекратить эти распри... зачѣмъ же все это рушится на голову мою? Я здѣсь, какъ добыча, раздираемая двумя побѣдителями, и каждый хочетъ обладать ею... Дядюшка, оставьте меня, прошу васъ, я измученъ...

Вас. Мих.

Нѣтъ... ты долженъ рѣшиться въ чью-нибудь пользу.

Юрій.

На что?... Къ чему я долженъ? Кто приказалъ?

Вас. Мих.

Честь.

Юрій.

Честь? Кто вамъ внушилъ это слово?... О, адская хитрость... Какъ ничтожно это слово, а какъ много власти имѣетъ оно надо мной... Мой долгъ, долгъ природы и благодарность,—въ какой вы

ужасной борьбѣ между собой... Дядюшка! зачѣмъ вы произнесли это слово: я рѣшился...

Вас. Мих.

Для кого, другъ мой?

Юрій.

Отецъ обладаетъ моею жизнью... Но знайте, что если бабушка будетъ укорять въ неблагодарности, если она станетъ показывать глазамъ моимъ всѣ свои попеченія о моей юности, всѣ свои благодѣянія, все, чѣмъ я ей обязанъ, если она будетъ проклинать меня за то, что я отравилъ ея старость, сжегъ огнемъ терзаній сѣдые ея волосы, за то, что я оставилъ ее безъ причины, если, наконецъ, я самъ изсохну отъ раскаянія, если я буду отвергнутъ за это преступленіе небомъ и землею, если тогда я прокляну васъ отчаяннымъ языкомъ моимъ... если... о, берегитесь, берегитесь!... вся свинцовая тягость грѣха сего погрязнетъ на васъ... Откажитесь отъ вашего свидѣтельства, оно ложно, — спасите свою душу! Оно ложно, говорю вамъ... признайтесь, что вы солгали...

Вас. Мих.

Нѣтъ, я не откажусь, когда я самъ видѣлъ и слышалъ, что насъ съ братомъ выгоняютъ изъ дому.

Юрій.

Итакъ, все кончено,—вотъ мое слово.

Вас. Мих.

Ну, слава Богу, наконецъ, ты рѣшился... Я пойду къ отцу твоему и объявлю, что ты рѣшился не оставлять его. Какъ онъ будетъ радъ, и я увѣренъ, что тебя больше прежняго полюбитъ.

Юрій.

Радоваться? Кто радоваться?... Мой отецъ! Не дай Богъ, чтобъ это была большая радость въ его жизни... Что онъ будетъ думать, обнимая неблагодарнаго?... *(Ударяя себя въ лобъ и ломая руки).* Но мое честное слово...

Вас. Мих.

Неблагодарнаго? Какъ это ты сдѣлаешься неблагодарнымъ? Противъ кого? Да ты бы сдѣлался неблагодарнымъ и преступникомъ, если бы оставилъ Николая Михалыча, который дышитъ однимъ тобою... А эта бабушка, она, повѣрь, пожалуйста, больше сдѣлала тебѣ зла, нежели добра,—я мои слова готовъ повторить при самомъ императорѣ...

Юрій.

По крайней мѣрѣ, она желала дѣлать добро.

Вас. Мих. *(съ коварной улыбкой).*

Мы знаемъ желанія этой злодѣйки.

Юрій.

Еще пытка... скоро ль вы насытитесь?... Но говорите,—пускай ударъ будетъ ужасенъ, но вдругъ; пускай вся мѣра зла, яда подземнаго прольется въ мою грудь... но только вдругъ,—это все легче, нежели съ нестерпимой, ѣдкой болью день за днемъ отщипывать кусокъ моего сердца... Говорите! я твердъ. Не бойтесь, видите!... *(дико)* видите!... ха! ха! ха! видите, какъ я веселъ, равнодушенъ, холоденъ, точно, какъ вы... *(съ сильнымъ движеніемъ, хватая его за руку)* только, чуръ, говорить правду...

Вас. Мих.

Вотъ тебѣ Христосъ! *(крестится).* Я начну разсказывать съ начала всего дѣла, чтобъ совершенно изобличить хитрую старуху и ея помощниковъ, этихъ сестрицъ и братьевъ и служанокъ... За мѣсяцъ передъ смертью твоей матери (еще тебѣ было три года), когда она сдѣлалась очень больна, то начала подозрѣвать Марѳу Ивановну въ коварствѣ и умоляла ее передъ Богомъ дать ей обѣщаніе любить Николая Михалыча, какъ родного сына; она говорила ей: „Маменька! онъ меня любилъ, какъ только мужъ можетъ любить свою супругу, замѣните ему меня... Я чувствую, что умираю". Тутъ слова ея пересѣклись, она смотрѣла на тебя; молчаливый живой взглядъ показывалъ, что она хочетъ что то сказать насчетъ тебя, но рѣчь снова прерывалась на устахъ покойницы. Наконецъ, она вытребовала обѣщаніе старухи... и скоро уснула вѣчнымъ сномъ... Твоя бабушка была огорчена ужасно, такъ же, какъ и отецъ твой; весь домъ былъ въ смущеніи и слезахъ. Пріѣхалъ братъ старухи, Павелъ Ивановичъ, и многіе другіе родственники усопшей. Вотъ Павелъ Ивановичъ и повелъ твоего отца для разсѣянія погулять, и говоритъ ему, что Марѳа Ивановна желаетъ воспитать тебя до тѣхъ поръ, пока тебѣ нужна матушка, что она умоляетъ его всѣмъ священнымъ въ свѣтѣ сдѣлать эту жертву. Отецъ твой согласился оставить тебя у больной бабушки и, будучи въ разстроенныхъ обстоятельствахъ, уѣхалъ со мною. Вотъ какъ все это началось...—Черезъ три мѣсяца Николай Михалычъ пріѣзжаетъ сюда, чтобы тебя видѣть,—пріѣзжаетъ и слышитъ отвѣты робкіе, двусмысленные отъ слугъ; спрашиваетъ тебя,—говорятъ, нѣтъ... Онъ вообразилъ, что ты умеръ, ибо какъ вообразить, что тебя увезли на то время въ другую деревню? Братъ сдѣлался боленъ, душа его терзалась худымъ предчувствіемъ. Ты съ бабушкой пріѣзжаешь, наконецъ... и что же? Она охладѣла совсѣмъ къ нему. Имѣніе, которое Марѳа Ивановна ему подарила при жизни дочери, и для котораго онъ не хотѣлъ сдѣлать акта, полагаясь на честное слово, оказалось совсѣмъ уже не въ его распоряженіи. Онъ уѣзжаетъ и черезъ полгода снова здѣсь является.

Юрій.

Я предчувствую ужасную исторію, стыдъ всему человѣчеству... Но буду слушать неподвижно, дядюшка... только помните уговоръ.

Вас. Мих.

Помилуй!... Да будь я, анаѳема, проклятъ, если хоть слово солгу! Слушай дальше. Когда должно твоему отцу пріѣхать, здѣшнія подлыя сосѣдки недаромъ получили, посредствомъ ханженства, довѣренность Марѳы Ивановны: сказали ей, что онъ пріѣхалъ отнять тебя у нея... и она повѣрила... Доходятъ же люди до такого сумасшествія!

Юрій.

Отецъ... хотѣлъ отнять сына... отнять... развѣ онъ не имѣетъ полнаго права надо мной, развѣ я не его собственность?... Но нѣтъ, я вамъ снова говорю, вы смѣетесь надо мною...

Вас. Мих.

Доказательство въ истинѣ моего разсказа есть то, что бабушка твоя тотчасъ послала курьера къ Павлу Иванычу, и онъ на другой день пріѣзда брата прискакалъ... Николай Михалычъ сталъ ему говорить, что слово не сдержано, что его отчуждаютъ отъ имѣнія, что онъ здѣсь, насчетъ сына, какъ посторонній, что это ни на что не похоже... Но этотъ езуитъ снова уговорилъ его легко, потому что отецъ твой благородный человѣкъ и судитъ всѣхъ по добротѣ души своей. И передъ отъѣздомъ братъ согласился оставить тебя у бабушки до 16 лѣтъ съ тѣмъ, чтобы насчетъ твоего воспитанія относились къ нему во всемъ; но второе обѣщаніе такъ же дурно сдержано было, какъ первое...

Юрій.

И это все? Не правда ли?

Вас. Мих.

Нѣтъ, это еще половина.

Юрій.

Ахъ, зачѣмъ не все... *(Молчаніе).* Скорѣе продолжайте; пощади меня, пощади, Царь Небесный!...

Вас. Мих.

Марѳа Ивановна то же лѣто поѣхала въ губернскій городъ и сдѣлала актъ. Какой актъ? Самъ адъ вдохнулъ въ нее эту мысль: она уничтожила честное слово, почла отца, отца твоего, за ничто, и вотъ короткое содержаніе: „Если я умру, то братъ П. И. опекуномъ имѣнью, если сей умретъ, то другой братъ, а если сей умретъ,

то свекору препоручаю это. Если же Николай Михалычъ возьметъ сына своего къ себѣ, то я лишаю его наслѣдства навсегда". Вотъ почему ты здѣсь живешь: благородный отецъ твой не хотѣлъ дѣлать исторій, писать государю и лишить тебя состоянія... Но онъ надѣялся, что ты ему заплатишь за эту жертву...

Юрій

(послѣ минуты молчанія, когда онъ стоялъ, какъ убитый громомъ).

Чтобъ ей подавиться ненавистнымъ имѣньемъ!... О!... теперь все ясно... Люди, люди... люди!... Зачѣмъ я не могу любить васъ, какъ бывало... Я узналъ тебя, ненависть, жажда мщенія... мщенія... Ха! ха! ха!... какъ это сладко, какой нектаръ земной!...

Вас. Мих.

А непріятности послѣдовавшія очень натуральны... Къ тому жъ... старуха любитъ, чтобы ей никто не противорѣчилъ, и эти окружающіе... эта повѣренная, Дарья — преопасная змѣя...

Юрій.

Довольно! прошу васъ, не продолжайте,—остальное мнѣ все извѣстно...

Вас. Мих.

Нѣтъ, мой другъ, еще... еще...

Юрій.

Я больше не желаю знать... вы разсказали такъ прекрасно... Какъ пріятна ваша повѣсть... *(Впадаетъ въ задумчивость).*

Вас. Мих. *(въ сторону, съ улыбкой).*

Мое дѣло кончено, и все пришло въ порядокъ, я не буду сказывать обо всемъ брату... Онъ такой... онъ не любитъ подобныхъ штукъ... *(Смѣется).* Какъ онъ горячился, бѣдненькій...

Юрій

(между тѣмъ взглянувъ на Василія Михалыча).

Вамъ смѣшно мое страданье... не правда ли?...

Вас. Мих.

Нѣтъ... помилуй... что ты?

Юрій *(въ сторону).*

Нѣтъ... нѣтъ... какое ледяное слово... А... онъ, это, видно, онъ изъ любви мнѣ открылъ злодѣйство... Такъ всегда со мною дѣлали... изъ привязанности я былъ обманутъ когда то дружбой... О, тщетныя увѣренья... нынче... *(Къ дядѣ).* Оставьте меня, прошу васъ: мнѣ надо побыть одному... я весь въ огнѣ, мнѣ надо отдохнуть...

Вас. Мих.

Хорошо, другъ мой... до свиданья! *(Уходитъ, потирая руки).* А мое дѣло сдѣлано, слава Богу... *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Юрій.

Какъ я разстроенъ, какъ я боленъ... Желчь поднялась въ голову... Грудь взволновалась... сердце бьется, подобно свинцу, облитому кровью... Отъ избытка чувствованій я лишился чувствъ. Но отдохнемъ... Я увижу ее, утѣшителя-ангела: она мнѣ возвратитъ, на минуту, потерянное спокойствіе... Пойду, пойду... *(Закрывъ лицо руками, уходитъ въ галлерею медленными шагами).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Входитъ Марѳа Ивановна, за ней Дарья и подаетъ ей стулъ. Она садится.

Марѳа Ив.

Каковы неучи!... въ моемъ домѣ, мнѣ грубить... Ну, можно ли послѣ этого имъ хоть день здѣсь остаться?... Вонъ ихъ, вонъ ихъ!...

Дарья.

Ваша правда, сударыня... такія безпокойства... Полно, смотрите на себя, вѣдь лица нѣтъ... Не угодно ли капель гофманскихъ?...

Марѳа Ив.

На что, на что?... лучше позови ко мнѣ Юрьюшку...

Дарья.

Сейчасъ. *(Уходитъ).*

Марѳа Ив.

Ну, можетъ ли какая-нибудь холопка болѣе быть привязана къ своей госпожѣ, какъ моя вѣрная Дашка... *(Молчаніе).* Ну, вотъ однако жъ я скоро отдѣлаюсь отъ этихъ Волиныхъ-братцевъ... однако и Юрьюшка уѣдетъ и оставитъ меня одну... видно, такъ на небесахъ написано... Я буду безъ него молиться, всякое воскресенье ставить толстую свѣчу передъ Богоматерью, поѣду въ Кіевъ... а онъ ко мнѣ будетъ писать. *(Кашляетъ).* Какой же у меня кашель отъ нынѣшняго крику... То то и есть, что надо слушаться Евангелія и святыхъ книгъ: не даромъ въ нихъ говорятъ, что не надо сердиться... а нельзя. Вотъ какъ начнутъ спорить младшіе себя, сердце и схватитъ; то то нынѣшній вѣкъ зятья зазнаются, внуки умничаютъ, молодежь ничего не слушается. Не такъ было въ наше время... Бывало, какъ меня свекровь тузила... а все молчу, — и вымолчалась!... Какъ умерла моя свекровушка и оставила мнѣ денегъ рублей 30.000,

да серебра, да золота... а нынче все наше русское богатство, все золото прадѣдовъ идетъ не на образа, а къ басурманамъ-французамъ. *(Молчаніе).* Какъ посмотришь, посмотришь на нынѣшній свѣтъ, такъ и вздрогнешь: дѣвушки съ мужчинами въ однѣхъ комнатахъ сидятъ, говорятъ,—индо мнѣ, старухѣ, за нихъ стыдно... Ахъ, а прежде, какъ съѣдутся, бывало, такъ и разойдутся по сторонамъ, чинно и скромно... Эхъ, вѣкъ то, вѣкъ... перемѣнились русскіе... *(Смотритъ назадъ въ галлерею).* Да вотъ и Юрьюшка идетъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Юрій мрачно и тихо приближается, не глядя на старуху; за нимъ Дарья.

Юрій

(блѣдный, разстроенный, съ неудовольствіемъ, не смотря на Марѳу Ивановну).

Вы меня изволили спрашивать?

Марѳа Ив.

Да, мой другъ! Я давно желала говорить съ тобой... да какъ то это рѣдко мнѣ удавалось.

Юрій *(холодно).*

Мнѣ самому очень жалко...

Марѳа Ив.

Ты все съ отцомъ да съ дядей, ко мнѣ и не заглянешь... Видно, я ужъ стара стала и глупа, что ли? брежу, не такъ ли?...

Юрій.

Я отъ самой колыбели такъ мало былъ съ отцомъ, что вы мнѣ передъ отъѣздомъ позволите съ нимъ поговорить... по крайней мѣрѣ, я такъ думаю...

Марѳа Ив.

Кто жъ тебѣ запрещаетъ?... Однако жъ я бы хотѣла тебѣ сказать и спросить у тебя что-нибудь важное...

Юрій.

Я буду слушать. *(Дарьѣ).* Ступай вонъ...

Марѳа Ив.

Зачѣмъ?... она можетъ слышать...

Юрій.

Мнѣ совсѣмъ не нравятся такіе свидѣтели... Прошу васъ выслать ее... *(Марѳа Ивановна даетъ знакъ, и она уходитъ).*

Марѳа Ив.

Знаешь ли, что твой отецъ наговорилъ мнѣ тьму грубостей, и мы поссорились, и онъ ѣдетъ завтра отсюда?

Юрій.

Знаю-съ... но что жъ тутъ до меня касается?... Я самъ ѣду съ нимъ, если такъ...

Мареа Ив.

Ты... съ нимъ... ѣдешь... ты съ ума сошелъ... Я тебя не пущу.

Юрій.

Вы меня не пустите? Вы? Да что вы между отцомъ и сыномъ? Развѣ я тотъ же ребенокъ, который равнодушно глядѣлъ на ваши поступки? Или не знаете: между отцомъ и сыномъ одинъ Богъ... и вы осмѣлились взять это мѣсто...

Мареа Ив.

Такъ вотъ плоды моего воспитанія! вотъ нынѣшняя благодарность!... И на что я дожила до сего времени?... Юрій хочетъ меня оставить... въ заплату всѣмъ моимъ благодѣяніямъ... и никто не закроетъ мнѣ глаза нѣжною рукой...

Юрій.

А ваша Дарья?... Она вамъ даетъ совѣтъ хорошій.

Мареа Ив.

И ты смѣешь, неблагодарный! почему ты знаешь?

Юрій *(въ сторону).*

Вотъ совѣсть! Я только назвалъ, а она все отгадала.

Мареа Ив.

Говори, злодѣй, не я ли тебя воскормила и образовала?...

Юрій.

Много мукъ, много безсонницъ стало мнѣ ваше образованіе... Вы хотѣли поселить во мнѣ ненависть къ отцу, вы отравили его жизнь... вы... но довольно: вы сами знаете свои поступки и — вините себя!...

Мареа Ив.

Такъ ты точно меня оставляешь для отца, злодѣя, негодяя, котораго я ненавижу и который за меня поплатится?... Для него, неблагодарный?...

Юрій.

Теперь я вамъ ничѣмъ больше не обязанъ... О!... эти слова заплатили за все... за все... простите....

Мареа Ив.

(пораженная, сидитъ безмолвно на креслахъ и въ ужасномъ смущеніи).

Онъ все знаетъ!...

(Занавѣсъ опускается).

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Мареа Ивановна и Дарья; первая на большихъ креслахъ въ своей комнатѣ.

Мареа Ив.

Дай капель гофманскихъ, Дашка.

Дарья.

Сейчасъ, матушка; что съ вами дѣлается?...

Мареа Ив.

Меня Юрій покидаетъ... меня, которая его воспитала...

Дарья *(притворно).*

Во всемъ, матушка, воля Божія видна. Стало, вамъ такъ на роду было написано,—горе мыкать въ старости; ужъ я, сударыня, надъ вами нынче плакала, индо глаза красны.

Мареа Ив.

Онъ меня покидаетъ, оставляетъ, какъ подлую нищенку на большой дорогѣ. Вѣрно, это злодѣи, отецъ да дядя, его научили...

Дарья.

Вѣстимо, сударыня, они: да и кому жъ кромѣ ихъ...

Мареа Ив.

Какъ будто не знаютъ, что я его за то лишу имѣнія, ужъ не достанется Юрью ни гроша, хоть провались деньги мои.

Дарья.

Ахъ, Мареа Ивановна! есть у насъ поговорка: какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ.

Мареа Ив.

Юрій меня для нихъ покидаетъ, кто жъ утѣшитъ мою старость? *(Закрываетъ лицо платкомъ и рыдаетъ).*

Дарья.

Что это вы, сударыня, себя убиваете?... Успокойтесь, матушка! *(Въ сторону).* Теперь я могу сдѣлать славную штуку, заставя ее поссориться съ зятемъ и внукомъ, сама ихъ межъ собой перессорю, да послѣ, если это откроется, свалю на нее... А отнявъ имѣнье у Юрія Николаевича, вѣрно, барыня мнѣ дастъ много денегъ; куда жъ ей ихъ дѣвать? Сама не издержитъ. *(Къ ней).* Не угодно ли лечь?...

Мареа Ив.

О! я никогда на Тебя не роптала, Боже мой! а теперь не могу...

Дарья.

И то сказать правду, какъ вы ни старались переманить его къ себѣ, а все понапрасну: ужъ не вы ли его ссорили съ отцомъ, не вы ли наговаривали, не вы ли имѣніемъ прельщали Николая Михалыча, если онъ оставитъ сына у васъ,—нѣтъ таки, не удержали молодого барина.

Мареа Ив.

А не ты ли мнѣ все это совѣтовала, не по твоимъ ли словамъ я поступала?... Право, еслибы мы не хитрили, гораздо бы лучше шли всѣ дѣла мои... Ты, дьяволъ, мнѣ жужжала поминутно про эти адскія средства, ты... ты хотѣла моей печали и раздора семейственнаго.

Дарья (*кланяясь*).

Власть ваша... а мое дѣло холопское, могу ли вамъ совѣтовать? Если вы послушаете моихъ глупыхъ рѣчей, такъ это вашей же милости... Да и какая же мнѣ прибыль ваше горе?... Вотъ хоть теперь вы плачете, матушка, и я плачу: развѣ мнѣ легко по ночамъ то не спать, сударыня?... Нѣтъ-съ, мы, вся дворня, только и молимъ Господа объ вашемъ спокойствіи, только и блюдемъ, что ваше здоровье... *(Молчаніе)*.

Мареа Ив.

Не знаешь ли, какое въ моемъ положеніи средство осталось? Какъ помочь?...

Дарья (*подумавъ*).

Средствъ много... да врядъ ли одно изъ нихъ вашей милости понравится...

Мареа Ив.

Нужды нѣтъ, говори все смѣло.

Дарья.

Просить прощенья у Николая Михалыча и уговорить, чтобы онъ остался, такъ же какъ и Юрія Николаича; а послѣ второго можно какъ-нибудь и совсѣмъ оставить, притворясь больной... Тогда ужъ не поѣдетъ въ нѣметчину.

Мареа Ив.

Охъ, нѣтъ, это не удастся... они намъ ужъ не повѣрятъ... Да къ тому жъ мнѣ просить прощенье у зятя? Мнѣ? Я развѣ дѣвчонка передъ нимъ; ни за что, ни за что въ свѣтѣ. *(Молчаніе)*. Нѣтъ ли другого способа?...

Дарья.

Насильно удержать.

Мареа Ив.

Нельзя; за это отвѣтишь.

Дарья *(кинувъ пронзительный взглядъ).*

Клевета!

Мареа Ив.

Клевета? Что это клевета? Какъ, объясни...

Дарья.

Это, сударыня, послѣднее средство.

Мареа Ив.

Говори же скорѣй...

Дарья.

Надобно, думаю такъ, поссорить Юрія Николаича съ батюшкой его, тогда онъ поневолѣ къ вамъ оборотится, вы же приласкайте его... Говорится, что если человѣкъ тонетъ, такъ готовъ за плывущую траву ухватиться. Тутъ же, какъ молодой баринъ будетъ въ отчаяньи, можно у него выманить честное слово, а на его слово и подозрительный жидъ радъ будетъ положиться — нечего сказать!...

Мареа Ив. *(въ смущеніи).*

Полно, полно, да какъ намъ поссорить ихъ?... Гдѣ средство?

Дарья.

Я сказала ужъ сударыня: клевета.

Мареа Ив.

Да какъ это?...

Дарья.

Надо довести до ушей Николай Михалыча, будто бы Юрій Николаичъ вамъ говоритъ одно, а ему другое,—вотъ и дѣло съ концомъ-съ; другого средства наврядъ кто найдетъ...

Мареа Ив.

Я тебѣ это дѣло препоручаю, Дашка... и берегись, если его испортишь!...

Дарья *(подумавъ).*

Вотъ что мнѣ кажется, Мареа Ивановна: мы этакъ ихъ перессорить то перессоримъ, а Юрій Николаичъ все васъ покинетъ.

Мареа Ив.

Какъ?... Отчего? стало быть, этотъ способъ не годится.

Дарья *(въ сторону).*

Рѣшительная минута. *(Ей).* Другого средства нѣтъ.

Мареа Ив.

Мнѣ надо непремѣнно Юрьюшку въ руки... я безъ него жить не могу.

Дарья.

Право, это вамъ такъ только кажется-съ...

Мареа Ив.

И ты противъ меня.

Дарья.

Какъ можно, сударыня, а я говорю, что намъ не удастся перехитрить Волиныхъ... а если удастся, такъ что̀ пользы: молодой баринъ васъ не успокоитъ больше... ужъ кончено... только васъ же станетъ укорять, вамъ же безпокойства...

Мареа Ив.

Я хочу...

Дарья.

Какъ угодно, матушка, я готова на всѣ ваши приказанія.

Мареа Ив. *(въ сторону).*

Однако жъ она правду говоритъ: внукъ все знаетъ, такъ мнѣ только на совѣсть свинецъ, если онъ будетъ жить въ моемъ домѣ да укорять меня,—Богъ съ нимъ. *(Дарьѣ).* Ну, я съ тобой соглашаюсь, видно, мнѣ суждено промыкать старость сиротой, — весело зато прежде живали. Однако жъ мнѣ хочется имъ отомстить!

Дарья *(въ сторону).*

Подѣйствовало. *(Ей).* Да, мое для мщенія лучшее средство. Ужъ наказанья Юрью Николаичу лучше не будетъ: у него негдѣ будетъ головы преклонить, какъ развѣ на улицѣ... Да и Николай Михалычу будетъ жутко... много крови у нихъ обоихъ попортится...

Мареа Ив.

Я хочу видѣть ихъ мученья... месть... месть!... Злодѣи! прости, Боже, мое согрѣшенье... не въ силахъ... Мать Богородица и святые угодники, простите мнѣ!... Поѣду въ Кіевъ, половину имѣнья отдамъ въ церковь, всякое воскресенье 10-тифунтовую свѣчу предъ каждымъ образомъ поставлю... только теперь помогите отомстить... теперь простите мнѣ... *(Въ разслабленьи).* Капель... Дашка! — дурно!...

Дарья *(подаетъ).*

Такъ я нынче же начну дѣло... Только, сударыня, не безпокойтесь, не огорчайтесь, весь домъ на васъ не наплачется...

Мареа Ив.

Какъ не огорчаться...

Дарья.

Ваша воля будетъ исполнена, матушка...

Мареа Ив.

Моя воля... ахъ!... послушай... ты такъ поступай, чтобы никто не зналъ...

Дарья.

Слушаю-съ... ужъ я...

Мареа Ив.

То то же!... Отведи меня на постель. *(Дарья ее доводитъ до двери)*. Да, послушай, поди возьми шкатулку, а я ужъ сама дойду съ палкой. *(Уходитъ)*.

Дарья *(беретъ шкатулку; вернувшись)*.

Ха! ха! ха!... теперь рыбки попляшутъ на сковородѣ... Эта старуха вертится по моему хотѣнью, какъ солдатъ по барабану... Я теперь вижу золотые, серебряные... ха! ха! ха! въ рукѣ моей звенятъ кошельки... безъ нихъ вѣдь я буду хозяйкой здѣсь... барыня то слаба... то то любо!... Не дай Богъ, однако жъ, чтобъ умерла... При ней то мнѣ тепло, а тогда... придетъ дѣло плохое за всѣ мои козни, особливо, если онѣ откроются... Мнѣ скажутъ: грѣхъ тяжкій эти сплетни, Богъ накажетъ... Какъ бы не такъ... я слыхала отъ господъ старыхъ, что если на исповѣди все скажешь попу, да положишь десять поклоновъ земныхъ,—и дѣло кончено, за цѣлый годъ поправа.—Да и что за грѣхъ штука теперешняя, я не понимаю: поссорить отца съ сыномъ—не убить, не обокрасть... помирятся вѣдь... Экая важность поссорить отца съ сыномъ... ха! ха! ха! *(Хочетъ идти въ комнату госпожи съ ларчикомъ, но на пути останавливается)*.—Да! я позабыла подумать, какъ распустить мои ложныя вѣсти... *(Подумавъ)*. Всего лучше черезъ людей Василія Михалыча, какъ ненарочно,—а онъ, узнавъ, не помѣшкаетъ объявить пріятную вѣсточку братцу своему. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Садъ. День. Декорація послѣдней сцены 2-го дѣйствія. Юрій входитъ... разстроенный видъ.

Юрій.

Дурно кончаются мои дни въ этой деревнѣ... послѣдніе дни... Какія сцены ужасныя... Мое положеніе ужасное—какъ воспоминаніе безъ надеждъ... Чрезъ день мы ѣдемъ... Но куда? отецъ мой имѣетъ едва довольно состоянія, чтобъ содержать себя, и я ему буду въ тягость... въ тягость... О! какую я сдѣлалъ глупость... Но тутъ нѣтъ поправки... нѣтъ дороги, которая бы вывела изъ сего лабиринта.—*(Молчаніе)*. Что я говорю?... Нѣтъ, моему отцу я не буду въ

тягость... лучше ѣсть сухой хлѣбъ и пить простую воду въ кругу людей, любезныхъ сердцу, нежели здѣсь веселиться среди змѣй и, пируя за столомъ, думать, что каждое роскошное блюдо куплено на счетъ кровавой слезы отца моего... Это ужасно... это адское дѣло... (*Слышенъ разговоръ*). Но кто идетъ въ аллеѣ?... двѣ тѣни... Заруцкій... его мундиръ... а это... Элиза... нѣтъ, нѣтъ... это Любовь... Отчего сердце мое такъ молоткомъ и бьется, будто бы хочетъ выскочить? Что все это значитъ?... Опять искушенье, опять. (*Прячется*). (*Межъ тѣмъ Любовь и Заруцкій входятъ въ полномъ разговорѣ и останавливаются такъ, что ему нельзя слышать словъ, но можно видѣть, не будучи примѣчену*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Заруцкій.

Умоляю васъ, сдѣлайте меня счастливымъ: вы не знаете, какъ горячо мое сердце пылаетъ, если вы никогда не любили; но если когда-нибудь Купидонъ заглядывалъ въ ваше сердце... то судите по себѣ... Во имя того юноши, который милъ вамъ, заклинаю васъ, приведите ее сюда...

Любовь.

Вы слишкомъ дерзки, сударь... Почему вы знаете, люблю ли я кого-нибудь?... Поймали меня въ саду нечаянно и не даете мнѣ покою. Думаете, я не могу осрамить васъ, велѣть прогнать или пожаловаться папенькѣ... другая бы этого не сдѣлала и то для того, что вы пріятель Юрія Николаича.

Заруцкій (*въ сторону*).

Хорошо! (*Ей*). Именемъ его заклинаю васъ (*становится на колѣна*), заклинаю васъ, выведите Элизу... Вы будете тутъ...

Юрій (*за деревомъ*).

И она можетъ терпѣть это... Злой духъ испортилъ ея сердце... О! (*стонетъ; Заруцкій беретъ ея руку*).—Довольно!... пистолеты будутъ готовы въ минуту... и (*съ дикой радостью*) онъ мнѣ поплатится своимъ мозгомъ. (*Уходитъ*).

Любовь (*въ сторону*).

Если бы онъ не былъ таковъ, какъ Юрій, могъ ли бы онъ быть его другомъ? а онъ меня сдѣлалъ такой счастливой... зачѣмъ же завидовать сестрѣ?... (*Ему*). Дайте мнѣ вторично слово: во зло не употребить снисхожденія Элизы.

Заруцкій.

Клянусь.

Любовь.

Я не нуждаюсь въ вашихъ клятвахъ, дайте мнѣ только одно честное слово; но я не хочу насильно его у васъ вырвать, пускай это будетъ добровольно.

Заруцкій *(вставая)*.

Мое гусарское слово.

Любовь.

Точно? Ну, я согласна, только, чуръ, помнить уговоръ. *(Убѣгаетъ).*

Заруцкій.

Ну, вотъ и мои дѣла приходятъ къ окончанію; это славно. Что за важность, если я измѣню своему слову. Женщины такъ часто насъ обманываютъ, что и не грѣшно иногда имъ отплатить тою же монетою. *(Закручивая усы)*. Элиза эта — преинтересная штука, хотя немного кокетится, да это ничего. Первое свиданье при свидѣтеляхъ, а второе tête à tête можно отважиться,—а если нѣтъ, ну такъ можно жениться; впрочемъ, мнѣ этого не очень хочется. Гусарское житье, говорятъ, повеселѣе.

(Юрій быстро входитъ съ пистолетами).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Юрій.

Господинъ офицеръ...

Заруцкій.

Мой другъ!...

Юрій.

Такъ вы меня называли прежде.

Заруцкій.

И теперь, надѣюсь.

Юрій *(подаетъ ему пистолетъ)*.

Вотъ наша дружба.

Заруцкій.

Какъ?... Что это значитъ?

Юрій *(отвернувшись)*.

Берите.

Заруцкій.

Я не хочу. Растолкуй мнѣ, за что и на что?... Я не возьму... можетъ быть, ошибка... и за это, чортъ возьми, я не стану съ другомъ стрѣляться.

Юрій *(съ горькимъ тономъ)*.

Трусъ!...

Заруцкій.

Ты, братъ, съ ума сошелъ или шутишь.

(Отталкиваетъ подаваемые пистолеты).

Юрій *(въ сторону).*

Если онъ меня убьетъ, она ему не достанется; если я его убью... о, мщенье!... она ему никогда не достанется, ни ему, ни мнѣ... Пусть такъ... Теперь я понимаю, отчего онъ не хочетъ стрѣляться: онъ не хочетъ ея лишиться... Какъ желалъ бы я быть на его мѣстѣ! Смерть ему, похитителю послѣдняго моего сокровища, послѣдняго счастья души моей... Смерть и проклятье!... *(Ему).* Трусъ, слабодушный ребенокъ... Не тебѣ быть гусаромъ, ты способенъ стоять на колѣнкахъ передъ женщинами... Ха! ха! ха! стыдись, мямля, бери-ка пистолетъ.

Заруцкій *(подходя).*

Такъ Юрій въ самомъ дѣлѣ не шутитъ?

Юрій *(показывая на оружіе).*

Моя послѣдняя шутка здѣсь...

(Кидаетъ одинъ пистолетъ на землю).

Заруцкій.

О! это много для шутки. *(Подымаетъ пистолетъ).* Мы стрѣляемся здѣсь?...

Юрій.

Въ самомъ дѣлѣ?... Небо или адъ мнѣ послало это блаженство? Благодарю тебя, мой помощникъ...

Заруцкій.

Только ты мнѣ долженъ объяснить...

Юрій.

Дай честное слово, что будешь стрѣляться.

Заруцкій.

Вотъ оно!...

Юрій.

Ты похитилъ у меня ея сердце, сердце той, что была сейчасъ здѣсь... Да! этого, кажется, довольно... слишкомъ для меня довольно...

Заруцкій.

Я очень радъ, что это такъ, ибо ты ошибаешься... Выслушай только...

Юрій.

Я не слушаю... Я не вѣрю ничему больше на свѣтѣ, этотъ мигъ перемѣнилъ мое существованье...

Заруцкій.

Да я не стану безъ того стрѣляться.

Юрій *(съ дикой радостью).*

А твое честное слово?

Заруцкій *(въ сторону).*

Проклятое честное слово...

Юрій.

Стрѣляй!

Заруцкій.

Я готовъ. *(Про себя).* Выстрѣлю на воздухъ.

Юрій *(въ сторону).*

Можетъ быть, онъ еще не виновенъ, можетъ быть, она меня обманула... Развѣ онъ не имѣлъ права ее любить, если былъ любимъ... Однако жъ это требуетъ крови, крови... Пускай моя кровь прольется... *(Беретъ его за руку).* Будемъ стрѣляться друзьями...

Заруцкій.

Что это? Откуда эта перемѣна?

Юрій.

Позволь мнѣ умереть твоимъ другомъ.

Заруцкій.

Къ чему жъ стрѣляться?

Юрій.

Ахъ!... я хочу умереть, или тебя убить; тайна тяготитъ мое сердце... короче, я долженъ съ тобою стрѣляться...

Заруцкій.

Но какая тайна?

Юрій.

О, нѣтъ! не испытывай меня... не принимай участія, его не должно для меня существовать... не срывай покрова съ души, гдѣ весь адъ, все бѣшенство страстей... Позволь лучше, позволь мнѣ тебя обнять въ послѣдній разъ. *(Обнимаетъ; поднявшись).* Такъ, все кончено... Я сдѣлалъ должное... Послѣдняя слеза всѣхъ моихъ слезъ, свинцовая слеза моихъ страданій упала ему на грудь... Ее, можетъ быть, пробьетъ мой свинецъ; что жъ... онъ будетъ тогда счастливѣй меня. *(Къ нему).* Добрая ночь, другъ... а попы намъ отпоютъ вѣчную память. *(Становятся).*

Заруцкій *(наводитъ пистолетъ).*

Разъ... два...

Юрій.

Постой...

Заруцкій.

На что?

Юрій.

Ты долженъ мнѣ клясться, что если я буду убитъ... то ты ее больше ни разу не обнимешь... что ты кинешь ее навсегда... Заруцкій... Заруцкій!... Не забудь, что мы еще друзьями... Ты долженъ отомстить меня,—я для тебя все сдѣлалъ, что нужно. У меня въ карманѣ бумага, гдѣ написано, что я самъ застрѣлился... А ты бѣги! бѣги!... Совѣсть не должна тебя мучить: она всему виною...

Заруцкій.

Твой умъ разстроенъ: ты не знаешь, про кого говоришь...

Юрій.

Не говори, не оправдывай ее: она черна, какъ сажа... Не эта ли дѣвушка клялась въ любви на груди моей, не здѣсь ли хранится ея клятва?... Я преклонялъ мои колѣна, какъ передъ ангеломъ, ангеломъ невинности. — Боже Всемогущій, прости, что я оклеветалъ Твое чистѣйшее творенье...

Заруцкій.

Коли дѣло дѣлать, такъ скорѣй; намъ могутъ помѣшать...

Юрій *(въ задумчивости)*.

Какой адскій духъ толкнулъ меня за это дерево... Зачѣмъ я долженъ былъ увидѣть обманъ, мнѣ приготовленный; зачѣмъ, выпивая чашу яда, мнѣ должно было узнать о томъ въ ту минуту, когда напитокъ уже на языкѣ моемъ?... Можетъ быть, безъ этого я бы скоро ее разлюбилъ или провелъ мѣсяцы наслажденья спокойнаго на груди измѣнницы... Но теперь, теперь, когда я самъ видѣлъ... теперь... змѣя ревности клубится въ груди моей... ненависть пожираетъ мою душу... я долженъ отмстить за оскорбленное мое сердце...

Заруцкій.

Волинъ! готовься...

Юрій *(не слышитъ)*.

Ужели это была необходимость, ужели судьбѣ нѣтъ другого дѣла, кромѣ—терзать меня... Она знаетъ, что человѣкъ слабѣе ея. Ты, грудь моя, бывшая всегда жертвенникомъ однихъ высокихъ чувствъ, окаменѣй, подобно ея сердцу... Пускай въ тебѣ дымится мщенье!... О! для чего въ первыя минуты любви закрыты отъ насъ муки ревности?... Но онъ, онъ... мой другъ... ахъ! зачѣмъ? Я бъ раздробилъ его черепъ... Теперь я долженъ умереть... И что для

меня жизнь? Что снова блеснетъ разочарованной душѣ двадцатилѣтняго старика?... *(Подумавъ).* Такъ... я старъ... довольно жить!

Заруцкій *(бьетъ его по плечу).*

Теперь не время размышлять... Или ты боишься?...

Юрій *(какъ отъ сна).*

Я готовъ! *(Оборачивается и открываетъ лобъ).* Дай я буду считать... Когда скажу три: спускай... Разъ—два — *(останавливается)* не могу... Чудо! сердце охладѣло... Слова не льются... Но я возьму верхъ. *(Слышенъ крикъ. Вбѣгаетъ Любовь).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Любовь *(подбѣжавъ къ Юрію, видитъ пистолетъ).*

Ахъ!... что это такое?...

Юрій *(отходя прочь).*

Ничего!...

Любовь *(къ Заруцкому).*

Ради Неба!... что это значитъ? *(Молчаніе).* Даже вы не хотите мнѣ сказать... *(Къ Юрію).* Зачѣмъ эти пистолеты?... и стволъ къ тебѣ...

Юрій *(язвительно).*

Спроси у него... у этого гусара въ золотомъ ментикѣ и съ длинными усами; онъ и теперь лучше удовлетворитъ твоему желанію, чѣмъ я.

Любовь *(съ нѣжнымъ укоромъ).*

Юрій!... зачѣмъ такой холодный тонъ... Какъ ты скоро перемѣнился...

Юрій *(въ сторону).*

О, непостижимое женское притворство! *(Ей).* Оставьте меня... я сказалъ вамъ, спросите у Заруцкаго!...

Заруцкій *(подходитъ къ Юрію).*

Намъ помѣшали; итакъ, до завтрашняго... *(Уходитъ).*

Юрій.

Какъ знать, что будетъ завтра... Можетъ быть, я буду счастливъ, можетъ быть, я буду лежать на столѣ... *(Любови).* Что вы не пошли за нимъ, онъ васъ любитъ больше меня...

Любовь.

Какая холодность!... но мы теперь одни, растолкуй мнѣ эту тайну, умоляю тебя Самимъ Богомъ...

Юрій.

Не Имъ ли ты клялась любить меня?

Любовь.

Я сдержала мою клятву.

Юрій.

Я и позабылъ, что она не клялась любить меня одного... Быть можетъ, она права. Кто знаетъ женское сердце?... говорятъ, оно способно любить многихъ вдругъ...

Любовь *(съ грустью)*.

О, какъ ты несправедливъ...

Юрій.

Противъ тебя? Я несправедливъ? И ты можешь такъ равнодушно говорить, какъ будто... О, трепещи, если я докажу тебѣ.

Любовь.

Чего мнѣ бояться? Совѣсть моя чиста...

Юрій.

Ея совѣсть? Адъ и проклятье... Я тебя любилъ безъ всякой цѣли, но это благородное чувство впервые обмануло меня. За каждую каплю твоей крови я былъ готовъ отдать душу, за одинъ твой веселый часъ я заплатилъ бы цѣлыми годами блаженства... и ты... мнѣ измѣнила!...

Любовь.

Какъ! такая клевета, ужасное подозрѣніе вышло изъ твоего сердца?... Не вѣрю; ты хотѣлъ испугать меня... *(Беретъ его за руку)*. Ты шутишь... о, скажи! ты шутишь? Юрій, перестань, я не вынесу этого...

Юрій *(въ бѣшенствѣ)*.

И ты не стыдишься передъ этими деревами, передъ цвѣтами, растущими вокругъ, передъ этимъ голубымъ сводомъ, которые были свидѣтелями нашихъ взаимныхъ обѣщаній... Посмотрите, дерева, съ какой адской улыбкой, притворной невинностью, она стоитъ между вами, недвижна, какъ жена Лотова... Взгляни и ты, дѣвушка, на нихъ: они качаютъ головами, укоряютъ тебя, смѣются надъ тобой... Нѣтъ, надо мной они хохочутъ... Слышишь, говорятъ: безумецъ, какъ могъ ты повѣрить женщинѣ?... Клятвы ея на пескѣ, вѣрность на воздухѣ... Бѣги, бѣги, уже зараза смертельная въ крови твоей... Бѣги далеко изъ родины,—гдѣ для тебя ничего больше нѣтъ... Бѣги туда, гдѣ нѣтъ женщинъ... Гдѣ жъ этотъ край благословенный?... Пущусь искать его... Стану бродить по свѣту, пока найду и погибну... Гдѣ?... Лишь бы дальше отъ нея... а то мнѣ все равно! Простите,

мѣста моего дѣтства, прости, любовь, надежда, мечты дѣтскія... все свершилось для меня!

(*Хочетъ бѣжать. Любовь, какъ пробудившись, вдругъ останавливаетъ его*).

Любовь.

Остановись на минуту!.. Не погуби невинную дѣвушку. (*Жалобно*). Слушай, жестокій другъ: клянусь, въ первый разъ, клянусь всѣмъ страшнымъ для меня, что я тебя одного любила и люблю... чего тебѣ еще больше, неужели эти слова тебя не увѣрятъ? Юрій, отвѣчай мнѣ ласково, иначе ты убьешь меня. (*Сильнѣе прижимаетъ къ себѣ его руку*).

Юрій (*почти не слыхавъ ея словъ*).

Какой сильный духъ остановилъ меня? Отчего я еще здѣсь?.. Моя голова пылаетъ, мысли мѣшаются... (*Старается вырваться*). Пусти... пусти...

Любовь.

Юрій! не пущу тебя, пока ты не признаешь меня невинною, до тѣхъ поръ смерть не оторветъ меня отъ ногъ твоихъ; я обниму колѣна; если ты отрубишь руки, я зубами стану держаться, позволь мнѣ тебѣ все объяснить!..

Юрій (*холодно*).

Вы справедливы...

Любовь.

Ты говоришь не отъ сердца.

Юрій.

Ты невинна, непорочна... пусти меня...

Любовь

(*пускаетъ слабже его руку, но Юрій не выдергиваетъ свою, и она остается*).

Помнишь ли ты прошедшее? ты самъ признавался, что моя нѣжность сдѣлала тебя счастливѣйшимъ человѣкомъ; я вѣрю, ибо люблю тебя со всѣмъ пламенемъ первой страсти... Вспомни, что ты мнѣ разсказывалъ давно уже; ты говорилъ, что предметъ первой любви твоей своею холодностью сдѣлалъ твой характеръ мрачнымъ и подозрительнымъ, что съ тѣхъ поръ твое сердце страдаетъ отъ нанесенной язвы... (*Юрій глядитъ въ сторону, дабы скрыть смущеніе*). А ты губишь первую любовь бѣдной дѣвушки... суди по себѣ... ты сдѣлался мраченъ, а я не перенесу этого... Неужели ты такой эгоистъ, что почитаешь себя одного съ чувствомъ и душою... О, Юрій! ты такъ обманулъ меня, ты говорилъ о привязанности своей ко всему міру, ко всѣмъ людямъ, а нынѣ не имѣешь сожалѣнія къ бѣдной дѣвушкѣ... (*Юрій въ сильномъ смущеніи*). Но ты плачешь... о, не вѣрю, что ты совсѣмъ меня отвергнулъ, нѣтъ, я еще любима,—не вѣрю твоей холодности; она пройдетъ, ревнивый мужчина!.. Видишь, я у ногъ тво-

Рисун. худ. В. Комарова.

Юрій и Любовь („Menschen und Leidenschaften", дѣйствіе IV, явленіе V).

ихъ, прошу пощады, люби меня... выслушай оправданье... *(Съ рыданьемъ упадаетъ передъ нимъ и обнимаетъ его колѣна. Юрій въ сильномъ движеніи, рыданья останавливаютъ вырывающіяся слова; онъ плачетъ).*

Юрій *(дрожащимъ голосомъ).*

Прочь, прочь... сирена... прочь отъ меня...

Любовь

(встаетъ и поднимаетъ глаза къ небу. Тихо).

О, Боже, Боже мой!..

Юрій *(отошедъ въ сторону).*

Слабость! слабость! она мнѣ напомнила про первую любовь, про первыя муки душевныя,—и я заплакалъ. Но она не тверже меня духомъ: я заставлю ее, блѣднѣя и дрожа, признаться въ измѣнѣ... *(Молчаніе).* Я не знаю, она еще такъ много власти имѣетъ надо мною, что надо призвать всю твердость, чтобъ совершенно окаменѣть... Такъ, я не долженъ имѣть ни малѣйшей жалости къ прекрасному личику этому... я желалъ бы ее сдѣлать безобразной... чтобы... чтобы совершенно истребить изъ груди любовь. *(Беретъ пистолетъ и подходитъ къ ней).* Видишь ли это оружіе... Я могу черезъ одно пожатіе пальца превратить тебя въ окровавленный трупъ... Видишь... *(Прицѣливается).*

Любовь.

Стрѣляй, если можешь...

Юрій *(бросаетъ пистолетъ съ досадою).*

Женщина!

Любовь.

Неужели ты думаешь, что я дорожу теперь жизнью?.. Нѣтъ, я никогда не наслаждалась ею и умѣю не бояться убійцы. *(Опускаетъ снова въ задумчивости голову и руки).*

Юрій *(мрачный, приближается къ ней).*

Наши сердечныя связи расторгнуты,—виновата ты или нѣтъ. Я не буду любить тебя и не могу, еслибъ даже и хотѣлъ. *(Глядитъ ей пристально въ глаза и беретъ руку).* Вотъ перстень, который ты мнѣ дала недавно; возвращаю его тебѣ, какъ ненужнаго свидѣтеля любви моей,—возьми его назадъ.—Я ѣду изъ родины въ чужіе края, ничто больше здѣсь меня не задержитъ... *(Тронутый).* Благодарю тебя за лучшіе часы моей жизни... и ни за что не укоряю. Ты показала, что можно быть совершенно счастливу у сердца нѣжной женщины, и что это блаженство короче всѣхъ блаженствъ... *(Жметъ руку ей).* Благодарю тебя, Любовь!.. *(Молчаніе. Послѣ чего Юрій съ жаромъ продолжаетъ).* О другъ мой! оставь свое безполезное упрямство; ты меня не разувѣришь, ибо я самъ все видѣлъ... но признайся чистосердечно, что ты виновна, тогда, быть можетъ, я снова полюблю тебя...

Любовь *(гордо).*

Нѣтъ! я на свою честь не буду клеветать... Впрочемъ, мое признанье было бъ безполезно, еслибъ я была въ самомъ дѣлѣ виновна предъ тобою...

Юрій.

Итакъ, ты не хочешь?..

Любовь *(твердо).*

Не могу и не должна!..

Юрій.

Прощай. *(Идетъ, но ворочается).* Дай мнѣ послѣдній поцѣлуй. *(Беретъ ея руки).* Прощай, Любовь, прощай надолго!.. *(Цѣлуетъ ее въ губы; въ восторгѣ).* Нѣтъ! нѣтъ! эти уста никогда не могли быть преступными, я бъ никому не повѣрилъ, еслибъ... Проклятое зрѣнье! Богъ Всевѣдущій! зачѣмъ Ты не отнялъ у меня прежде этого зрѣнья?.. Зачѣмъ попустилъ видѣть? Что я Тебѣ сдѣлалъ, Богъ?.. О! *(съ дикимъ стономъ)* во мнѣ отнынѣ нѣтъ къ Тебѣ ни вѣры, ничего нѣтъ въ душѣ моей... но не наказывай меня за мятежное роптанье. Ты... Ты... Ты Самъ нестерпимою пыткой вымучилъ эти хулы... Зачѣмъ Ты мнѣ далъ огненное сердце, которое любитъ и ненавидитъ до крайности... Ты виновенъ! Пусть громъ упадетъ на меня, я не думаю, чтобъ послѣдній вопль давно погибшаго червя могъ Тебя порадовать... *(Въ отчаяньи убѣгаетъ. Молчаніе).*

Любовь *(оглядывается; жалобно).*

Онъ ушелъ! О, я несчастная дѣвушка!.. *(Упадаетъ въ слабости на скамью дерновую).*

(Занавѣсъ опускается).

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Комната Николая Михаилыча; сундуки, чемоданы готовы къ отъѣзду.

Вас. Мих.

(уходя, слугѣ, который идетъ за нимъ).

Что? что? не можетъ быть; неужели это правда?

Слуга.

Точно такъ-съ...

Вас. Мих.

Такъ, такъ! мнѣ самому это все казалось... Экій шельма... Поди, позови брата сюда моего... Экое несчастное дѣло! *(Уходитъ слуга).*

Ну, какъ объявить ему? Теперь просто... да, просто надобно за одинъ разъ кончить эти сплетни. *(Садится).* Надобно порядкомъ распечь племянника моего,—экую онъ заварилъ кашу! однако я пощажу его немного. Молодость, все молодость! хотя это такой порокъ, отъ котораго всякій день мы исправляемся. Можетъ быть, онъ и не совсѣмъ такъ говорилъ, или что-нибудь да не такъ тутъ есть... Впрочемъ, я не думалъ бы никакъ, чтобъ Юрій дошелъ до такой низости, еслибъ... *(Въ задумчивости опускаетъ голову).* Ба! что это за записка? „Ma chère...“ Это любопытно. *(Подымаетъ записку; вдругъ вскакиваетъ въ изумленіи и долго молчитъ, смотря на записку, потомъ съ досадой говоритъ).* Какъ?! Къ Любови, къ моей дочери, любовное письмо... свиданіе... Юрій... Нѣтъ, этого я не стерплю. *(Молчаніе).* Видно, это давно написано, потому что на полу валяется, какъ все старое. *(Молчаніе).* Ну, говори, что я несправедливо дѣлалъ, любя дочерей моихъ неодинаково... Я напередъ какъ бы предчувствовалъ это... Вотъ Лизушка такой штуки не сдѣлаетъ... Съ братомъ двоюроднымъ любовное свиданіе,—гдѣ это на свѣтѣ видано?.. О! я ему отомщу; будетъ теперь меня помнить! Послѣ этого чего нельзя отъ него ожидать, отъ обольстителя двоюродной сестры!.. *(Ходитъ взадъ и впередъ).* Однако припрячу записку до случая. *(Кладетъ въ карманъ).* Но вотъ и братъ идетъ, кажется...

ЯВЛЕНІЕ II.

Николай Михайлычъ входитъ.

Ник. Мих.

Что это, братъ, такое? Что опять за важное дѣло? У меня, право, ихъ теперь такъ много, что не знаю, куда съ ними дѣваться.

Вас. Мих.

Да, дѣло не маловажное, касающееся до тебя и до твоего сына.

Ник. Мих.

Мароа Ивановна что-нибудь еще хочетъ сочинить, не правда ли?

Вас. Мих.

Нѣтъ, до нея тутъ ничего не касается...

Ник. Мих.

Эхъ, братецъ! такъ что же тутъ можетъ быть важнаго? Ты меня только оторвалъ отъ занятья... Объ этомъ послѣ можно поговорить.

Вас. Мих.

То то нельзя...

Ник. Мих.

Что же это?

Вас. Мих.

Твой сынъ...

Ник. Мих.

Мой сынъ—лучшій изъ сыновъ: благороденъ, справедливъ, хотя мечтателенъ, и меня любитъ, несмотря на всѣ происки старухъ...

Вас. Мих.

Хмъ! хмъ! хмъ!

Ник. Мих.

Что ты такъ смотришь? Неужели кто-нибудь можетъ сказать „нѣтъ“?

Вас. Мих.

Нѣтъ!—не то, чтобы не любилъ *совсѣмъ*, а это еще подлежитъ сомнѣнію.

Ник. Мих.

Какъ сомнѣнію? Что это? Неужели ты такъ о немъ думаешь, братецъ?

Вас. Мих.

Да, думаю... И, можетъ быть, ты самъ скоро начнешь думать.

Ник. Мих.

По крайней мѣрѣ, онъ до сихъ поръ не подалъ мнѣ повода почитать его безчестнымъ человѣкомъ.

Вас. Мих.

Вотъ видишь: есть люди, которые умѣютъ такъ скрыть цѣль свою и свои поступки, что...

Ник. Мих.

Братецъ! Юрій не изъ такихъ людей...

Вас. Мих.

Человѣкъ неблагодарный не можетъ быть хорошимъ человѣкомъ.

Ник. Мих.

Въ немъ этого нѣтъ...

Вас. Мих.

А какъ есть?—Развѣ Марѳа Ивановна не воспитала его, развѣ не старалась объ его дѣтствѣ, развѣ не ему же хотѣла отдать все свое имѣніе,—а онъ оставитъ... Ну, да это для отца... Да какъ поступаетъ съ ней? со стороны жалко смотрѣть: грубъ съ нею, какъ съ послѣдней кухаркою.

Ник. Мих.

Что же изъ этого всего ты хочешь вывесть?.. Ради Бога, объяснись...

Вас. Мих.

А то хочу вывесть, что онъ, обманувъ ее, можетъ обмануть и тебя. Видишь, тебѣ кажется, что онъ съ ней такъ дурно поступаетъ, ее оставляетъ, про нее дурно говоритъ... А кто знаетъ, можетъ быть, и ей онъ на тебя, Богъ знаетъ какъ, клевещетъ.

Ник. Мих.

Стыдись! это всѣ одни несправедливыя подозрѣнія! помилуй! что ты дѣлаешь?

Вас. Мих.

Я хочу тебѣ открыть глаза изъ одной дружбы къ тебѣ; и у меня, повѣрь, не одни подозрѣнія,—безъ доказательствъ не смѣлъ бы я говорить.

Ник. Мих.

Да тутъ нѣтъ добраго смысла, братецъ!..

Вас. Мих.

Отчего же?

Ник. Мих.

Ну, ты вѣрно согласишься, что Юрій уменъ.

Вас. Мих.

Глупый человѣкъ не можетъ быть такъ лукавъ...

Ник. Мих.

Итакъ, согласенъ? Какая же тутъ цѣль? Онъ долженъ бы былъ понять, что эти сплетни, какъ ты говоришь, ни къ чему не послужатъ?

Вас. Мих.

То то и дѣло, онъ уменъ, потому то я еще и не совсѣмъ дошелъ до цѣли; а въ томъ, что я теперь тебѣ разскажу, я увѣренъ. Слушай же: вчерась, въ ея комнатѣ, онъ говоритъ своей бабкѣ: довольны ли вы теперь моей привязанностью? вамъ тяжко присутствіе моего отца! я ему про васъ наговорилъ, онъ съ вами побранился,— и теперь вы имѣете полное право ему указать порогъ...

Ник. Мих.

Ужасное безстыдство...

Вас. Мих.

Да! но это не все...

Ник. Мих.

Что еще можетъ быть хуже этого?., но нѣтъ, не вѣрю... не вѣрю... кто слышалъ это? *(Беретъ его сильнымъ движеніемъ за руки).* Отвѣчай, кто слышалъ?.. Кто?

Вас. Мих. *(въ сторону).*

Бѣда! надобно солгать. *(Ему).* Я... я слышалъ... право, я...

Ник. Мих.

Непостижимый случай, — сынъ... не могу подумать этого, — извергъ!

Вас. Мих.

Успокойтесь!.. успокойтесь!..

Ник. Мих.

Мнѣ успокоиться? ха! ха! *(Звонитъ. Человѣкъ входитъ).* Сына моего пошли, сію минуту отыщи его, хотя бъ онъ былъ у самого чорта... слышишь!.. *(Ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ).*

Вас. Мих.

Но я тебя прошу, братецъ, поменажируй, поменажируй его, пожалуйста;—вѣдь я такъ только тебѣ сказалъ, а не для того, чтобы сдѣлать изъ этого цѣлую исторію... Пощади его, вѣдь онъ еще молодъ, видишь ли... братецъ...

Ник. Мих. *(въ бѣшенствѣ).*

Никогда, никогда! мнѣ его пощадить? нѣтъ! я ему дамъ нагонку. Кто бъ подумалъ, такое злодѣйство? хотя бы капля совѣсти... ничего! До тѣхъ поръ меня обмануть... О! онъ дорого мнѣ это заплатитъ. *(Ходитъ взадъ и впередъ).*

Вас. Мих. *(въ сторону).*

Вотъ, кажется, и Юрій идетъ сюда, сяду на это кресло и, какъ ни въ чемъ не бывало, стану слушать. Да, я бъ желалъ, чтобъ ему хорошенько досталось: вѣдь видно, что родства не знаетъ,—любовное свиданіе съ моей дочерью!.. Боже, Боже мой! Экая нынче молодежь! Ну жъ, я ему отплатилъ! въ такихъ случаяхъ солгать простительно. *(Садится возлѣ стола).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Прежніе и Юрій (входитъ тихо).

Юрій.

Вы меня спрашивали, любезный батюшка?

Ник. Мих. *(въ сторону).*

Любезный! Я ему задамъ такой любезности, что онъ будетъ помнить.

Юрій *(ближе).*

Батюшка! что вамъ угодно?...

Ник. Мих.

(оборачиваясь, сердито и строго).

Кажется, вамъ бы можно со мною поучтивѣе обращаться... *(Юрій въ удивленіи отступаетъ назадъ).*

Вас. Мих. *(въ сторону).*

Идетъ хорошо покуда.

Ник. Мих.

Кто тебѣ велѣлъ сюда придти? *(Юрій все еще смотритъ на него).* Повторяю: зачѣмъ ты сюда пришелъ?

Вас. Мих.

Да вѣдь ты, братецъ, за нимъ, кажется, посылалъ!...

Ник. Мих.

Знаю самъ. Да я хочу, чтобы онъ отвѣчалъ... *(Съ презрѣніемъ).* Видишь, какъ смотритъ, точно быкъ. *(Юрію).* Что ты молчишь, негодяй?

Юрій.

Что такое? Но вы, вѣрно, шутите, батюшка,—перестаньте, прошу васъ; нынче такія шутки мнѣ слишкомъ тяжело легли на сердце... кончите.

Ник. Мих. *(сердито).*

Смотри, пожалуйста, я съ нимъ шучу!... Нѣтъ, серьезно говорю, сударь, что ты негодяй, скверный человѣкъ...

Юрій *(горячо).*

Батюшка! я не заслужилъ этого!

Ник. Мих.

Ты заслужилъ больше... ты стòишь, чтобы я тебя прибилъ... и еще больше..

Юрій

(гордо и съ увеличивающимся жаромъ).

Вспомните, что я уже не ребенокъ... не доведите меня до крайности,—моя голова довольно нынче разгорячена... Я невиненъ... ручаюсь честью! но за себя не всегда могу отвѣчать!... не...

Ник. Мих. *(прерываетъ).*

Отецъ всегда имѣетъ право надъ сыномъ... а ты хочешь идти противъ меня, неблагодарный...

Юрій.

Такъ! я неблагодаренъ, только не къ вамъ. Я обязанъ вамъ одною жизнью... возьмите ее назадъ, если можете... О! это горькій даръ...

Ник. Мих.

Что ты хочешь сказать этимъ?...

Юрій.

Для васъ я покидаю несчастную старуху, хотя могъ бы быть опорой послѣднихъ дней ея... Она мнѣ дала воспитаніе, ухаживала за моимъ дѣтствомъ, ей обязанъ я пропитаніемъ, богатствомъ, всѣмъ, что я имѣю, кромѣ жизни... и въ нѣсколько дней я ее приблизилъ къ могилѣ... къ ней я неблагодаренъ... Я не долженъ былъ смотрѣть на ваши распри: обязанность человѣчества должна была занять мое сердце... Но для васъ я сдѣлалъ великое преступленье... и вы меня обвиняете... вы, мой отецъ... Нѣтъ, это свыше границъ возможнаго...

Ник. Мих.

Ты можешь такъ безстыдно лгать, лицемѣръ, ты, который своими низкими сплетнями увеличилъ нашу ссору; который, надѣвъ маску привязанности, являлся къ каждому и вооружалъ одного противъ другого; черезъ котораго я, какъ послѣдній нищій, выгоняемъ изъ этого дома... Несчастный, еслибъ я это зналъ, я бъ тебя удушилъ при твоемъ рожденьи... чтобъ никогда глаза мои не видали такого чудовища!...

Юрій *(бросается къ ногамъ его)*.

Ради всего страшнаго, не продолжайте, отецъ мой... Я почти понимаю, что вы хотите сказать... Клевета... клевета... все клевета... Не вѣрьте никому, кромѣ мнѣ... Я васъ люблю, я это доказалъ...

Ник. Мих.

Змѣя!...

Юрій.

Разсмотрите, узнайте... Но берегитесь меня доводить до отчаянія... я невиненъ!...

Ник. Мих.

Я все знаю... Теперь поздно, твое коварство тебѣ не удалось нынче! Сквозь этотъ огорченный видъ невинности, сквозь эти блѣдныя черты я вижу адскую душу... Отрекаюсь отъ нея: ты больше мнѣ не сынъ... Прочь, прочь отсюда съ твоимъ наслѣдствомъ... Ты мнѣ золотомъ не заклеишь языкъ... Я все тебя отвергну, хотя бъ съ тобой были милліоны... Такое коварство... почти отцеубійство, если не хуже, потому что я тебя любилъ... И въ такихъ молодыхъ лѣтахъ... Прочь, прочь!... Я не могу слышать тебя близко!... Мое состояніе самое опасное; можетъ быть—и скоро—совсѣмъ разорюсь... Буду просить милостыню... Повѣрь мнѣ, даже не подойду къ твоему окошку... я не захочу встрѣтить на немъ печать моего проклятья... Сердце мое тогда бы облилось сожалѣньемъ... Я этого не хочу— прочь!...

Юрій

(вздрагиваетъ при словѣ проклятье и, бывъ прежде въ ужасномъ движеніи, вдругъ становится, какъ окаменѣлый. Молчаніе).

Вас. Мих. *(подходитъ къ брату).*

Не довольно ли? Посмотри, какъ онъ блѣденъ... какъ мертвецъ...

Ник. Мих.

Такъ его и надо... Нужды нѣтъ!... Онъ еще можетъ раскаяться...

Юрій *(вдругъ съ дикимъ хохотомъ).*

Ха! ха! ха! Отецъ проклялъ сына... Какъ это легко!... Посмотрите, посмотрите, посмотрите на это самодовольное лицо... Посмотрите на эти спокойныя черты: этотъ отецъ проклялъ сына. *(Уходитъ въ сильномъ, но молчаливомъ отчаяніи).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Прежніе безъ Юрія.

Ник. Мих.

Онъ ушелъ?...

Вас. Мих.

Кажется, братецъ, кажется...

Ник. Мих.

Я такъ утомился; мнѣ надобно отдохнуть... О! не дай Богъ имѣть такіе дни въ жизни никакому отцу!

Вас. Мих.

Ты правъ, братецъ... Не дай Богъ...

Ник. Мих. *(уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Вас. Мих. *(одинъ).*

Ужъ досталось тебѣ, негодяй!... Еслибъ я еще послѣднее сказалъ да представилъ это письмо, такъ не то бы еще было; да такъ ужъ пожалѣла моя душа... Теперь пойду; однако жъ, дочку свою не стану еще бранить... будетъ время... И безъ насъ здѣсь шуму и горя довольно... Охъ! охъ! охъ!... *(Уходитъ за братомъ своимъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Дарья

(которая подслушивала за противоположной дверью, выходитъ на цыпочкахъ).

Все кончено, слава Богу; мнѣ удалась эта штука, какъ многія другія; однако лучше этой еще ни одной не могу запомнить, такъ прекрасно черезъ людей передала я свою выдумку Василію Михалычу; а тотъ сдуру и повѣрилъ... Ну жъ, мнѣ будетъ благодарность отъ госпожи моей... Денегъ то, денегъ то!... А ужъ этотъ Волинъ... Зажгла я его хоромы, и моремъ не потушитъ. Теперь все наше! хоть заранѣ молебенъ святымъ угодникамъ служи... Однако жъ, потороплюсь объявить свою новость барынѣ... Добро вамъ, незваные гости!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Дарья хочетъ уйти, но встрѣчается въ дверяхъ съ Маѳой Ивановной.

Маѳа Ив. *(входитъ съ палкой).*

Дашка! Дашка! что тутъ случилось? Скажи скорѣй! Я слышала шумъ... Вижу радость на твоемъ лицѣ... Что такое? Дашка! подай стулъ...

Дарья *(подвинувъ стулъ).*

Что случилось, сударыня?...

Маѳа Ив.

Ну, да. Говори же...

Дарья.

Что случилось?!

Маѳа Ив.

Какое дурацкое эхо!... Отвѣчай же скорѣй...

Дарья.

Случилась маленькая комедь между батюшкой и сынкомъ... Не извольте бояться, это ничего: Юрія Николаича батюшка побранилъ да, въ шутку, и проклялъ, а тотъ огорчился. Вотъ вамъ все, сударыня.

Маѳа Ив.

Проклялъ... Ты этому виною, негодяйка... ты *(поднимаетъ руку на нее)* своими сплетнями это сдѣлала...

Дарья.

Да вѣдь вы сами, матушка, приказывали *(кланяясь)*. Чѣмъ же я могла васъ прогнѣвить...

Мареа Ив.

Въ ссылку сошлю, засѣку... Я тебѣ сказала, чтобъ поссорить ихъ... но развѣ не ты мнѣ это присовѣтовала?... Теперь что съ нимъ будетъ, съ Юрьюшкой,—погубитъ онъ свою душу... Прочь, адскій духъ, прочь!... съ глазъ моихъ долой!... въ Сибирь!... въ адъ!... Охъ, я несчастная... окаянная!... Что это мы надѣлали...

Дарья *(повалившись ей въ ноги).*

Помилуйте! мать родная... золотая... серебряная!... Государыня... спасите меня!...

Мареа Ив.

Какъ могло это до того дойти?... Кто бъ подумалъ?... О, эта змѣя проклятая!... О, еслибъ я знала, я бы скорѣй помирилась тысячу разъ съ Волинымъ... лишь бы не дошло до этого... На старости лѣтъ такой грѣхъ на мнѣ... Онъ погибъ теперь... и я погибла... и всѣ... всѣ... Уфъ! какъ темно... какъ холодно... будто... будто желѣзная рука выдавила послѣднюю каплю крови изъ моего сердца!... Тамъ свѣтло... вотъ чаша... въ ней вода... въ водѣ ядъ... *(Молчаніе. Тихо).* Отойди... отойди... упрекающее дитя... отойди! Чего ты отъ меня хочешь? Ты говоришь, что ты душа моего внука!... Нѣтъ... откуда тебѣ взяться?... Охъ!... охъ!... не трогай руки моей!... Я тебя не знаю... не знаю... никогда тебя я не видала. *(Уходитъ съ признаками сумасшествія).*

Дарья *(вставъ).*

Она сошла съ ума,—теперь опять все наше, опять дѣло выиграно. *(Уходитъ съ веселымъ лицомъ).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Комната Юрія. Темно. Онъ стоитъ возлѣ стола, опершись на него рукою; возлѣ него стаканъ воды. Иванъ, слуга его, стоитъ недалеко.

Иванъ.

Здоровы ли вы, баринъ?...

Юрій.

На что тебѣ?...

Иванъ.

Вы такъ блѣдны...

Юрій.

Я блѣденъ?... Можетъ быть, скоро буду еще блѣднѣе...

Иванъ.

Вашъ батюшка только погорячился, онъ скоро васъ проститъ...

Юрій.

Поди, добрый человѣкъ, это до тебя не касается.

Иванъ.

Мнѣ не велѣно отъ васъ отходить...

Юрій.

Ты лжешь!... Здѣсь нѣтъ никого, кто бъ занимался мною... Я здоровъ; поди же прочь.

Иванъ.

Напрасно, сударь, хотите меня въ томъ увѣрить: вашъ разстроенный видъ, бродящіе глаза, дрожащій голосъ показываютъ совсѣмъ противное...

Юрій.

(вынимаетъ изъ шкатулки, на столь стоящей, кошелекъ. Въ сторону). Я слыхалъ, что въ людяхъ это *(показывая на кошелекъ)* многое можетъ произвести. *(Ивану).* Возьми это, — и ступай отсюда... Здѣсь тридцать червонцевъ...

Иванъ.

За тридцать сребрениковъ продалъ Іуда Іисуса Христа... А это еще золото... Нѣтъ, баринъ, я не такой человѣкъ... хотя рабъ, а не рѣшусь взять отъ васъ денегъ за такую услугу.

Юрій *(бросаетъ въ окно).*

Такъ пусть кто-нибудь подыметъ.

Иванъ.

Что это съ вами, сударь, дѣлается, утѣшьтесь... Не все горе, не все печаль на свѣтѣ, успокойся, батюшка.

Юрій *(тяжело).*

Ахъ! о, однако жъ...

Иванъ.

Богъ пошлетъ вамъ счастье... Хотя бъ за то только, что меня облагодѣтельствовали; никогда я, видитъ Богъ, отъ васъ сердитаго слова не слыхалъ...

Юрій.

Точно?...

Иванъ.

Я всегда велю женѣ и дѣтямъ за васъ Бога молить.

Юрій.

Такъ у тебя есть жена и дѣти?...

Иванъ.

Да еще какія... какъ съ неба; прекрасная, добрая жена... И малютки: сердце радуется, глядя на нихъ...

Юрій.

Если я тебѣ сдѣлалъ добро, исполни мою единственную просьбу...

Иванъ.

И тѣломъ, и душой готовъ, батюшка, на вашу службу...

Юрій.

У тебя есть дѣти... не проклинай ихъ никогда... *(Отходитъ въ сторону).*

Иванъ.

(Смотритъ на него съ сожальньемъ. Его кто то изъ-за кулисъ вызываетъ къ Марѳѣ Ивановнѣ. Онъ уходитъ медленно. Юрій остается одинъ.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Юрій одинъ.

Юрій.

А онъ, мой отецъ, меня проклялъ! И такъ ужасно... Въ ту минуту, когда я для него жертвовалъ всѣмъ, этой несчастной старухой, которая не снесла бы сего; моею благодарностью... Въ эту самую минуту... Ха! ха! ха! О, люди, люди!... Два, три слова, глупѣйшая клевета сдѣлала то, что я стою здѣсь на краю гроба... Прекрасная вѣчность! Прекрасныя воспоминанія!... Но это все должно было такъ кончиться... Гдѣ золото есть главный предметъ, дѣло тамъ не кончится лучше... И въ этотъ день онъ меня проклялъ! Въ тотъ самый день, когда я столько страдалъ, обманутый любовью, дружбой... Мое терпѣнье кончилось... кончилось... Я терпѣлъ, сколько могъ... но теперь... это выше силъ человѣческихъ.... Что мнѣ жизнь теперь, когда въ ней все отравлено?... Что смерть? Переходъ изъ одной комнаты въ другую, подобную ей. *(Указывая на стаканъ).* Какъ подумать, что эта ничтожная вещь побѣдитъ во мнѣ силу творческоі жизни, что бѣлый порошокъ превратитъ въ пыль мое тѣло, уничтожитъ созданіе Бога... Но если Онъ точно всевѣдущъ, зачѣмъ не препятствуетъ ужасному преступленью, самоубійству? Зачѣмъ не удержалъ удары людей отъ моего сердца?... Зачѣмъ хотѣлъ Онъ моего рожденья, зная про мою гибель?... Гдѣ Его воля, когда по моему хотѣнью я могу умереть или жить?... О, человѣкъ! несчастное, брошенное созданіе... Онъ сотворенъ слабымъ, его доводитъ судьба до крайности... и сама его наказываетъ; животныя безсловесныя счастливѣе насъ: они не различаютъ ни добра, ни зла; они не имѣютъ вѣчности; они могутъ... О! еслибъ я могъ уничтожить себя! Но нѣтъ!... Да! нѣтъ! Душа моя погибла. Я стою передъ Творцомъ моимъ. Сердце мое не трепещетъ... Я молился... не было спасенья... я страдалъ... ничто не могло его тронуть! *(Сыплетъ порошокъ въ стаканъ).* О! я умру... О смерти моей, вѣрно, больше будутъ радоваться, нежели о рожденіи моемъ. Отецъ меня отвергнулъ, проклялъ мою

душу и долженъ этого дожидаться. *(Молчаніе небольшое).* Природа подобна печи, откуда вылетаютъ искры; когда дерево сожжено, печь гаснетъ; такъ природа сокрушится, когда мѣра различныхъ мукъ человѣческихъ исполнится. Все исчезнетъ. Печь производитъ искры, природа—людей; однихъ—глупѣе, другихъ—умнѣе; одни много дѣлаютъ по уму въ мірѣ, другіе—неизвѣстны; такъ искры не равны межъ собой, но всѣ онѣ равно погаснутъ безъ слѣда; имъ послѣдуютъ другія безъ большихъ послѣдствій, какъ подобныя имъ. Когда огонь истощится, то соберутъ весь пепелъ и выбросятъ вонъ... Такъ съ нами, бѣдными людьми: все равно, страдалъ ли я, веселился ли— все умру. Не останется у меня никакого воспоминанія о прошедшемъ. Безумцы! безумцы мы!... желаемъ жить... Какъ будто два, три года что-нибудь значатъ въ безднѣ, поглотившей вѣка, какъ будто отечество или міръ стòятъ нашихъ заботъ, тщетныхъ, какъ жизнь. Счастливъ умершій въ такое время, когда ему нечего забывать: онъ не знаетъ этихъ свинцовыхъ минутъ безвѣстности... Счастливъ, кто, чувствуя тягость бытія, имѣетъ довольно силы, чтобъ прервать его.—Прощай, мой отецъ! мы никогда не увидимся... Не отъ тебя я умру... ты только помогъ мнѣ образумиться... Ахъ!... и она!... эти прекрасныя, обманчивыя черты потеряютъ свою привлекательность. Кто бъ повѣрилъ?... Мнѣ ихъ жалко. О! скоро... скоро. Вы всѣ пройдете, какъ тѣни... *(Беретъ стаканъ и пьетъ, тутъ вздрагиваетъ).* За здоровье ваше... Меня утѣшаетъ мысль: всѣ люди погибнутъ... Глупо было бы желать быть исключену изъ этого числа. Но зачѣмъ холодъ бѣжитъ по моимъ жиламъ, зачѣмъ я дрожу?... Еще не время... погоди... погоди, адское чудовище... еще четверть часа, смерть, и я—твой!... *(Садится на кресла. Небольшое молчаніе).*

ЯВЛЕНІЕ X.

Любовь и Элиза входятъ въ разговорѣ. Юрій, видя ихъ, вскакиваетъ и отходитъ въ сторону. Въ комнатѣ темно.

Элиза.

Что тебѣ сказалъ Заруцкій, отчего его не было въ саду?... это что все значитъ!... Твое безпокойствіе не къ добру, ma chère; ты отъ меня бѣгаешь и вѣрно чего-нибудь ищешь.

Любовь.

Не видала ли ты, гдѣ Юрій?...

Элиза.

На что тебѣ его?...

Любовь.

Ахъ, сестрица! ты всему виною. Они хотѣли стрѣляться... Заруцкій меня на колѣнахъ просилъ, чтобъ я тебя привела для

свиданья; Юрій видѣлъ и принялъ совсѣмъ иначе... О, я несчастная дѣвушка!... Онъ меня оставилъ, онъ думаетъ, что я измѣнила ему... Онъ не хочетъ даже выслушать меня. — О! еслибъ онъ зналъ... Еслибъ онъ видѣлъ мои слезы!...

Юрій *(въ сторону).*

И я только теперь это слышу!... безумецъ я!

Элиза.

Чего же ты теперь хочешь, ma soeur?

Любовь.

Дядюшка его проклялъ... Онъ въ отчаяньи... Вѣрно, понапрасну. Богъ его за меня наказалъ. Я хочу его сыскать... хочу утѣшить Юрія... Ахъ! сестрица, сестрица! еслибъ онъ видѣлъ мои слезы... но... онъ меня любитъ, въ немъ еще есть жалость... О, еслибъ онъ зналъ, что происходитъ въ моемъ сердцѣ... *(Юрій въ это время подходитъ и отходитъ въ нерѣшимости).*

Любовь.

Я его утѣшу, пойду къ его отцу, на колѣнахъ выпрошу прощеніе... или умру... Я боюсь... О! гдѣ бы мнѣ его найти!... Одна моя любовь можетъ его утѣшить... Онъ всѣми такъ жестоко покинутъ!...

Юрій *(въ отчаяньи).*

Злодѣй! самоубійца!...

Элиза.

Что это?...

Любовь *(бросается).*

Юрій! Юрій! онъ здѣсь. *(Юрій встаетъ).* Какъ блѣденъ... Какой страдальческій взглядъ!

Юрій.

Ты меня любишь?... А я всегда люблю тебя...

Любовь *(рыдаетъ у него на шеѣ).*

Люблю ли я тебя?... Благодарю Небо!... наконецъ, я счастлива... Другъ мой... другъ мой... я тебѣ всегда была вѣрна...

Юрій.

Да! да! — это мое послѣднее утѣшеніе.

Любовь *(все еще на груди его).*

Тебя всѣ покинули.

Юрій.

Ты ошибаешься; я всѣхъ покидаю... Ты этого не знала? *(Любовь поднимается и смотритъ съ удивленіемъ).* Я ѣду въ дальній, безконечный путь.

Любовь.

Что это?... Ты ѣдешь?... Какъ, куда?...

Юрій.

Мы никогда, никогда не увидимся...

Любовь.

Если не здѣсь, то на томъ свѣтѣ...

Юрій.

Другъ мой! нѣтъ другого свѣта... Есть хаосъ... Онъ поглощаетъ племена... И мы въ немъ исчезнемъ... Мы никогда не увидимся... Разныя дороги... всѣ къ ничтожеству... Прощай, мы никогда не увидимся. Нѣтъ рая, нѣтъ ада... Люди — брошенныя, безпріютныя созданья.

Любовь.

О, Всемогущій! что сдѣлалось съ нимъ?... Онъ не знаетъ, что говоритъ...

Юрій *(смотритъ на нее пристально).*

Какъ ты прекрасна въ эту минуту... Вотъ послѣднее удовольствіе мое... оно велико... Я согласенъ... Нѣтъ, не потревожу... Это нѣжное выраженіе глазъ, эти полуоткрытыя уста... Не стану говорить ей... не хочу видѣть ее въ ужасѣ... Ахъ!... но, нѣтъ, пусть она узнаетъ, — что мнѣ? Я умру!... пусть все откроется... Еслибъ былъ здѣсь мой отецъ... какъ насладился бъ онъ видомъ моихъ предсмертныхъ судоргъ!...

Любовь.

Что онъ говоритъ?... Юрій! Юрій!... я предчувствую ужасное...

Юрій *(беретъ ее за руку).*

Знай, что можетъ сдѣлать обманутое сердце, что можетъ проклятіе вѣчное отца... узнай... и да разорвется твоя слабая грудь... трепещи... кровь остановилась въ твоихъ жилахъ... А! подумай! отгадай!... ха! ха! ха! ха! нѣтъ, смѣйся лучше, пой, веселись, пляши... я — не бойся... я — только... принялъ... ядъ!...

Элиза.

Ай! помощь скорѣй! *(Убѣгаетъ, Любовь дрожитъ, блѣднѣетъ и падаетъ въ обморокъ на кресло; онъ стоитъ надъ ней).*

Смерть Юрія. („Menschen und Leidenschaften“, дѣйствіе V, явленіе XI).

Рисун. худ. В. Комарова.

Юрій.

Такъ! я это зналъ! женщины! женщины! вы не сотворены для подобныхъ ощущеній!... Какъ она блѣдна!... Образъ смерти... О, еслибъ она не просыпалась... еслибъ могла не видать моего трупа... *(Становится на колѣна).* Не приходи въ себя... ты и теперь прекрасна... умри лучше... мы съ тобой не были созданы для людей... Мое сердце слишкомъ пылко, твое слишкомъ нѣжно... слишкомъ слабо... *(Цѣлуетъ ея руку).* Рука тепла...

Любовь *(приходитъ въ себя, подымается на стулъ и кидается къ нему на шею).*

Молись!

Юрій.

Поздно! поздно!...

Любовь.

Никогда не поздно... Молись!... молись!...

Юрій *(вскакиваетъ).*

Нѣтъ, не могу молиться...

Любовь *(встаетъ).*

О, ангелы! внушите ему! Юрій...

Юрій.

Мнѣ дурно...

Любовь.

Дурно...

Юрій.

Пора!... Скажи моему отцу, что я желалъ бы простить ему... *(Упадаетъ на землю).*

Любовь.

Онъ падаетъ... *(Смотритъ на небо).* Помоги! помоги! *(Становится на колѣна возлѣ Юрія).* Останови его душу... Богъ! сдѣлай первое чудо... онъ вернется къ Тебѣ...

Юрій *(умирающимъ голосомъ).*

Плачь... плачь... плачь... Богъ мнѣ... никогда... не проститъ!... *(Умираетъ. Любовь, рыдая, падаетъ на него. Молчаніе).*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Николай Михалычъ, Василій Михалычъ, Элиза, Иванъ, Дарья.

Дарья *(съ ужасомъ).*

Умеръ!...

Ник. Мих.

Мой сынъ... отъ моего проклятья... Не можетъ быть! Онъ еще живъ... не вѣрю... онъ живъ!...

Дарья *(указывая на трупъ, холодно).*

Отчего же? Посмотрите сюда... вы хотѣли,—онъ умеръ...

Вас. Мих. *(поднимая Любовь).*

Дочь моя!... спирту!... Ахъ! и она едва дышитъ... Спасите, спасите хоть ее!... *(Любовь уносятъ. Василій Михалычъ и Элиза уходятъ).*

Иванъ.

Боже! Прости душу моего господина!... *(Всѣ стоятъ въ безмолвномъ пораженіи).*

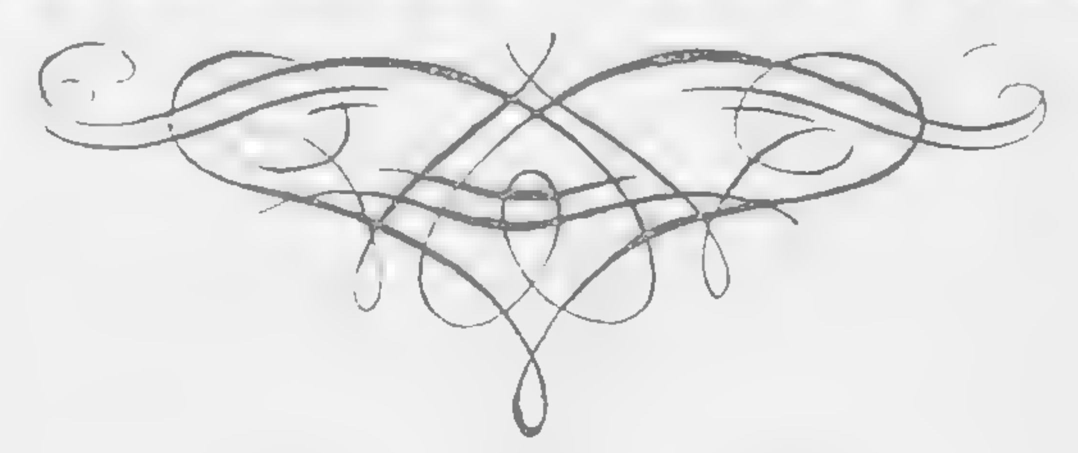
Занавѣсъ опускается.

1831г.

СТРАННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

РОМАНТИЧЕСКАЯ ДРАМА.

Я рѣшился изложить драматически происшествіе истинное, которое долго безпокоило меня, и всю жизнь, можетъ быть, занимать не перестанетъ.

Лица, изображенныя мною, всѣ взяты съ природы, и я желалъ бы, чтобъ они были узнаны; тогда раскаяніе, вѣрно, посѣтитъ души тѣхъ людей... Но пускай они не обвиняютъ меня: я хотѣлъ, я долженъ былъ оправдать тѣнь несчастнаго!...

Справедливо ли описано у меня общество,—не знаю; по крайней мѣрѣ, оно всегда останется для меня собраніемъ людей безчувственныхъ, самолюбивыхъ въ высшей степени и полныхъ зависти къ тѣмъ, въ душѣ которыхъ сохраняется хотя малѣйшая искра небеснаго огня.

И этому обществу я отдаю себя на судъ.

> The Lady of his love was wed with one
> Who did not love her better . . .
> . . . .
> And this the world calls phrensy; but the wise
> Have a far deeper madness, and the glance
> Of melancoly is a fearful gift;
> What is it but the telescope of truth?
> Which strips the distance of its phantasies,
> And brings life near in utter nakedness,
> Making the cold reality too real!
>
> *Lord Byron.* (The Dream).

СЦЕНА I.

(Утромъ 26 августа.)

Комната въ домѣ Павла Григорьевича Арбенина. Шкафъ съ книгами и бюро.
(Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ.)

Пав. Григ. *(запечатываетъ письмо).*

Говорятъ, что дѣти въ тягость намъ, пока они молоды; но я думаю совсѣмъ противное. За ребенкомъ надобно ухаживать, учить

и няньчить его; а двадцатилѣтняго опредѣляй на службу, да каждую минуту трепещи, чтобы онъ какою-нибудь шалостью не погубилъ навѣки себя и честное имя... Признаться, мое положеніе теперь самое критическое. Владиміръ нейдетъ въ военную службу, во-первыхъ, потому, что его характеръ, какъ онъ самъ говоритъ, слишкомъ своеволенъ, а, во-вторыхъ, потому, что онъ не силенъ въ математикѣ... Куда же опредѣлиться? Въ штатскую? Всѣ лучшія мѣста заняты. Къ тому же—нехорошо! Воспитывать—теперь самая трудная вещь; думаешь: „ну, все теперь кончилось!“ не тутъ то было,—только начинается!... Я боюсь, чтобы Владиміръ не потерялъ добрую славу въ большомъ свѣтѣ, гдѣ я столькими трудами достигъ до нѣкоторой значительности... Тогда я же буду виноватъ: про меня же скажутъ, какъ намедни, что я не воспитывалъ его сообразно характеру. Какой же въ его лѣта характеръ? Самый его характеръ есть безхарактерность. — Такъ, я вижу, что не довольно строго держалъ сына моего. Какая польза, что такъ рано развились его чувства и мысли?... Однако же я не отстану отъ своихъ плановъ: велю ему выйти въ отставку года черезъ четыре, а тамъ женю на богатой невѣстѣ и поправлю тѣмъ его состояніе. Оно, по милости моей любезной супруги, совсѣмъ разстроено. Не могу вспомнить безъ бѣшенства, какъ она меня обманывала. О, коварная женщина! ты испытаешь всю тягость моего мщенія; въ бѣдности, съ раскаяньемъ въ душѣ и безъ надежды на будущее, ты умрешь далеко отъ глазъ моихъ; я никогда не рѣшусь увидать тебя снова. Не дѣлалъ ли я все, чего ей хотѣлось? И обезчестить такого мужа! Я очень радъ, что у нея нѣтъ близкихъ родныхъ, которые бы помогали... *(Молчаніе).* Кажется, кто то сюда идетъ... Такъ точно. *(Входитъ Владиміръ Арбенинъ).*

Владиміръ.

Батюшка, здравствуйте!

Пав. Григ.

Я очень радъ, что ты пришелъ теперь. Мы кой о чемъ поговоримъ. Это касается до будущей твоей участи. Но ты что то невеселъ, другъ мой... Гдѣ былъ ты?

Владиміръ *(бросаетъ на отца быстрый и мрачный взоръ).*

Гдѣ я былъ, батюшка?

Пав. Григ.

Что значитъ этотъ пасмурный видъ? Такъ ли встрѣчаютъ ласки отца?

Владиміръ.

Отгадайте, гдѣ я былъ.

Постоялый дворъ. Рисунокъ М. Ю. Лермонтова.

Пав. Григ.

У кагого-нибудь тебѣ подобнаго шалуна, гдѣ ты проигралъ деньги, или у какой-нибудь прекрасной, которая огорчила тебя своимъ отказомъ. Какія другія приключенія могутъ безпокоить тебя? Кажется, я отгадалъ.

Владиміръ.

Я былъ тамъ, откуда веселье очень далеко; я видѣлъ одну женщину, слабую, больную, которая за давнишній проступокъ оставлена своимъ мужемъ и родными; она почти нищая; весь міръ смѣется надъ ней, и никто о ней не жалѣетъ. О, батюшка! эта душа заслуживала прощеніе и другую участь! Батюшка, я видѣлъ горькія слезы раскаянія; я молился вмѣстѣ съ нею; я обнималъ ея колѣна, я... я былъ у моей матери! Чего вамъ больше?

Пав. Григ.

Ты?..

Владиміръ.

О, еслибъ вы знали, еслибъ видѣли... Отецъ мой! вы не поняли эту нѣжную, божественную душу, или вы несправедливы, несправедливы! Я повторю это передъ цѣлымъ міромъ, и такъ громко, что ангелы услышатъ и ужаснутся человѣческой жестокости...

Пав. Григ. *(его лицо пылаетъ).*

Ты смѣешь... меня обвинять, неблагодар...

Владимiръ.

Нѣтъ! вы мнѣ простите! я себя не помню... Но посудите сами, какъ могъ я остаться хладнокровнымъ? Я согласенъ, она васъ оскорбила, непростительно оскорбила; но что она мнѣ сдѣлала? На ея колѣнахъ протекли первые годы моего младенчества; ея имя вмѣстѣ съ вашимъ было первою моею рѣчью; ея ласки облегчали мои первыя болѣзни... И теперь, когда она, въ нищетѣ, прiѣхала сюда, могъ ли я не упасть къ ея ногамъ?.. Батюшка! она хочетъ васъ видѣть... Я умоляю... Если мое счастье для васъ что-нибудь значитъ... Одна ея чистая слеза смоетъ черное подозрѣнiе съ вашего сердца и удалитъ предразсудки!..

Пав. Григ.

Слушай, дерзкiй! я на нее не сердитъ, но не хочу, не долженъ болѣе съ нею видѣться!.. Что скажутъ въ свѣтѣ?..

Владимiръ *(кусая губы).*

Что скажутъ въ свѣтѣ!

Пав. Григ.

И ты очень дурно сдѣлалъ, сынъ мой, что не сказалъ мнѣ, когда поѣхалъ къ Аннѣ Дмитревнѣ; я бы далъ тебѣ препорученье...

Владимiръ.

Которое бы убило послѣднюю ея надежду?—не такъ ли?

Пав. Григ.

Да, да! она еще недовольно наказана... эта сирена, эта скверная женщина...

Владимiръ.

Она моя мать.

Пав. Григ.

Если опять ее увидишь, то посовѣтуй ей не являться ко мнѣ и не стараться выпросить прощенья, чтобы мнѣ и ей не было еще стыднѣе встрѣтиться, чѣмъ было разставаться.

Владимiръ.

Отецъ мой! я не сотворенъ для такихъ препорученiй...

Пав. Григ. *(съ холодной улыбкой).*

Довольно объ этомъ. Кто изъ насъ правъ или виноватъ,—не тебѣ судить. Черезъ часъ приходи ко мнѣ въ кабинетъ, тамъ я тебѣ покажу недавно присланныя бумаги, которыя касаются до тебя; также

тебѣ дамъ я прочитать письмо отъ графа, насчетъ опредѣленія въ службу. И еще прошу тебя не говорить мнѣ больше ничего о своей матери... Я прошу, когда могу приказывать! *(Уходитъ).*

Владиміръ *(долго смотритъ ему вслѣдъ).*

Какъ радъ онъ, что имѣетъ право мнѣ приказывать! Боже! никогда Тебѣ не докучалъ я лишними мольбами, теперь прошу: прекрати эту распрю! Смѣшны для меня люди: ссорятся изъ пустяковъ и отлагаютъ часъ примиренья, какъ будто это—вещь, которую всегда успѣютъ сдѣлать!.. Нѣтъ, вижу, должно быть жестокимъ, чтобы жить съ людьми. Они думаютъ, что я созданъ для удовлетворенія ихъ прихотей, что я—средство для достиженія ихъ глупыхъ цѣлей! Никто меня не понимаетъ, никто не умѣетъ обходиться съ этимъ сердцемъ, которое полно любовью и принуждено расточать ее напрасно. *(Входитъ Бѣлинскій, разряженный).*

Бѣлинскій.

А! здравствуй, Арбенинъ! Здравствуй, любезный другъ! Что такъ задумчивъ? Для чего тому считать звѣзды, кто можетъ считать звонкую монету? Погляди на меня!.. Бьюсь объ закладъ, я отгадалъ, о чемъ ты думалъ.

Владиміръ.

Руку! *(Жметъ ему руку).*

Бѣлинскій.

Ты думалъ о томъ, какъ заставить женщину любить или заставить ее признаться въ томъ, что она притворялась. То и другое очень мудрено; однако я скорѣй возьмусь сдѣлать первое, нежели послѣднее, потому что...

Владиміръ.

О чемъ ты болтаешь тутъ?

Бѣлинскій.

О чемъ? Онъ поглупѣлъ или оглохъ!.. Я говорилъ о царѣ Соломонѣ, который воспѣвалъ умѣренность и совѣтовалъ поститься, а самъ былъ не изъ послѣднихъ скоромниковъ... Ха! ха! ха!.. Ты вѣрно ждалъ, чтобъ твоя любезная прилетѣла къ тебѣ на крыльяхъ зефира!.. Нѣтъ, потрудись-ка самъ слетать... Другъ мой! кто разберетъ женщинъ?.. Въ ту минуту, когда ты думаешь...

Владиміръ *(прерываетъ его).*

Гдѣ былъ ты вчера?

Бѣлинскій.

На музыкальномъ вечерѣ, такъ сказать. Дѣти дѣлали отцу сюрпризъ по случаю его именинъ. Они играли на разныхъ инструмен-

тахъ,—и для отца это очень хорошо. Несмотря на то, гостямъ, которыхъ было очень много, было очень скучно.

Владимiръ.

Смѣшной народъ! Такимъ образомъ глупое чванство всегда отравляетъ семейственныя удовольствiя.

Бѣлинскiй.

Отецъ былъ въ восхищенiи и къ каждому обращалъ глаза съ разными тѣлодвиженiями; каждый отвѣчалъ ему наклоненiемъ головы и довольною улыбкой, и, уловя время, когда бѣдный отецъ обращался въ противную сторону, каждый зѣвалъ безпощадно... Мнѣ показались жалкими этотъ отецъ и его дѣти...

Владимiръ.

А мнѣ жалки безстыдные гости. Не могу видѣть равнодушно этого презрѣнiя къ счастью ближняго, какого бы рода оно ни было. Все хотятъ, чтобы другiе были счастливы по ихъ образу мыслей, и такимъ образомъ уязвляютъ сердце, не имѣя средствъ излѣчить. Я бы желалъ совершенно удалиться отъ людей, но привычка не позволяетъ мнѣ. Когда я одинъ, то мнѣ кажется, что никто меня не любитъ, никто не заботится обо мнѣ... И это такъ тяжело, такъ тяжело!..

Бѣлинскiй.

Эхъ, полно, братецъ, говорить пустяки!.. Товарищи тебя всѣ любятъ... а если есть какiя-нибудь другiя непрiятности, то надо умѣть переносить ихъ съ твердостью... Все проходитъ: зло, какъ добро...

Владимiръ.

Переносить! переносить!.. Какъ давно твердятъ это роду человѣческому, хотя знаютъ, что такимъ увѣщанiямъ почти никто не слѣдуетъ... Нѣкогда и я былъ счастливъ, невиненъ! но тѣ дни слишкомъ давно соединились съ прошедшимъ, чтобы воспоминанiе о нихъ могло меня утѣшать. Вся истинная жизнь моя состоитъ изъ нѣсколькихъ мгновенiй, и все прочее время было только приготовленiе или слѣдствiе сихъ мгновенiй... Тебѣ трудно понять мои мечты,—я это вижу... Другъ мой, гдѣ найду я то, что принужденъ искать?..

Бѣлинскiй.

Въ своемъ сердцѣ. У тебя есть великiй источникъ блаженства, умѣй только почерпать изъ него. Ты имѣешь скверную привычку разсматривать со всѣхъ сторонъ, анатомировать каждую крошку горя, которую судьба тебѣ посылаетъ. Учись презирать непрiятности, наслаждаться настоящимъ, не заботиться о будущемъ и не жалѣть о минувшемъ. Все привычка въ людяхъ, а въ тебѣ больше, чѣмъ въ

другихъ. Зачѣмъ не отстать, если видишь, что цѣль не можетъ быть достигнута... Нѣтъ, вынь да положь!.. А кто послѣ терпитъ?

Владиміръ.

Не суди такъ легкомысленно, войди лучше въ мое положеніе. Знаешь ли, я иногда завидую сиротамъ; иногда мнѣ кажется, что родители мои спорятъ о любви моей, а иногда, что они совсѣмъ не дорожатъ ею. Они знаютъ, что я ихъ люблю, сколько можетъ любить сынъ... Нѣтъ! зачѣмъ, когда они другъ на друга косятся, зачѣмъ есть существо, которое хотѣло бы ихъ соединить вновь, перелить весь пламень юной любви своей въ ихъ предубѣжденныя сердца... Другъ мой, Дмитрій! я не долженъ такъ говорить, но ты, вѣдь, знаешь все, все, и тебѣ я могу повѣрять то, что составляетъ несчастіе моей жизни, что скоро доведетъ меня до гроба или сумасшествія...

Бѣлинскій.

Магометъ сказалъ, что онъ опустилъ голову въ воду и вынулъ, и въ это время четырнадцатью годами состарился; такъ и ты въ короткое время ужасно перемѣнился.—Разскажи-ка мнѣ, какъ идутъ твои любовныя похожденія?.. Ты нахмурился... Скажи, давно ли ты ее видѣлъ?

Владиміръ.

Давно.

Бѣлинскій.

А гдѣ живутъ Загорскины?.. Ихъ двѣ сестры, отца нѣтъ,—такъ ли?

Владиміръ.

Такъ.

Бѣлинскій.

Познакомь меня съ ними. У нихъ бываютъ вечера, балы?

Владиміръ.

Нѣтъ.

Бѣлинскій.

А я думалъ... Однако все не мѣшаетъ... Познакомь меня

Владиміръ.

Изволь.

Бѣлинскій.

Разскажи мнѣ исторію твоей любви.

Владиміръ.

Она очень обыкновенна и тебя не займетъ.

Бѣлинскій.

Знаешь ли ты кузину Загорскиныхъ, княжну? Вотъ прехорошенькая и прелюбезная дѣвушка.

Владиміръ.

Быть можетъ. Въ первый разъ, какъ я увидалъ ее, то почувствовалъ какую то антипатію. Я дурно о ней подумалъ, не слыхавъ еще ни одного слова отъ нея. А ты знаешь, что я вѣрю предчувствіямъ.

Бѣлинскій.

Суевѣръ!

Владиміръ.

Намедни я поѣхалъ верхомъ; лошадь не хотѣла идти въ ворота; я ее пришпорилъ; она бросилась, и чуть-чуть я не ударился головой о столбъ. Точно такъ и съ душой: иногда чувствуешь отвращеніе къ кому-нибудь, принудишь себя обойтись ласково, захочешь полюбить человѣка... а смотришь,—онъ тебѣ платитъ коварствомъ и неблагодарностью!

Бѣлинскій *(смотритъ на часы)*.

Ахъ, Боже мой! а мнѣ давно вѣдь пора ѣхать. Я къ тебѣ забѣжалъ на секунду.

Владиміръ.

Я это вижу. Куда ты спѣшишь?

Бѣлинскій.

Къ графу Пронскому. Скука смертельная, а надо ѣхать...

Владиміръ.

Зачѣмъ же надобно?

Бѣлинскій.

Да такъ.

Владиміръ.

Важная причина... Ну, прощай!

Бѣлинскій.

До свиданія. *(Уходитъ)*.

Владиміръ.

Люблю Бѣлинскаго за его веселый характеръ. *(Ходитъ взадъ и впередъ)*. Какъ моя голова разстроена... все въ безпорядкѣ въ ней, какъ въ домѣ, гдѣ пьянъ хозяинъ... Поѣду... Увижу Наташу, этого ангела! Взоръ женщины, какъ лучъ мѣсяца, невольно приводитъ въ грудь мою спокойствіе. *(Садится и вынимаетъ изъ кармана бумагу)*. Странно! вчерась я отыскалъ это въ своихъ бумагахъ и былъ пора-

женъ. Каждый разъ, какъ посмотрю на этотъ листокъ, я чувствую присутствіе сверхъестественной силы, и неизвѣстный голосъ шепчетъ мнѣ: „не старайся избѣжать судьбы своей! такъ должно быть!" Годъ тому назадъ, увидавъ ее въ первый разъ, я писалъ о ней въ одномъ замѣчаніи... Она тогда имѣла на меня вліяніе благотворное, а теперь... теперь... когда вспомню, то вся кровь приходитъ въ волненіе... и сожалѣю, зачѣмъ я не такъ добръ, зачѣмъ душа моя не такъ чиста, какъ бы я хотѣлъ... Можетъ быть, она меня любитъ... ея глаза, румянецъ, слова... Какой я ребенокъ! Все это мнѣ такъ памятно, такъ дорого, какъ будто одними ея взглядами и словами я живу на свѣтѣ. Что пользы?.. Такъ вотъ конецъ, котораго я ожидалъ прошлаго года!.. Боже! Боже! чего желаетъ мое сердце?.. Когда я далеко отъ нея, то воображаю, что скажу ей, какъ горячо сожму ея руку, какъ напомню о минувшемъ, о всѣхъ мелочахъ... А только съ нею,—все забыто: я истуканъ! душа утонетъ въ глазахъ; все пропадетъ—надежды, опасенья, воспоминанія!.. О, какой я ничтожный человѣкъ! не могу даже сказать ей, что люблю ее, что она мнѣ дороже жизни; не могу ничего путнаго сказать, когда сижу противъ этого чуднаго созданья! *(Съ горькой улыбкой).* Чѣмъ то кончится жизнь моя, а началась она недурно! Впрочемъ, не все ли равно, съ какими воспоминаніями я сойду въ могилу... О, какъ бы я желалъ предаться удовольствіямъ и потопить въ ихъ потокѣ тяжелую ношу самопознанія, которая съ младенчества была моимъ удѣломъ! *(Уходитъ тихо).*

СЦЕНА II.

Ввечеру 28-го августа.

Диванная въ домѣ Загорскиныхъ: дверь одна отворена въ гостиную, другая въ залу. Хозяйка Анна Николаевна; ея дочь Наталья Өедоровна. (Софья, княжна, вскорѣ.) Иные сидятъ, другіе разговариваютъ стоя.—Бьетъ 8 часовъ.

Анна Ник. *(одному изъ гостей).*

Были вы вчера у графа? Тамъ, говорятъ, былъ благородный театръ... и еще говорятъ, какъ отдѣланы комнаты были,—это чудо, по-царски!

Гость 1-й.

Какъ же-съ, я былъ тамъ. До пяти часовъ утра танцовали, и всего было довольно, всякаго рода людей...

Нат. Өед.

Какіе вы насмѣшники! А кто тамъ былъ изъ кавалеровъ?..

Гость 1-й.

Два князя Шумовыхъ, Бѣлинскій, Арбенинъ, Сленовъ, Чацкій и другіе: однихъ не помню, другихъ позабылъ. Знаете вы Бѣлинскаго? Премилый малый, прелюбезный,—не правда ли?

Анна Ник.

Да, я слыхала.

Одна изъ барышень.

Скажите, пожалуйста, кто такое этотъ Арбенинъ? Мнѣ о немъ много разсказывали.

Гость 1-й.

Во-первыхъ, онъ ужасный повѣса, насмѣшникъ, и злой насмѣшникъ, дерзокъ и все, что вы хотите; впрочемъ, очень умный человѣкъ. Не думайте, что я это говорю по какой-нибудь личности,— нѣтъ, всѣ о немъ этого мнѣнія.

Нат. Ѳед.

Я вамъ ручаюсь, что не всѣ. Я первая не такъ думаю о немъ; я его знаю давно—онъ къ намъ ѣздитъ,—и я не замѣтила его злости; по крайней мѣрѣ, онъ ни о комъ при мнѣ такъ не говорилъ, какъ вы теперь про него...

Гость 1-й.

О, это совсѣмъ другое; съ вами онъ, можетъ быть, очень любезенъ, но...

Другая барышня.

Я сама слышала, что Арбенина должно опасаться...

Гость 2-й *(подойдя)*.

А мнѣ кажется, наоборотъ...

Нат. Ѳед. *(одной изъ барышень)*.

Ma chère, знаешь ли ты что-нибудь глупѣе комплиментовъ?

Гость 3-й *(недавно подошедшій)*.

А знаете ли вы исторію Арбенина?

Одна изъ дамъ.

Я не думаю, чтобъ онъ былъ такое важное лицо, чтобы можно было заниматься его исторіей. И до кого она касается? Онъ очень счастливъ; это доказываетъ его веселый характеръ,—а исторія счастливыхъ людей не бываетъ никогда занимательна.

Гость 3-й.

Повѣрьте, веселость въ обществѣ очень часто одна личина; но бываютъ минуты, когда эта самая веселость, въ бореньи съ внутреннею грустью, принимаетъ видъ чего то дикаго; если внезапный смѣхъ прерываетъ мрачную задумчивость, то не радость возбуждаетъ его: этотъ переломъ доказываетъ только, что человѣкъ не можетъ совершенно скрыть чувствъ своихъ. Лица, которыя всегда улыбаются,—вотъ лица счастливцевъ!

Рисунокъ М. Ю. Лермонтова.

Нат. Өед.

О! я знаю, что вы всегда заступаетесь за господина Арбенина!

Гость 3-й.

Развѣ вы никогда не заступаетесь за людей, которыхъ обвиняютъ понапрасну?

Нат. Өед.

Напротивъ! вотъ я третьяго дни цѣлый часъ спорила съ дядюшкой, который утверждалъ, что Арбенинъ не заслуживаетъ названія дворянина, что у него злой языкъ, и такъ далѣе; а я знаю, что Арбенинъ такъ понимаетъ хорошо честь, какъ никто, и что у него доброе сердце,—онъ это доказалъ многимъ.

Гость 1-й *(обращаясь къ другому).*

Посмотрите, какъ она покраснѣла.

Гость 4-й.

C'est une coquette!

Нат. Өед. *(смотритъ въ дверь).*

Кто это еще пріѣхалъ?—Ахъ, вообразите: я не узнала издали кузину.

(Княжна Софья входитъ. Кузины цѣлуются).

Княжна Софья *(тихо Наташѣ).*

Я сію минуту, выходя изъ кареты, видѣла Арбенина; онъ ѣхалъ мимо вашего дома и такъ пристально глядѣлъ въ окна, что еслибъ самъ императоръ проѣхалъ мимо его съ другой стороны, такъ онъ бы не обернулся. *(Улыбается).* Будетъ онъ здѣсь?

Нат. Өед.

Почему же мнѣ знать? Я не спрашивала, а онъ самъ никогда напередъ не извѣщаетъ о своемъ пріѣздѣ.

Княжна *(въ сторону).*

А я надѣялась еще разъ его увидать. *(Громко).* У меня сегодня что то голова болитъ.

Гость 2-й.

Лишь бы не сердце.

Княжна *(въ сторону).*

Какъ плоско! *(Ему).* Вы вчера прекрасно играли у графа, особливо во второй пьесѣ; всѣ были восхищены вами. *(Онъ кланяется).* Только скажите, для чего вы такъ рано уѣхали, тотчасъ послѣ ужина?

Гость 2-й.

У меня заболѣла голова.

Княжна *(съ улыбкой).*

Что за важность? Это не сердце?

Анна Ник. *(подходитъ).*

Барышни! господа кавалеры! не хотите ли играть въ мушку?... Столы готовы.

Многіе.

Съ большимъ удовольствіемъ. *(Всѣ, кромѣ Наташи и Софьи, уходятъ).*

Княжна.

Кузина! мнѣ кажется, ты совсѣмъ не радуешься своей побѣдѣ? Ты какъ будто не догадываешься... Ну, къ чему хитрить? Всякій замѣтилъ, что Арбенинъ въ тебя влюбленъ, и ты прежде всѣхъ это замѣтила. Зачѣмъ такъ мало довѣренности ко мнѣ? Ты знаешь, что я съ тобой дружна и всегда про себя сказываю. Или я еще не заслужила?...

Нат. Өед.

Душенька, къ чему такіе упреки? *(Цѣлуетъ ее).* Впрочемъ, это неправда... *(Беретъ княжну за руку).* Не сердитесь же, Софья Николаевна! *(Смѣется).*

Княжна.

О, я знаю, что онъ тебѣ нравится! но берегись! ты Арбенина не знаешь хорошо, потому что его никто хорошо знать не можетъ. Умъ язвительный и вмѣстѣ глубокій, желанія, не знающія никакой преграды, и перемѣнчивость склонностей,—вотъ что опасно въ твоемъ любезномъ. Онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ, и по той же причинѣ, полюбивъ, разлюбитъ тотчасъ, если представится ему новая цѣль.

Нат. Ѳед.

Съ какимъ жаромъ вы говорите, кузина!

Княжна.

Потому что я тебя люблю и предостерегаю...

Нат. Ѳед.

Да почему тебѣ такъ знать его?

Княжна.

О! я наслышалась довольно...

Нат. Ѳед.

Отъ кого?

Княжна

Да отъ самого Арбенина. *(Наташа отворачивается и уходитъ).* Она ревнива! она любитъ его! а онъ, онъ... Какъ часто, когда я ему говорила что-нибудь, онъ безъ вниманія сидѣлъ съ неподвижными глазами, какъ будто бы одна единственная мысль владѣла его существованьемъ; и когда Наташа подходила, я слѣдила за его взорами: внезапный блескъ появлялся на нихъ... О, я несчастная!.. но какъ не любить? Онъ такъ уменъ, такъ полонъ благородства! Онъ часто разговариваетъ со мною, но почти все о Наташѣ. Я знаю, что ему пріятно быть со мною, но знаю также, что это не для меня. И то, что должно бы было служить мнѣ неисчерпаемымъ источникомъ блаженства,—превращаетъ одна мысль въ жестокую муку... Онъ не красавецъ, но такъ не похожъ на другихъ людей, что самые недостатки его, какъ рѣдкость, невольно нравятся; какая душа блещетъ въ его темныхъ глазахъ! какой голосъ!... О, я безумная! ломаю себѣ голову надъ его характеромъ и не могу растолковать собственную страсть. *(Молчаніе).* Нѣтъ! они не будутъ счастливы... клянусь этимъ небомъ, клянусь душой моей, все, что имѣетъ ядовитаго женская хитрость, будетъ употреблено, чтобъ разрушить ихъ благополучіе... Пусть тогда погибну, но въ утѣшеніе себѣ скажу: „онъ не веселится, когда я плачу! его жизнь не спокойнѣе моей!"... Я рѣшилась! какъ легко мнѣ стало! Я рѣшилась... *(Въ это время въ глубинѣ театра проходитъ нѣсколько гостей, одни уѣзжаютъ, другіе пріѣзжаютъ, хозяйка провожаетъ и встрѣчаетъ. Владиміръ Арбенинъ тихо выходитъ изъ гостиной).*

Княжна *(увидавъ Арбенина).*

Какъ смѣла я рѣшиться!

Владиміръ.

Ахъ княжна! какъ я радъ, что вы здѣсь.

Княжна.

Давно ли вы прiѣхали?

Владимiръ.

Сейчасъ. Вхожу въ гостиную: тамъ играютъ по 5 копеекъ въ мушку. Я посмотрѣлъ, почти никому слова не сказалъ; мнѣ стало душно. Не понимаю этой глупой карточной работы: нѣтъ удовольствiя ни для глазъ, ни для ума, нѣтъ даже надежды, обольстительной для многихъ, выиграть, опустошить карманы противника. Несносное полотерство, стремленiе къ ничтожеству, пошлое самовыказыванiе завладѣло половиною русской молодежи; безъ цѣли таскаются всюду, наводятъ скуку себѣ и другимъ...

Княжна.

Зачѣмъ же вы сюда прiѣхали?

Владимiръ (*пожавъ плечами*).

Зачѣмъ?

Княжна (*язвительно*).

Я догадываюсь...

Владимiръ.

Такъ! заблужденiе, заблужденiе!... Но скажите, можетъ ли быть тотъ счастливъ, кто своимъ присутствiемъ въ тягость? Я не сотворенъ для людей теперешняго вѣка и нашей страны: у нихъ каждый обязанъ жертвовать толпѣ своими чувствами и мыслями, но я этого не могу; я вездѣ одинаковъ, и потому нигдѣ не гожусь. Не правда ли, вотъ очень ясное доказательство...

Княжна.

Вы на себя нападаете.

Владимiръ.

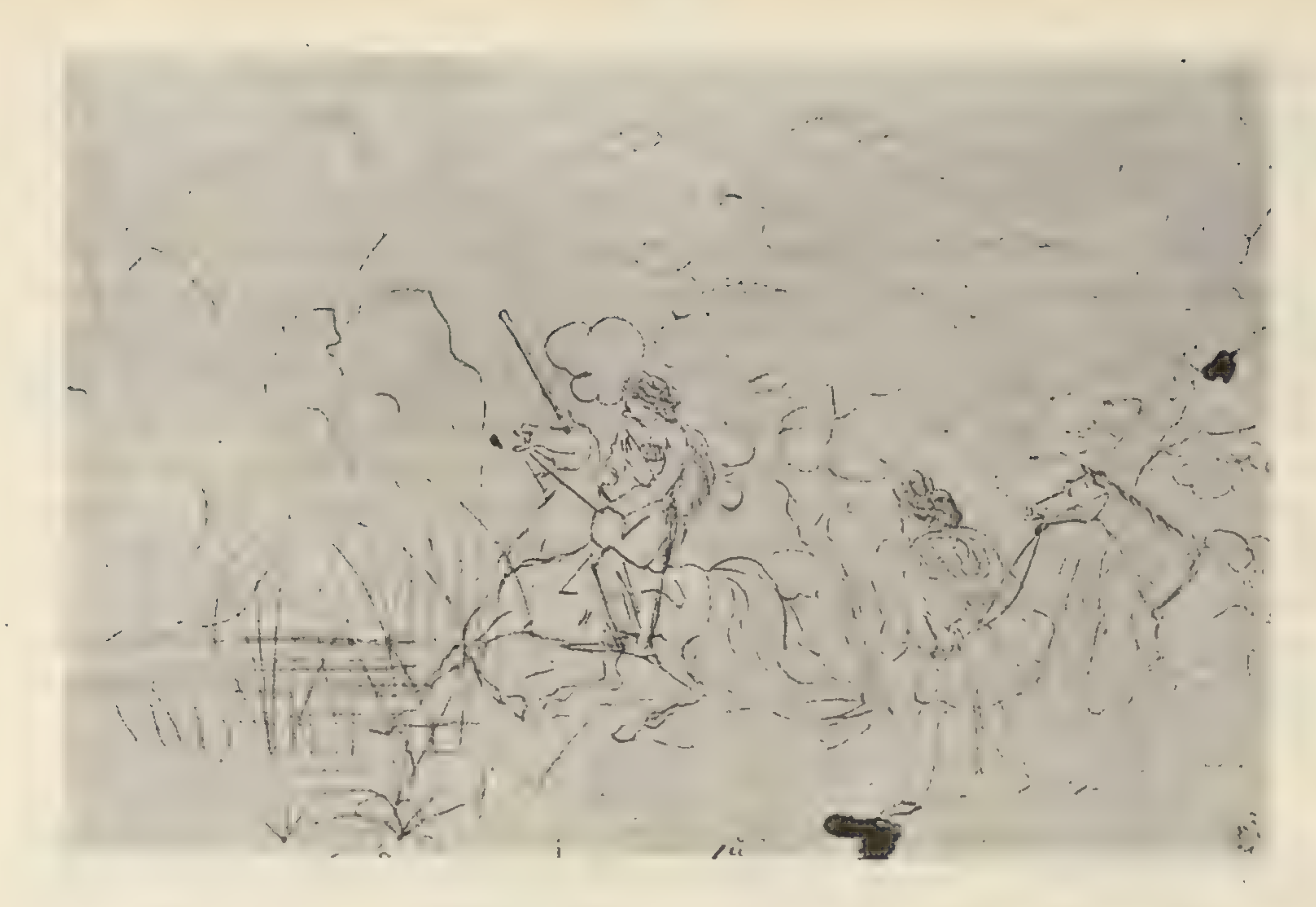
Да, я самъ себѣ врагъ, потому что продаю свою душу за одинъ ласковый взглядъ, за одно не слишкомъ холодное слово... Мое безумство доходитъ до крайней степени, и со мною случится скоро горе—не отъ ума, но отъ глупости...

Княжна.

Къ чему эти притворныя, мрачныя предчувствiя? — Я васъ не понимаю. Все проходитъ,—и ваши печали, и, я не знаю даже, какъ назвать, ваши химеры исчезнутъ... Пойдемте играть въ мушку. Видѣли ли вы мою кузину, Наташу?

Владимiръ.

Когда я вошелъ, какой то адъютантикъ, потряхивая эполетами, разсказывалъ ей, какъ прошлый разъ въ собранiи одинъ кавалеръ

Рисунокъ М. Ю. Лермонтова.

уронилъ замаскированную даму, и какъ мужъ ея, вступившись за нее, сдуру обнаружилъ, кто она такова. Ваша кузина смѣялась отъ души, это и меня порадовало. Посмотрите, какъ я буду веселъ сегодня. *(Уходитъ въ гостиную).*

Княжна *(глядитъ ему въ слѣдъ).*

Желаю вамъ много успѣха! Нынче же начну приводить въ исполненіе мой планъ. И скоро увижу я конецъ всему... Боже мой! Боже мой! для чего я такъ слабодушна, такъ не тверда! *(Уходитъ въ гостиную).*

СЦЕНА III.

Комната въ домѣ Марьи Дмитріевны (матери Владиміра). Зеленые обои. Столикъ и кресла. У окна Аннушка, старая служанка, шьетъ что то. Слышенъ шумъ вѣтра и дождя.

Аннушка.

Вѣтеръ и дождь стучатъ въ наши окна, какъ запоздалые дорожные. Кто имъ скажетъ: вѣтеръ и дождь, подите прочь, мѣшайте спать и покоиться богатымъ, которыхъ здѣсь такъ много; а мы и безъ васъ едва знаемъ сонъ и спокойствіе... Пріѣхала моя барыня мириться съ муженькомъ; охъ, охъ, охъ! не мирно что то началось, да не такъ и кончится. Оставляетъ же онъ насъ почти съ голоду умирать, стало быть, не любитъ совсѣмъ и никогда не любилъ; а если такъ, то и отъ мировой толку не будетъ. Лучше безъ мужа, чѣмъ съ дурнымъ мужемъ. Вѣдь охота же Марьѣ Дмитріевнѣ все

любить такого антихриста. Вотъ ужъ охота пуще неволи! Зато молодой баринъ вышелъ у насъ хорошъ, такой ласковый. Шесть лѣтъ, нѣтъ, больше... восемь лѣтъ я его не видала: какъ выросъ, похорошѣлъ съ тѣхъ поръ! Еще помню, какъ его на рукахъ таскала. То то былъ любопытный: что ни увидитъ, все -зачѣмъ? да что?— а ужъ вспыльчивъ то былъ, словно порохъ. Разъ, вздумалось ему бросать тарелки да стаканы на полъ; ну, такъ и рвется, плачетъ: брось на полъ. Дала ему,—бросилъ и успокоился... А бывало, помню, ему еще было три года бывало, барыня посадитъ его на колѣна къ себѣ и начнетъ играть на фортепьянахъ что-нибудь жалкое,— глядь, а у дитяти слезы по щекамъ такъ и катятся!... Ужъ, вѣрно, ему Павелъ Григорьевичъ много наговаривалъ противъ матери, да, видишь, впрокъ не пошло худое слово. Дай Богъ Владиміру Павловичу, дай Богъ! онъ и меня на старости лѣтъ не позабываетъ: хоть ласковой рѣчью да подаритъ. *(Входитъ Марья Дмитріевна съ книгой въ рукѣ).*

Марья Дмитр.

Я хотѣла читать, но какъ читать одними глазами, не слѣдуя мыслію за буквами? Тяжкое состояніе! Непонятная воля судьбы! ужасное бореніе самолюбія женщины съ необходимостію! Къ чему служили мои дѣтскія мечты? Развѣ есть необходимость предчувствовать напрасно?... Будучи ребенкомъ, я часто, подъ вліяніемъ свѣтлаго неба, свѣтлаго солнца, веселой природы, создавала себѣ существа такія, какихъ требовало мое сердце; они слѣдовали за мною всюду, я разговаривала съ ними днемъ и ночью, они украшали для меня весь міръ. Даже люди казались для меня лучше, потому что они имѣли нѣкоторое сходство съ моими идеалами; въ обхожденіи съ ними я сама становилась лучше. Ангелы ли были они,—не знаю, но очень близки къ ангеламъ... Но теперь холодная существенность отняла у меня послѣднее утѣшеніе: способность воображать счастье!... Не имѣя ни родныхъ, ни собственнаго имѣнія, я должна унижаться, чтобы получить прощеніе мужа. Прощенія? Мнѣ просить прощенія!... Боже! Ты знаешь дѣла человѣческія, Ты читалъ въ моей и его душѣ, и Ты видѣлъ, въ которой хранился источникъ всего зла!... *(Задумывается, потомъ подходитъ медленно къ кресламъ и садится).* Аннушка! ходила ли ты въ домъ къ Павлу Григорьевичу, чтобъ развѣдывать, какъ я велѣла? Тебя тамъ любятъ всѣ старые слуги. Ну, что ты узнала о моемъ мужѣ, о моемъ сынѣ?

Аннушка.

Ходила, матушка, и разспрашивала.

Марья Дмитр.

Что же? Что говорилъ обо мнѣ Павелъ Григорьевичъ? Не слыхала ли ты?

Аннушка.

Ничего онъ, сударыня, о васъ не говорилъ. Еслибъ не было у васъ сына, то никто не зналъ бы, что Павелъ Григорьевичъ былъ женатъ.

Марья Дмитр.

Ни слова обо мнѣ! Онъ стыдится произносить мое имя, онъ презираетъ меня!... Презрѣніе! какъ оно похоже на участіе, какъ эти два чувства близки другъ другу!—какъ смерть и жизнь!

Аннушка.

Однако же, говорятъ, что Владиміръ Павловичъ васъ очень любитъ. Напрасно, видно, батюшка его старался очернять васъ.

Марья Дмитр.

Да, мой сынъ меня любитъ! я это видѣла вчера, я чувствовала жаръ его руки, я чувствовала, что онъ все еще мой. Такъ! душа не перемѣняется; онъ все тотъ же, каковъ былъ сидящій на моихъ колѣнахъ, въ тѣ вечера, когда я была счастлива, когда слабость, единственная слабость, не могла еще возстановить противъ меня Небо и людей!... (*Закрываетъ лицо руками*).

Аннушка.

Эхъ, матушка! что плакать о прошедшемъ, когда о теперешнемъ не наплачешься. Говорятъ, Павелъ Григорьевичъ бранилъ, да какъ еще бранилъ молодого барина за то, что онъ съ вами повидался; да, кажется, и запретилъ ему къ намъ пріѣзжать.

Марья Дмитр.

О, это невозможно! это слишкомъ жестоко! Сыну не видаться съ матерью, когда она, слабая, больная, бѣдная, живетъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него! О, нѣтъ! это противъ природы!.. Аннушка! въ самомъ дѣлѣ онъ это сказалъ?

Аннушка.

Въ самомъ дѣлѣ-съ.

Марья Дмитр.

И онъ запретилъ моему сыну видѣть меня? Точно?

Аннушка.

Запретилъ-съ, точно!

Марья Дмитр. (*помолчавъ*).

Послушай! онъ думаетъ, что Владиміръ не его сынъ, или самъ никогда не знавалъ матери!... (*Вѣтеръ сильные ударяетъ въ окно. Обѣ содрогаются*). И я пріѣхала искать примиренья? съ такимъ человѣ-

комъ?... Нѣтъ! союзъ съ нимъ значитъ разрывъ съ Небесами, хоть мой супругъ и орудіе небеснаго гнѣва... Но Творецъ! взялъ ли бы Ты добродѣтельное существо для орудія казни? Честные ли люди бываютъ на землѣ палачами?

Аннушка.

Какъ вы блѣдны, сударыня! Не угодно ли отдохнуть? (*Смотритъ на стѣнные часы*). Скоро пріѣдетъ докторъ; онъ обѣщался быть въ двѣнадцать часовъ.

Марья Дмитр.

И пріѣдетъ въ послѣдній разъ. Какъ смѣшна я кажусь себѣ самой! думать, что лѣкарь вылѣчитъ глубокую рану сердца! (*Молчаніе*). О! для чего я не пользовалась тысячью случаями къ примиренію, когда еще было время! А теперь, когда прошелъ сонъ, я ищу сновидѣній... поздно! поздно! Чувствовать и понимать это напрасно, — вотъ что меня убиваетъ! О, раскаяніе! зачѣмъ за мгновенный проступокъ ты грызешь мою душу? Кокое униженіе! я принуждена подъ другимъ именемъ пріѣзжать въ Москву, чтобъ не заставить сына моего краснѣть передъ міромъ... Передъ міромъ? Это правда... собраніе глупцовъ и злодѣевъ — есть міръ, нынѣшній міръ... Ничего не прощаютъ, какъ будто сами святые!

Аннушка (*посмотрѣвъ въ окно*).

Докторъ пріѣхалъ. (*Докторъ входитъ*).

Марья Дмитр.

Здравствуйте, Христофоръ Васильичъ. Милости просимъ.

Докторъ (*подходитъ къ рукѣ*).

Что? Какъ вы?

Марья Дмитр.

Благодаря вамъ, мнѣ гораздо лучше.

Докторъ (*щупая пульсъ*).

Совсѣмъ напротивъ! совсѣмъ напротивъ! вы слабѣе, у васъ желчь, дѣйствуя на кровь, производитъ волненіе, у васъ нервы ужасно разстроены. Вотъ, я вѣдь говорилъ: вамъ надобно лѣчиться долго, постепенно, по методѣ, а вы все хотите вдругъ...

Марья Дмитр.

Но если недостаетъ способовъ?

Докторъ.

Эхъ, сударыня! здоровье дороже всего. (*Пишетъ рецептъ*).

Марья Дмитр.

Откуда вы теперь, Христофоръ Васильевичъ?

Докторъ.

Отъ господина Арбенина.

Марья Дмитр. и Аннушка *(вмѣстѣ).*

Отъ Арбенина? *(Обѣ въ замѣшательствѣ).*

Докторъ.

А развѣ вы его знаете?

Марья Дмитр.

Нѣтъ! А кто такое Арбенинъ?

Докторъ.

Этотъ господинъ Арбенинъ, коллежскій асессоръ, въ разводѣ съ своей женой, то есть не въ разводѣ, а такъ: она покинула мужа, потому что была невѣрна...

Марья Дмитр.

Невѣрна! она его покинула?

Докторъ.

Да, да!—невѣрна. У нея, говорятъ, была интрига съ какимъ то французомъ. У этого же Арбенина есть сынъ, молодой человѣкъ лѣтъ девятнадцати или двадцати, шалунъ, повѣса, заслужившій въ свѣтѣ очень дурную репутацію; говорятъ даже, что онъ пьетъ... Да, да!... Что вы на меня такъ пристально глядите? Всѣ, всѣ жалѣютъ, что у такого почтеннаго, извѣстнаго въ Москвѣ человѣка, каковъ господинъ Арбенинъ, сынъ такой негодяй. Если его принимаютъ въ хорошія общества, то это только для отца... И еще вообразите, онъ смѣется все надо мной и надъ моей ученостью!... онъ!... надъ моей ученостью!... смѣется!...

Марья Дмитр. *(въ сторону).*

Личность!... я отдыхаю...

Докторъ.

Ахъ, у васъ лицо въ красныхъ пятнахъ! Я говорилъ, что вы еще не совсѣмъ здоровы.

Марья Дмитр.

Это пройдетъ, господинъ докторъ! Благодарю васъ за новость, и позвольте мнѣ съ вами проститься. Вы почти знаете, въ какомъ я положеніи. Я скоро ѣду изъ Москвы. Недостатокъ въ деньгахъ заставляетъ меня возвратиться въ деревню.

Докторъ.

Какъ! не возвративши здоровья?

Марья Дмитр.

Доктора, я вижу, не могутъ мнѣ его возвратить: болѣзнь моя не по ихъ части...

Докторъ.

Какъ! Вы не вѣрите благому вліянію медицины?

Марья Дмитр.

Извините! я очень вѣрю... однако не могу ею пользоваться...

Докторъ.

Есть ли что-нибудь невозможное для человѣка съ твердой волею?...

Марья Дмитр.

Мнѣ должно, моя воля—ѣхать въ деревню. Тамъ у меня тридцать семействъ мужиковъ живутъ гораздо спокойнѣе, чѣмъ графы и князья. Тамъ, въ уединеніи, на свѣжемъ воздухѣ, мое здоровье поправится, тамъ хочу я умереть. Ваши посѣщенія мнѣ болѣе не нужны. Благодарю за все... Позвольте вручить вамъ послѣдній знакъ моей признательности.

Докторъ *(беретъ деньги).*

Однако вы еще очень нездоровы! вамъ бы надобно...

Марья Дмитр. (*значительно взглянувъ на него*).

Прощайте! (*Докторъ, раскланявшись, уходитъ съ недовольною миной*). Этотъ человѣкъ въ состояніи высосать послѣднюю копейку!

Аннушка.

Вы совсѣмъ разстроены, ваше лицо перемѣнилось! ахъ, сударыня! присядьте, ваши руки дрожатъ...

Марья Дмитр.

Мой сынъ имѣетъ одну участь со мной!...

Аннушка *(поддерживая ее).*

Видно вамъ, сударыня, такъ ужъ на роду написано — терпѣть!

Марья Дмитр.

Я хочу умереть.

Аннушка.

Смерть никого не обойдетъ... Зачѣмъ же звать ее, сударыня? Она знаетъ, кого въ какой часъ захватить... и позовешь то ее неравно въ недобрый часъ, такъ хуже будетъ!... Молитесь Богу, сударыня, да святымъ угодникамъ!—вѣдь они всѣ страдали не меньше насъ. А мученики то, матушка...

Марья Дмитр.

Я вижу, что близокъ мой конецъ... Такія предчувствія меня никогда не обманывали. Боже, Боже мой! допусти только примириться съ моимъ мужемъ прежде смерти. Пускай ничей справедливый укоръ не слѣдуетъ за мной въ могилу... Аннушка! доведи меня въ мою комнату. *(Уходятъ обѣ).*

СЦЕНА IV.

17-го октября, вечеръ.

Комната студента Рябинова. Бутылки шампанскаго на столѣ, и довольно много безпорядка. Снѣгинъ, Челяевъ, Рябиновъ, Заруцкій, Вышневскій. Курятъ трубки. Ни одному нѣтъ больше 20 лѣтъ.

Снѣгинъ.

Что съ нимъ сдѣлалось? Отчего онъ вскочилъ и ушелъ, не говоря ни слова?

Челяевъ.

Чѣмъ-нибудь обидѣлся.

Заруцкій.

Не думаю. Вѣдь онъ всегда таковъ: то шутитъ и хохочетъ, то вдругъ замолчитъ и сдѣлается подобенъ истукану; и вдругъ вскочитъ, убѣжитъ, какъ будто бы потолокъ провалился надъ нимъ...

Снѣгинъ.

За здоровье Арбенина: sacré-dieu! онъ славный товарищъ!

Рябиновъ.

Тостъ!

Вышневскій.

Челяевъ, былъ ты вчера въ театрѣ?

Челяевъ.

Да, былъ.

Вышневскій.

Что играли?

Челяевъ.

Общипанныхъ „Разбойниковъ“ Шиллера. Мочаловъ лѣнился ужасно; жаль, что этотъ прекрасный актеръ не всегда въ духѣ: случиться могло бъ, что я бы его видѣлъ вчера въ первый и послѣдній разъ; такимъ образомъ онъ теряетъ репутацію.

Вышневскій.

И ты, вѣрно, крѣпко боялся въ театрѣ...

Челяевъ.

Боялся? Чего?

Вышневскій.

Какъ же? Ты былъ одинъ съ разбойниками!

Всѣ.

Браво! браво! фора! — Тостъ!

Снѣгинъ *(беретъ въ сторону Заруцкаго)*.

Правда ли, что Арбенинъ сочиняетъ?

Заруцкій.

Да... и довольно хорошо...

Снѣгинъ.

То то! Не можешь ли ты мнѣ достать что-нибудь?

Заруцкій.

Изволь... Да, кстати, у меня есть въ карманѣ нѣсколько мелкихъ піесъ.

Снѣгинъ.

Ради Бога, покажи... пускай они пьютъ и дурачатся, а мы сядемъ тамъ, и ты мнѣ прочтешь...

Заруцкій
(вынимаетъ нѣсколько листовъ изъ кармана, и они садятся въ другой комнатѣ у окна).

Вотъ первая. Это отрывокъ, фантазія. Слушай хорошенько!... Создатель! какъ они шумятъ!... Между прочимъ, я долженъ тебѣ сказать, что онъ страстно влюбенъ въ Загорскину.—Слушай.

1.

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудеснаго искала. Я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,
Въ которомъ я мгновеньями лишь жилъ,
И тѣ мгновенья были мукъ полны;
И населялъ таинственные сны
Я этими мгновеньями. Но сонъ,
Какъ міръ, не могъ быть ими омраченъ!

2.

Какъ часто силой мысли въ краткій часъ
Я жилъ вѣка и жизнію иной,
И о землѣ позабывалъ. Не разъ,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакалъ; но созданія мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,

Не походили на существъ земныхъ.
О, нѣтъ, все было адъ иль небо въ нихъ!

3.

Такъ! для прекраснаго могилы нѣтъ!
Когда я буду прахъ, мои мечты,
Хоть не пойметъ ихъ, удивленный свѣтъ
Благословитъ; и ты, мой ангелъ, ты
Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдастъ безсмертной жизни вновь;
Съ моимъ названьемъ станутъ повторять
Твое... На что имъ мертвыхъ разлучать?

Снѣгинъ.

Онъ это писалъ въ геніальную минуту!... Другую...

Заруцкій.

Это посланіе къ Загорскиной:

Къ чему волшебною улыбкой
Будить забвенныя мечты?
Я буду веселъ, но ошибкой:
Причину слишкомъ знаешь ты.
Мы не годимся другъ для друга:
Ты любишь шумный, хладный свѣтъ,
Я сердцемъ сынъ пустынь и юга!
Ты счастлива, а я... я—нѣтъ!
Какъ небо утра молодое,
Прекрасенъ взоръ небесный твой,
Въ немъ дышитъ чувство всѣмъ родное,—
А я на свѣтѣ всѣмъ чужой!
Моя душа боится снова
Святую вспомнить старину:
Ея надежды—бредъ больнова,
Имъ вѣрить—значитъ вѣрить сну.
Мнѣ одинокій путь назначенъ;
Онъ проклятъ строгою судьбой,
Какъ счастье безъ тебя,—онъ мраченъ.
Прости!... прости же, ангелъ мой!

Онъ чувствовалъ все, что здѣсь сказано. Я его люблю за это. *(Сильный шумъ въ другой комнатѣ).*

Многіе голоса.

Господа! мы,—честь имѣемъ объявить, — пришли сюда и званы на похороны добраго смысла и стыда. За здравіе дураковъ и ...й!

Рябиновъ.

Тостъ!... еще тостъ!... Коперникъ правъ: земля вертится!... *(Шумъ утихаетъ; потомъ опять бьютъ въ ладони).*

Снѣгинъ.

Оставь! не слушай ихъ! читай далѣе...

Заруцкій.

Погоди *(вынимаетъ еще бумагу).* Вотъ этотъ отрывокъ тѣмъ только замѣчателенъ, что онъ картина съ природы. Арбенинъ описываетъ то, что съ нимъ было, просто; но есть что то особенное въ духѣ этой піесы.—Она въ нѣкоторомъ смыслѣ подраженіе „The Dream" Байронову. Все это мнѣ сказалъ самъ Арбенинъ. (*Читаетъ*).

Я видѣлъ юношу: онъ былъ верхомъ
На сѣрой, борзой лошади и мчался
Вдоль берега крутого Клязьмы. Вечеръ
Погасъ ужъ на багряномъ небосклонѣ,
И мѣсяцъ съ облаками отражался
Въ волнахъ, и въ нихъ онъ былъ еще прекраснѣй!...
Но юный всадникъ не страшился, видно,
Ни ночи, ни росы холодной... Жарко
Пылали смуглыя его ланиты,
И черный взоръ искалъ чего то все
Въ туманномъ отдаленьи. Въ безпорядкѣ
Минувшее являлося ему —
Грозящій призракъ, темнымъ предсказаньемъ
Пугающій довѣрчивую душу.
Но вѣрилъ онъ одной своей любви,
И для любви своей не зналъ преграды!...
Онъ мчится. Звучный топотъ по полямъ
Разноситъ вѣтеръ. Вотъ идетъ прохожій;
Онъ путника остановилъ, и этотъ
Ему дорогу молча указалъ
И удалился съ видомъ удивленья.
И всадникъ примѣчаетъ огонекъ,
Трепещущій на берегу другомъ;
И, проскакавъ тѣнистую дубраву,
Онъ различилъ окно, окно и домъ.
Онъ ищетъ мостъ... но сломанъ старый мостъ,
Рѣка темна, и шумны, шумны воды.
Какъ воротиться, не прижавъ къ устамъ
Плѣнительную руку, не слыхавъ
Волшебный голосъ тотъ, хотя бъ укоръ
Произнесли ея уста? О, нѣтъ!
Онъ вздрогнулъ, натянулъ бразды, ударилъ
Коня, и шумныя плеснули воды,
И съ пѣною раздвинулись онѣ.
Плыветъ могучій конь—и ближе, ближе...
И вотъ ужъ онъ на берегу противномъ
И на гору летитъ... И на крыльцо
Вбѣгаетъ юноша, и входитъ
Въ старинные покои... нѣтъ ея!
Онъ проникаетъ въ длинный коридоръ,
Трепещетъ... нѣтъ нигдѣ... Ея сестра
Идетъ къ нему навстрѣчу. О, когда бъ
Я могъ изобразить его страданье!
Какъ мраморъ блѣдный и безгласный, онъ
Стоялъ. Вѣка ужасныхъ мукъ равны
Такой минутѣ. Долго онъ стоялъ...
Вдругъ стонъ тяжелый вырвался изъ груди.

Какъ будто сердца лучшая струна
Оборвалась... Онъ вышелъ мрачно, твердо,
Прыгнулъ въ сѣдло и поскакалъ стремглавъ,
Какъ будто бы гналося вслѣдъ за нимъ
Раскаянье... И долго онъ скакалъ,
До самаго разсвѣта, безъ дороги,
Безъ всякихъ опасеній, наконецъ,
Онъ былъ терпѣть не въ силахъ... и заплакалъ!
Есть вредная роса, которой капли
На листьяхъ оставляютъ пятна; такъ
Отчаянья свинцовая слеза,
Изъ сердца вырвавшись насильно, можетъ
Скатиться, но очей не освѣжитъ.
Къ чему мнѣ приписать видѣнье это?
Ужели сонъ такъ близокъ можетъ быть
Къ существенности хладной? Нѣтъ!
Не можетъ сонъ оставить слѣдъ въ душѣ,
И какъ ни силится воображенье,
Его орудья пытки—ничего
Противъ того, что есть и что имѣетъ
Вліяніе на сердце и судьбу...
Мой сонъ перемѣнился невзначай.
Я видѣлъ комнату: въ окно свѣтилъ
Весенній, теплый день, и у окна
Сидѣла дѣва, нѣжная лицомъ,
Съ глазами, полными огнемъ и жизнью,
И рядомъ съ ней сидѣлъ, въ молчаньи, мнѣ
Знакомый юноша, и оба, оба
Старалися довольными казаться;
Однако же на ихъ устахъ улыбка,
Едва родившись, томно умирала.
И юноша спокойнѣй, мнилось, былъ,
Затѣмъ, что лучше онъ умѣлъ таить
И побѣждать страданье. Взоры дѣвы
Блуждали по листамъ открытой книги,
Но буквы всѣ сливалися подъ ними...
И сердце сильно билось безъ причины...
И юноша смотрѣлъ не на нее,
Хотя она одна была царицей
Его воображенья и причиной
Всѣхъ сладкихъ и высокихъ думъ его:
На голубое небо онъ смотрѣлъ,
Слѣдилъ сребристыхъ облаковъ отрывки,
И, съ сжатою душой, не смѣлъ вздохнуть,
Не смѣлъ пошевелиться, чтобы этимъ
Не прекратить молчанья... такъ боялся
Онъ услыхать отвѣтъ холодный или
Не получить отвѣта на моленья!...

Все, что тутъ описано, было съ Арбенинымъ: для другого эти приключенія ничего бы не значили, но вещи дѣлаютъ впечатлѣніе на сердце, смотря по расположенію сердца.

Снѣгинъ.

Странный человѣкъ Арбенинъ! *(Оба уходятъ въ другую комнату).*

Вышневскій.

Господа, когда то русскіе будутъ русскими?

Челяевъ.

Когда они на сто лѣтъ подвинутся назадъ и будутъ просвѣщаться и образовываться снова-здорово.

Вышневскій.

Прекрасное средство. Еслибъ тебѣ твой докторъ только такіе рецепты предписывалъ, то я бьюсь объ закладъ, что ты теперь не сидѣлъ бы за столомъ, а лежалъ бы на столѣ.

Заруцкій.

А развѣ мы не доказали въ 12-мъ году, что мы русскіе? Такого примѣра не было отъ начала міра... Мы -современники и вполнѣ не понимаемъ великаго пожара Москвы; мы не можемъ удивляться этому поступку; эта мысль, это чувство родилось вмѣстѣ съ русскими. Мы должны гордиться, а оставить удивленіе потомкамъ и чужестранцамъ. — Ура! господа! здоровье пожара московскаго!... *(Звукъ стакановъ).*

СЦЕНА V.

10-го января, утромъ.

Въ домѣ у Бѣлинскаго: его кабинетъ, по модѣ отдѣланный. Окна замерзли; на столѣ табачный пепелъ и пустая чайная чашка.

Бѣлинскій

(одинъ прохаживается по комнатѣ).

Судьба хочетъ непремѣнно, чтобъ я женился! Что же? Женитьба — лѣкарство, очень полезное отъ многихъ болѣзней, и отъ карманной чахотки особенно. Теперь я занялъ денегъ, чтобъ купить деревню, но тысячи рублей недостаетъ, а гдѣ ихъ взять?... Женись! женись! кричитъ разсудокъ. Такъ и быть! но на комъ? Вчера я познакомился съ Загорскиными. Наташа мила, очень мила; у ней кое-что есть... но Владиміръ влюбленъ въ нее. Что жъ? Чья взяла, тотъ и правъ. Я нахожусь въ такихъ опасныхъ обстоятельствахъ, что онъ долженъ будетъ мнѣ простить. Впрочемъ, я не вѣрю, чтобъ онъ ужъ такъ сильно ее любилъ. Онъ странный, непонятный человѣкъ: одинъ день то, другой — другое, самъ себѣ противорѣчитъ; а все, какъ заговоритъ и захочетъ тебя увѣрить въ чемъ-нибудь, — конечно, рѣдкій устоитъ! Иногда, напротивъ, слова не добьешься: сидитъ и молчитъ, не слышитъ и не видитъ; глаза остановятся, какъ будто въ этотъ мигъ все его существованіе остановилось на одной мысли... *(Молчаніе).* Однако я ему ничего не скажу про свое намѣреніе, прежде чѣмъ не кончу дѣла. Буду покамѣстъ ѣздить въ домъ, а тамъ увидимъ... *(Входитъ Арбенинъ скоро).*

Владиміръ.

Бѣлинскій! что такъ задумчивъ?

Бѣлинскій.

А! здравствуй, Арбенинъ! Это—планы... планы...

Владиміръ.

И тебя судьба не отучила дѣлать планы?

Бѣлинскій.

Нѣтъ! если я твердо намѣренъ сдѣлать что-нибудь, то рѣдко мнѣ не удается. Повѣрь, человѣкъ, который непремѣнно хочетъ чего-нибудь, принуждаетъ судьбу сдаться: судьба—женщина!

Владиміръ.

А я такъ часто былъ обманутъ желаньями и столько разъ раскаивался, достигнувъ цѣли, что теперь не желаю ничего,—живу, какъ живется; никого не трогаю, и отъ этого всѣ стараются чѣмъ-нибудь возбудить меня, какъ-нибудь вымучить изъ меня обидное себѣ слово... И знаешь ли, это иногда меня веселитъ: я вижу людей, которые изъ жилъ тянутся, чтобъ чѣмъ-нибудь сдѣлать еще несноснѣе мое существованіе!... Неужели я такое важное лицо въ мірѣ, или милость ихъ простирается даже до самыхъ ничтожныхъ?

Бѣлинскій.

Другъ мой! ты строишь химеры въ своемъ воображеніи и даешь имъ черный цвѣтъ для бо̀льшаго романтизма.

Владиміръ.

Нѣтъ, нѣтъ! говорю я тебѣ, я не созданъ для людей. Я для нихъ слишкомъ гордъ, они для меня—слишкомъ подлы.

Бѣлинскій.

Какъ? ты не созданъ для людей? Напротивъ, ты любезенъ въ обществѣ; дамы ищутъ твоего разговора; ты любимъ молодежью, и хотя иногда слишкомъ рѣзкія истины говоришь въ глаза, тебѣ все-таки прощаютъ, потому что ты ихъ умно говоришь, а это какъ то къ тебѣ идетъ.

Владиміръ *(съ горькой улыбкой)*.

Я вижу, ты хочешь меня утѣшить!

Бѣлинскій.

Когда ты былъ у Загорскиныхъ? Могутъ ли тамъ тебя утѣшить?

Владиміръ.

Вчера я ихъ видѣлъ. Странно: она меня любитъ и не любитъ.

Она со мною иногда такъ добра, такъ мила, такъ много говорятъ глаза ея, такъ много этотъ румянецъ стыдливости выражаетъ любви... а иногда, особливо на балѣ гдѣ-нибудь, она совсѣмъ другая, и я больше не вѣрю ни ея любви, ни своему счастью.

Бѣлинскій.

Она кокетка.

Владиміръ.

Не вѣрю; тутъ есть тайна...

Бѣлинскій.

Поди ты къ чорту съ тайнами! Просто, когда ей весело, тогда твоя Наташа о тебѣ и не думаетъ, а когда скучно, то она тобой забавляется,—вотъ и вся тайна.

Владиміръ.

Ты это сказалъ такимъ нѣжнымъ голосомъ, какъ будто этимъ сдѣлалъ мнѣ великое благодѣяніе!

Бѣлинскій *(покачавъ головой).*

Ты не въ духѣ сегодня.

Владиміръ

(вынимаетъ изорванное письмо).

Видишь?

Бѣлинскій.

Что такое?

Владиміръ.

Это письмо я написалъ къ ней. Прочти его! Вчера я пріѣзжаю къ ея кузинѣ, княжнѣ Софьѣ; улучивъ минуту, когда на насъ не обращали вниманія, я умолялъ ее передать письмо Загорскиной... Она согласилась, но съ тѣмъ, чтобы прежде самой прочитать письмо. Я ей отдалъ. Она ушла въ свою комнату. Я провелъ ужасный часъ. Вдругъ княжна является, говоря, что мое письмо развеселитъ очень ея кузину и заставитъ ее смѣяться!... Смѣяться!... Другъ мой! я разорвалъ письмо, схватилъ шляпу и уѣхалъ.

Бѣлинскій.

Я подозрѣваю хитрость княжны. Загорскина не стала бы смѣяться такому письму, потому что я очень отгадываю его содержаніе... Зависть, можетъ быть, и болѣе, или просто шутка...

Владиміръ.

Хитрость, хитрость! Я ее видѣлъ, провелъ съ нею почти наединѣ цѣлый вечеръ; я видѣлъ ее въ театрѣ: слезы блистали на гла-

захъ ея, когда играли „Коварство и любовь" Шиллера... Неужели она равнодушно стала бы слушать разсказъ моихъ страданій? *(Схватываетъ руку Бѣлинскаго).* Что, еслибъ я могъ прижать Наталью къ этой груди и сказать ей: „ты моя, моя навѣки!..." Боже! Боже! я не переживу этого. *(Смотритъ пристально въ глаза Бѣлинскому).* Не говори ни слова, не разрушай моихъ дѣтскихъ надеждъ... только теперь не разрушай... а послѣ...

Бѣлинскій.

Послѣ!... *(Въ сторону).* Какъ? ужели онъ предугадываетъ судьбу свою?

Владиміръ.

О! какъ сердце умѣетъ обманывать!

(Безпокойно ходитъ взадъ и впередъ).

Бѣлинскій *(въ сторону).*

И я долженъ буду разрушить этотъ обманъ?... Ба! да я, кажется, начинаю подражать ему?... Нѣтъ, это вздоръ! онъ не такъ сильно любитъ, какъ показываетъ; жизнь не романъ.

(Входитъ слуга Бѣлинскаго).

Слуга.

Дмитрій Василичъ! какой то мужикъ проситъ позволенія васъ видѣть. Онъ говоритъ, что слышалъ, будто вы покупаете ихъ деревню, такъ онъ пришелъ...

Бѣлинскій.

Вели ему взойти. *(Слуга уходитъ).*

(Входитъ мужикъ сѣдой и бросается въ ноги Бѣлинскому).

Бѣлинскій.

Встань, встань! Что тебѣ надобно, другъ мой?

Мужикъ *(на колѣнахъ).*

Мы слышали, что ты, кормилецъ, хочешь купить насъ, такъ я и пришелъ... *(Кланяется).* Мы слышали, что ты баринъ доброй...

Бѣлинскій.

Да встань, братецъ, а потомъ говори... встань прежде!...

Мужикъ *(вставъ).*

Не прогнѣвайся, отецъ родной, коли я...

Бѣлинскій.

Да говори же...

Мужикъ *(кланяясь).*

Меня, старика, прислали къ тебѣ отъ всего села, кормилецъ, кланяться тебѣ въ ноги, чтобы ты сталъ нашимъ защитникомъ... Всѣ бы стали Богу молиться о тебѣ! Будь нашимъ спасителемъ!

Бѣлинскій.

Что же? Вамъ не хочется съ госпожей своей разставаться, что ли?

Мужикъ *(кланяясь въ ноги).*

Нѣтъ! купи, купи насъ, родимый!

Бѣлинскій *(въ сторону).*

Странное приключеніе! *(Мужику).* А! такъ вы вѣрно недовольны своей помѣщицей?

Мужикъ.

Охъ, тяжко!... за грѣхи наши!...

(Арбенинъ начинаетъ вслушиваться).

Бѣлинскій.

Ну, говори, братъ, смѣлѣе! Жестоко, что ли, госпожа поступаетъ съ вами?

Мужикъ.

Да, такъ, баринъ, что, вѣдь, ей Богу, терпѣнья ужъ нѣтъ... Долго мы переносили, однако пришелъ конецъ... хоть въ воду...

Бѣлинскій.

Что же она дѣлаетъ? *(Лицо Владиміра мрачно).*

Мужикъ.

Да что вздумается ея милости...

Бѣлинскій.

Напримѣръ?... Сѣчетъ часто?...

Мужикъ.

Сѣчетъ, батюшка, да какъ еще! за всякую малость, а чаще безъ вины... У нея управитель, вишь, въ милости; онъ и творитъ, что ему любо. Не сними-ка передъ нимъ шапки, такъ и нивѣсть что сдѣлаетъ! за версту увидишь, такъ тотчасъ шапку долой, да такъ и работай на жару въ полдень, пока не прикажетъ надѣть; а коли сердитъ или позабудетъ, такъ иногда цѣлый день промаетъ...

Бѣлинскій.

Какія злоупотребленія!

Мужикъ.

Разъ какъ то барынѣ донесли, что-дескать „Ѳедька дурно про тебя говоритъ и хочетъ въ городѣ жаловаться...“—А Ѳедька мужикъ былъ славный. Вотъ она и приказала руки ему вывертывать на станкѣ... а управитель былъ на него сердитъ... Какъ повели его на барской дворъ, дѣти кричали, жена плакала... Вотъ стали руки вывертывать. „Господинъ управитель! сказалъ Ѳедька, что я тебѣ сдѣлалъ? ты меня губишь!“... — „Вздоръ!“ сказалъ управитель... да вывертывали, да ломали... Ѳедька и сталъ безрукой. На печкѣ такъ и лежитъ да клянетъ свое рожденіе...

Бѣлинскій.

Да что, въ самомъ дѣлѣ, кто-нибудь изъ сосѣдей, или исправникъ, или городничій не подадутъ на нее просьбу? На это есть у насъ судъ. Вашей госпожѣ плохо можетъ быть.

Мужикъ.

Гдѣ защитники у бѣдныхъ людей? У барыни же всѣ судьи подкуплены нашимъ же оброкомъ... Тяжко, баринъ, тяжко стало намъ! Посмотришь въ другое село, — сердце кровью обливается!... живутъ покойно да весело; а у насъ такъ и пѣсенъ не слышно стало на посидѣлкахъ... Разсказываютъ горничныя: разъ барыня разсердилась, такъ, вишь, ножницами такъ и кольнула одну изъ дѣвушекъ... Охъ, больно... А какъ бороду велитъ щипать волосокъ по волоску, батюшка... ну, такъ тутъ и святыхъ забудешь, батюшка... *(Падаетъ на колѣна передъ Бѣлинскимъ).* О! кабы ты намъ помогъ! Купи насъ, купи, отецъ родной! *(Рыдаетъ).*

Владиміръ *(въ бѣшенствѣ).*

Люди! люди!.. и до такой степени злодѣйства доходитъ женщина, твореніе, иногда столь близкое къ ангелу!.. О, проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство! Все куплено кровавыми слезами... Ломать руки, колоть, сѣчь, рѣзать, выщипывать бороду волосокъ по волоску... О, Боже! при одной мысли объ этомъ я чувствую боль во всѣхъ моихъ жилахъ... Я бы раздавилъ ногами каждый суставъ этого крокодила, этой женщины. Одинъ разсказъ меня приводитъ въ бѣшенство.

Бѣлинскій.

Въ самомъ дѣлѣ, ужасно!

Мужикъ.

Купи насъ, родимой.

Владиміръ.

Дмитрій, есть ли у тебя деньги?.. Вотъ все, что я имѣю: вексель на 1000 рублей... ты мнѣ отдашь когда-нибудь. *(Кладетъ на столъ бумажникъ).*

Бѣлинскій *(сосчитавъ).*

Если такъ, то я постараюсь купить эту деревню. Поди, добрый мужичокъ, и скажи и своимъ, что они въ безопасности. *(Владиміру).* Какова госпожа?

Мужикъ.

Дай, Боже, вамъ счастья обоимъ, отцы мои! Дай Богъ вамъ добрую жизнь! Дай Богъ вамъ все, что душѣ ни пожелается!.. Прощай, родимый! Благослови тебя Царь Небесный! *(Уходитъ).*

Владиміръ.

О, мое отечество! мое отечество! *(Ходитъ быстро взадъ и впередъ по комнатѣ).*

Бѣлинскій.

Ахъ, какъ я радъ, что могу теперь купить эту деревню! какъ я радъ! Впервые мнѣ удается облегчить страждущее человѣчество! Такъ... Это доброе дѣло!.. Несчастные мужики! что за жизнь, когда я каждую минуту въ опасности потерять все, что имѣю, и попасть въ руки палачей!

Владиміръ.

Есть люди, болѣе достойные сожалѣнія, чѣмъ этотъ мужикъ. Несчастія внѣшнія проходятъ; но тотъ, кто носитъ всю причину своихъ страданій глубоко въ сердцѣ, въ комъ живетъ червь, пожирающій малѣйшія искры удовольствія, тотъ, кто желаетъ и не надѣется, тотъ, кто въ тягость всѣмъ, даже любящимъ его, тотъ... но для чего говорить о такихъ людяхъ? Имъ не могутъ сострадать, ихъ никто, никто не понимаетъ.

Бѣлинскій.

Опять за свое! О, эгоистъ! Какъ можно сравнивать химеры съ истинными несчастіями? Можно ли сравнить свободнаго съ рабомъ?

Владиміръ.

Одинъ—рабъ человѣка, другой—рабъ судьбы. Первый можетъ ожидать хорошаго господина или имѣетъ выборъ; второй—никогда. Имъ играетъ слѣпой случай; и страсти его и безчувственность другихъ—все соединено къ его гибели.

Бѣлинскій.

Развѣ ты не вѣришь въ Провидѣніе? Развѣ отвергаешь существованіе Бога, Который все знаетъ и всѣмъ управляетъ?

Владиміръ *(смотритъ на небо).*

Вѣрю ли я? Вѣрю ли я?..

Бѣлинскій.

Твоя голова, я вижу, набита ложными мыслями.

Владиміръ *(помолчавъ)*.

Послушай, неправда ли, теперь прекрасная погода? Пойдемъ на булеваръ.

Бѣлинскій.

Чудакъ! *(Входитъ слуга Марьи Дмитріевны)*. Что тебѣ надобно? Кто ты?

Владиміръ.

Слуга моей матери!

Слуга.

Я присланъ къ вамъ, сударь, отъ Марьи Дмитріевны. Искалъ я васъ съ полчаса въ трехъ домахъ, гдѣ, какъ мнѣ у васъ сказали, вы часто бываете.

Владиміръ.

Что случилось?

Слуга.

Да барыня-съ...

Владиміръ.

Что?

Слуга.

Сдѣлалась очень нездорова и проситъ васъ поскорѣе къ себѣ.

Владиміръ.

Нездорова, говоришь ты? больна?

Слуга.

Очень нездорова-съ!

Владиміръ *(задумчиво)*.

Очень!... да, я пойду... *(Подавая руку Бѣлинскому)*. Не правда ли, я твердъ въ своихъ несчастіяхъ? *(Уходитъ. Въ продолженіе этой рѣчи онъ мѣнялся въ лицѣ, и голосъ его дрожалъ)*.

Бѣлинскій *(глядя вслѣдъ ему)*.

Тебя погубитъ эта излишняя чувствительность! Ты желаешь спокойствія, но неспособенъ имъ наслаждаться, и оно сдѣлалось бы величайшею для тебя мукой, еслибы поселилось въ груди твоей. Я веселаго характера обыкновенно, однако примѣчаю, что печаль Арбенина прилипчива; послѣ него часа два я не могу справиться! Ха! ха! ха! Испытаю вѣрность женщины! Посмотримъ, устоитъ ли Загорскина противъ моихъ нападеній? Если она измѣнитъ Арбенину, то это лучшій способъ излѣчить его отъ самой глупѣйшей болѣзни. *(Слуга Бѣлинскаго входитъ)*. Что тебѣ?

Слуга.

Да я ходилъ въ театръ за билетомъ-съ, какъ вы приказывали. Вотъ билетъ-съ.

Бѣлинскій.

Хорошо! Въ первомъ ряду? Хорошо! *(Про себя).* Скучно будетъ сегодня во французскомъ театрѣ; играютъ скверно; тѣсно, душно... А нечего дѣлать! весь beau-monde... *(Закуриваетъ трубку и уходитъ).*

СЦЕНА VI.

10-го января, день.

Въ домѣ у Загорскиныхъ. Комната барышень. Княжна Софья сидитъ на постели. Наташа поправляетъ волосы передъ зеркаломъ.

Княжна Софья.

Ma chère cousine! я тебѣ совѣтую остерегаться!

Наташа.

Пожалуйста, безъ наставленій! Я сама знаю, какъ мнѣ поступать. Я никогда не покажу Арбенину большой благосклонности, а пускай онъ будетъ доволенъ малымъ.

Княжна Софья.

Вѣдь ты его не заставишь на себѣ жениться... онъ вовсе не такой человѣкъ.

Наташа.

Разумѣется, я сама за него свататься не стану, а если онъ меня любитъ, такъ женится.

Княжна Софья *(насмѣшливо).*

Не правда ли, какъ онъ интересенъ, какъ милы его глаза, полные слезъ?

Наташа.

Да, для меня очень занимательны.

Княжна Софья.

Повѣрь, онъ только дурачится и шалитъ, а именно потому, что увѣренъ, что ты въ него влюблена.

Наташа.

Ему не отчего быть увѣрену.

Княжна Софья.

А попробуй показать холодность,—тотчасъ отстанетъ!

Наташа.

Я пробовала, и онъ не отсталъ, а только больше съ тѣхъ поръ меня любитъ...

Княжна Софья.

Но ты не умѣешь притворяться, ты...

Наташа.

Повѣрь, не хуже тебя.

Княжна Софья.

Арбенинъ точно такъ же куртизанилъ прошлаго года Лидиной Полинѣ, а тутъ и бросилъ ее, и смѣется самъ надъ нею—ты помнишь? То же будетъ и съ тобой.

Наташа.

Я не Полина.

Княжна Софья.

Посмотримъ.

Наташа.

Да что ты такъ на одно наладила?

Княжна Софья.

Ужъ что я знаю, то знаю. Вчера...

Наташа.

Что такое? Впрочемъ, я и знать не желаю.

Княжна Софья.

Вчера Арбенинъ былъ у насъ.

Наташа.

Ну, что жъ?

Княжна Софья.

Любезничалъ съ Лизой Шумовой, разсказывалъ ей, Богъ знаетъ, что, и между тѣмъ просилъ меня отдать тебѣ письмо. Вотъ мужчины! въ одну влюблены, а другой пишутъ письма! Вѣрь имъ послѣ этого... Я его прочла и отдала назадъ, сказавъ, что ты будешь очень этому смѣяться. Онъ разорвалъ и уѣхалъ. Какова комедія? *(Молчаніе).* А еще, знаешь: мнѣ сказывали навѣрное, что онъ хвалится, будто ты показывала особенные признаки любви. Но я не вѣрю.

Наташа *(въ сторону).*

Онъ дѣлаетъ глупости! Я теперь на него такъ сердита, такъ сердита!.. Хвалится! кто бъ подумалъ? это слишкомъ!.. *(Громко).* Ты знаешь, кузина, у насъ былъ вчера Бѣлинскій. Un jeune homme charmant! прелесть, какъ хорошъ, уменъ и любезенъ. Вотъ ужъ не надуетъ губы! Какъ воспитанъ, точно будто всю жизнь провелъ при дворѣ.

Княжна Софья.

Поздравляю. И ты, я надѣюсь, ему очень понравилась. *(Въ сторону).* Я въ восхищеніи: мои слова дѣйствуютъ! *(Громко).* Вчерась же Арбе-

нинъ чуть-чуть не поссорился у насъ съ Нелидовымъ. Послѣдній, ты знаешь, такой тихій, степенный, осторожный, а Вольдемаръ этого не слишкомъ придерживается. Нелидовъ разговорился съ нимъ про свѣтъ и общественное мнѣніе и нѣсколько разъ повторялъ, что дорожитъ своею доброй славой, такимъ тономъ, который давалъ чувствовать Арбенину, что онъ ее потерялъ. Этотъ понялъ и поблѣднѣлъ; послѣ и говоритъ мнѣ: „Нелидовъ хотѣлъ кольнуть мое самолюбіе,— онъ достигъ своей цѣли; это правда; я потерянъ для свѣта... но довольно гордъ, чтобъ слушать равнодушно напоминанія объ этомъ!“ Ха-ха-ха! Не правда ли, Наташа, это показываетъ твердость характера?

Наташа.

Конечно! Арбенинъ не совсѣмъ заслуживаетъ дурное мнѣніе свѣта, но онъ о немъ мало заботится, и этотъ Нелидовъ очень глупо сдѣлалъ, если старался его обидѣть. *(Наташа подходитъ къ окну).*

Княжна Софья.

Повѣрь мнѣ, Арбенина такъ же огорчаетъ злословіе, какъ и другого; онъ только не хочетъ этого показать. *(Молчаніе).*

Наташа *(съ живостью).*

Ахъ! сейчасъ проѣхалъ Бѣлинскій.

СЦЕНА VII.

3-го февраля, утро.

Кабинетъ Павла Григорьевича Арбенина. Онъ сидитъ въ креслахъ. Противъ него стоитъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, въ синемъ сюртукѣ, съ сѣдыми бакенбардами.

Пав. Григ.

Нѣтъ, братецъ, нѣтъ! скажи своему господину, что я не намѣренъ ждать. Долженъ—плати; нечѣмъ — начто задолжалъ. Въ Россіи на это есть судъ. Ну, еслибъ я былъ бѣднякъ, развѣ два мѣсяца пождать ничего не значитъ?

Повѣренный.

Хоть двѣ недѣли, сударь. На-дняхъ мы денегъ ждемъ съ завода. Неужели ужъ мы обманемъ васъ?

Пав. Григ.

Ни дня ждать не хочу.

Повѣренный.

Да гдѣ же денегъ взять прикажете? Вѣдь восемь тысячъ на улицѣ не найдешь.

Пав. Григ.

Пускай твой господинъ продастъ хоть тебя самого, а мнѣ онъ заплатитъ въ назначенное время... и съ процентами... слышишь...

Повѣренный.

Да помилуйте-съ!..

Пав. Григ.

Ни слова больше! ступай! *(Повѣренный уходитъ).* Видишь, какой ловкій! все бы ему ждали! Нѣтъ, братъ, нынче деньги дороги, хлѣба дешевы, да еще плохо родятся. Пускай графскіе сынки да вельможи проматываютъ имѣніе,— мы, дворяне простые, отъ этого выигрываемъ; пускай они будутъ при дворѣ, пускай шаркаютъ въ гостиныхъ съ камергерскими ключами,— а мы будемъ тише да выше, и, наконецъ, они оглянутся, и увидятъ, хоть поздно, что мы ихъ обогнали. *(Встаетъ съ креселъ).* Ухъ! замотали меня эти дѣла... А все-таки какъ то весело видѣть передъ собою бумажку, которая содержитъ въ себѣ цѣну многихъ людей, и думать: своими трудами ты достигнулъ способа мѣнять людей на бумажки. Почему же нѣтъ? И человѣкъ тлѣетъ, какъ бумажка; и человѣкъ, какъ бумажка, носитъ на себѣ условленные знаки, которые ставятъ его выше другихъ и безъ которыхъ онъ... *(Зѣваетъ).* Уфъ! спать хочется!.. Гдѣ то сынъ мой? Онъ, вѣрно, опять задолжалъ, потому что третій день дома обѣдаетъ. Вонъ! прошу покорно имѣть дѣтей... *(Владиміръ, блѣдный, быстро входитъ).*

Владиміръ *(громко и скоро).*

Батюшка!

Пав. Григ.

Что тебѣ надобно?

Владиміръ.

Я пришелъ, чтобы... У меня есть одна, единственная просьба до васъ... не откажите мнѣ... поѣдемте со мною! поѣдемте со мною! поѣдемте! заклинаю васъ! одна минута замедленья —и вы сами будете раскаиваться.

Пав. Григ.

Куда мнѣ ѣхать съ тобою? Ты съ ума сошелъ!

Владиміръ.

Немудрено... Еслибъ даже вы увидѣли, что я видѣлъ, и остались при своемъ умѣ, то я бы удивился...

Пав. Григ.

Это ужъ ни на что не похоже! Ты, Владиміръ, выводишь меня изъ терпѣнья.

Владиміръ.

Такъ вы не хотите со мною ѣхать? такъ вы мнѣ не вѣрите? А я думалъ... но теперь вынужденъ все сказать. Слушайте: одна умирающая женщина хочетъ васъ видѣть: эта женщина...

Пав. Григ.

Что мнѣ за дѣло до нея?

Владиміръ.

Она ваша супруга...

Пав. Григ. *(съ досадой).*

Владиміръ!

Владиміръ.

Вы, вѣрно, думаете меня испугать этимъ строгимъ взглядомъ и удушить голосъ природы въ груди моей? Но я не таковъ, какъ вы. Этотъ самый голосъ, приказывающій мнѣ повиноваться вамъ, заставляетъ... да! ненавидѣть васъ!.. Да! если вы будете далѣе противиться мольбамъ моей матери!.. О, нынѣшній день уничтожилъ во мнѣ всѣ опасенія, я говорю прямо. Я вашъ сынъ и ея сынъ. Вы счастливы,—она страдаетъ на постели смерти. Кто правъ, кто виноватъ—не мое дѣло. Я слышалъ, слышалъ ея мольбы и рыданья, и послѣдній нищій назвалъ бы меня подлецомъ, еслибъ я могъ еще любить васъ!

Пав. Григ.

Дерзкій! Я давно ужъ не жду отъ тебя любви, но гдѣ видано, чтобы сынъ упрекалъ отца такими словами? прочь съ глазъ моихъ!

Владиміръ.

Я ужъ просилъ васъ не уничтожать во мнѣ послѣднюю искру покорности сыновней, чтобъ я не повторялъ эти обвиненія передъ цѣлымъ свѣтомъ!

Пав. Григ.

Боже мой! до чего я дожилъ! *(Ему).* Знаешь ли...

Владиміръ.

Я знаю, вы сами терзаемы совѣстью, вы сами не имѣете спокойныхъ минутъ, вы виновны во многомъ...

Пав. Григ.

Замолчи!

Владиміръ.

Не замолчу! Не просить пришелъ я, но требовать, требовать! Я имѣю на это право!... Нѣтъ! эти слезы врѣзались у меня въ память!... Батюшка! *(бросается на колѣна)* батюшка, пойдемте со мною!

Пав. Григ.

Встань! *(Онъ встревоженъ).*

Владиміръ.

Вы пойдете?

Владимiръ.—
Батюшка! батюшка, пойдемте со мною!
(„Странный человѣкъ“, сцена VII).

Рисун. худ. А. Якимченко.

Пав. Григ. *(въ сторону).*

Что, если въ самомъ дѣлѣ? Можетъ быть...

Владиміръ.

Такъ вы не хотите? *(Встаетъ).*

Пав. Григ. *(въ сторону).*

Она умираетъ, говоритъ Владиміръ, желаетъ получить мое прощенье... Правда! я бы... Но ѣхать туда... Если узнаютъ, что скажутъ?...

Владиміръ.

Вамъ нечего бояться: моя мать нынче же умретъ. Она желаетъ съ вами примириться не для того, чтобы жить вашимъ имѣніемъ, она не хочетъ сойти въ могилу, пока имѣетъ врага на землѣ. Вотъ вся ея просьба, вся ея молитва къ Богу. Вы не хотѣли... Есть на небѣ Судія!... Вашъ подвигъ прекрасенъ: онъ показываетъ твердость характера. Повѣрьте, люди будутъ васъ за это хвалить. И что за важность, если посреди тысячи похвалъ раздастся одинъ обвинительный голосъ?!... *(Горько улыбается).*

Пав. Григ. *(принужденно).*

Оставь меня.

Владиміръ.

Хорошо! Я пойду... и скажу, что вы не можете, заняты... *(Горько).* Она еще разъ въ жизни повѣритъ надеждѣ! *(Тихо идетъ къ дверямъ).* О, еслибъ громъ убилъ меня на этомъ порогѣ! Какъ? Я приду... одинъ! Я сдѣлаюсь убійцею моей матери! *(Останавливается и смотритъ на отца).* Боже! вотъ человѣкъ!

Пав. Григ. *(про себя).*

Однако, для чего мнѣ не ѣхать? что за бѣда? Передъ смертью помириться ничего: смѣяться никто надъ этимъ не станетъ... а все бы лучше!... Да, такъ и быть, отправлюсь! Она, вѣрно, безъ памяти и меня не узнаетъ... скажу ей, что прощаю,—и дѣлу конецъ! *(Громко).* Владиміръ! послушай... погоди! *(Владиміръ недовѣрчиво приближается).* Я пойду съ тобою... я рѣшился... насъ никто не увидитъ?... Но я вѣрю... Пойдемъ... Только смотри, въ другой разъ думай о томъ, что говоришь.

Владиміръ.

Такъ вы точно хотите идти къ моей матери? точно? Это невѣроятно! Нѣтъ, скажите: точно?

Пав. Григ.

Точно.

Владиміръ *(кидается ему на шею).*

У меня есть отецъ! у меня снова есть отецъ. *(Плачетъ).* Боже, Боже! я опять счастливъ! Какъ легко стало сердцу! У меня есть отецъ!. Вижу, вижу, что трудно бороться съ природными чувствами!... О! какъ я счастливъ!... Видите ли, батюшка, какъ пріятно сдѣлать, рѣшиться сдѣлать добро! Ваши глаза прояснѣли, ваше лицо сдѣлалось ангельскимъ лицомъ. *(Обнимаетъ его).* О, мой отецъ! вы будете вознаграждены Богомъ! Пойдемте, пойдемте скорѣй! ее надобно застать при жизни.

Пав. Григ. *(хочетъ идти. Въ сторону).*

Итакъ, я долженъ увидѣться... хорошо. Да нѣтъ ли тутъ какой-нибудь сѣти? Однако, отчаяніе Владиміра... Но развѣ она не можетъ притвориться и увѣрить его, что умираетъ?... развѣ женщинѣ, а особливо моей женѣ, трудно обмануть... кого бы ни было?... О! я предчувствовалъ, я проникнулъ этотъ замыселъ, и теперь все ясно!... Заманить меня опять... упросить... и если я не соглашусь, то сынъ мой всему городу станетъ разсказывать про такую жестокость. Она, пожалуй, его подобьетъ... Признаюсь, прехитрый планъ! прехитрѣйшій! Однако, не на того напали. Хорошо, что я вò-время догадался. Не пойду же я! пускай умираетъ одна, если могла жить безъ меня!

Владиміръ

Вы медлите?

Пав. Григ. *(холодно).*

Да! я медлю...

Владиміръ.

Вы... эта перемѣна... вы...

Пав. Григ. *(гордо).*

Я остаюсь. Скажи своей матери и бывшей моей женѣ, что я не попался вторично въ разставленную сѣть... скажи, что я благодарю за приглашеніе и желаю ей веселой дороги... *(Владиміръ вздрагиваетъ и отступаетъ назадъ).*

Владиміръ.

Какъ! *(Съ отчаяніемъ).* Это превзошло мои ожиданія! И съ такой открытой холодностью, съ такой адской улыбкой!... И я вашъ сынъ?... Такъ, я вашъ сынъ, и потому долженъ быть врагомъ всего священнаго, врагомъ вашимъ... изъ благодарности!... О! еслибъ я могъ мои чувства, сердце, душу, мое дыханіе превратить въ одно слово, въ одинъ звукъ, то этотъ звукъ былъ бы проклятіе первому мгновенію моей жизни, громовой ударъ, который потрясъ бы твою внутренность, мой отецъ, и отучилъ бы тебя называть меня сыномъ!...

Пав. Григ.

Замолчи, сумасшедшій! страшись моего гнѣва!... Погоди: придутъ дни болѣе спокойные, тогда ты узнаешь, какъ опасно оскорблять родителя!... Я тебя примѣрно накажу...

Владиміръ (*закрывъ лицо руками*).

А я мечталъ найти жалость!...

Пав. Григ.

Неблагодарный, неблагодарный! чудовище! мнѣ ли ты не обязанъ?... И съ такими упреками...

Владиміръ.

Неблагодарный!... Вы мнѣ дали жизнь,—возьмите, возьмите ее назадъ, если можете... О, это горькій даръ!

Пав. Григ.

Вонъ скорѣй изъ моего дома и не смѣй воротиться, пока не умретъ моя бѣдная супруга! (*Со смѣхомъ*). Посмотримъ, скоро ли ты придешь? Посмотримъ, настоящая ли болѣзнь, ведущая къ могилѣ, или неловкая хитрость надѣлала столько шуму и заставила тебя забыть почтеніе и обязанность... Теперь ступай! Разсуди хорошенько о своемъ поступкѣ, припомни, что ты говорилъ, — и тогда, тогда, если осмѣлишься, покажись опять мнѣ на глаза! (*Злобно взглянувъ на сына, уходитъ и запираетъ двери за собою*).

Владиміръ

(*который стоялъ, какъ вкопанный, смотритъ вслѣдъ. Послѣ краткаго молчанія*).

Все кончилось! (*Уходитъ въ другую дверь. Рѣшительная безнадежность примѣтна во всѣхъ его движеніяхъ. Онъ оставляетъ за собою дверь растворенную, и долго видно, какъ онъ то пойдетъ скорыми шагами, то остановится; наконецъ, махнувъ рукой, онъ удаляется*).

СЦЕНА VIII.

3-го февраля, день.

Спальня Марьи Дмитріевны. Столъ съ лѣкарствами. Она лежитъ на постели; Аннушка стоитъ возлѣ нея.

Аннушка.

У васъ, сударыня, сильна лихорадка. Не угодно ли чаю горяченькаго или бузины? Тотчасъ будетъ готово. Ахъ ты, моя родная! Какія руки то холодныя, точно ледяныя! Не прикажете ли, матушка, послать за лѣкаремъ?

Марья Дмитр.

Послушай, что давитъ мнѣ грудь.

Аннушка.

Ничего, сударыня, одѣяло прелегкое. Отчего бы, кажется, давить?

Марья Дмитр.

Аннушка! я сегодня умру!

Аннушка.

И, Марья Дмитріевна! выздоровѣете, Богъ милостивъ; зачѣмъ умирать?

Марья Дмитр.

Зачѣмъ?...

Аннушка.

Не все больные умираютъ; иногда и здоровые прежде больныхъ попадаютъ на тотъ свѣтъ. Не пора ли лѣкарство принять?

Марья Дмитр.

Я не хочу лѣкарства... Гдѣ мой сынъ? Да, я и позабыла, что сама его послала. Посмотри въ окно, нейдетъ ли онъ? Поди къ окну... Что? нейдетъ?... Какъ долго!

Аннушка.

На улицѣ пусто.

Марья Дмитр. (*про себя*).

Онъ уговоритъ отца,—я увѣрена! О, какъ сладко примириться передъ концомъ; теперь я не стыжусь встрѣтить его взоръ. (*Погромче*). Аннушка! что ты такъ смотришь въ окно?

Аннушка.

Я?... Нѣтъ... это такъ...

Марья Дмитр.

Нѣтъ, вѣрно... говори всю правду, что такое?

Аннушка.

Похороны, сударыня, да какія препышныя! сколько каретъ сзади; вѣрно, богачъ! Какія лошади! покровъ такъ и горитъ... два архіерея... пѣвчіе!... Ну жъ, нечего сказать...

Марья Дмитр.

Аннушка, и мнѣ пора... я чувствую близость послѣдней минуты. О, поскорѣе, поскорѣе, Царь небесный!

Аннушка.

Полноте, сударыня, что вамъ за охота? Какъ если, не дай Богъ, вы скончаетесь, что тогда со мною будетъ? кто позаботится обо мнѣ?

Рисунокъ М. Ю. Лермонтова.

Неужто Павелъ Григорьевичъ къ себѣ возьметъ?... Не бывать этому. Да я лучше по міру пойду: добрые люди изъ окошекъ накормятъ.

Марья Дмитр.

Мой сынъ, Владиміръ, тебя не оставитъ.

Аннушка.

Да еще перенесетъ ли онъ вашу смерть? Вы знаете, какой онъ горячій: изъ малости ужъ внѣ себя, а тогда... Боже, упаси!

Марья Дмитр.

Ты права... я должна тебя наградить: у меня въ шкатулкѣ есть 80 рублей... дай нѣсколько и старику Павлу; онъ всегда вѣрно мнѣ служилъ, и тобой я всегда, всегда была довольна... (*Смутная радость изображается на лицѣ Аннушки).* О, какъ сердце бьется!... Что хуже: ожиданье или безнадежность?

(*Дверь отворяется. Тихо входитъ Владиміръ. Онъ мраченъ. Молча подходитъ къ постели и останавливается въ ногахъ).*

Аннушка.

Владиміръ Павловичъ пришелъ.

Марья Дмитр. (*быстро*).

Пришелъ! (*Приподымается и опять опускаетъ голову*). Владиміръ... ты одинъ?... а я думала... ты одинъ!...

Владимiръ.

Да.

Марья Дмитр.

Другъ мой! ты звалъ его сюда? сказалъ, что я умираю? онъ скоро придетъ?

Владимiръ (*мрачно*).

Какъ вы себя чувствуете? Довольно ли вы крѣпки, чтобъ говорить и... слушать?

Аннушка.

Барыня безъ васъ все плакала, Владимiръ Павловичъ.

Владимiръ.

Боже, Боже! Ты всесиленъ. Зачѣмъ непремѣнно *я* долженъ убить мать мою?

Марья Дмитр.

Говори скорѣе, не терзай меня понемногу... Придетъ ли твой отецъ? (*Молчанie*). Гдѣ онъ?... Какъ предстать передъ Бога?... Владимiръ, безъ него я не умру спокойно!

Владимiръ (*тихо*).

Нѣтъ.

Марья Дмитр. (*не слыхавъ*).

Что сказалъ ты?... Дай мнѣ руку, Владимiръ.

Владимiръ

(*слезы начинаютъ падать изъ глазъ его; онъ бросается на колѣна возлѣ постели и покрываетъ поцѣлуями ея руку*).

Я возлѣ васъ... Зачѣмъ вамъ другого?... Развѣ вамъ не довольно меня?... Кто-нибудь любитъ ли васъ сильнѣй, чѣмъ я?

Марья Дмитр.

Встань... Ты плачешь?...

Владимiръ (*вставъ, отходитъ въ сторону*).

Ужасная пытка! Если я все это вынесу, то буду себя почитать за истукана, который не стоитъ имени человѣка. Если я вынесу... то увѣрюсь, что сынъ всегда похожъ на отца, что его кровь течетъ въ моихъ жилахъ, и что я, какъ онъ, хотѣлъ ея погибели... Такъ! я долженъ былъ силою притащить его сюда, угрозами, страхомъ исторгнуть у него прощенiе... (*Съ бѣшеной радостью*). Послушайте, послушайте, что я вамъ скажу? мой отецъ веселъ, здоровъ, и не хотѣлъ васъ видѣть!... (*Вдругъ, какъ бы испугавшись, останавливается*).

Марья Дмитр. (*вздрагиваетъ, послѣ молчанiя*).

Молись... молись за насъ... Не хотѣлъ... о!...

Аннушка.

Ей дурно, дурно!...

Марья Дмитр.

Нѣтъ... нѣтъ... я соберу послѣднія силы... Владиміръ, ты долженъ узнать все... и судить твоихъ родителей... Подойди!... Я умираю... отдаю душу правосудному Богу, и хочу, чтобъ ты, ты, мой единственный другъ, не обвинялъ меня по чужимъ словамъ... я сама произнесу свой приговоръ. *(Останавливается).* Я виновна: молодость была моей виною!... Я имѣла пылкую душу... твой отецъ холодно со мной обращался... я прежде любила другого... еслибъ мой мужъ хотѣлъ, я забыла бы прежнее. Нѣсколько лѣтъ старалась я побѣждать эту любовь,—и одна минута рѣшила мою участь... Не смотри на меня такъ... о!... упрекай лучше самыми жестокими словами! я твоя злодѣйка!... мой проступокъ заставляетъ тебя презирать меня, и не одну меня... Долгимъ раскаяньемъ я загладила свой проступокъ. Слушай: онъ былъ тайною, но я не хотѣла, не могла заглушить совѣсть и сама открыла все твоему отцу. Съ горькими слезами, съ униженіемъ я упала къ ногамъ его... я надѣялась, что онъ великодушно проститъ мнѣ... Но онъ выгналъ меня изъ дому, и я должна была оставить тебя, ребенка, и молча, подавленная тягостью собственной вины, переносить насмѣшки свѣта... Онъ жестоко со мною поступилъ!... Я умираю... Если онъ мнѣ не простилъ еще, то Богъ его накажетъ... Владиміръ! ты осуждаешь мать свою?... Ты не смотришь на меня?... *(Голосъ ея подъ конецъ становится все слабѣе и слабѣе).*

Владиміръ *(въ сильномъ движеніи; про себя).*

Вижу! вижу! природа вооружается противъ меня!... я ношу въ себѣ сѣмя зла... я созданъ, чтобъ разрушать естественный порядокъ!— Боже! Боже! здѣсь умирающая мать, — и на языкѣ моемъ нѣтъ ни одного утѣшительнаго слова... ни одного... Неужели мое сердце такъ сухо, что нѣтъ даже ни одной слезы?... Горе, горе тому, кто изсушилъ это сердце!... Онъ мнѣ заплатитъ! я сдѣлался чрезъ него преступникомъ... Съ этой минуты прочь сожалѣнье!... День и ночь буду я напѣвать отцу моему страшную пѣсню до тѣхъ поръ, пока у него не встанутъ дыбомъ волосы и раскаяніе начнетъ грызть его душу. *(Обращаясь къ матери).* Ангелъ, ангелъ! не умирай такъ скоро! еще нѣсколько часовъ...

Аннушка

(съ примѣтнымъ безпокойствомъ посматривая на госпожу).

Владиміръ Павловичъ! *(Онъ услыхалъ и глядитъ на нее пристально. Она трогаетъ за руку Марью Дмитріевну и вдругъ останавливается).* Прости, Господи, ея душу! *(Крестится. Владиміръ вздрагиваетъ, шатается и едва не упадаетъ; удерживается рукой за спинку и такъ остается недвижимъ нѣсколько минутъ).*

Аннушка.

Какъ тихо скончалась то, родимая моя! Что буду я теперь? *(Плачетъ).*

Владимiръ

(подходитъ къ тѣлу и, взглянувъ, быстро отворачивается).

Для такой души, для такой смерти слезы ничего не значатъ... у меня ихъ нѣтъ... нѣтъ! Но я отомщу, жестоко, ужасно отомщу!... Пойду, принесу отцу моему вѣсть о ея кончинѣ и заставлю, принужу его плакать, и когда онъ будетъ плакать, буду смѣяться!

(Убѣгаетъ. Долгое молчанiе).

Аннушка.

И сынъ родной ее оставляетъ. Теперь все, что я могу захватить, мое... Что же? Тутъ по мнѣ нѣту грѣха, лучше, чтобы мнѣ досталось, чѣмъ кому другому... а Владимiру Павловичу не нужно. *(Подноситъ зеркало къ губамъ усопшей).* Зеркало гладко... послѣднее дыханье улетѣло... Какъ блѣдна!

(Уходитъ изъ комнаты и призываетъ остальныхъ слугъ для совершенiя обрядовъ).

СЦЕНА IX.

5-го февраля, пополудни.

Комната у Загорскиныхъ. Наташа и княжна. Анна Николаевна, входя, вводитъ двухъ старухъ.

Анна Ник.

А я васъ сегодня совсѣмъ не ожидала! Милости просимъ! Прошу садиться! Какъ ваше здоровье, Марѳа Ивановна? *(Садятся).*

1-я старуха.

Эхъ, мать моя! что у меня за здоровье! все ревматизмы да флюсъ... только нынче развязала щеку. *(Къ другой старухѣ).* Какъ мы съѣхались, Катерина Дмитрiевна! Я только что на дворъ, и вы за мной, какъ будто сговорились навѣстить Анну Николаевну.

2-я старуха *(къ хозяйкѣ).*

Я слышала, что вы были больны.

Анна Ник.

Да... благодарю, что навѣстили. Теперь получше... А что, новаго не слыхать ли чего-нибудь?

2-я старуха.

У меня, вы знаете, Егорушка въ Петербургѣ, такъ онъ пишетъ, что турокъ въ пухъ разбили наши... взяли пашу!...

1-я старуха.

Дай то Богъ!... А я слышала, что Горинкинъ женился... Да на комъ! Знавали вы Болотину? — такъ на ея дочери. Славная партія. Вѣдь сколько жениховъ за нею гонялось! такъ нѣтъ... кому счастье!

Анна Ник.

А я слышала, — графъ Свитской умеръ. Вѣдь жена, дѣти...

1-я старуха.

Да, какая жалость! И что разсказываютъ! — слышали вы?

Анна Ник.

Что такое?

2-я старуха.

Что такое?... Странно! я не слыхала!

1-я старуха.

Говорятъ, что покойникъ, прости его Господи, почти все свое имѣніе продалъ и побочнымъ дѣтямъ отдалъ деньги. Есть же люди! И говорятъ также, будто бы въ духовной онъ написалъ, чтобъ его похороны не стоили больше ста рублей.

2-я старуха.

Нечего сказать, какъ въ колыбелькѣ, такъ и въ могилку! Всегда былъ чудакъ покойникъ! Царство ему небесное! Что жъ, исполнили его завѣщаніе?

1-я старуха.

Какъ можно! Пожалуй, онъ бы написалъ, чтобъ его въ оврагъ кинули! Нѣтъ, матушка, пять тысячъ стоили похороны, въ Донскомъ монастырѣ, да два архіерея было.

Анна Ник.

Стало быть, очень пышно было.

Наташа.

Будто не все равно?

1-я старуха.

Какъ такъ? Развѣ можно графа похоронить, какъ нищаго?

2-я старуха *(послѣ общаго молчанія).*

Анна Николаевна! вы меня извините! я, вѣдь, только на минуточку къ вамъ заѣхала, спѣшу къ золовкѣ на крестины. *(Встаетъ).* — Прощайте!

Анна Ник.

Если такъ, то не смѣю васъ удерживать. Прощайте! *(Цѣлуются).* До свиданья, матушка! *(Провожаетъ ее).*

Княжна Софья.

Что рѣшится?

Наташа.

Какіе глупые вопросы, кузина! Вчера была у насъ княгиня и...

Княжна Софья.

Я тебя понимаю: ты влюблена въ Бѣлинскаго... Ну, что жъ? *(Наташа отворачивается)*. Это очень натурально.

Наташа *(съ живостью)*.

Послушай! какъ онъ милъ, какъ онъ любезенъ!

Княжна Софья.

Бѣдный Арбенинъ!

Наташа.

Чѣмъ же бѣдный?

Княжна Софья.

Онъ тебя такъ любитъ!... Бѣлинскій свататься пріѣхалъ. Ты навѣрное ему не откажешь,—такъ ли? А я знаю, что Арбенинъ тебя очень, очень любитъ! *(Насмѣшливо улыбается)*.

Наташа.

Разлюбитъ поневолѣ... Впрочемъ, онъ очень умѣлъ притворяться прежде съ другими, почему же не притворялся онъ со мной, кто можетъ поручиться? Правда, онъ мнѣ сначала немного нравился: въ немъ что то необыкновенное... А зато какой несносный характеръ, какой злой умъ и какое печальное всегда воображеніе... Боже мой! да такой человѣкъ въ одну недѣлю тоску нагонитъ! Есть многіе, которые не меньше его чувствуютъ, а веселы...

Княжна Софья.

Ты хотѣла бы все смѣяться! *(Смотритъ на нее пристально)*. Однажды, въ сумерки, пріѣхалъ къ намъ Арбенинъ, сѣлъ за фортепьяно и съ полчаса фантазировалъ. Я заслушалась. Вдругъ онъ вскочилъ и подошелъ ко мнѣ. Слезы были у него на глазахъ. „Что съ вами?“ спросила я. „Припадокъ!“ отвѣчалъ онъ съ горькой улыбкой: „музыка приводитъ мнѣ на мысли Италію. Во всей ледяной Россіи нѣтъ сердца, которое отвѣчало бы моему! Все, что люблю я, убѣгаетъ меня; прошу сожалѣнья—нѣтъ! Я похожъ на чумнаго: все, что меня любитъ, то заражается этой болѣзнью несчастія, которую я принужденъ называть жизнью!...“ Тутъ Арбенинъ посмотрѣлъ на меня пристально, какъ будто ожидая отвѣта... Я догадалась... Но ты не слышишь?...

Наташа.

Оставь меня! Какая мнѣ нужда до твоего Арбенина? Дѣлай съ нимъ, что хочешь! Клянусь тебѣ, не стану ревновать. Слышишь... вотъ... кажется, кто то сюда идетъ... кажется, маменька...

Княжна Софья *(въ сторону)*.

Небо прекрасно исполняетъ мои желанья! судьба мститъ за меня. Хорошо! онъ почувствуетъ всю тягость любви безнадежной, обманутой. Я не даромъ старалась охладить къ нему Наташу: это меня радуетъ. Однако, что мнѣ пользы?... Я отомстила... за что?... Онъ не знаетъ, что я его такъ люблю!... Но узнаетъ! я ему докажу, что есть женщины... *(Входитъ Анна Николаевна)*.

Анна Ник.

Наташа! подойди ко мнѣ, я хочу говорить съ тобой о важномъ дѣлѣ, которое рѣшитъ судьбу твоей жизни. Выйти замужъ—не порогъ перешагнуть. Все будущее твое зависитъ отъ одной минуты. Твое сердце должно бросить жребій, но разсудокъ также не долженъ молчать. Подумай: Бѣлинскій предлагаетъ тебѣ свою руку. Согласна ты или нѣтъ? Нравится ли онъ тебѣ?

Наташа *(въ смущеніи)*.

Я... не знаю...

Анна Ник.

Какъ не знаю? Помилуй! Онъ ждетъ въ той комнатѣ. Кому же знать?... рѣшись поскорѣе... по крайней мѣрѣ, дать ли ему надежду? Что ты молчишь?... Онъ молодой человѣкъ, превоспитанный, честный: состояніе есть, а ты знаешь, какъ наше разстроено. Бѣлинскій ожидаетъ богатое наслѣдство, — подумай: 1500 душъ! Разсуди. Ты ужъ въ лѣтахъ, скоро стукнетъ 19. Теперь не пойдешь замужъ, такъ, можетъ быть, никогда не удастся,—сиди въ дѣвкахъ! Плохо теперь: жениховъ въ Москвѣ нѣтъ! Молодые, богатые не хотятъ жениться, мотаютъ себѣ въ волю; а старые—что въ нихъ? глупы или бѣдны. Рѣшись, Наташа! Вѣдь онъ тамъ ждетъ... Ну, скажи по совѣсти, вѣдь онъ тебѣ нравится?

Наташа.

Нравится...

Анна Ник.

Такъ ты согласна?... Я пойду...

Наташа *(останавливаетъ мать)*.

Maman! подождите!... такъ скоро... Ей Богу, я все это вижу, какъ во снѣ... Какъ можно въ одну минуту... *(Слезы показываются на глазахъ: она закрываетъ ихъ руками)*. Я не могу... развѣ непремѣнно сейчасъ?...

Анна Ник. *(ласкаетъ ее).*

Успокойся, другъ мой. О чемъ ты плачешь? Развѣ не сама сказала, что онъ тебѣ нравится? Посмотри, какъ сердце бьется: это нездорово. Ты слишкомъ встревожилась. Я опрометчиво поступила, сама посуди, вѣдь онъ ждетъ! не надо упускать жениха! Вѣдь я не выдаю насильно, а только спрашиваю. Ты согласна — и я тотчасъ ему скажу; нѣтъ—такъ нѣтъ! бѣда не велика.

Наташа *(утирая слезы).*

Онъ мнѣ нравится... только... дайте ему надежду, пускай онъ ѣздитъ въ домъ, пускай будетъ, какъ женихъ... только... я сама не знаю... вы такъ скоро мнѣ сказали... я не знаю... мнѣ стыдно плакать о глупостяхъ. Maman, вы сами сумѣете, какъ ему сказать... я напередъ на все согласна.

Анна Ник.

Ну, и давно бы такъ... Объ чемъ же плакать, мой ангелъ? *(Креститъ ее.)* Христосъ съ тобой! въ добрый часъ! *(Уходитъ).*

Наташа.

Ахъ!

Княжна Софья.

Ты поблѣднѣла, кузина! Поздравляю тебя,—невѣста!

Наташа.

Какъ скоро все это сдѣлалось! *(Уходитъ.)*

Княжна Софья.

Правда. Когда мы чего-нибудь желаемъ, и желаніе наше исполнится, то намъ всегда кажется, что оно исполнилось слишкомъ скоро. Мы лучше любимъ видѣть радость въ будущемъ, нежели въ минувшемъ... Она счастлива... А я?... Зачѣмъ раскаиваться? Люди невиновны, если судьба нечаянно исполняетъ ихъ дурныя желанья, стало быть, они справедливы... стало быть, мое сердце должно быть покойно, должно бы было быть покойно!...

СЦЕНА X.

Февраля 4-го, вечеръ.

Зала въ домѣ Павла Григорьевича; слуги зажигаютъ лампы.

Первый.

Онъ, чай, былъ не въ своемъ умѣ: отъ вчерашняго еще не опомнился.

Второй.

Какъ сказалъ ему баринъ?

Третій.

„Проклинаю тебя!"—сказалъ онъ ему.

Второй.

Владиміръ Павловичъ не заслужилъ этого.

Первый.

А гдѣ старый баринъ?

Третій.

Уѣхалъ въ гости.

Второй.

Былъ ли онъ встревоженъ, когда ты ему подавалъ одѣваться?

Третій.

Ни мало. Ни разу меня не ударилъ. Проклясть сына, ѣхать въ гости—эти двѣ вещи для него такъ близки между собою, какъ выпить стаканъ вина и стаканъ воды.

Первый.

А крѣпко поговорилъ молодой баринъ своему батюшкѣ; тотъ сначала и не опомнился.

Второй.

Оно все такъ, а только жалко, ей Богу жалко! Отцовское проклятіе не шутка! Лучше жерновъ положить себѣ на сердце.

Третій.

Ивану не велѣно отъ него отходить... Вотъ отецъ! вѣдь проклялъ, а все боится, чтобы сынъ на себя рукъ не наложилъ.

Второй.

Кровь говоритъ.

Третій.

А по-моему, такъ лучше убить, чѣмъ проклясть.

СЦЕНА XI.

Февраля 4-го, вечеръ.

Комната Владиміра. Луна свѣтитъ въ окно. Владиміръ возлѣ стола, опершись на него рукою. Иванъ у двери.

Иванъ.

Здоровы ли вы, сударь?

Владиміръ.

На что тебѣ?

Рисунокъ М. Ю. Лермонтова.

Иванъ.

Вы блѣдны.

Владиміръ.

Я блѣденъ?... Когда-нибудь буду еще блѣднѣе.

Иванъ.

Вашъ батюшка только погорячился; онъ скоро васъ проститъ.

Владиміръ.

Поди, добрый человѣкъ, это до тебя не касается.

Иванъ.

Мнѣ не велѣно отъ васъ отходить.

Владиміръ.

Ты лжешь: здѣсь нѣтъ никого, кто бы занимался мною. Оставь меня,—я здоровъ.

Иванъ.

Напрасно, сударь, хотите меня увѣрить въ томъ. Вашъ разстроенный видъ, бродящіе глаза, дрожащій голосъ показываютъ совсѣмъ противное.

Владимiръ *(вынимаетъ кошелекъ; про себя).*

Я слышалъ, что деньги дѣлаютъ изъ людей все. *(Громко).* Возьми и ступай отсюда; здѣсь тридцать червонцевъ.

Иванъ.

За тридцать сребрениковъ продалъ Іуда нашего Спасителя; а это еще золото... Нѣтъ, баринъ, я не такой человѣкъ; хотя я рабъ, а не рѣшусь отъ васъ взять денегъ за такую услугу.

Владимiръ
(бросаетъ кошелекъ въ окно, которое разбивается; стекла звенятъ, и кошелекъ упадаетъ на улицу).

Такъ пусть кто-нибудь подыметъ!

Иванъ.

Что это, сударь, съ вами дѣлается? Утѣшьтесь, не все горе...

Владимiръ.

Однако жъ...

Иванъ.

Богъ пошлетъ вамъ счастье, хотя бъ за то только, что меня облагодѣтельствовали. Никогда я, видитъ Богъ, отъ васъ сердитаго слова не слыхалъ.

Владимiръ.

Точно?

Иванъ.

Я всегда велю женѣ и дѣтямъ за васъ Богу молиться.

Владимiръ *(разсѣянно).*

Такъ у тебя есть жена и дѣти?

Иванъ.

Да еще какiя, — будто съ неба... Добрая жена... и малютки! сердце радуется, глядя на нихъ

Владимiръ.

Если я тебѣ сдѣлалъ добро, исполни мою единственную просьбу.

Иванъ.

И тѣломъ и душой готовъ, батюшка, на вашу службу...

Владимiръ *(беретъ его за руку).*

У тебя есть дѣти... не проклинай ихъ никогда! *(Отходитъ въ сторону къ окну; Иванъ глядитъ на него съ сожалѣнiемъ).* А онъ, онъ, мой отецъ, меня проклялъ, и въ такой мигъ, когда я бы могъ уме-

реть отъ словъ его! Но я сдѣлалъ должное: она меня оправдаетъ передъ лицомъ Всевышняго.—Теперь испытаю послѣднее на землѣ—женскую любовь. Боже, какъ мало Ты мнѣ оставилъ! Послѣдняя нить, привязывающая меня къ жизни, оборвется, и я буду съ Тобой. Ты сотворилъ мое сердце для Себя, проклятіе человѣка не имѣетъ вліянія на гнѣвъ Твой. Ты милосердъ,—иначе я бы не могъ родиться! *(Смотритъ въ окно)*. Какъ эта луна, эти звѣзды стараются меня увѣрить, что жизнь ничего не значитъ... Гдѣ мои исполинскіе замыслы? Къ чему служила эта жажда къ великому? Все прошло! я это вижу. Такъ точно вечернее облако, покуда солнце не коснулось до небосклона, принимаетъ видъ небеснаго города, блеститъ золотыми краями и обѣщаетъ чудеса воображенію; но солнце закатилось, дунулъ вѣтеръ,—и облако растянулось, померкло, и наконецъ упадаетъ росою на землю!

СЦЕНА XII.

Февраля .... вечеръ.

Комната у Загорскиныхъ, дверь отворена въ другую, гдѣ много гостей. Анна Николаевна и княжна Софья входятъ.

Княжна Софья.

Тетушка, мы съ Наташей сейчасъ пріѣхали изъ рядовъ и купили все, что надобно. Не знаю, понравится ли вамъ; но мнѣ, хорошо! только блонды дорого.

Анна Ник.

Теперь некогда, Сонюшка, послѣ посмотрю. *(Входитъ гость)*. Ахъ, здравствуйте, Сергѣй Сергѣичъ! какъ ваше здоровье? Я васъ совсѣмъ не ожидала: вы такіе стали спесивые и знать насъ не хотите.

Гость 1-й.

Помилуйте! Я узналъ, что Наталья Ѳедоровна ваша помолвлена, и пріѣхалъ поздравить и пожелать ей всякаго счастья.

Анна Ник.

Покорно васъ благодарю. Дай то Богъ! человѣкъ, кажется, хорошій.

Гость 1-й.

И, я слышалъ, съ прекраснымъ состояніемъ?

Анна Ник.

Какъ же-съ! Да вы, я думаю, знаете г-на Бѣлинскаго?

Гость 1-й.

Видалъ-съ! Прелестнѣйшій молодой человѣкъ.

Анна Ник.

Милости просимъ въ гостиную, Сергѣй Сергѣичъ! *(Уходятъ оба въ гостиную).*

Княжна Софья.

Все идетъ по-моему. Отчего же я безпокоюсь? Развѣ у меня два сердца, что одна и та же вещь меня радуетъ и огорчаетъ? Какъ согласить внутреннее самодовольствіе съ исполненіемъ желаній?— Нѣтъ, главная моя цѣль еще далеко. Я желала бы знать, какъ все это подѣйствуетъ на Владиміра. Боже! какъ мнѣ душно въ этой толпѣ людей, которые съ такимъ жаромъ разсуждаютъ о пустякахъ и не замѣчаютъ, что каждая минута отнимаетъ у меня по надеждѣ и приноситъ мнѣ какое-нибудь новое мученье! Гдѣ несчастливцы? На всѣхъ лицахъ я встрѣчаю только улыбки! Одна я страдаю, одна я плачу, одна утираю слезы... Еслибъ онъ ихъ увидалъ, то сталъ бы меня любить. Онъ бы не устоялъ! Невозможно, невозможно ему быть совершенно равнодушну!

Наташа *(вбѣгаетъ; весело).*

Ха-ха-ха-ха-ха! Ma cousine, послушай: еслибъ ты была тамъ, то насмѣялась бы досыта.. ха-ха-ха! Боже мой!.. Ахъ! я удерживалась до тѣхъ поръ, что чуть-чуть не захохотала ему въ глаза.

Княжна Софья.

Кому?..

Наташа.

Насилу я вырвалась. Сергѣй Сергѣичъ подошелъ меня поздравлять, смѣшался, заикнулся, забормоталъ... Я ничего не поняла. Онъ самъ, я думаю, не зналъ, что говорилъ,—умора! Такъ мы остались другъ противъ друга... ха-ха-ха!

Княжна Софья.

Какъ ты весела!.. Гдѣ Бѣлинскій?

Бѣлинскій *(входитъ).*

Слава Богу! я опять съ вами! Меня осадилъ весь очаковскій вѣкъ. Добрые люди, только нестерпимо скучны! Они все толкуютъ о прошедшемъ, а я въ настоящемъ такъ счастливъ.

Княжна Софья.

Это видно по вашему лицу.

Наташа.

Mon cher ami, оставимъ ее: она не въ духѣ. Сядемъ, поговоримъ. *(Садятся).*

Бѣлинскій (*цѣлуетъ у ней руку*).

Теперь я имѣю право вызывать завистниковъ.

Княжна Софья (*про себя*).

Этотъ человѣкъ думаетъ, говоритъ о счастьи, отнявъ послѣднее у своего друга... Отчего же я, хотя менѣе виновна, должна чувствовать раскаянье? О, какъ бы я замѣнила Владиміру эту потерю, еслибъ... еслибъ... только...

(*Гость, молодой человѣкъ, выходитъ изъ гостиной, кланяется Софьѣ и приближается къ ней*).

Гость.

Здорова ли княгиня, ваша матушка?

Княжна Софья.

Нѣтъ, она очень больна.

Гость.

Вы, вѣроятно, знаете Владиміра Арбенина?

Княжна Софья.

Онъ къ намъ ѣздитъ.

Гость.

Вы не примѣтили: сумасшедшій онъ?

Княжна Софья.

Я всегда замѣчала, что онъ очень уменъ. Не могу догадаться, къ чему такіе вопросы?

Гость.

Нѣтъ, я въ самому дѣлѣ не шучу. Нѣсколько дней тому назадъ я былъ у его отца. Вдругъ дверь съ шумомъ отворяется, и вбѣгаетъ Владиміръ. Я испугался. Лицо его было блѣдно, глаза мутны, волосы въ безпорядкѣ. Я не знаю, на кого онъ былъ похожъ. Отецъ его остолбенѣлъ и ни слова не могъ выговорить. „Убійца!“ воскликнулъ Владиміръ. „Ты мнѣ не вѣрилъ,—поди же поцѣлуй ея мертвую руку!“ — и съ вынужденнымъ хохотомъ упалъ безъ чувствъ на землю. Слуги вбѣжали; его подняли. Отецъ не говорилъ ни слова, но дрожалъ, хотя показывалъ или старался показывать, что не былъ встревоженъ... Я поскорѣе взялъ шляпу и ушелъ. Потомъ я узналъ. что Павелъ Григоричъ его ужасно бранилъ и даже проклялъ, говорятъ, но я не вѣрю...

Княжна Софья (*въ сильномъ волненіи*).

Проклялъ, говорите вы... Онъ упалъ, но ему ничего не сдѣлалось?.. Вы не знаете, что значили слова его? Нѣтъ, это не сумасшествіе... что-нибудь ужасное съ нимъ случилось...

Гость *(съ улыбкой).*

Я не ожидалъ, чтобы вы приняли такое большое участіе.

Княжна Софья.

Въ самомъ дѣлѣ? *(Съ досадой въ сторону).* Боже, нельзя показать сожалѣнья!

Гость.

Наконецъ, я узналъ, что въ этотъ самый день умерла у Владиміра мать, которая съ отцомъ была въ разводѣ; но такое бѣшенство, такія угрозы показываютъ совершенное сумасшествіе! Это въ самомъ дѣлѣ, очень жалко: онъ имѣлъ способности, умъ, познанія...

Княжна Софья.

По словамъ, которыя вы мнѣ повторили, отецъ его былъ виноватъ въ чемъ-нибудь... Онъ не замѣтилъ васъ, и если только въ этомъ состоитъ сумасшествіе...

Гость.

О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! я не хотѣлъ этого сказать; но вы сами судите... Мнѣ стало жалко его; вотъ для чего я спросилъ...

Княжна Софья.

Вы видите, что я не могу вамъ дать положительнаго отвѣта.

Гость *(помолчавъ).*

Вы поѣдете завтра въ концертъ, княжна? Славная музыкантша будетъ на арфѣ играть. Вы не слыхали еще? Она изъ Парижа... Это очень любопытно! Если угодно, я билетъ...

Княжна Софья.

Я не любопытна, я не имѣю этого порока!

Гость.

Извините! я желалъ вамъ услужить.

Княжна Софья.

Вы очень милостивы...

Гость *(раскланиваясь).*

Прошу васъ повѣрить, что если я что-нибудь непріятное сказалъ вамъ, то мое намѣреніе было совсѣмъ не таково... *(Уходитъ).*

Княжна Софья *(одна).*

Чуть-чуть онъ не сказалъ, что хотѣлъ меня обрадовать этими новостями! Прійти нарочно, простоять четверть часа здѣсь для того только, чтобы сказать зло про одного человѣка и опечалить дру-

гого! *(Молчаніе).* Что ждетъ меня? ужасно темнѣетъ предо мной будущность, какъ бездна, которая хочетъ поглотить все, что во мнѣ радуется жизнью! Владиміръ потерялъ мать, любовь отца и долженъ лишиться Наташи... Но первыя два несчастья помогутъ ему перенести послѣднее съ твердостію; нѣсколько печалей не такъ опасны, какъ одна глубокая, къ которой прикованы всѣ думы, которая отравляетъ всѣ чувства одинаковымъ ядомъ. Да! онъ мужчина, онъ крѣпокъ духомъ!.. а тамъ... тамъ... я могу еще надѣяться; я примѣчала нѣсколько разъ, что глаза его пылали, когда онъ со мной говорилъ. Можетъ быть...

Наташа.

Что онъ тебѣ разсказывалъ?

Княжна Софья.

Про Арбенина.

Бѣлинскій.

Что такое про Арбенина?

Княжна Софья.

Не бойтесь.

Бѣлинскій.

Чего же мнѣ бояться?

Княжна Софья.

Вы лучше знать должны.

Наташа *(тихо).*

Развѣ онъ провѣдалъ, что я выхожу замужъ?

Княжна Софья.

За его друга? — Нѣтъ!.. Арбенинъ потерялъ мать, и отъ этого онъ въ отчаяньи. Его приняли за сумасшедшаго... Не знаю, вынесетъ ли онъ второй ударъ...

Бѣлинскій.

О, повѣрьте, что онъ кажется гораздо чувствительнѣе, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ есть.

Княжна Софья.

Разумѣется, вы это должны знать лучше насъ: вы были его другомъ.

Бѣлинскій.

Я дружбу принесъ въ жертву любви.

Княжна Софья.

Это очень хорошо—для васъ.

Бѣлинскій.

Впрочемъ, не думайте, что я съ Арбенинымъ очень друженъ былъ. Пріятели въ нашъ вѣкъ—двѣ струны, которыя по волѣ музыканта издаютъ согласные звуки, но содержатъ въ себѣ столько же противныхъ.

Княжна Софья *(Наташѣ).*

Прошу не прогнѣваться, кузина, а я скажу, что ты его любила. Для жениха ты не должна имѣть тайны; и, вѣрно, господинъ Бѣлинскій со мной согласенъ! *(Наташа при этихъ словахъ покраснѣла).*

Наташа.

Да, это правда: Арбенинъ мнѣ сначала нравился и очень занималъ воображеніе; но этотъ сонъ, какъ всѣ печальные сны, прошелъ. Я тебя прошу, Софья, не напоминай мнѣ болѣе объ немъ.

Княжна Софья.

Я не совсѣмъ что то вѣрю твоему пробужденію.

Наташа.

Кузина, къ чему это?

Бѣлинскій.

Можетъ быть, одинъ сонъ смѣнился другимъ.

Княжна Софья.

Однако, послушайте, господинъ женихъ, не слишкомъ ей вѣрьте: она съ давнишнихъ поръ носитъ на крестѣ стихи, которые далъ ей Арбенинъ. Пожалуйста, скажите-ка ей, чтобы она ихъ показала. А-а! попалась, душа моя!

Бѣлинскій.

Я могу просить, и то, если она позволитъ... Впрочемъ, я въ ней слишкомъ увѣренъ.

Княжна Софья.

Излишества всегда опасны!

Наташа.

Чтобъ доказать моей кузинѣ, что я нимало не дорожу этими глупостями... *(Снимаетъ съ шеи ожерелье, на которомъ крестъ, и отвязываетъ бумажку).* Возьмите! Эта старинная бумажка была мною совсѣмъ позабыта. Прочти, мой другъ... эти стихи довольно порядочно написаны.

Бѣлинскій.

Это его рука!

Княжна Софья *(въ сторону).*

Безстыдный! онъ такъ же спокоенъ, какъ будто читаетъ театральную афишу! Ни одной искры раскаянья въ ледяныхъ глазахъ! Ужели

искусство? Нѣтъ! я женщина, но никогда не могла бы дойти до такой степени лицемѣрія. Ахъ! для чего одно пятно очернило мою чистую душу?

Наташа.

Прочти, мой другъ.

Бѣлинскій (*читаетъ*).

Когда одни воспоминанья
О дняхъ безумства и страстей,
На мѣсто славнаго названья,
Твой другъ оставитъ межъ людей;
Когда съ насмѣшкой ядовитой
Осудятъ жизнь его порой,
Ты будешь ли его защитой
Передъ безчувственной толпой?
Онъ жилъ съ людьми, какъ бы съ чужими,
И справедлива ихъ вражда;
Но хоть виновенъ передъ ними,—
Тебѣ онъ вѣренъ былъ всегда.
Одной слезой, однимъ отвѣтомъ
Ты можешь смыть ихъ приговоръ:
Вѣрь, не постыденъ передъ свѣтомъ
Тобой оплаканный позоръ!

Прекрасно! очень мило! (*Отдаетъ*).

Наташа (*разрываетъ бумагу*).

Теперь спокойны ли вы, кузина?

Княжна Софья.

О, я на твой счетъ никогда не безпокоилась.

Бѣлинскій (*въ сторону*).

Эта княжна вовсе не по мнѣ! Къ чему ея упреки? Что ей за дѣло?

(*Дверь отворяется, входитъ Владиміръ, кланяется. Всѣ смущены. Онъ хочетъ подойти, но, взглянувъ на Бѣлинскаго и Наташу, останавливается и быстро входитъ въ гостиную*).

Наташа (*только что Владиміръ вошелъ*).

Ахъ! Арбенинъ!

Бѣлинскій (*про себя*).

Вотъ некстати! Чортъ его просилъ! Онъ взбѣсится; онъ, вѣрно, еще не знаетъ, что я женюсь, и на комъ!... Надо убраться, чтобъ не сдѣлаться жертвою перваго пыла. (*Громко*). Мнѣ не хочется теперь встрѣтиться съ Арбенинымъ. Вы его знаете...

Княжна Софья (*кинувъ на него косвенный взглядъ*).

Это правда!

Бѣлинскій.

Итакъ, прощайте! (*Уходитъ въ кабинетъ*).

Наташа.

Невольный трепетъ пробѣгаетъ по мнѣ, сердце бьется... Отчего? Отчего этотъ человѣкъ, котораго я уже не люблю, все еще имѣетъ на меня такое вліяніе? Но, можетъ быть, любовь къ нему не совсѣмъ погасла въ моемъ сердцѣ? Можетъ быть, одно воображеніе отвлекло меня отъ него на время? Однако, что бы ни было, я должна, я хочу показать ему холодность; я дала Бѣлинскому слово, онъ будетъ моимъ мужемъ, и Арбенина должна удалить. Это будетъ мнѣ легко. *(Задумывается).*

Княжна Софья.

Слава Богу! *(Про себя).* Я думала, что этотъ Бѣлинскій не мучимъ совѣстью... теперь я вижу совсѣмъ противное. Онъ боялся встрѣтить взоръ обманутаго имъ человѣка. Такъ, онъ виновнѣе меня!... Я замѣтила смущеніе въ его чертахъ. Пускай бѣжитъ... Ему ли убѣжать отъ неизбѣжнаго наказанія небесъ? *(Удаляется въ глубину театра. Владиміръ, блѣдный, выходитъ изъ гостиной; онъ и Наташа долго стоятъ неподвижны).*

Наташа.

Что скажете новаго?

Владиміръ.

Говорятъ, вы выходите замужъ.

Наташа.

Это для меня не ново...

Владиміръ.

Я вамъ желаю счастья.

Наташа.

Покорно васъ благодарю.

Владиміръ.

Такъ это точно, точно правда?

Наташа.

Что жъ удивительнаго?

Владиміръ *(помолчавъ).*

Вы не будете счастливы.

Наташа.

Почему же?

Владиміръ.

Я слыхалъ, что свадьбы, которыя бываютъ въ одинъ день съ похоронами, несчастливы.

Наташа.

Ваши пророчества очень печальны; впрочемъ, всякій день кто-нибудь да умираетъ въ мірѣ, итакъ...

Владиміръ.

Послушайте, скажите мнѣ по чести: это шутка или нѣтъ?

Наташа.

Нѣтъ.

Владиміръ.

Подумайте хорошенько... Клянусь Богомъ, я теперь не въ состояніи принимать такія шутки. Въ васъ есть жалость!... Послушайте: я потерялъ мать, ангела; отвергнутъ отцомъ; я потерялъ все, кромѣ одной искры надежды! Одно слово—и она погаснетъ! Вотъ какая у васъ власть... Я пришелъ сюда, чтобы провести одну спокойную, счастливую минуту... что пользы вамъ лишать меня изъ шутки такой минуты?

Наташа.

Я не думала шутить... Я очень понимаю, какъ ваше несчастіе велико; я бы достойна была презрѣнія, еслибъ могла съ вами шутить теперь. Нѣтъ, вы имѣете право на уваженіе и состраданіе всякаго!

Владиміръ
(смотритъ на нее нѣсколько времени).

Помните ли, давно-давно тому назадъ, я привезъ вамъ стихи, въ которыхъ просилъ защитить противъ злословій свѣта... и вы обѣщали мнѣ; съ тѣхъ поръ я вамъ вѣрю, какъ Богу! съ тѣхъ поръ я васъ люблю больше Бога! О, какимъ голосомъ было сказано это „обѣщаю!"—и я тогда же въ душѣ произнесъ клятву вѣчно любить васъ. Вѣчно! на языкѣ другого это слово мало значитъ... но я поклялся любить васъ вѣчно, поклялся самому себѣ, а клятва благороднаго человѣка неизмѣнна, какъ воля Творца... Отвѣчайте мнѣ, скажите мнѣ одно не слишкомъ холодное слово... солгите... и я буду доволенъ. Что стоитъ одно слово?... Оно спасетъ человѣка отъ отчаянія.

Наташа *(въ сторону).*

Что мнѣ дѣлать? Мысли мои разсѣяны. О! зачѣмъ, зачѣмъ нельзя изгладить нѣсколько дней моей жизни, возвратиться къ прежнему?... Я могла бы отвѣчать ему!... онъ такъ жалокъ!... Я его не люблю, но мнѣ какъ то страшно его огорчить...

Владиміръ.

Женщина... ты колеблешься? Послушай: еслибъ изсохшая отъ голода собака приползла къ твоимъ ногамъ съ жалобнымъ визгомъ и движеньями, изъявляющими жестокія муки, и у тебя бы былъ хлѣбъ,—

ужели ты не отдала бы ей, прочитавъ голодную смерть во впаломъ взорѣ, хотя бы этотъ кусокъ хлѣба назначенъ былъ совсѣмъ для другого употребленья? Такъ я прошу у тебя одного слова любви!...

Наташа *(помолчавъ, значительно).*

Я выхожу замужъ за Бѣлинскаго! *(Софья, которая издали смотрѣла, уходитъ поспѣшно).*

Владимiръ.

Онъ? Онъ?... Какъ?... Стало быть, мои подозрѣнія...

Наташа.

Чего вы испугались?

Владимiръ.

И я его назвалъ другомъ! Адъ и проклятье! Онъ мнѣ заплатитъ за каждую слезу, которую пролилъ я на предательскую грудь... онъ мнѣ заплатитъ своей кровью! *(Хочетъ идти).*

Наташа.

Остановитесь! остановитесь! *(Онъ неподвиженъ).* Какое безумство! Такъ вотъ ваша привязанность ко мнѣ! Я люблю Бѣлинскаго. и вы хотите убить его! Опомнитесь! его смерть заставитъ меня ненавидѣть васъ!...

Владимiръ.

Тебѣ его жаль? Ты его любишь? Не вѣрю! нѣтъ, я не вѣрю! Тотъ, кто обманулъ друга, недостоинъ уваженія! Презрѣнье и любовь несовмѣстны!.. Моя рука тебя избавитъ отъ этой ехидны.

Наташа.

Владимiръ, останьтесь... я умоляю...

Владимiръ
(посмотрѣвъ на нее, со вздохомъ).

Хорошо! Что еще я долженъ сдѣлать?

Наташа.

Намъ не надобно больше видѣться. Я прошу, забудьте меня... это насъ обоихъ избавитъ отъ многихъ непріятностей. Мало ли есть разсѣяній для молодого человѣка? Вамъ понравится другая, вы женитесь... тогда мы снова увидимся, будемъ друзьями, будемъ проводить вмѣстѣ цѣлые дни радости... До тѣхъ поръ я прошу васъ забыть дѣвушку, которая не должна слушать вашихъ жалобъ!

Владимiръ.

Прекрасные совѣты! *(Ходитъ взадъ и впередъ; съ сухимъ смѣхомъ).* Въ какомъ романѣ... у какой героини вы переняли такія мудрыя

Наташа. — Намъ не надобно больше видѣться... Я прошу, забудьте меня! это насъ обоихъ избавитъ отъ многихъ непріятностей.

Рисун. худ. А. Якимченко.

(„Странный человѣкъ“, сцена XII).

увѣщанія?... Вы желали бы во мнѣ найти Вертера!... прелестная мысль... Кто бъ могъ ожидать?...

Наташа.

Разсудокъ вашъ то же говоритъ, что я, только вы его не хотите слушать.

Владиміръ.

Нѣтъ, я не стану мстить Бѣлинскому!—я ошибался. Я помню, онъ мнѣ часто говорилъ о разсудкѣ: они годятся другъ для друга... И что мнѣ за дѣло? Пускай себѣ живутъ да дѣтей наживаютъ; пускай закладываютъ деревни и покупаютъ другія,—вотъ ихъ занятія!... Ахъ! а я за одинъ ея веселый мигъ заплатилъ бы годами блаженства... А на что ей? Какая дѣтская глупость!

Наташа.

Мои слова непріятны вамъ; но правда, говорятъ, никому не нравится. Я сама вамъ теперь признаюсь, что вы, вашъ характеръ, вашъ умъ сдѣлали на меня сначала довольно сильное впечатлѣніе; но теперь обстоятельства перемѣнились, и мы должны разстаться: я люблю другого... Такъ я подамъ вамъ примѣръ,—я васъ забуду!...

Владиміръ.

Ты меня забудешь? ты? О, не думай: совѣсть вѣрнѣе памяти: не любовь, раскаяніе будетъ тебѣ напоминать обо мнѣ! Развѣ я повѣрю, чтобъ ты могла забыть того, кто бросилъ бы вселенную къ ногамъ твоимъ, еслибъ долженъ былъ выбирать вселенную или тебя! Бѣлинскій тебя не стоитъ; онъ не будетъ въ состояніи цѣнить твою любовь, твой умъ; онъ пожертвовалъ другомъ для... о, не для тебя!... деньги, деньги—вотъ его божество!... и тебя принесетъ онъ имъ въ жертву! Тогда ты проклянешь свою легковѣрность... и тотъ часъ, тотъ часъ... въ который подала мнѣ пагубныя надежды... и создала земной рай для моего сердца, чтобы лишить меня небеснаго!...

Наташа.

Еще разъ говорю вамъ: перестаньте! Вы слишкомъ вольно говорите. *(Помолчавъ)*. Мы не должны больше видѣться. Какая вамъ охота смущать семейственную тишину? Этотъ мгновенный пылъ пройдетъ, а послѣ—послѣ мы будемъ друзьями...

Владиміръ.

Не слишкомъ ли вы полагаетесь на свою добродѣтель? Нѣтъ, я не способенъ жить остатками сокровища, принадлежащаго другому!... Что осмѣлились вы предложить мнѣ? Создатель! теперь я вѣрю, что демоны были прежде ангелами.

Наташа.

Господинъ Арбенинъ, ваше упрямство, ваши дерзости нестерпимы! Вы несносны!

Владимiръ.

Отчего вы прежде со мною такъ не говорили?

Наташа.

Вы правы: я смѣшна, глупа... Какъ хотѣть, чтобъ сумасшедшiй поступалъ, какъ разсудительный человѣкъ!... Оставляю васъ, и, признаюсь, раскаиваюсь въ первый и послѣднiй разъ въ томъ, что хотѣла кого-нибудь утѣшить! Вы пренебрегли всѣ приличiя, и я не намѣрена терпѣть долѣе. *(Уходитъ; но останавливается въ глубинѣ театра и смотритъ на него).*

Владимiръ.

Богъ, Богъ! во мнѣ отнынѣ къ Тебѣ нѣтъ ни любви, ни вѣры!... Но не наказывай меня за мятежное роптанье... Ты. Ты Самъ нестерпимою пыткой вымучилъ эти хулы... Зачѣмъ Ты далъ мнѣ огненное сердце, которое любитъ до крайности и не умѣетъ такъ же ненавидѣть! Ты виновенъ! пускай Твой громъ упадетъ на мою непокорную голову! я не думаю, чтобъ послѣднiй вопль погибающаго червя могъ Тебя порадовать... *(Въ это время взошелъ Бѣлинскiй. Наташа говоритъ ему что то на ухо, съ видомъ просьбы, и уходитъ. Онъ смотритъ издали. Владимiръ ломаетъ себѣ руки).* Эти нѣжныя губы, этотъ очаровательный голосъ, улыбка, глаза, все, все это для меня стало ядъ! Какъ можно подавать надежды, только чтобы имѣть удовольствiе лишнiй разъ обмануть ихъ! *(Обтираетъ глаза и лобъ).* Женщина, стоишь ли ты этихъ кровавыхъ слезъ? *(Бѣлинскiй подходитъ).*

Бѣлинскiй.

Владимiръ! *(Въ сторону).* Мнѣ должно умаслить, уговорить, а то онъ, чортъ знаетъ чего, надѣлать радъ! Наташа правду говоритъ: онъ только въ первыя минуты бѣшенства опасенъ. *(Громко).* Владимiръ!

Владимiръ *(не оборачиваясь).*

Что?

Бѣлинскiй.

Ты на меня сердитъ?

Владимiръ.

Нѣтъ.

Бѣлинскiй.

О, я вижу, что ты сердитъ; но развѣ не она сама выбирала?

Владимiръ *(все не оборачиваясь).*

Разумѣется.

Бѣлинскій.

Время тебя вылѣчитъ.

Владиміръ.

Не знаю. *(Голосъ его дрожитъ).*

Бѣлинскій.

Арбенинъ! я вижу по всему: ты ужасно на меня сердитъ. Повѣрь, я тебя знаю очень хорошо, я проникъ всѣ движенья твоего сердца и даже иногда скорѣе объясню твои поступки, чѣмъ свои собственные.

Владиміръ.

Ты знаешь меня? Ты говоришь это! *(Со смѣхомъ).* Если такъ, то Павелъ Васильевичъ Бѣлинскій первѣйшій глупецъ или первѣйшій злодѣй въ свѣтѣ!

Бѣлинскій.

Скорѣй первое, чѣмъ послѣднее.

Владиміръ.

Поздравляю.

Бѣлинскій.

Ну, посуди самъ: развѣ я не имѣлъ одинакаго права съ тобой на ея руку? Ты, братецъ, эгоистъ! Вѣрь мнѣ, твоя печаль — одно оскорбленное самолюбіе.

Владиміръ.

Мнѣ... вѣрить тебѣ?...

Бѣлинскій.

Развѣ я употребляю во зло твою довѣренность? развѣ я открылъ какую-нибудь изъ твоихъ тайнъ? Загорскина прежде любила тебя, положимъ, а теперь моя очередь. Зачѣмъ ты тогда на ней не женился?...

Владиміръ.

Я совѣтую оставить меня; не надѣйся на мое хладнокровіе! Я хотѣлъ, готовъ былъ тебѣ отомстить, упиться твоей кровью... кровью! слышишь ли? и я тебѣ прощаю, и ни въ чемъ не виню, только оставь меня. Я не могу отвѣчать на твои искреннія ласки! *(Смѣется дико).* Теперь я свободенъ. Никто... никто... ровно, положительно никто не дорожитъ мною на землѣ... слышишь? Это ты сдѣлалъ. Не пугайся, не раскаивайся. Что за важность? Я лишній! Ты искусный, осторожный, умный человѣкъ! Замѣтилъ, что дружба меня изнѣжила, что надежда избаловала, и однимъ ударомъ отнялъ все. Бѣлинскій! кажется, у меня теперь ничего ужъ нѣтъ завиднаго?

Бѣлинскій.

Ты не прощаешь мнѣ? эта холодность, эта язвительная улыбка...

Владиміръ.

О, ты слишкомъ хорошо обо мнѣ думалъ; съ нѣкоторыхъ поръ я тебѣ ничѣмъ не обязанъ... мои долги тебѣ заплачены, денежные и другіе...

Бѣлинскій.

Итакъ, ты у меня совершенно отнялъ свое сердце? Ужели мы снова не можемъ сойтись, если я докажу...

Владиміръ.

На что?

Бѣлинскій.

Я заклинаю тебя.

Владиміръ *(въ сторону).*

Какая низость! и она можетъ, и я могъ его любить!...

Бѣлинскій.

Именемъ ея прошу тебя.

Владиміръ.

Полно, полно! развѣ можно что-нибудь еще у меня отнять?

Бѣлинскій *(сквозь зубы).*

Непреклонный! *(Ему).* Послушай, прости мнѣ. Теперь перемѣнить нельзя, но впередъ, даю тебѣ честное слово...

Владиміръ.

Довольно и одного раза!

Бѣлинскій.

Одумайся! Со временемъ...

Владиміръ *(въ сторону).*

Со временемъ, со временемъ... Всемогущій! какъ Ты позволилъ ей пожертвовать моей любовью для такого подлеца?...

Бѣлинскій.

И ты даже не хочешь выслушать опытнаго друга, который тебѣ желаетъ добра!...

Владиміръ *(внѣ себя).*

Боже!

Бѣлинскій.

Такъ! я не долженъ тебя оставлять: это—моя обязанность, и ты самъ будешь послѣ благодаренъ. Преступленіе было бы не удержать безумца на краю пропасти. *(Беретъ его за руку).* Пойдемъ къ

Воспоминаніе о Кавказѣ. Картина М. Ю. Лермонтова.

ней! Наташа смягчитъ твою горесть; ты мнѣ сказывалъ, что взоръ ея можетъ усмирять твою душевную бурю... пойдемъ къ ней! *(Хочетъ его увлечь; Владиміръ неподвиженъ съ минуту, потомъ вырываетъ буйно руку и бѣжитъ вонъ).* Остановись, остановись! *(Молчаніе).* Онъ ушелъ! Я исполнилъ желаніе моей невѣсты, а судьба исполнила мое! Но почему я не могъ дышать свободно въ его присутствіи? Вѣдь я правъ, и всѣ въ этомъ согласны. Арбенинъ—ребенокъ, который, испугавшись розги, бросается въ рѣку. Что за глупая ревность! онъ ненавидитъ меня и за то, что я больше его нравлюсь. Жалко, что столько способностей, ума подавлено безсмысленной страстью! и какъ не умѣть себѣ приказать? *(Княжна Софья входитъ).*

Княжна Софья.

Гдѣ Арбенинъ?

Бѣлинскій.

Ушелъ. Не слышитъ и не видитъ; какъ бѣшеный, бросился въ дверь.

Княжна Софья.

И вы его не удержали? И онъ все любитъ Наташу?

Бѣлинскій.

Больше, чѣмъ когда-нибудь.

Княжна Софья
(поблѣднѣвъ, упадаетъ въ кресла).
Итакъ, все напрасно!...

Бѣлинскій.
Что съ вами? Человѣкъ! эй, спирту! воды!

Княжна Софья.
Оставьте меня!

СЦЕНА XIII.

12-го мая.

(Эпилогъ).

Въ домѣ графа N. Много гостей; вечеръ; подаютъ чай.

1-й гость.
Слышали вы, графъ, новость? Завтра свадьба въ вашемъ приходѣ. Любопытны ли посмотрѣть?

Графъ.
Свадьба? чья, напримѣръ?

1-й гость.
Загорскина выходитъ замужъ за Бѣлинскаго.

1-я дама.
Вы знаете жениха?

2-й гость.
Знаю-съ.

1-я дама.
Онъ богатъ?

2-й гость.
Имѣетъ состояніе, слѣдовательно, и долги...

1-я дама.
Хорошъ собой?

2-й гость.
Молодецъ, только слишкомъ занимается своимъ лицомъ.

1-я дама.
Стало быть, занимается хорошимъ.

2-я дама.
А невѣста?

2-й гость.
Недурна, une figure piquante!

1-я дама (*къ другой*).

Ma chère! я слышала, она кокетка до невозможности.

2-й гость.

Она не одному Адамову внуку вскружила голову.

3-й гость.

Да! бѣдный Арбенинъ! Вы знаете, онъ сошелъ съ ума.

Многіе.

Какъ сошелъ съ ума? Молодой Арбенинъ? Мы не слыхали!

3-й гость.

Какъ же, отъ любви къ Загорскиной! Мнѣ разсказывали про жалкое состояніе Арбенина. Ему все кажется, что его куда то тащатъ: онъ прицѣпляется ко всему, какъ будто противится неизвѣстной силѣ; плачетъ и смѣется въ сдно время; зарыдаетъ и вдругъ захохочетъ. Иногда онъ узнаетъ окружающихъ, всѣхъ, кромѣ отца, и все его ищетъ; иногда начинаетъ укорять его въ какомъ то убійствѣ.

2-й гость.

Я бъ желалъ знать, откуда у помѣшанныхъ берутся подобныя мысли?

3-й гость.

Я слыхалъ, что онъ былъ величайшій негодяй. Удивительно, что почти всегда честные отцы имѣютъ дурныхъ сыновей.

4-й гость.

Да, Павелъ Григоричъ — человѣкъ почтенный во всѣхъ отношеніяхъ.

3-й гость (*полунасмѣшливо*).

Онъ хотѣлъ сына своего отдать въ сумасшедшій домъ, но ему отсовѣтовали. И въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, приписали бы это къ скупости.

2-я дама.

И Загорскину не мучитъ совѣсть?

3-й гость.

Про то знаетъ ея духовникъ.

1-й гость.

Неужели нельзя вылѣчить Арбенина? Можетъ быть, тутъ есть какія-нибудь физическія причины. Странно! съ ума сойти отъ любви?!

3-й гость.

Если это странно вамъ, то я желалъ бы, чтобъ одна изъ этихъ дамъ взяла на себя трудъ доказать вамъ противное.

1-й гость.

Но я говорю про Арбенина. Онъ, который часто въ обществѣ казался такъ веселъ, такъ беззаботенъ, какъ будто сердце его было мыльный пузырь!...

3-й гость.

Вы, конечно, не ученикъ Ляфатера? Впрочемъ, если онъ и показывался иногда веселымъ, то это была только личина. Какъ видно изъ его бумагъ и поступковъ, онъ имѣлъ характеръ пылкій, душу безпокойную, и какая то глубокая печаль отъ самаго дѣтства его терзала. Богъ знаетъ, отчего она произошла! Его сердце созрѣло прежде ума. Онъ узналъ дурную сторону свѣта, когда еще не могъ остеречься отъ его нападеній, ни равнодушно переносить ихъ. Его насмѣшки не дышали веселостію; въ нихъ видна была горькая досада противъ всего человѣчества! Правда, были минуты, когда онъ предавался всей добротѣ своей. Обида малѣйшая приводила его въ бѣшенство, особливо когда трогала самолюбіе. У него нашли множество тетрадей, гдѣ отпечаталось все его сердце; тамъ стихи и проза, есть глубокія мысли и огненныя чувства. Я увѣренъ, что еслибъ страсти не разрушили его такъ скоро, то онъ могъ бы сдѣлаться однимъ изъ лучшихъ нашихъ писателей: въ его опытахъ виденъ геній...

2-я дама.

По мнѣ, такъ сумасшедшие очень счастливы: ни о чемъ не заботятся, не думаютъ, не грустятъ, ничего не желаютъ, не боятся...

3-й гость.

А почему вы это знаете? Они только не могутъ помнить и пересказывать своихъ чувствъ, отъ этого ихъ муки еще ужаснѣе. У нихъ душа не лишается природныхъ способностей, но органы, которые выражали ощущенія души, ослабѣваютъ, приходятъ въ разстройство отъ слишкомъ сильнаго напряженія. Въ ихъ головѣ всегдашній хаосъ. Одна только полусвѣтлая мысль неподвижна; вокругъ нея вертятся всѣ другія съ совершенномъ безпорядкѣ. Это происходитъ отъ мгновеннаго потрясенія всѣхъ нервовъ, всего физическаго состава, которое, вѣрно, нелегко для человѣка. Развѣ блѣдныя щеки, впалые, мутные глаза признаки счастья? Посмотрите очень близко на картину, и вы ничего не различите; краски сольются передъ глазами вашими. Такъ точно люди, которые слишкомъ близко взглянули на жизнь, ничего болѣе не могутъ въ ней разобрать; и если они еще сохраняютъ въ себѣ что-нибудь отъ сей жизни, то это одна смутная память о прошедшемъ. Чувство настоя-

щаго и надежда для нихъ не существуетъ. Такое состоянiе люди называютъ сумасшествiемъ и смѣются надъ его жертвами! *(Между тѣмъ многiе разошлись).*

2-й гость *(другому).*

А я зѣваю!

4-й гость *(тихо).*

Къ чему это ораторство? Познанiя свои, что ли, онъ хочетъ показать?

5-й гость.

(Онъ—молодой человѣкъ, лѣтъ 19. Подходитъ къ третьему гостю).

Сдѣлайте милость, нельзя ли вамъ достать мнѣ что-нибудь изъ сочиненiй Арбенина?

3-й гость.

Съ удовольствiемъ, если можно будетъ.

(Входитъ слуга и подаетъ билетъ графу, который кончилъ играть).

Слуга.

Отъ Павла Григорича Арбенина! *(Уходитъ. Всѣ въ изумленiи).*

Многiе *(межъ собой).*

Что это значитъ?

3-й гость.

Съ черною каймой... приглашенiе на похороны.

Графъ.

А вотъ увидимъ! *(Надѣваетъ очки и читаетъ вслухъ).* „Павелъ Григорьевичъ Арбенинъ съ душевнымъ прискорбiемъ извѣщаетъ о кончинѣ сына своего Владимiра Павловича Арбенина, послѣдовавшей сего мая 11-го дня, пополудни, покорнѣйше проситъ пожаловать на выносъ тѣла въ собственный домъ, мая 13-го дня, пополуночи въ десятомъ часу. Отпѣванiе въ приходской церкви“... etc.

3-й гость *(про себя).*

Каково! похороны въ одинъ день съ свадьбой Загорскиной.

Нѣкоторые.

Боже мой! какая жалость!

2-я дама.

Бѣдный отецъ!

5-й гость.

Бѣдный молодой человѣкъ! онъ могъ бы еще вылѣчиться.

3-я дама *(къ третьему гостю).*

Не правда ли, какая жалость?

3-й гость *(въ сторону).*

Теперь жалѣютъ! Къ погибшимъ люди справедливы! но что въ этомъ сожалѣньи? Одна слеза дружбы стоитъ всѣхъ восклицаній толпы! Но такая слеза едва ли упадетъ на могилу Арбенина: онъ оставилъ угрызенія совѣсти въ сердцахъ, гдѣ поселить желалъ любовь!

Одна старуха.

Вотъ, чай, пышныя будутъ похороны! вѣдь единственный сынъ.

3-й гость *(одному изъ гостей).*

Мнѣ кажется, что старухи любятъ говорить о погребеніяхъ для того только, чтобы пріучиться къ мысли: „скоро и насъ потащатъ въ тѣсную могилу!“

1-й гость.

Забудемъ мертвыхъ, Богъ съ ними!

3-й гость.

Если всѣ такъ станутъ думать, то—горе великимъ людямъ!

1-й гость.

Я надѣюсь, что вашъ Арбенинъ не великій человѣкъ... Онъ былъ странный человѣкъ.—Вотъ все!

(Третій гость пожимаетъ плечами и отходитъ прочь).

Москва. 1831 г.

1834 1835 г.г.

МАСКАРАДЪ

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Арбенинъ, Евгеній Александровичъ.
Нина, жена его.
Князь Звѣздичъ.
Баронесса Штраль.
Казаринъ, Аѳанасій Павловичъ.
Шприхъ, Адамъ Петровичъ.
Маска.
Чиновникъ.
Игроки.
Гости.
Слуги и служанки.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Выходъ первый. Игроки, кн. Звѣздичъ, Казаринъ и Шприхъ.
(За столомъ мечутъ банкъ и понтируютъ. Кругомъ стоятъ).

1-й понтеръ.

Иванъ Ильичъ, позвольте мнѣ поставить.

Банкометъ.

Извольте.

1-й понтеръ.

Сто рублей.

Банкометъ.

Идетъ.

2-й понтеръ.

Ну, добрый путь!

3-й понтеръ.

Вамъ надо счастіе поправить,
А семпелями плохо.

4-й понтеръ.

Надо гнуть.

3-й понтеръ.

Пусти.

2-й понтеръ.

На все?... Нѣтъ, жжется!

4-й понтеръ.

Послушай, милый другъ: кто нынече не гнется,
Ни до чего тотъ не добьется.

3-й понтеръ *(тихо 1-му)*.

Смотри во всѣ глаза.

Князь Звѣздичъ.

Ва-банкъ!

2-й понтеръ.

Эй, князь!
Гнѣвъ только портитъ кровь,—играйте не сердясь.

Князь.

На этотъ разъ оставьте хоть совѣты.

Банкометъ.

Убита.

Князь.

Чортъ возьми!

Банкометъ.

Позвольте получить.

2-й понтеръ *(насмѣшливо)*.

Я вижу, вы въ пылу готовы все спустить.
Что̀ стоятъ ваши эполеты?

„Эй, князь! Гнѣвъ только портитъ кровь,—играйте не сердясь". Рисун. худ. Л. О. Пастернака.

Князь.

Я съ честью ихъ досталъ, и вамъ ихъ не купить.

2-й понтеръ (*сквозь зубы, уходя*).

Скромнѣй бы надо быть
Съ такимъ несчастіемъ и въ ваши лѣты.

(Князь, выпивъ стаканъ лимонада, садится къ сторонѣ и задумывается).

Шприхъ (*подходитъ съ участіемъ*).

Не нужно ль денегъ, князь? Я тотчасъ помогу.
Проценты вздорные... а ждать сто лѣтъ могу.

(Князь холодно кланяется и отворачивается. Шприхъ съ неудовольствіемъ уходитъ).

Выходъ второй. Арбенинъ и прочіе.

(Арбенинъ входитъ, кланяется, подходя къ столу, потомъ дѣлаетъ нѣкоторые знаки и отходитъ съ Казаринымъ).

Арбенинъ.

Ну, что? ужъ ты не мечешь?... а, Казаринъ?

Казаринъ.

Смотрю, братъ, на другихъ.
А ты, любезнѣйшій, женатъ, богатъ, сталъ баринъ,
И позабылъ товарищей своихъ!

Арбенинъ.

Да, я давно ужъ не былъ съ вами.

Казаринъ.

Дѣлами занятъ все?

Арбенинъ.

Любовью... не дѣлами.

Казаринъ.

Съ женой по баламъ?

Арбенинъ.

Нѣтъ.

Казаринъ.

Играешь?

Арбенинъ.

Нѣтъ... утихъ!
Но здѣсь есть новые. Кто это франтикъ?

Казаринъ.

Шприхъ.
Адамъ Петровичъ!... Я васъ познакомлю разомъ.
(Шприхъ подходитъ и кланяется).
Вотъ здѣсь пріятель мой, рекомендую вамъ,—
Арбенинъ.

Шприхъ.

Я васъ знаю.

Арбенинъ.

Помнится, что намъ
Встрѣчаться не случалось.

Шприхъ.

По разсказамъ.
И столько я о васъ слыхалъ того-сего,
Что познакомиться давнымъ-давно желаю.

Арбенинъ.

Про васъ я не слыхалъ, къ несчастью, ничего,
Но многое отъ васъ, конечно, я узнаю.
(Раскланиваются опять. Шприхъ, скорчивъ кислую мину, уходитъ).
Онъ мнѣ не нравится... Видалъ я много рожъ,
А этакой не выдумать нарочно:

Улыбка злобная, глаза—стеклярусъ точно;
Взглянуть—не человѣкъ, а съ чортомъ не похожъ.

Казаринъ.

Эхъ, братецъ мой, что̀ видъ наружный?
Пусть будетъ хоть самъ чортъ... да человѣкъ онъ нужный.
Лишь адресуйся—одолжитъ.
Какой онъ націи,—сказать не знаю смѣло:
На всѣхъ языкахъ говоритъ...
Вѣрнѣй всего, что жидъ.
Со всѣми онъ знакомъ, вездѣ ему есть дѣло,
Все помнитъ, знаетъ все, въ заботѣ цѣлый вѣкъ;
Былъ битъ не разъ; съ безбожникомъ—безбожникъ,
Съ святошей — езуитъ, межъ нами—злой картежникъ.
А съ честными людьми—пречестный человѣкъ.
Короче, ты его полюбишь, я увѣренъ.

Арбенинъ.

Портретъ хорошъ,—оригиналъ то скверенъ!
Ну, а вонъ тотъ высокій и въ усахъ,
И нарумяненный вдобавокъ?
Конечно, житель модныхъ лавокъ,
Любезникъ отставной, и былъ въ чужихъ краяхъ?
Конечно, онъ герой—не въ дѣлѣ,
И мастерски стрѣляетъ въ цѣль?

Казаринъ.

Почти... Онъ изъ полка̀ былъ выгнанъ за дуэль,
Или за то, что не былъ на дуэли:
Боялся быть убійцей, да и мать
Къ тому жъ строга; потомъ лѣтъ черезъ пять
Былъ вызванъ онъ опять,
И тутъ дрался ужъ въ самомъ дѣлѣ.

Арбенинъ.

А этотъ маленькій каковъ?
Растрепанный, съ улыбкой откровенной,
Съ крестомъ и табакеркою?

Казаринъ.

Трущовъ.
О! малый онъ неоцѣненный!
Семь лѣтъ онъ въ Грузіи служилъ,
Иль посланъ былъ туда съ какимъ то генераломъ.
Изъ-за угла кого то тамъ хватилъ;

Пять лѣтъ за то былъ подъ началомъ
И крестъ на шею получилъ.

Арбенинъ.

Да! вы разборчивы на новыя знакомства.

Игроки *(кричатъ)*.

Казаринъ! Аѳанасій Павловичъ! сюда!.

Казаринъ.

Иду! *(Съ притворнымъ участіемъ)*.
Примѣръ ужасный вѣроломства!
Ха-ха-ха-ха!

1-й понтеръ.

Скорѣй!

Казаринъ.

Какая тамъ бѣда?

(Живой разговоръ между игроками, потомъ успокаиваются. Арбенинъ замѣчаетъ князя Звѣздича и подходитъ).

Арбенинъ.

Князь! какъ, вы здѣсь? ужель не въ первый разъ?

Князь *(недовольно)*.

Я то же самое хотѣлъ спросить у васъ.

Арбенинъ.

Я вашъ отвѣтъ предупрежу, пожалуй.
Я здѣсь давно знакомъ и часто здѣсь, бывало,
Смотрѣлъ съ волненіемъ нѣмымъ,
Какъ колесо вертѣлось счастья:
Одинъ былъ вознесенъ, другой раздавленъ имъ.
Я не завидовалъ, но и не зналъ участья.
Видалъ я много юношей, надеждъ
И чувства полныхъ, счастливыхъ невѣждъ
Въ наукѣ жизни, пламенныхъ душою,
Которыхъ прежде цѣль была одна любовь...
Они погибли быстро предо мною...
И вотъ мнѣ суждено увидѣть это вновь!

Князь

(съ чувствомъ беретъ его за руку).

Я проигрался!

Арбенинъ.

Вижу. Что жъ? Топиться?

„Видалъ я много юношей, надеждъ“. Рисун. худ. Л. О. Пастернака.

Князь.

О, я въ отчаяньи!

Арбенинъ.

Два средства только есть:
Дать клятву за игру во-вѣки не садиться,
Или опять сейчасъ же сѣсть.
Но, чтобы здѣсь выигрывать рѣшиться,
Вамъ надо кинуть все: родныхъ, друзей и честь;
Вамъ надо испытать, ощупать безпристрастно
Свои способности и душу; по частямъ
Ихъ разобрать; привыкнуть ясно
Читать на лицахъ, чуть знакомыхъ вамъ,
Всѣ побужденья, мысли; годы
Употребить на упражненье рукъ;
Все презирать: законъ людей, законъ природы;

День думать, ночь играть, отъ мукъ не знать свободы,
И чтобъ никто не понялъ вашихъ мукъ!
Не трепетать, когда близъ васъ искусствомъ равный:
Удачи каждый мигъ постыдный ждать конецъ
И не краснѣть, когда вамъ скажутъ явно:
„Подлецъ!“
(Молчаніе. Князь едва его слушалъ и былъ въ волненіи).

Князь.

Не знаю, какъ мнѣ быть, что дѣлать?

Арбенинъ.

Что хотите.

Князь.

Быть можетъ, счастіе...

Арбенинъ.

О, счастія здѣсь нѣтъ!

Князь.

Я все вѣдь проигралъ... Ахъ, дайте мнѣ совѣтъ!

Арбенинъ.

Совѣтовъ не даю.

Князь.

Ну, сяду...

Арбенинъ *(вдругъ беретъ его за руку).*

Погодите!
Я сяду вмѣсто васъ. Вы молоды—я былъ
Неопытенъ когда то и моложе,
Какъ вы заносчивъ, опрометчивъ тоже,
И еслибъ... *(останавливается)* кто-нибудь меня остановилъ,
То... *(Смотритъ на него пристально).*
(Перемѣнивъ тонъ). Дайте мнѣ на счастье руку смѣло,
А остальное ужъ не ваше дѣло!
(Подходитъ къ столу; ему даютъ мѣсто).
Не откажите инвалиду!
Хочу я испытать, что скажетъ мнѣ судьба,
И дастъ ли нынѣшнимъ поклонникамъ въ обиду
Она стариннаго раба?

Казаринъ.

Не вытерпѣлъ... зажглося ретивое...
(Тихо). Ну, не ударься въ грязь лицомъ
И докажи имъ, что̀ такое
Возиться съ прежнимъ игрокомъ.

Игроки.

Извольте, вамъ и книги въ руки; вы хозяинъ,
Мы гости.

1-й понтеръ. *(на ухо второму).*

Берегись, имѣй теперь глаза!
Не по нутру мнѣ этотъ Ванька Каинъ,
И притузитъ онъ моего туза. *(Игра начинается. Всѣ толпятся вокругъ стола; иногда разные возгласы. Въ продолженіе слѣдующаго разговора многіе мрачно отходятъ отъ стола).*

(Шприхъ отводитъ на авансцену Казарина).

Шприхъ *(лукаво).*

Столпились въ кучку всѣ; кажись, нашла гроза.

Казаринъ.

Задастъ онъ имъ на мѣсяцъ страху!

Шприхъ.

Видно,
Что мастеръ.

Казаринъ.

Былъ.

Шприхъ.

Былъ? А теперь?

Казаринъ.

Теперь?...
Женился и богатъ, сталъ человѣкъ солидный;
Глядитъ ягненочкомъ, а, право, тотъ же звѣрь...
Мнѣ скажутъ: можно отучиться,
Натуру побѣдить.—Дуракъ, кто говоритъ!
Пусть ангеломъ и притворится,
Да чортъ то все въ душѣ сидитъ.
И ты, мой другъ *(ударивъ по плечу),* хоть передъ нимъ ребенокъ,
А и въ тебѣ сидитъ чертенокъ.

(Два игрока въ живомъ разговорѣ подходятъ).

1-й игрокъ.

Я говорилъ тебѣ.

2-й игрокъ.

Что дѣлать, братъ!
Нашла коса на камень, видно...
Я ль не хитрилъ?! нѣтъ, всѣхъ какъ наподрядъ!
Подумать стыдно...

Казаринъ *(подходитъ).*

Что, господа, иль не подъ силу?—а?

1-й игрокъ.

Арбенинъ вашъ—мастакъ.

Казаринъ.

И! что вы, господа!

(Волненье у стола между игроками).

3-й понтеръ.

Да этакъ онъ загнетъ, пожалуй, тысячъ на сто.

4-й понтеръ *(въ сторону).*

Обрѣжется...

5-й понтеръ.

Посмотримъ.

Арбенинъ *(встаетъ).*

Баста!

(Беретъ золото и отходитъ; другіе остаются у стола. Казаринъ и Шприхъ также у стола. Арбенинъ молча беретъ за руку князя и отдаетъ ему деньги. Арбенинъ блѣденъ).

Князь.

Ахъ, никогда мнѣ это не забыть!...
Вы жизнь мою спасли...

Арбенинъ.

И деньги ваши тоже.
(Горько). А, право, трудно разрѣшить,
Которое изъ этихъ двухъ дороже.

Князь.

Большую жертву вы мнѣ сдѣлали.

Арбенинъ.

Ничуть!
Я радъ былъ случаю, чтобъ кровь привесть въ волненье,
Тревогою опять наполнить умъ и грудь.
Я сѣлъ играть, какъ вы пошли бы на сраженье.

Князь.

Но проиграться вы могли.

Арбенинъ.

Я? нѣтъ!... Тѣ дни блаженные прошли!
Я вижу все насквозь, всѣ тонкости ихъ знаю,
И вотъ зачѣмъ я нынче не играю.

Князь.

Вы избѣгаете признательность мою...

Арбенинъ.

По чести вамъ сказать, ее я не терплю.
Ни въ чемъ и никому я не былъ въ жизнь обязанъ;
И если я кому платилъ добромъ,
То все не потому, чтобъ былъ къ нему привязанъ,
А просто—видѣлъ пользу въ томъ.

Князь.

Я вамъ не вѣрю.

Арбенинъ.

Кто велитъ вамъ вѣрить?
Я къ этому привыкъ съ давнишнихъ поръ.
И если бы не лѣнь, то сталъ бы лицемѣрить...
Но кончимъ этотъ разговоръ.
(Помолчавъ). Разсѣяться бъ и вамъ и мнѣ нехудо...
Вѣдь нынче праздники и, вѣрно, маскарадъ
У Энгельгардта.

Князь.

Да.

Арбенинъ.

Поѣдемте.

Князь.

Я радъ.

Арбенинъ *(въ сторону).*

Въ толпѣ я отдохну.

Князь.

Тамъ женщины есть—чудо!...
И даже тамъ бываютъ, говорятъ...

Арбенинъ.

Пусть говорятъ, а намъ какое дѣло?
Подъ маской всѣ чины равны;
У маски ни души, ни званья нѣтъ,—есть тѣло;
И если маскою черты утаены,
То маску съ чувствъ снимаютъ смѣло. *(Уходятъ).*

Выходъ третій. Тѣ же, кромѣ Арбенина и князя Звѣздича.

1-й игрокъ.

Забастовалъ онъ кстати. Съ нимъ бѣда!...

2-й игрокъ.

Хотя бъ опомниться онъ далъ, по крайней мѣрѣ.

Слуга *(входитъ)*.

Готово ужинать.

Хозяинъ.

Пойдемте, господа!
Шампанское утѣшитъ васъ въ потерѣ. *(Уходятъ)*.

Шприхъ *(одинъ)*.

Съ Арбенинымъ сойтиться я хочу...
И даромъ ужинать желаю. *(Приставивъ палецъ ко лбу)*.
Отужинаю здѣсь... кой-что еще узнаю
И въ маскарадъ за ними полечу.
(Уходитъ и разсуждаетъ самъ съ собою).

СЦЕНА II.

МАСКАРАДЪ.

Выходъ первый. Маски, Арбенинъ, потомъ князь Звѣздичъ.
(Толпа проходитъ взадъ и впередъ по сценѣ. Налѣво канапе).

Арбенинъ *(входитъ)*.

Напрасно я ищу повсюду развлеченья.
Пестрѣетъ и жужжитъ толпа передо мной,
Но сердце холодно, и спитъ воображенье:
Они всѣ чужды мнѣ, и я имъ всѣмъ чужой!
(Князь подходитъ, зѣвая).
Вотъ нынѣшнее поколѣнье...
И то ль я былъ въ его лѣта, какъ погляжу?
Что, князь? не набрели еще на приключенье?

Князь.

Какъ быть? а цѣлый часъ хожу!

Арбенинъ.

А! вы желаете, чтобъ счастье васъ ловило.
Затѣя новая... пустить бы надо въ свѣтъ.

Князь.

Все маски глупыя...

Арбенинъ.

Да маски глупой нѣтъ:
Молчитъ—таинственна, а говоритъ—такъ мило.
Вы можете придать ея словамъ
Улыбку, взоръ, какіе вамъ угодно...
Вотъ, напримѣръ, взгляните тамъ—
Какъ выступаетъ благородно
Высокая турчанка... какъ полна!
Какъ дышитъ грудь ея и страстно и свободно!
Вы знаете ли, кто она?
Быть можетъ, гордая графиня иль княжна,
Діана въ обществѣ, Венера въ маскарадѣ;
И также можетъ быть, что эта же краса
Къ вамъ завтра вечеромъ придетъ на полчаса.
Въ обоихъ случаяхъ вы, право, не въ накладѣ. *(Уходитъ).*

Выходъ второй. Князь и женская маска.

(Одно домино подходитъ и останавливается. Князь стоитъ въ задумчивости).

Князь.

Все такъ! разсказывать легко!
Однако же, я все еще зѣваю...
Но вотъ идетъ одна... дай, Господи!
(Одна маска отдѣляется и ударивъ его по плечу).

Маска.

Я знаю
Тебя!

Князь.

И, видно, очень коротко.

Маска.

О чемъ ты размышлялъ,—и это мнѣ извѣстно.

Князь.

А въ этомъ случаѣ ты счастливѣй меня.
(Заглядываетъ подъ маску).
Но если не ошибся я,
То ротикъ у нея прелестный.

Маска.

Я нравлюся тебѣ?—тѣмъ хуже.

Князь.

Для кого?

Маска.

Для одного изъ насъ.

Князь.

Не вижу, отчего...
Ты предсказаніемъ меня не испугаешь,
И я хоть очень не хитеръ,
Но узнаю, кто ты...

Маска.

Такъ, стало быть, ты знаешь,
Чѣмъ кончится нашъ разговоръ?...

Князь.

Поговоримъ и разойдемся.

Маска.

Право?

Князь.

Налѣво ты, а я направо.

Маска.

Но ежели я здѣсь нарочно съ цѣлью той,
Чтобъ видѣться и говорить съ тобой;
Но если я скажу, что черезъ часъ ты будешь
Мнѣ клясться, что во-вѣкъ меня не позабудешь;
Что будешь радъ отдать мнѣ жизнь свою въ тотъ мигъ.
Когда я улечу, какъ призракъ безъ названья,
Чтобъ услыхать изъ устъ моихъ
Одно лишь слово: до свиданья!

Князь.

Ты маска умная, а тратишь много словъ.
Коль знаешь ты меня, скажи, кто я таковъ?

Маска.

Ты?—безхарактерный, безнравственный, безбожный,
Самолюбивый, злой, но слабый человѣкъ;
Въ тебѣ одномъ весь отразился вѣкъ,—
Вѣкъ нынѣшній, блестящій, но ничтожный.
Наполнить хочешь жизнь, а бѣгаешь страстей;
Все хочешь ты имѣть, а жертвовать не знаешь;
Людей безъ гордости и сердца презираешь,
А самъ игрушка тѣхъ людей.
О! знаю я тебя...

Князь.

Мнѣ это очень лестно.

Маска.

Ты сдѣлалъ много зла....

Князь.

Невольно, можетъ быть.

Маска.

Кто знаетъ? Только мнѣ извѣстно,
Что женщинѣ тебя не надобно любить.

Князь.

Я не ищу любви.

Маска.

Искать ты не умѣешь.

Князь.

Скорѣй—усталъ искать.

Маска.

Но если предъ тобой
Она появится и скажетъ вдругъ: ты мой!
Ужель безчувственнымъ остаться ты посмѣешь?

Князь.

Но кто жъ она?... конечно, идеалъ...

Маска.

Нѣтъ, женщина... а дальше—что за дѣло?

Князь.

Но покажи ее, пусть явится мнѣ смѣло.

Маска.

Ты хочешь многаго. Обдумай, что сказалъ.
(Нѣкоторое молчаніе).
Она не требуетъ ни вздоховъ, ни признанья,
Ни слезъ, ни просьбъ, ни пламенныхъ рѣчей,
. . . .
Но клятву дай оставить всѣ старанья
Развѣдать, кто она... и обо всемъ
Молчать...

Князь.

Клянусь землей и небесами
И честію моей...

Маска.

Смотри жъ! Теперь пойдемъ.
И помни, шутокъ нѣтъ межъ нами... *(Уходятъ подъ руку).*

Выходъ третій. Арбенинъ и двѣ маски.

(Арбенинъ тащитъ за руку мужскую маску).

Арбенинъ.

Вы мнѣ вещей наговорили
Такихъ, сударь, которыхъ честь
Не позволяетъ перенесть...
Вы знаете ль, кто я?

Маска.

Я знаю, кто вы были.

Арбенинъ.

Снимите маску... и сейчасъ!
Вы поступаете безчестно.

Маска.

Къ чему? Мое лицо вамъ такъ же неизвѣстно,
Какъ маска, и я самъ васъ вижу въ первый разъ.

Арбенинъ.

Не вѣрю. Что то слишкомъ вы меня боитесь.
Сердиться стыдно мнѣ. Вы трусъ; подите прочь!

Маска.

Прощайте же, но берегитесь:
Несчастье съ вами будетъ въ эту ночь. *(Исчезаетъ въ толпѣ).*

Арбенинъ.

Постой!... пропалъ!... Кто жъ онъ? Вотъ далъ мнѣ Богъ заботу!
Трусливый врагъ какой-нибудь,
А имъ вѣдь у меня нѣтъ счету.
Ха-ха-ха-ха! Прощай, пріятель, добрый путь!

Выходъ четвертый. Шприхъ и Арбенинъ. *(Шприхъ является).*

(На канапе сидятъ двѣ женскія маски, кто то подходитъ и интригуетъ, беретъ за руку... одна вырывается и уходитъ; браслетъ спадаетъ съ руки).

Шприхъ.

Кого вы такъ безжалостно тащили,
Евгеній Александровичъ?

Арбенинъ.

Такъ, шутилъ
Съ пріятелемъ.

Шприхъ.

Конечно, пошутили
Вы не на шутку съ нимъ: онъ шелъ и васъ бранилъ.

Арбенинъ.

Кому?

Шприхъ.

Какой то маскѣ.

Арбенинъ.

Слухъ завидный
У васъ.

Шприхъ.

Я слышу все и обо всемъ молчу
И не въ свои дѣла не суюсь...

Арбенинъ.

Это видно.
Такъ, стало быть, не знаете... ну, какъ не стыдно!
Объ этомъ...

Шприхъ.

О чемъ это-съ?

Арбенинъ.

Да нѣтъ, я такъ... шучу...

Шприхъ.

Скажите!

Арбенинъ.

Говорятъ, у васъ жена красотка...

Шприхъ.

Ну-съ, что жъ?

Арбенинъ *(перемѣнивъ тонъ).*

А ѣздитъ къ вамъ тотъ смуглый и въ усахъ?

(Насвистываетъ пѣсню и уходитъ).

Шприхъ *(одинъ).*

Чтобъ у тебя засохла глотка!...
Смѣешься надо мной... такъ будешь самъ въ рогахъ.

(Теряется въ толпѣ).

Выходъ пятый. 1-я маска *(одна).*

(Первая маска входитъ быстро, въ волненіи, и падаетъ на канапе).

Ахъ!... я едва дышу... онъ все бѣжитъ за мною.
Что, если бы онъ сòрвалъ маску... нѣтъ,

Онъ не узналъ меня... да и какой судьбою
Подозрѣвать, что женщина, которой свѣтъ
Дивится съ завистью, въ пылу самозабвенья
Къ нему на шею кинется, моля
Дать ей два сладкія мгновенья,
Не требуя любви, но только сожалѣнья,
И дерзко скажетъ: я твоя!
Онъ этой тайны вѣчно не узнаетъ...
Пускай... я не хочу... но онъ желаетъ
На память у меня какой-нибудь предметъ,
Кольцо... что дѣлать!... рискъ ужасный!
(Видитъ на землѣ браслетъ и поднимаетъ).
Вотъ счастье! Боже мой! потерянный браслетъ
Съ эмалью, золотой... отдамъ ему... Прекрасно!...
Пусть ищетъ съ нимъ меня.

Выходъ шестой. Первая маска и князь Звѣздичъ.
(Князь съ лорнетомъ торопливо пробирается).

Князь.

Такъ точно... вотъ она!
Межъ тысячи другихъ теперь ее узнаю.
(Садится на канапе и беретъ ее за руку).
О, ты не убѣжишь...

Маска.

Я васъ не убѣгаю,
Чего хотите вы?

Князь.

Васъ видѣть.

Маска.

Мысль смѣшна!
Я передъ вами...

Князь.

Это шутка злая!
Но цѣль твоя шутить, а цѣль моя—другая...
И если мнѣ небесныя черты
Сейчасъ же не откроешь ты,
То я сорву коварную личину;
Я силою...

Маска.

Поймите же мужчину!...
Вы недовольны... Мало вамъ того,
Что я люблю васъ... нѣтъ, вамъ хочется всего,
Вамъ надо честь мою на поруганье,
Чтобъ, встрѣтившись со мной на балѣ, на гуляньѣ,

„Вотъ счастье! Боже мой! потерянный браслетъ". Рисун. худ. Л. О. Пастернака.

Могли бы вы со смѣхомъ разсказать
Друзьямъ смѣшное приключенье
И, разрѣшая ихъ сомнѣнье,
Промолвить: вотъ она! и пальцемъ указать.

Князь.

Я вспомню голосъ твой.

Маска.

Пожалуй, вотъ ужъ чудо!
Сто женщинъ говорятъ всѣ голосомъ такимъ;
Васъ пристыдятъ,—лишь адресуйтесь къ нимъ,
И это было бы нехудо!

Князь.

Но счастіе мое неполно.

Маска.

А какъ знать!
Вы, можетъ быть, должны судьбу благословлять
За то, что маску не хочу я снять.
Быть можетъ, я стара, дурна... Какую мину
Вы сдѣлали бы мнѣ!

Князь.

Ты хочешь испугать,
Но, зная прелестей твоихъ лишь половину,
Какъ остальныхъ не отгадать?

Маска *(хочетъ идти)*.

Прощай навѣки!

Князь.

О, еще мгновенье!
Ты ничего на память не оставишь? Нѣтъ
Въ тебѣ къ безумцу сожалѣнья?

Маска *(отойдя два шага)*.

Вы правы; жаль мнѣ васъ—возьмите мой браслетъ.

(Бросаетъ браслетъ на полъ; пока онъ его поднимаетъ, она скрывается въ толпѣ).

Выходъ седьмой. Князь, потомъ Арбенинъ.

Князь *(ищетъ ее глазами напрасно)*.

Я въ дуракахъ!.. есть отъ чего разсудка
Лишиться... *(Увидѣвъ Арбенина)*. А!

Арбенинъ *(идетъ задумчивъ)*.

Кто этотъ злой пророкъ?..
Онъ долженъ знать меня... и врядъ ли это шутка.

Князь *(подходя)*.

Мнѣ въ пользу послужилъ вашъ давишній урокъ.

Арбенинъ.

Душевно радуюсь.

Князь.

Но счастье налетѣло
Само собой.

„Но покажите-ка. Браслетъ довольно милъ". Рисун. худ. Л. О. Пастернака.

Арбенинъ.

Да, счастье вѣчно такъ.

Князь.

Лишь только я схватилъ и думалъ: кончилъ дѣло!
Какъ вдругъ *(дуетъ на ладонь)*... Теперь себя могу увѣрить смѣло,
Что если все не сонъ, такъ я большой дуракъ.

Арбенинъ.

Не знаю ничего, и потому не спорю.

Князь.

Да вы все шутите. Помочь нельзя ли горю?
Я все вамъ разскажу... *(Нѣсколько словъ на ухо).*
Какъ я былъ удивленъ!
Плутовка вырвалась... и вотъ *(показываетъ браслетъ)* какъ
будто сонъ!..
Конецъ прежалобный...

Арбенинъ *(улыбаясь).*

А начали нехудо...

. . . .

Но покажите-ка. Браслетъ довольно милъ,
И гдѣ то я видалъ такой же... погодите...
Да нѣтъ, не можетъ быть... забылъ...

Князь.

Гдѣ отыскать ее?..

Арбенинъ.

Любую подцѣпите:
Здѣсь много ихъ,—искать недалеко!

Князь.

Но если не она?

Арбенинъ.

А можетъ быть легко.
Но что же за бѣда?.. Вообразите...

Князь.

Нѣтъ, я ее сыщу на днѣ морскомъ; браслетъ
Поможетъ мнѣ.

Арбенинъ.

Ну, сдѣлаемъ два тура,
Но ежели она не вовсе дура,
То здѣсь ея давно простылъ и слѣдъ.

СЦЕНА III.

Выходъ первый. Евгеній Арбенинъ *(входитъ);* слуга.

Арбенинъ.

Ну, вотъ и вечеръ конченъ... Какъ я радъ!
Пора хотя на мигъ забыться.
Весь этотъ пестрый сбродъ, весь этотъ маскарадъ
Еще въ умѣ моемъ кружится.
И что же я тамъ дѣлалъ, не смѣшно ль?..
Давалъ любовнику совѣты,

Догадки повѣрялъ, сличалъ браслеты
И за другихъ мечталъ, какъ дѣлаютъ поэты.
Ей Богу, мнѣ такая роль
Ужъ не подъ лѣты!
(Слугѣ). Что, барыня пріѣхала домой?

Слуга.

Нѣтъ-съ.

Арбенинъ.

А когда же будетъ?

Слуга.

Обѣщала-съ
Въ двѣнадцатомъ часу.

Арбенинъ.

Теперь ужъ часъ второй;
Не ночевать же тамъ она осталась!

Слуга.

Не знаю-съ.

Арбенинъ.

Будто бы? Иди! свѣчу
Поставь на столъ. Какъ будетъ нужно, я вскричу.

(Слуга уходитъ; онъ садится въ кресла).

Выходъ второй.

Арбенинъ *(одинъ).*

Богъ справедливъ! и я теперь едва ли
Не осужденъ нести печали
За всѣ грѣхи минувшихъ дней.
Бывало, такъ меня чужія жены ждали,
Теперь я жду жены своей...
Въ кругу обманщицъ милыхъ я напрасно
И глупо юность погубилъ;
Любимъ былъ часто пламенно и страстно,
И ни одну изъ нихъ я не любилъ.
Романа не начавъ, я зналъ уже развязку;
И для другихъ сердецъ твердилъ
Слова любви, какъ няня сказку...
И тяжко стало мнѣ и скучно жить!
И кто то подалъ мнѣ тогда совѣтъ лукавой:
Жениться... чтобъ имѣть святое право
Ужъ ровно никого на свѣтѣ не любить,
И я нашелъ жену—покорное созданье.

Она была прекрасна и нѣжна;
Какъ агнецъ Божій на закланье,
Мной къ алтарю она приведена...
И вдругъ во мнѣ забытый звукъ проснулся;
Я въ душу мертвую свою
Взглянулъ... и увидалъ, что я ее люблю,
И, стыдно молвить,—ужаснулся!..
Опять мечты, опять любовь
Въ пустой груди бушуютъ на просторѣ;
Изломанный челнокъ, я снова брошенъ въ море!
Вернусь ли къ пристани я вновь?.. *(Задумывается).*

Выходъ третій. Арбенинъ и Нина.

(Нина входитъ на цыпочкахъ и цѣлуетъ въ лобъ сзади).

Арбенинъ.

Ахъ, здравствуй, Нина... наконецъ!
Давно пора.

Нина.

Неужели такъ поздно!

Арбенинъ.

Я жду тебя ужъ цѣлый часъ.

Нина.

Серьезно?
Ахъ, какъ ты милъ!

Арбенинъ.

А думаетъ—глупецъ!
Онъ ждетъ себѣ, а я...

Нина.

Ахъ, мой Творецъ!..
Да ты всегда не въ духѣ, смотришь грозно,
И на тебя ничѣмъ не угодишь:
Скучаешь ты со мною розно,
А встрѣтимся—ворчишь.
Скажи мнѣ просто: „Нина,
Кинь свѣтъ, я буду жить съ тобой
И для тебя. Зачѣмъ другой мужчина,
Какой-нибудь бездушный и пустой
Бульварный франтъ, затянутый въ корсетѣ,
Съ утра до вечера тебя встрѣчаетъ въ свѣтѣ,
А я лишь часъ какой-нибудь на дню

Могу сказать тебѣ два слова?“
Скажи мнѣ это,—я готова:
Въ деревнѣ молодость свою я схороню,
Оставлю балы, пышность, моду
И эту скучную свободу,
Скажи лишь просто мнѣ, какъ другу... Но къ чему
Меня воображеніе умчало?..
Положимъ, ты меня и любишь, но такъ мало,
Что даже не ревнуешь ни къ кому!

Арбенинъ *(улыбаясь)*.

Какъ быть? я жить привыкъ безпечно,
И ревновать смѣшно...

Нина.

Конечно.

Арбенинъ.

Ты сердишься?

Нина.

Нѣтъ, я благодарю.

Арбенинъ.

Ты опечалилась.

Нина.

Я только говорю,
Что ты меня не любишь.

Арбенинъ.

Нина!

Нина.

Что вы?

Арбенинъ.

Послушай. Насъ одной судьбы оковы
Связали навсегда... ошибкой, можетъ быть:
Не мнѣ и не тебѣ судить.

(Привлекаетъ къ себѣ на колѣна и цѣлуетъ).

Ты молода лѣтами и душою,
Въ огромной книгѣ жизни ты прочла
Одинъ заглавный листъ, и предъ тобою
Открыто море счастія и зла.
Иди любой дорогой,
Надѣйся и мечтай: вдали надежды много,
А въ прошломъ жизнь твоя бѣда!
Ни сердца своего, ни моего не зная,
Ты отдалася мнѣ и любишь,—вѣрю я,—

Но безотчетно чувствами играя
И рѣзвясь, какъ дитя.
Но я люблю иначе; я все видѣлъ,
Все перечувствовалъ, все понялъ, все узналъ;
Любилъ я часто, чаще ненавидѣлъ
И болѣе всего страдалъ.
Сначала все хотѣлъ, потомъ все презиралъ я;
То самъ себя не понималъ я,
То міръ меня не понималъ.
На жизни я своей узналъ печать проклятья
И холодно закрылъ объятья
Для чувствъ и счастія земли...
Такъ годы многіе прошли.
О дняхъ, отравленныхъ волненьемъ
Порочной юности моей,
Съ какимъ глубокимъ отвращеньемъ
Я мыслю на груди твоей!
Такъ, прежде я тебѣ цѣны не зналъ, несчастный;
Но скоро черствая кора
Съ моей души слетѣла, міръ прекрасный
Моимъ глазамъ открылся не напрасно;
И я воскресъ для жизни и добра.
Но иногда опять какой то духъ враждебный
Меня уноситъ въ бурю прежнихъ дней,
Стираетъ въ памяти моей
Твой свѣтлый взоръ и голосъ твой волшебный.
Въ борьбѣ съ собой, подъ грузомъ тяжкихъ думъ,
Я молчаливъ, суровъ, угрюмъ;
Боюся осквернить тебя прикосновеньемъ;
Боюсь, чтобы тебя не испугалъ ни стонъ,
Ни звукъ, исторгнутый мученьемъ,—
Тогда ты говоришь: меня не любитъ онъ!

(Она ласково смотритъ на него и проводитъ рукой по волосамъ).

Нина.

Ты странный человѣкъ! Когда краснорѣчиво
Ты про любовь свою разсказываешь мнѣ,
И голова твоя въ огнѣ,
И мысль твоя въ глазахъ сіяетъ живо,
Тогда всему я вѣрю безъ труда;
Но часто...

Арбенинъ.

Часто?..

Нина.

Нѣтъ, но иногда!..

Арбенинъ.

Я сердцемъ слишкомъ старъ, ты слишкомъ молода;
Но чувствовать могли бъ мы ровно.
И, помнится, въ твои года
Всему я вѣрилъ безусловно.

Нина.

Опять ты недоволенъ... Боже мой!

Арбенинъ.

О нѣтъ! я счастливъ, счастливъ... Я жестокой,
Безумный клеветникъ, далеко,
Далеко отъ толпы завистливой и злой,
Я счастливъ... я съ тобой!
Оставимъ прежнее! забвенье
Тяжелой черной старинѣ!
Я вижу, что Творецъ тебя, въ вознагражденье,
Съ Своихъ небесъ послалъ ко мнѣ.

(Цѣлуетъ ея руки и вдругъ на одной не видитъ браслета; останавливается и блѣднѣетъ).

Нина.

Ты поблѣднѣлъ, дрожишь... о, Боже!

Арбенинъ *(вскакиваетъ).*

Я? ничего! Гдѣ твой другой браслетъ?

Нина.

Потерянъ.

Арбенинъ.

А! потерянъ!

Нина.

Что же?
Бѣды великой въ этомъ нѣтъ:
Онъ двадцать пять рублей, конечно, не дороже...

Арбенинъ *(про себя).*

Потерянъ... Отчего я этимъ такъ смущонъ?
Какое странное мнѣ шепчетъ подозрѣнье?
Ужель то было только сонъ,
А это—пробужденье?

Нина.

Тебя понять я, право, не могу.

Арбенинъ
(пронзительно на нее смотритъ, сложивъ руки).
Браслетъ потерянъ?

Нина *(обидясь).*
Нѣтъ, я лгу!

Арбенинъ *(про себя).*
Но сходство, сходство!

Нина.
Вѣрно, уронила
Въ каретѣ я его, велите обыскать.
Конечно бъ я его не смѣла взять,
Когда бъ вообразила...

Выходъ четвертый. Прежніе и слуга.

Арбенинъ *(звонитъ; слуга входитъ).*
(Слугѣ). Карету обыщи ты вдоль и поперекъ:
Потерянъ тамъ браслетъ... Избави Богъ
Тебя вернуться безъ него! *(Ей).* О чести,
О счастіи моемъ тутъ рѣчь идетъ. *(Слуга уходитъ).*
(Послѣ паузы ей). Но если онъ и тамъ браслета не найдетъ?

Нина.
Такъ, стало быть, въ другомъ онъ мѣстѣ.

Арбенинъ.
Въ другомъ? и гдѣ—ты знаешь?

Нина.
Въ первый разъ
Такъ скупы вы и такъ суровы;
И, чтобъ скорѣй утѣшить васъ,
Я завтра жъ закажу такой же точно новый. *(Слуга входитъ).*

Арбенинъ.
Ну, что?... скорѣе отвѣчай...

Слуга.
Я перешарилъ всю карету-съ...

Арбенинъ.
И не нашелъ тамъ?

Слуга.
Нѣту-съ.

Арбенинъ.

Я это зналъ... Ступай! *(Значительный взглядъ на нее).*

Слуга.

Конечно, въ маскарадѣ онъ потерянъ.

Арбенинъ.

А! въ маскарадѣ!... такъ вы были тамъ?

Выходъ пятый. Прежніе, кромѣ слуги.

Арбенинъ *(слугѣ).*

Иди! *(Ей).* Что стоило бы вамъ
Сказать объ этомъ прежде? Я увѣренъ,
Что мнѣ тогда имѣть позволили бы честь
Васъ проводить туда и васъ домой отвезть.
Я бъ вамъ не помѣшалъ ни строгимъ наблюденьемъ,
Ни пошлой нѣжностью своей...
Съ кѣмъ были вы?

Нина.

Спросите у людей,—
Они вамъ скажутъ все и даже съ прибавленьемъ,
Они по пунктамъ объяснятъ:
Кто былъ тамъ, съ кѣмъ я говорила,
Кому браслетъ на память подарила.
И вы узнаете все лучше во-стократъ,
Чѣмъ еслибъ съѣздили вы сами въ маскарадъ.
(Смѣется). Смѣшно, смѣшно, ей Богу!
Не стыдно ли, не грѣхъ
Изъ пустяковъ поднять тревогу?

Арбенинъ.

Дай Богъ, чтобъ это былъ не твой послѣдній смѣхъ!

Нина.

О, если ваши продолжатся бредни,
То это, вѣрно, не послѣдній.

Арбенинъ.

Кто знаетъ, можетъ быть...
Послушай, Нина!... я смѣшонъ, конечно,
Тѣмъ, что люблю тебя такъ сильно, безконечно,
Какъ только можетъ человѣкъ любить.
И что за диво? у другихъ на свѣтѣ
Надеждъ и цѣлей милліонъ:
У одного богатство есть въ предметѣ,

Другой въ науки погруженъ,
Тотъ добивается чиновъ, крестовъ иль славы,
Тотъ любитъ общество, забавы,
Тотъ странствуетъ, тому игра волнуетъ кровь...
Я странствовалъ, игралъ, былъ вѣтренъ и трудился.
Постигъ друзей, коварную любовь,
Чиновъ я не хотѣлъ, а славы не добился;
Богатъ и безъ гроша—былъ скукою томимъ;
Вездѣ я видѣлъ зло и, гордый, передъ нимъ
Нигдѣ не преклонился.
Все, что осталось мнѣ отъ жизни, это—ты:
Сознанье слабое, но ангелъ красоты!
Твоя любовь, улыбка, взоръ, дыханье...
Я человѣкъ, пока они мои;
Безъ нихъ—нѣтъ у меня ни счастья, ни души,
Ни чувства, ни существованья!
Но если я обманутъ... если я
Обманутъ... Если на груди моей змѣя
Такъ много дней была согрѣта... если точно
Я правду отгадалъ... и, лаской усыпленъ,
Съ другимъ осмѣянъ былъ заочно!...
Послушай, Нина... я рожденъ
Съ душой кипучею, какъ лава:
Покуда не растопится, тверда
Она, какъ камень... но плоха забава
Съ ея потокомъ встрѣтиться! Тогда,
Тогда не ожидай прощенья:
Закона я на месть свою не призову,
Но самъ, безъ слезъ и сожалѣнья,
Двѣ наши жизни разорву!

(Хочетъ взять ее за руку, она отскакиваетъ въ сторону).

Нина.

Не подходи... О, какъ ты страшенъ!

Арбенинъ.

Неужели?..
Я страшенъ? Нѣтъ, ты шутишь: я смѣшонъ!
Да смѣйтесь, смѣйтесь же... Зачѣмъ, достигнувъ цѣли,
Блѣднѣть и трепетать? Скорѣе! гдѣ же онъ,
Любовникъ пламенный, игрушка маскарада!
Пускай потѣшиться придетъ.
Вы дали мнѣ вкусить почти всѣ муки ада,
И этой лишь недостаетъ.

Нина.

Такъ вотъ какое подозрѣнье!
И этому всему виной одинъ браслетъ!
Повѣрьте, ваше поведенье
Не я одна, но осмѣетъ весь свѣтъ.

Арбенинъ.

Да! смѣйтесь надо мной вы всѣ, глупцы земные,
Безпечные, но жалкіе мужья,
Которыхъ нѣкогда обманывалъ и я,
Которые межъ тѣмъ живете, какъ святые
Въ раю... увы! Но ты, мой рай,
Небесный и земной, прощай!...
Прощай! я знаю все. *(Ей).* Прочь отъ меня, гіэна!
И думалъ я, глупецъ, что, тронута, съ тоской,
Съ раскаяньемъ, во всемъ передо мной
Она откроется, упавши на колѣна?
Да! я бъ смягчился, еслибъ увидалъ
Одну слезу... одну... Нѣтъ, смѣхъ былъ мнѣ отвѣтомъ!

Нина.

Не знаю, кто меня оклеветалъ,
Но я прощаю вамъ, я не виновна въ этомъ.
Жалѣю, хоть помочь вамъ не могу,
И чтобъ утѣшить васъ, конечно, не солгу.

Арбенинъ.

О, замолчи, прошу тебя... довольно!...

Нина.

Но слушай... я невинна... пусть
Меня накажетъ Богъ! послушай...

Арбенинъ.

Наизусть
Я знаю все, что скажешь ты.

Нина.

Мнѣ больно
Твои упреки слушать... Я люблю
Тебя, Евгеній.

Арбенинъ.

Ну, по чести,
Признанье въ пору...

Нина.

Выслушай, молю!
О, Боже! Но чего жъ ты хочешь?

Арбенинъ.

Мести!

Нина.

Кому жъ ты хочешь мстить?

Арбенинъ.

О, часъ придетъ,
И, право, мнѣ вы надивитесь!

Нина.

Не мнѣ ль?... что жъ медлишь ты?

Арбенинъ.

Геройство къ вамъ нейдетъ.

Нина *(съ презрѣньемъ)*.

Кому жъ?

Арбенинъ.

Вы за кого боитесь?

Нина.

Ужели много ждетъ меня такихъ минутъ?
О, перестань! ты ревностью своею
Меня убьешь... Я не умѣю
Просить, и ты неумолимъ... Но я и тутъ
Тебѣ прощаю.

Арбенинъ.

Лишній трудъ.

Нина.

Однако есть и Богъ... Онъ не проститъ.

Арбенинъ.

Жалѣю!

(Она въ слезахъ уходитъ)..

(Одинъ). Вотъ женщина!... О, знаю я давно
Васъ всѣхъ, всѣ ваши ласки и упреки!
Но жалкое познанье мнѣ дано,
И дорого плачу я за уроки!...
И то сказать, за что̀ меня любить?
За то ль, что у меня и видъ и голосъ грозный?

(Подходитъ къ двери жены и слушаетъ).

Что дѣлаетъ она? Смѣется, можетъ быть!...
Нѣтъ, плачетъ... *(уходя)* жаль, что поздно...

„Однако есть и Богъ.... Онъ не проститъ“. Рис. худ. Л. О. Пастернака.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Выходъ первый.

(Баронесса *сидитъ въ креслахъ, въ усталости, бросаетъ книгу*).

Баронесса.

Подумаешь, зачѣмъ живемъ мы? Для того ли,
Чтобъ вѣчно угождать на чуждый нравъ
И рабствовать всегда! Жоржъ Зандъ почти что правъ.
Что нынѣ женщина? Созданіе безъ воли,
Игрушка для страстей иль прихоти другихъ!
Имѣя свѣтъ судьей и безъ защиты въ свѣтѣ,
Она должна таить весь пламень чувствъ своихъ,
Иль удушить ихъ въ полномъ цвѣтѣ.
Что женщина? Ее отъ юности самой

Въ продажу выгодамъ, какъ жертву. убираютъ.
Винятъ въ любви къ себѣ одной,
Любить другихъ не позволяютъ.
Въ груди ея порой бушуетъ страсть;
Боязнь, разсудокъ мысли гонитъ,
И если какъ-нибудь, забывши свѣта власть,
Она покровъ съ нея уронитъ,
Предастся чувствамъ всей душой,—
Тогда прости и счастье и покой!
Свѣтъ тутъ; онъ тайны знать не хочетъ; онъ по виду,
По платью встрѣтитъ честность и порокъ,
Но не снесетъ приличіямъ обиду
И въ наказаніяхъ жестокъ!... *(Хочетъ читать).*
Нѣтъ, не могу читать... Меня смутило
Все это размышленье; я боюсь
Его, какъ недруга... и, вспомнивъ то, что было,
Сама себѣ еще дивлюсь. *(Входитъ Нина).*

Выходъ второй.

Нина.

Каталась я въ саняхъ, и мнѣ пришла идея
Къ тебѣ заѣхать, mon amour.

Баронесса.

C'est une idée charmante, vous en avez toujours.
(Садятся). Ты что то прежняго блѣднѣе
Сегодня, несмотря на вѣтеръ и морозъ,
И красные глаза, конечно, не отъ слезъ?

Нина.

Я дурно ночь спала и нынче нездорова.

Баронесса.

Твой докторъ не хорошъ,—возьми другого.

Выходъ третій. Князь Звѣздичъ *(входитъ).*

Баронесса *(холодно).*

Ахъ, князь!

Князь.

Я былъ вчера у васъ
Съ извѣстіемъ, что нашъ пикникъ разстроенъ.

Баронесса.

Прошу садиться, князь.

Князь.

Я спорилъ лишь сейчасъ,
Что огорчитесь вы, но видъ вашъ такъ спокоенъ...

Баронесса.

Мнѣ, право, жаль.

Князь.

А я такъ очень радъ.
Пикниковъ двадцать я отдамъ за маскарадъ.

Нина.

Вчера вы были въ маскарадѣ?

Князь.

Былъ.

Баронесса.

А въ какомъ нарядѣ?

Нина.

Тамъ было много?...

Князь.

Да; и тамъ
Подъ маскою узналъ иныхъ изъ нашихъ дамъ.
Конечно, вы охотницы рядиться. *(Смѣется).*

Баронесса *(горячо).*

Я объявить вамъ, князь, должна,
Что эта клевета ни мало не смѣшна.
Какъ женщинѣ порядочной рѣшиться
Отправиться туда, гдѣ всякій сбродъ,
Гдѣ всякій вѣтреникъ обидитъ, осмѣетъ...
Рискнуть быть узнанной!... Вамъ надобно стыдиться,
Отречься отъ подобныхъ словъ.

Князь.

Отречься не могу; стыдиться же готовъ.

(Входитъ чиновникъ).

Выходъ четвертый. Прежніе и чиновникъ.

Баронесса.

Откуда вы?

Чиновникъ.

Сейчасъ лишь изъ правленья,
О дѣлѣ вашемъ я пришелъ поговорить.

Баронесса.

Его рѣшили?

Чиновникъ.

Нѣтъ, но скоро... Можетъ быть,
Я помѣшалъ?

Баронесса.

Ничуть. *(Отходитъ къ окну и говоритъ).*

Князь *(въ сторону).*

Вотъ время объясненья. *(Нинѣ).*
Я въ магазинѣ нынче видѣлъ васъ.

Нина.

Въ какомъ же?

Князь.

Въ англійскомъ.

Нина.

Давно ль?

Князь.

Сейчасъ.

Нина.

Мнѣ удивительно, что васъ я не узнала.

Князь.

Вы были заняты.

Нина *(скоро).*

Браслетъ я прибирала. *(Вынимаетъ изъ ридикюля).*
Вотъ къ этому...

Князь.

Премиленькій браслетъ!
Но гдѣ жъ другой?

Нина.

Потерянъ.

Князь.

Въ самомъ дѣлѣ?...

Нина.

Что жъ страннаго?

Князь.

И не секретъ—
Когда?

Нина.

Третьеводни, вчера, на той недѣлѣ...
Зачѣмъ вамъ знать, когда?

Князь.

Я мысль свою имѣлъ,
Довольно странную, быть можетъ... *(Въ сторону).*
Смущается она, вопросъ ее тревожитъ.
Охъ, эти скромницы! *(Ей).* Я предложить хотѣлъ
Свои услуги вамъ... онъ можетъ отыскаться...

Нина.

Пожалуйста... Но гдѣ?

Князь.

А гдѣ жъ потерянъ онъ?

Нина.

Не помню.

Князь.

Какъ-нибудь на балѣ?

Нина.

Можетъ статься.

Князь.

Или кому-нибудь на память подаренъ?

Нина.

Откуда вывели такое заключенье?
И подарю его кому жъ...
Не мужу ль?

Князь.

Будто въ свѣтѣ только мужъ?
Пріятельницъ у васъ толпа, въ томъ нѣтъ сомнѣнья.
Ну, пусть потерянъ онъ, а тотъ,
Который вамъ его найдетъ,
Получитъ ли отъ васъ какое награжденье?

Нина *(улыбается).*

Смотря...

Князь.

Но если онъ
Васъ любитъ, если въ васъ потерянный свой сонъ
Онъ отыскалъ, и за улыбку вашу, слово
Не пожалѣетъ ничего земного?
Но если сами вы когда-нибудь
Ему рѣшились намекнуть
О будущемъ блаженствѣ, если сами,
Не узнаны, подъ маскою, его
Ласкали вы любви словами...
О!... но поймите же!...

Нина.

Изъ этого всего
Я то лишь поняла, что слишкомъ вы забылись...
И нынче въ первый и послѣднiй разъ
Не говорить со мной прошу покорно васъ.

Князь.

О, Боже! Я мечталъ... Ужель вы разсердились?
(Про себя). Ты отвертѣлася! добро... но будетъ часъ,
И я своей достигну цѣли. *(Нина отходитъ къ баронессѣ).*
(Чиновникъ раскланивается и уходитъ).

Нина.

Adieu, ma chére, до завтра,—мнѣ пора.

Баронесса.

Да подожди, mon ange, съ тобой мы не успѣли
Сказать двухъ словъ *(цѣлуются).*

Нина *(уходя).*

Я завтра жду тебя съ утра. *(Уходитъ).*

Баронесса.

Мнѣ день покажется длиннѣй недѣли.

Выходъ пятый. Прежнiе, кромѣ Нины и чиновника.

Князь *(въ сторону).*

Я отомщу тебѣ! Вотъ скромница нашлась.
Пожалуй, я дуракъ, пожалуй, отречется,
Но я узналъ браслетъ.

Баронесса.

Задумалися, князь?

Князь.

Да, многое раздумать мнѣ придется.

Баронесса.

Какъ кажется, вашъ разговоръ
Былъ оживленъ; о чемъ былъ споръ?

Князь.

Я утверждалъ, что встрѣтилъ въ маскарадѣ...

Баронесса.

Кого?

Князь.

Ее.

Баронесса.

Какъ, Нину?

Князь.

Да.
Я доказалъ ей.

Баронесса.

Безъ стыда,
Я вижу, вы въ глаза людей злословить рады.

Князь.

Изъ странности рѣшаюсь иногда.

Баронесса.

Такъ пощадите хоть заочно!
Къ тому же доказательствъ нѣтъ.

Князь.

Нѣтъ! Только мнѣ вчера былъ данъ браслетъ,
И у нея такой же точно.

Баронесса.

Вотъ доказательство... логическій отвѣтъ!
Такіе же есть въ каждомъ магазинѣ.

Князь.

Я нынѣ всѣ изъѣздилъ ихъ
И тутъ увѣрился, что только два такихъ. *(Послѣ молчанія).*

Баронесса.

Я завтра жъ дамъ совѣтъ полезный Нинѣ:
Не довѣряться болтунамъ.

Князь.

А мнѣ совѣтъ какой?

Баронесса.

А вамъ?
Смѣлѣе продолжать съ успѣхомъ начатое
И дорожить побольше честью дамъ.

Князь.

За два совѣта я вамъ благодаренъ вдвое. *(Уходитъ).*

Выходъ шестой.

Баронесса.

Какъ честью женщины такъ вѣтрено шутить!
Откройся я ему,—со мной бы было то же.
Итакъ, прощайте, князь! не мнѣ васъ выводить
Изъ заблужденія! о, нѣтъ, избави Боже!
Одно лишь странно мнѣ, какъ я найти могла
Ея браслетъ. Такъ! Нина тамъ была—
И вотъ разгадка всей шарады...
Не знаю отчего, но я его люблю;
Быть можетъ, такъ, отъ скуки, отъ досады,
Отъ ревности... томлюся и горю,
И нѣту мнѣ ни въ чемъ отрады!
Мнѣ будто слышится и смѣхъ толпы пустой,
И шопотъ злобныхъ сожалѣній!
Нѣтъ, я себя спасу... хотя бъ на счетъ другой,
Отъ этого стыда... хотя бъ цѣной мученій
Пришлося выкупить проступокъ новый мой... *(Задумывается).*
Какая цѣпь ужасныхъ предпріятій!.

Выходъ седьмой. Баронесса и Шприхъ.

Шприхъ *(входитъ, раскланивается).*

Баронесса.

Ахъ, Шприхъ! ты вѣчно кстати.

Шприхъ.

Помилуйте, я былъ бы очень радъ,
Когда бы могъ вамъ быть полезенъ.
Покойный вашъ супругъ...

Баронесса.

Всегда ль ты такъ любезенъ?

Шприхъ.

Блаженной памяти баронъ...

Баронесса.

Тому назадъ
Лѣтъ пять, я помню.

Шприхъ.

Занялъ тысячъ...

Баронесса.

Знаю!
Но я тебѣ проценты за пять лѣтъ
Отдамъ сегодня же.

Шприхъ.

Мнѣ-съ нужды въ деньгахъ нѣтъ.
Помилуйте-съ, я такъ, случайно вспоминаю.

Баронесса.

Скажи, что новаго!

Шприхъ.

У графа одного
Наслушался—сейчасъ лишь вышелъ—
Исторій въ свѣтѣ тьма.

Баронесса.

А ничего
Про князя Звѣздича съ Арбениной не слышалъ?

Шприхъ *(въ недоумѣніи)*.

Нѣтъ... слышалъ... какъ же... нѣтъ...
Объ этомъ говорилъ и замолчалъ ужъ свѣтъ...
(Въ сторону). А что бишь, я не помню, вотъ ужасно!...

Баронесса.

О, если это такъ ужъ гласно,
То нечего и говорить!

Шприхъ.

Но я бъ желалъ узнать, какъ вы объ этомъ
Изволите судить?

Баронесса.

Они осуждены ужъ свѣтомъ.
А впрочемъ, я бъ могла ихъ подарить совѣтомъ,—
Сказала бы ему, что женщины цѣнятъ
Настойчивость въ мужчинѣ,
Хотятъ, чтобъ онъ сквозь тысячу преградъ
Къ своей стремился героинѣ.
А ей бы пожелала я
Поменьше строгости и скромности поболѣ...
Прощайте, мосье Шприхъ, обѣдать ждетъ меня
Сестра; а то бъ осталась съ вами долѣ.

(Уходя, въ сторону).

Теперь я спасена—полезный мнѣ урокъ!

Выходъ восьмой.

Шприхъ *(одинъ).*

Не безпокойтеся: я понялъ вашъ намекъ
И не дождуся повторенья.
Какая быстрота ума, соображенья!
Тутъ есть интрига... да! вмѣшаюсь въ эту связь;
Мнѣ благодаренъ будетъ князь!
Я попаду къ нему въ агенты...
Потомъ сюда съ рапòртомъ прилечу
И ужъ, авось, тогда хоть получу
Я пятилѣтніе проценты.

СЦЕНА II.

Кабинетъ Арбенина.

Выходъ первый. Арбенинъ одинъ; потомъ слуга.

Арбенинъ.

Все ясно ревности, а доказательствъ нѣтъ!
Боюсь ошибки, а терпѣть нѣтъ силы;
Оставить такъ, забыть минутный бредъ...
Такая жизнь страшнѣй могилы!
Есть люди, я видалъ, съ душой остылой,
Они блаженствуютъ и мирно спятъ въ грозу—
То жизнь завидная!

Слуга *(входитъ).*

Ждетъ человѣкъ внизу.
Принесъ онъ барынѣ записку отъ княгини.

Арбенинъ.

Да отъ какой?

Слуга.

Не разобралъ-съ.

Арбенинъ.

Записка? къ Нинѣ!

(Идетъ; слуга остается).

Выходъ второй. Аѳанасій Павловичъ Казаринъ и слуга.

Слуга.

Сейчасъ лишь баринъ вышелъ-съ; подождите
Немного-съ.

Казаринъ.

Хорошо.

Слуга.

Я тотчасъ доложу-съ. *(Уходитъ).*

Казаринъ.

Ждать я готовъ хоть годъ, когда хотите,
Мосье Арбенинъ, и дождусь.
Дѣла мои преплохи, такъ что грустно!
Товарищъ нуженъ мнѣ искусный.
Недурно, если онъ къ тому жъ
Великодушенъ часто, кстати
Имѣетъ тысячи три душъ
И покровительство у знати.
Арбенина втянуть опять бы надо мнѣ
Въ игру; онъ будетъ вѣренъ старинѣ.
Пріятеля онъ поддержать сумѣетъ
И предъ дѣтьми не оробѣетъ,
А эта молодежь
Мнѣ просто—ножъ!
Толкуй имъ, какъ угодно,
Не знаютъ ни завесть, ни въ пору перестать,
Ни кстати честность показать,
Ни передернуть благородно.
Взгляните-ка, изъ стариковъ
Какъ многіе игрой достигли до чиновъ,
Изъ грязи
Вошли со знатью въ связи;
А все вѣдь отчего?—умѣли сохранять
Приличіе во всемъ, блюсти свои законы,
Держались правилъ, глядь:
При нихъ и честь и милліоны!...

Выходъ третій. Казаринъ и Шприхъ. *(Входитъ Шприхъ).*

Шприхъ.

Ахъ, Аѳанасій Павловичъ! вотъ чудо!
Ахъ, какъ я радъ! не думалъ встрѣтить васъ.

Казаринъ.

Я также! Ты съ визитомъ?

Шприхъ.

Да-съ.
А вы?

Казаринъ.

Я также.

Шприхъ.

Право? А не худо,
Что мы сошлись; о дѣлѣ объ одномъ
Поговорить мнѣ нужно бъ съ вами.

Казаринъ.

Бывало, ты все занятъ былъ дѣлами,
А дѣломъ въ первый разъ.

Шприхъ.

Bon mot вамъ ни по чемъ.
А, право, нужное...

Казаринъ.

Мнѣ также очень нужно
Съ тобой поговорить.

Шприхъ.

Итакъ, мы сладимъ дружно.

Казаринъ.

Не знаю... говори!

Шприхъ.

Позвольте лишь спросить:
Вы слышали ль, что вашъ пріятель,
Арбенинъ... *(Дѣлаетъ пальцами изображеніе роговъ).*

Казаринъ.

Что?... не можетъ быть!
Ты точно знаешь?...

Шприхъ.

Мой Создатель!
Я самъ улаживалъ, тому лишь пять минутъ;
Кому же знать?

Казаринъ.

Бѣсъ вѣчно тутъ какъ тутъ.

Шприхъ.

Вотъ видите: жена его намедни,
Не помню я, на балѣ, у обѣдни
Иль въ маскарадѣ встрѣтилась съ однимъ
Князькомъ; ему она довольно показалась,
И очень скоро князь сталъ счастливъ и любимъ;
Но вдругъ красотка передъ нимъ
Отъ прежняго чуть-чуть не отклепалась.
Взбѣсился князь и полетѣлъ вездѣ
Разсказывать,—того смотри, что быть бѣдѣ.
Меня просили сладить это дѣло...

Я принялся—и разомъ все поспѣло.
Князь обѣщалъ молчать, записку навалялъ,
Покорный вашъ слуга слегка ее поправилъ
И къ мѣсту тотчасъ же доставилъ.

Казаринъ.

Смотри, чтобъ мужъ тебѣ ушей не оборвалъ.

Шприхъ.

Въ такихъ ли я дѣлахъ бывалъ,
И обходилось безъ дуэли...

Казаринъ.

И даже не былъ битъ?

Шприхъ.

У васъ все шутка, смѣхъ...
А я всегда скажу, что жизнію безъ цѣли
Не должно рисковать.

Казаринъ.

И въ самомъ дѣлѣ!
Такую жизнь, безцѣнную для всѣхъ,
Безъ пользы подвергать—великій грѣхъ!

Шприхъ.

Но это въ сторону; вѣдь я объ важномъ съ вами
Хотѣлъ поговорить.

Казаринъ.

Что жъ это?

Шприхъ.

Анекдотъ!
А дѣло вотъ въ чемъ...

Казаринъ.

Пропадай съ дѣлами.
Арбенинъ, кажется, идетъ.

Шприхъ.

Нѣтъ никого. Мнѣ привезли недавно
Отъ графа Врути пять борзыхъ собакъ.

Казаринъ.

Твой анекдотъ, ей Богу, презабавной.

Шприхъ.

Вашъ братъ охотникъ, вотъ купить бы славно!

Казаринъ.

Итакъ, Арбенинъ, какъ дуракъ...

Шприхъ.

Послушайте...

Казаринъ.

Попалъ впросакъ,
Обманутъ и осмѣянъ явно.
Женитесь послѣ этого!

Шприхъ.

Вашъ братъ
Находкѣ этой былъ бы радъ.

Казаринъ.

Въ женитьбѣ вѣрность, счастіе—все враки!
Эй, не женися, Шприхъ!

Шприхъ.

Да я давно женатъ...
Послушайте, одна особенно,—вотъ кладъ!

Казаринъ.

Жена?

Шприхъ.

Собака.

Казаринъ.

Вотъ дались собаки!
Послушай, мой любезный другъ,
Не знаю, какъ жену, что Богъ дастъ—неизвѣстно,
А ты собакъ не скоро сбудешь съ рукъ.

(Арбенинъ входитъ съ письмомъ. Они стояли налѣво у бюро, и онъ ихъ не видалъ).

Задумчивъ и съ письмомъ: узнать бы интересно..

Выходъ четвертый. Прежніе и Арбенинъ.

Арбенинъ *(не замѣчая ихъ).*

О, благодарность! и давно ли я
Спасъ честь его и будущность, не зная
Почти, кто онъ таковъ. И что же?!.. О, змѣя!
Неслыханная низость!.. Онъ, играя,

Какъ воръ, вторгается въ мой домъ,
Покрылъ меня позоромъ и стыдомъ!..
И я глазамъ не вѣрилъ, забывая
Весь горькій опытъ многихъ дней;
Я, какъ дитя, не знающій людей,
Не смѣлъ подозрѣвать такого преступленья.
Я думалъ: вся вина ея... не знаетъ онъ,
Кто эта женщина... какъ странный сонъ,
Забудетъ онъ свое ночное приключенье.
Онъ не забылъ, онъ сталъ искать и отыскалъ,
И тутъ не могъ остановиться...
Вотъ благодарность!.. Много я видалъ
На свѣтѣ, а пришлось еще дивиться. *(Перечитываетъ письмо).*
„Я васъ нашелъ! Но не хотѣли вы
„Признаться“... Скромность кстати чрезвычайно!—
„Вы правы... что̀ страшнѣй молвы?
„Подслушать насъ могли бъ случайно.
„Такъ! не презрѣніе, но страхъ
„Прочелъ я въ вашихъ пламенныхъ глазахъ.
„Вы тайны любите—и это будетъ тайной!
„Но я скорѣй умру, чѣмъ откажусь отъ васъ“.

Шприхъ.

Письмо! такъ, такъ, оно... Пропало все, какъ разъ!

Арбенинъ.

Ого! искусный соблазнитель, право!
Мнѣ хочется послать ему отвѣтъ кровавой.
(Казарину). А! ты былъ здѣсь?

Казаринъ.

Я жду ужъ цѣлый часъ.

Шприхъ *(въ сторону).*

Отправлюсь къ баронессѣ; пусть хлопочетъ
И разсыпается, какъ хочетъ. *(Приближается къ двери).*

Выходъ пятый. Прежніе, кромѣ Шприха.

(Шприхъ уходитъ незамѣченъ).

Казаринъ.

Мы съ Шприхомъ... гдѣ же Шприхъ?
Пропалъ! *(Въ сторону).* Письмо! такъ вотъ что! понимаю!
(Ему). Ты въ размышленьи...

Арбенинъ.

Да, я размышляю.

Казаринъ.

О бренности надеждъ и благъ земныхъ?

Арбенинъ.

Почти... О благодарности.

Казаринъ.

Есть мнѣнья
Различныя на этотъ счетъ.
Но что бъ ни думалъ этотъ или тотъ,
А все предметъ достоинъ размышленья.

Арбенинъ.

Твое же мнѣнье?

Казаринъ.

Я думаю, мой другъ,
Что благодарность—вещь, которая тѣмъ болѣ
Зависитъ отъ цѣны услугъ,
Что не всегда добро бываетъ въ нашей волѣ.
Вотъ, напримѣръ, вчера опять
Мнѣ Слукинъ проигралъ почти что тысячъ пять,
И я, ей Богу, очень благодаренъ;
Да вотъ какъ: пью ли, ѣмъ, иль сплю,
Все думаю о немъ.

Арбенинъ.

Ты шутишь все, Казаринъ.

Казаринъ.

Послушай! я тебя люблю
И буду говорить серьезно.
Но сдѣлай милость, братъ, оставь ты видъ свой грозной,
И я открою предъ тобой
Всѣ таинства премудрости земной.
Мое ты хочешь слышать мнѣнье
О благодарности?.. изволь, возьми терпѣнье.
Что ни толкуй Вольтеръ или Декартъ,
Міръ для меня—колода картъ,
Жизнь—банкъ: рокъ мечетъ, я играю,
И правила игры я къ людямъ примѣняю.
И вотъ теперь примѣръ
Для поясненья этихъ правилъ:

„Послѣдній пунктъ осталось объяснить".

Рисун. худ. Л. О. Пастернака.

Пусть разомъ тысячу я на туза поставилъ,
Такъ, по предчувствію, я въ картахъ суевѣръ:
Положимъ, что случайно, безъ обману,
Онъ выигралъ,—я очень радъ,
Но все никакъ туза благодарить не стану
И молча загребу свой кладъ
И буду гнуть да гнуть, покуда не устану;
А тамъ, итоги свелъ,
И карту смятую—подъ столъ!
Теперь... Но ты не слушаешь, мой милой!

Арбенинъ *(въ размышленіи).*

Повсюду зло, вездѣ обманъ!
И я намедни... я, какъ истуканъ,
Безмолвно слушалъ, какъ все это было.

Казаринъ *(въ сторону).*

Задумался. *(Ему).* Теперь мы перейдемъ
Къ другому казусу и дѣло разберемъ,
Но постепенно, чтобъ не сбиться.
Положимъ, напримѣръ, въ игру или въ развратъ
Ты бъ захотѣлъ опять пуститься;
И тутъ пріятель твой случится
И скажетъ: „эй! остерегися, братъ!..“
И прочіе премудрые совѣты,
Которые не стоятъ ничего,
И ты случайно, такъ, послушаешь его,—
Ему поклонъ и многи лѣты.
И если онъ тебя отъ пьянства удержалъ,
То напои его сейчасъ безъ замедленья
И въ карты обыграй въ обмѣнъ за наставленье:
А отъ игры онъ спасъ, такъ ты ступай на балъ,
Влюбись въ его жену... иль можешь не влюбиться,
Но обольсти ее, чтобъ съ мужемъ расплатиться:
Въ обоихъ случаяхъ ты будешь правъ, дружокъ,
И только что отдашь урокомъ за урокъ.

Арбенинъ.

Ты славный моралистъ! *(Въ сторону).*
Такъ это всѣмъ извѣстно...
А, князь! за вашъ урокъ я заплачу вамъ честно.

Казаринъ *(не обращая вниманія).*

Послѣдній пунктъ осталось объяснить:
Ты любишь женщину, ты жертвуешь ей честью,
Богатствомъ, дружбою и жизнью, можетъ быть;
Ты окружилъ ее забавами и лестью,
Но ей за что тебя благодарить?
Ты это сдѣлалъ все изъ страсти
И самолюбія отчасти;
Чтобъ ею обладать, пожертвовалъ ты все,
А не для счастія ея.
Да! пораздумай-ка объ этомъ хладнокровно,
И скажешь самъ, что въ мірѣ все условно.

Арбенинъ *(разстроенно)*.

Да, да, ты правъ; что̀ женщинѣ въ любви?
Побѣды новыя ей нужны ежедневно.
Пожалуй, плачь, терзайся и моли,—
Смѣшонъ ей видъ и голосъ твой плачевной.
Ты правъ: глупецъ, кто въ женщинѣ одной
Мечталъ найти свой рай земной.

Казаринъ.

Ты разсуждаешь очень здраво,
Хотя женатъ и счастливъ.

Арбенинъ.

Право?

Казаринъ.

А развѣ нѣтъ?

Арбенинъ.

О, счастливъ... да...

Казаринъ.

Я очень радъ.
Однако жъ все мнѣ жаль, что ты женатъ!

Арбенинъ.

А что же?

Казаринъ.

Такъ... я вспоминаю
Про прежнее... когда съ тобой
Кутили мы, въ чью голову—не знаю,
Хоть оба мы ребята съ головой...
Вотъ было время! Утромъ отдыхъ, нѣга,
Воспоминанія пріятнаго ночлега...
Потомъ обѣдъ, вино, Рауля честь,
Въ граненыхъ кубкахъ пѣнится и блещетъ,
Бесѣда шумная, остротъ не перечесть;
Потомъ въ театръ... душа трепещетъ
При мысли, какъ съ тобой вдвоемъ изъ-за кулисъ
Выманивали мы танцовщицъ и актрисъ...
Не правда ли, что древле
Все было лучше и дешевле?
Вотъ пьеса кончилась, и мы летимъ стрѣлой
Къ пріятелю... Взошли... игра ужъ въ самой силѣ:
На картахъ золото насыпано горой;
Тотъ весь горитъ, другой
Блѣднѣе, чѣмъ мертвецъ въ могилѣ.

Садимся мы—и загорѣлся бой!..
Тутъ, тутъ сквозь душу переходитъ
Страстей и ощущеній тьма,
И часто мысль гигантская заводитъ
Пружину пылкаго ума...
И если побѣдишь противника умѣньемъ,
Судьбу заставишь пасть къ ногамъ твоимъ съ смиреньемъ,
Тогда и самъ Наполеонъ
Тебѣ покажется и жалокъ и смѣшонъ.

(Арбенинъ отворачивается).

Арбенинъ.

О! кто мнѣ возвратитъ васъ, буйныя надежды,
Васъ, нестерпимые, но пламенные дни?
За васъ отдамъ я счастіе невѣжды,
Безпечность и покой: не для меня они...
Мнѣ ль быть супругомъ и отцомъ семейства?
Мнѣ ль, мнѣ ль, который испыталъ
Всѣ сладости порока и злодѣйства
И передъ ихъ лицомъ ни разу не дрожалъ?
Прочь, добродѣтель! я тебя не знаю,
Я былъ обманутъ и тобой,
И краткій нашъ союзъ отнынѣ разрываю.
Прощай, прощай... *(Падаетъ на стулъ и закрываетъ лицо).*

Казаринъ.

Теперь онъ мой!

СЦЕНА III.

Комната у князя. Дверь въ другую растворена; онъ въ другой спитъ на диванѣ.

Выходъ первый. Иванъ, потомъ Арбенинъ.

(Слуга смотритъ на часы).

Иванъ.

Седьмой ужъ часъ почти въ исходѣ,
А въ восемь приказалъ себя онъ разбудить.
Онъ спитъ по-русски, не по модѣ,
И я успѣю въ лавочку сходить;
Дверь на замокъ запру: оно вѣрнѣе.
Да... чу... по лѣстницѣ идутъ.
Скажу, что дома нѣтъ—и съ рукъ долой скорѣе.

(Арбенинъ входитъ).

Арбенинъ.

Князь дома?

Слуга.

Дома нѣтъ-съ.

Арбенинъ.

Неправда.

Слуга.

Пять минутъ
Тому назадъ уѣхалъ.

Арбенинъ *(прислушивается).*

Лжешь! онъ тутъ.

(Показываетъ на кабинетъ).

И, вѣрно, сладко спитъ; прислушайся, какъ дышитъ...
(Въ сторону). Но скоро перестанетъ.

Слуга *(Въ сторону).*

Онъ все слышитъ... *(Ему).*
Себя будить мнѣ князь не приказалъ.

Арбенинъ.

Онъ любитъ спать, тѣмъ лучше: приведется
И вѣчно спать. *(Слугѣ).* Я, кажется, сказалъ,
Что буду ждать, покуда онъ проснется. *(Слуга уходитъ).*

Выходъ второй.

Арбенинъ *(одинъ).*

Удобный мигъ насталъ: теперь иль никогда!
Теперь я все свершу безъ страха и труда;
Я докажу, что въ нашемъ поколѣньѣ
Есть хоть одна душа, въ которой оскорбленье,
Запавъ, приноситъ плодъ... О! я не ихъ слуга,
Мнѣ поздно передъ ними гнуться...
Когда бъ, крича, предъ нихъ я вызвалъ бы врага,
Они бъ смѣялися... теперь не засмѣются!
О, нѣтъ, я не таковъ! Позора цѣлый часъ
На головѣ своей не потерплю я даромъ. *(Растворяетъ дверь).*
Онъ спитъ! Что видитъ онъ во снѣ въ послѣднiй разъ?
(Страшно улыбаясь). Я думаю, что онъ умретъ ударомъ,
Онъ свѣсилъ голову... я крови помогу...
И все на счетъ благой природы! *(Входитъ въ комнату).*
(Минуты двѣ—и выходитъ блѣденъ). Не могу...

(Молчанiе).

Да, это свыше силъ и воли...
Я измѣнилъ себѣ, я задрожалъ
Впервые во всю жизнь. Давно ли
Я трусъ?... трусъ?... Кто это сказалъ?...
Я самъ, и это правда... Стыдно, стыдно!
Бѣги, краснѣй, презрѣнный человѣкъ!
Тебя, какъ и другихъ, къ землѣ прижалъ нашъ вѣкъ.
Ты предъ собой лишь хвастался, какъ видно...
О, жалко... право жалко... изнемогъ
И ты подъ гнетомъ просвѣщенья!
Любить ты не умѣлъ, а мщенья
Хотѣлъ, пришелъ и... и не могъ! *(Молчаніе. Садится).*
Я слишкомъ залетѣлъ высоко;
Вѣрнѣй избрать я долженъ путь...
И замыселъ иной глубоко
Запалъ въ мою измученную грудь.
Такъ! такъ! онъ будетъ жить: убійство ужъ не въ модѣ.
Убійцъ на площадяхъ казнятъ.
Такъ въ образованномъ я родился народѣ:
Языкъ и золото—вотъ нашъ кинжалъ и ядъ!

(Беретъ чернилъ и записку пишетъ; беретъ шляпу).

Выходъ третій. Арбенинъ и Баронесса.

(Арбенинъ идетъ къ двери и сталкивается съ дамой въ вуалѣ).

Дама *(въ вуалѣ).*

Ахъ! все погибло!...

Арбенинъ.

Это что?

Дама *(вырываясь).*

Пустите!

Арбенинъ.

Нѣтъ, это не притворный крикъ
Продажной добродѣтели! *(Ей строго).* Молчите!
Ни слова, или сей же мигъ...
Какое подозрѣнье!... отверните
Вашъ вуаль, пока мы здѣсь одни.

Дама.

Я не туда зашла, ошиблась.

Арбенинъ.

Да, немного
Ошиблись, кажется и мнѣ,
Но временемъ, не мѣстомъ.

Рисун. худ. Л. Пастернака.

Арбенинъ и баронесса Штраль. („Маскарадъ“, дѣйствіе II, сцена III, выходъ третій).

Дама.

Ради Бога,
Пустите! Я не знаю васъ.

Арбенинъ.

Смущенье странно... вы должны открыться,
Онъ спитъ теперь и можетъ встать сейчасъ!
Все знаю я... но убѣдиться
Хочу...

Дама.

Все знаете?

(Онъ откидываетъ вуаль и отступаетъ въ удивленіи; потомъ приходитъ въ себя).

Арбенинъ.

Благодарю, Творецъ,
Что Ты позволилъ мнѣ хоть нынче ошибиться!

Баронесса.

О! что я сдѣлала? Теперь всему конецъ!

Арбенинъ.

Отчаянье теперь некстати.
Невесело, согласенъ, въ часъ такой,
Намѣсто пламенныхъ объятій
Съ холодной встрѣтиться рукой...
И то минутный страхъ, а нѣтъ бѣды большой.
Я скроменъ, радъ молчать. Благодарите Бога,
Что это я, а не другой;
Не то,—была бы въ городѣ тревога.

Баронесса.

Ахъ! онъ проснулся, говоритъ.

Арбенинъ.

Въ бреду...
Но успокойтесь, я сейчасъ пойду,
Лишь объясните мнѣ, какою властью
Вотъ этотъ купидонъ васъ вдругъ околдовалъ?
Зачѣмъ, когда онъ самъ безчувственъ, какъ металлъ,
Всѣ женщины къ нему пылаютъ страстью?
Зачѣмъ не онъ у вашихъ ногъ съ тоской,
Съ моленьемъ, клятвами, слезами?

А вы, вы здѣсь, однѣ... вы, женщина съ душой,
Забывши стыдъ, пришли ему предаться сами?
Зачѣмъ другая женщина, ничѣмъ
Не хуже васъ, ему отдать готова
Все: счастье, жизнь, любовь... за взглядъ одинъ, за слово?
Зачѣмъ... О, я глупецъ! *(Въ бѣшенствѣ).* Зачѣмъ, зачѣмъ?...

Баронесса *(рѣшительно).*

Я поняла, о чемъ вы говорите... Знаю,
Что вы пришли...

Арбенинъ.

Какъ! кто жъ вамъ разсказалъ?...
(Опомнившись). А что вы знаете?...

Баронесса.

О, я васъ умоляю,
Простите мнѣ...

Арбенинъ.

Я васъ не обвинялъ,
Напротивъ, радуюсь пріятельскому счастью.

Баронесса.

Ослѣплена была я страстью;
Во всемъ виновна я, но слушайте...

Арбенинъ.

Къ чему?
Мнѣ, право, все равно... я врагъ морали строгой.

Баронесса.

Но еслибы не я, то не бывать письму,
Ни...

Арбенинъ.

А! ужъ это слишкомъ много!...
Письмо!... какое?... а! такъ это вы тогда,
Вы ихъ свели... учили ихъ!... Давно ли
Взялись вы за такія роли?
Что васъ понудило?... Сюда
Приводите вы вашихъ жертвъ невинныхъ?
Иль молодежь приходитъ къ вамъ?
Да, признаюсь... вы—кладъ въ гостиныхъ,
И я ужъ не дивлюсь разврату нашихъ дамъ!...

Баронесса.

О, Боже мой!...

Арбенинъ.

Я говорю безъ лести...
А сколько платятъ вамъ всѣ эти господа?

Баронесса (*упадаетъ въ кресла*).

Но вы безчеловѣчны!...

Арбенинъ.

Да,
Ошибся, виноватъ, вы служите изъ чести! (*Хочетъ идти*).

Баронесса.

О! я лишусь ума... Постойте... онъ идетъ,
Не слушаетъ... О! я умру...

Арбенинъ.

Что жъ, продолжайте,—
Васъ это къ славѣ поведетъ...
Теперь меня не бойтесь, и прощайте...
Но, Боже сохрани, намъ встрѣтиться впередъ!...
Вы взяли у меня все, все на свѣтѣ!
Я стану васъ преслѣдовать всегда,
Вездѣ: на улицѣ, въ уединеньи, въ свѣтѣ!
И если мы столкнемся... то бѣда!
Я бъ васъ убилъ... но смерть была бъ награда,
Которую сберечь я долженъ для другой.
Вы видите, я добръ: взамѣнъ терзаній ада,
Вамъ оставляю рай земной. (*Уходитъ*).

Выходъ четвертый. Баронесса одна.

Баронесса (*вслѣдъ ему*).

Послушайте, клянусь, то былъ обманъ... она...
Невинна... и браслетъ... все я... все я одна...
Ушелъ, не слышитъ! Что мнѣ дѣлать? Всюду
Отчаянье... нѣтъ нужды! я хочу
Его спасти, во что бы то ни стало, буду
Просить и унижаться, обличу
Себя въ обманѣ, преступленьи!
Онъ всталъ... идетъ... рѣшуся... О, мученье!

Выходъ пятый. Баронесса и Князь.

Князь (*въ другой комнатѣ*).

Иванъ! Кто тамъ?... Я слышалъ голоса...
Какой народъ! нельзя уснуть и полчаса. (*Входитъ*).
Ба! это что за посѣщенье?
Красавица, я очень радъ. (*Узнаетъ и отскакиваетъ*).
Ахъ, баронесса! нѣтъ, невѣроятно!...

Баронесса.

Что отскочили вы назадъ? (*Слабымъ голосомъ*).
Вы удивляетесь?

Князь (*смущенно*).

Конечно, мнѣ пріятно...
Но счастія такого я не ждалъ.

Баронесса.

И было бъ странно, еслибъ ожидали.

Князь.

О чемъ я думалъ? О, когда бъ я зналъ...

Баронесса.

Вы все бы знать могли, и ничего не знали.

Князь.

Свою вину загладить я готовъ;
Съ покорностью приму, какое наказанье
Хотите, я былъ слѣпъ и нѣмъ; мое незнанье—
Проступокъ... и теперь не нахожу я словъ... (*Беретъ ее за руку*).
Но ваши руки—ледъ! въ лицѣ у васъ—страданье!
Ужель сомнительны для васъ слова мои?

Баронесса.

Вы ошибаетесь! Не требовать любви
И не выпрашивать признанья
Рѣшилась я пріѣхать къ вамъ,
Забывъ и стыдъ и страхъ, все, свойственное намъ.
Нѣтъ, то обязанность святая.
Былая жизнь моя прошла,
И жизнь ужъ ждетъ меня иная.
Но я была причиной зла,
И, свѣтъ навѣки покидая,
Теперь все прежнее загладить я пришла.

Я перенесть свой стыдъ готова;
Я не спасла себя—спасу другова.

Князь.

Что это значитъ?

Баронесса.

Не мѣшайте мнѣ;
Мнѣ много стоило усилій,
Чтобъ говорить рѣшиться. Вы одни,
Не вѣдая того, причиной были
Моихъ страданій. Несмотря на то,
Я васъ должна спасти... зачѣмъ, за что—
Не знаю... Вы не заслужили
Всѣхъ этихъ жертвъ: вы не могли любить...
Понять меня... и даже, можетъ быть,
Я бъ этого и не желала...
Но слушайте. Сегодня я узнала,
Какъ—это все равно... что вы
Къ женѣ Арбенина вчера неосторожно
Писали... По словамъ молвы,
Она васъ любитъ,—это ложно, ложно!
Не вѣрьте, ради Неба... Эта мысль одна
Насъ всѣхъ погубитъ, всѣхъ! Она
Не знаетъ ничего... но мужъ читалъ... ужасенъ
Въ любви и ненависти онъ!
Онъ былъ ужъ здѣсь... онъ васъ убьетъ... онъ пріученъ
Къ злодѣйству... вы такъ молоды...

Князь.

Вашъ страхъ напрасенъ!
Арбенинъ въ свѣтѣ жилъ и слишкомъ онъ уменъ,
Чтобы рѣшиться на огласку
И сдѣлать, наконецъ, безъ цѣли и нужды,
Въ пустой комедіи кровавую развязку,
А разсердился онъ,—и въ этомъ нѣтъ бѣды:
Возьмутъ Лепажа пистолеты,
Отмѣрятъ тридцать два шага...
И, право, эти эполеты
Я заслужилъ не бѣгствомъ отъ врага.

Баронесса.

Но если ваша жизнь кому-нибудь дороже,
Чѣмъ вамъ... и связь у ней есть съ жизнію другой...
Но если васъ убьютъ? убьютъ!... о, Боже!
И я всему виной...

Князь.

Вы?

Баронесса.

Пощадите!

Князь (*подумавъ*).

Я обязанъ драться;
Я виноватъ предъ нимъ, его я тронулъ честь,
Хотя не зналъ того; но оправдаться
Нѣтъ средства.

Баронесса.

Средство есть.

Князь.

Солгать,—не это ли? Другое мнѣ найдите.
Я лгать не стану, жизнь свою храня,
И тотчасъ же пойду.

Баронесса.

Минуту... Не ходите
И слушайте меня. (*Беретъ его за руку*).
Вы всѣ обмануты!... Та маска...
(*Облокачивается на столъ, упадая*). Это я!...

Князь.

Какъ? вы?... о, Провидѣнье! (*Молчаніе*).
Но Шприхъ?... Онъ говорилъ... онъ виноватъ во всемъ. .

Баронесса (*опомнясь и отходя*).

Минутное то было заблужденье,
Безумство страшное,—теперь я каюсь въ немъ!
Оно прошло, забудьте обо всемъ.
Отдайте ей браслетъ, онъ былъ найденъ случайно,
Какой то чудною судьбой;
И обѣщайте мнѣ, что это тайной
Останется... Мнѣ будетъ Богъ судьей!
Васъ Онъ проститъ... меня простить не въ вашей волѣ!
Я удаляюсь... думаю, что болѣ
Мы не увидимся.
(*Подойдя къ двери, видитъ, что онъ хочетъ броситься за ней*).
Не слѣдуйте за мной. (*Уходитъ*).

Выходъ шестой. Князь (*одинъ*).

Князь (*послѣ долгаго размышленія*).

Я, право, думать что не знаю,
И только могъ понять изъ этого всего,
Что случай счастливый, какъ школьникъ, пропускаю,

Не сдѣлавъ ничего. *(Подходитъ къ столу).*
Ну вотъ еще записка; отъ кого?
Арбенинъ!... прочитаю!...

„Любезный князь! Пріѣзжай сегодня къ N. вечеромъ: тамъ будетъ много, и мы весело проведемъ время. Я не хотѣлъ разбудить тебя, а то ты бы дремалъ цѣлый вечеръ. Прощай! Жду непремѣнно. Твой искренній

Евгеній Арбенинъ“.

Ну, право, глазъ особый нуженъ,
Чтобъ въ этомъ увидать картель.
Гдѣ слыхано, чтобъ звать на ужинъ
Предъ тѣмъ, чтобъ вызвать на дуэль?

СЦЕНА IV.

Комната у N.

Выходъ первый. Казаринъ, хозяинъ и Арбенинъ.
(Садятся играть).

Казаринъ.

Такъ въ самомъ дѣлѣ ты причуды всѣ оставилъ,
Которыми гордится свѣтъ,
И въ прежній путь шаги свои направилъ?...
Мысль превосходная!... Ты долженъ быть поэтъ
И, сверхъ того, по всѣмъ примѣтамъ, геній:
Тѣснитъ тебя домашній кругъ.
Дай руку, милый другъ.
Ты нашъ?

Арбенинъ.

Я вашъ! Былого нѣтъ и тѣни.

Казаринъ.

Пріятно видѣть, ей же ей,
Какъ люди умные на вещи смотрятъ нынѣ.
Приличія для нихъ ужаснѣе цѣпей...
Не правда ль, что со мной ты будешь въ половинѣ?

Хозяинъ.

А князя надо пощипать слегка!

Казаринъ.

Да... да. *(Въ сторону).* Забавна будетъ стычка!

Хозяинъ.

Посмотримъ. Транспортъ!... *(Слышенъ шумъ).*

Арбенинъ.

Это онъ.

Казаринъ.

Рука
Твоя дрожитъ?...

Арбенинъ.

О, ничего,—отвычка! *(Князь входитъ).*

Выходъ второй. Прежніе и Князь.

Хозяинъ.

Ахъ, князь! я очень радъ. Прошу-ка, безъ чиновъ,
Снимите саблю и садитесь.
У насъ ужасный бой.

Князь.

О! я смотрѣть готовъ.

Арбенинъ.

А вы играть съ тѣхъ поръ еще боитесь?

Князь.

Нѣтъ, съ вами, право, не боюсь. *(Въ сторону).*
По свѣтскимъ правиламъ я мужу угождаю,
А за женою волочусь...
Лишь выиграть бы тамъ, а здѣсь пусть проиграю! *(Садится).*

Арбенинъ.

Я нынче былъ у васъ.

Князь.

Записку я читалъ
И, видите, послушенъ.

Арбенинъ.

На порогѣ
Мнѣ кто то встрѣтился, въ смущеньи и тревогѣ.

Князь.

И вы узнали?

Арбенинъ *(смѣясь).*

Кажется, узналъ.
Князь, обольститель вы опасной!
Все понялъ я, все отгадалъ...

Князь *(въ сторону).*

Онъ ничего не понялъ—это ясно.
(Отходитъ и кладетъ саблю).

Арбенинъ.

Я не хотѣлъ бы, чтобъ жена моя
Вамъ приглянулась.

Князь *(разсѣянно)*.

Почему же?

Арбенинъ.

Такъ! добродѣтелью, которой ищутъ въ мужѣ
Любовники, не обладаю я. *(Въ сторону)*.
Онъ не смущается ничѣмъ... О! я разрушу
Твой сладкій миръ, глупецъ, и яду подолью...
И еслибы ты могъ на карту бросить душу,
То я противъ твоей поставилъ бы свою.

(Играютъ. Арбенинъ мечетъ).

Казаринъ.

Я ставлю пятьдесятъ рублей.

Князь.

Я тоже.

Арбенинъ.

Я разскажу вамъ анекдотъ,
Который слышалъ я, какъ былъ моложе;
Онъ нынче у меня изъ головы нейдетъ.
Вотъ видите, одинъ какой то баринъ,
Женатый человѣкъ...—твоя взяла, Казаринъ,—
Женатый человѣкъ, на вѣрность положась
Своей жены, дремалъ въ забвеньи сладкомъ...
Внимательны вы что то слишкомъ, князь,
И проиграетесь порядкомъ.—
Мужъ добрый былъ любимъ. Шелъ мирно день за днемъ
И, къ довершенью благъ, безпечному супругу
Былъ данъ пріятель... важную услугу
Ему онъ оказалъ когда-то и притомъ
Нашелъ, казалось, честь и совѣсть въ немъ.
И что жъ? мнѣ неизвѣстно,
Какой судьбой,—но мужъ узналъ,
Что благодарный другъ, должникъ ужъ слишкомъ честной,
Женѣ его свои услуги предлагалъ.

Князь.

Что жъ сдѣлалъ мужъ?

Арбенинъ *(будто не слыхалъ вопроса)*.

Князь, вы игру забыли:
Вы гнете не глядя. *(Взглянувъ на него пристально)*.

И любопытно вамъ
Узнать, что сдѣлалъ мужъ?... Придрался къ пустякамъ
И далъ пощечину... Вы какъ бы поступили,
Князь?

Князь.

Я бъ сдѣлалъ то же. Ну, а тамъ
Стрѣлялись?

Арбенинъ.

Нѣтъ!

Казаринъ.

Рубились?

Арбенинъ.

Нѣтъ, нѣтъ!

Казаринъ.

Такъ помирились?

Арбенинъ *(горько улыбаясь)*.

О, нѣтъ!

Князь.

Такъ что же сдѣлалъ онъ?

Арбенинъ.

Остался отомщенъ
И обольстителя съ пощечиной оставилъ.

Князь *(смѣется)*.

Да это вовсе противъ правилъ.

Арбенинъ.

Въ какомъ указѣ есть
Законъ иль правило на ненависть и месть?

(Играютъ. Молчаніе).

Взяла... взяла! *(Вставая)*. Постойте! карту эту
Вы подмѣнили.

Князь.

Я? Послушайте...

Арбенинъ.

Конецъ
Игрѣ... Приличій тутъ ужъ нѣту,
Вы *(задыхаясь)* шулеръ и подлецъ!

Князь.

Я? я?

Арбенинъ.

Подлецъ, и я васъ здѣсь отмѣчу,
Чтобъ каждый почиталъ обидой съ вами встрѣчу.

(Бросаетъ ему карты въ лицо. Князь такъ пораженъ, что не знаетъ, что дѣлать).

(Понизивъ голосъ). Теперь мы квиты.

Казаринъ.

Что съ тобой?
(Хозяину). Онъ помѣшался въ самомъ лучшемъ мѣстѣ:
Тотъ горячился ужъ, спустилъ бы тысячъ двѣсти.

Князь *(опомнясь, вскакиваетъ).*

Сейчасъ, за мной, за мной!
Кровь, ваша кровь лишь смоетъ оскорбленье!

Арбенинъ.

Стрѣляться? съ вами? мнѣ? вы въ заблужденьѣ!

Князь.

Вы трусъ! *(Хочетъ броситься на него).*

Арбенинъ *(грозно).*

Пускай! Но подступать
Вамъ не совѣтую, ни даже здѣсь остаться!
Я трусъ, да вамъ не испугать
И труса.

Князь.

О, я васъ заставлю драться!
Я разскажу вездѣ, поступокъ вашъ каковъ,
Что вы, не я подлецъ...

Арбенинъ.

На это я готовъ.

Князь *(подходя ближе).*

Я разскажу, что съ вашею женою...
О, берегитесь!... вспомните браслетъ...

Арбенинъ.

За это вы наказаны ужъ мною...

Князь.

О, бѣшенство!... да гдѣ я? цѣлый свѣтъ
Противъ меня... Я васъ убью!...

Арбенинъ.

И въ этомъ
Вы властны, даже я васъ подарю совѣтомъ
Скорѣй меня убить... а то, пожалуй, въ васъ
Остынетъ храбрость черезъ часъ.

Князь.

О гдѣ ты, честь моя?... Отдайте это слово,
Отдайте мнѣ его,—и я у вашихъ ногъ...
Да въ васъ нѣтъ ничего святова,
Вы человѣкъ иль демонъ?

Арбенинъ.

Я?—игрокъ.

Князь *(упадая и закрывая лицо)*.

Честь, честь моя!...

Арбенинъ.

Да, честь не возвратится.
Преграда рушена между добромъ и зломъ,
И отъ тебя весь свѣтъ съ презрѣньемъ отвратится:
Отнынѣ ты пойдешь отверженца путемъ,
Кровавыхъ слезъ познаешь сладость,
И счастье ближнихъ будетъ въ тягость
Твоей душѣ; и мыслить объ одномъ
Ты будешь день и ночь, и постепенно чувства
Любви, прекраснаго погаснутъ и умрутъ,
И счастья не отдастъ тебѣ ничье искусство,
Всѣ шумные друзья, какъ листья, отпадутъ
Отъ сгнившей вѣтви, и, краснѣя,
Закрывъ лицо, въ толпѣ ты будешь проходить,
И будетъ больше стыдъ тебя томить,
Чѣмъ преступленіе злодѣя!
Теперь прощай... *(уходя)* желаю долго жить! *(Уходитъ)*.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

БАЛЪ.

Выходъ первый.

Хозяйка.

Я баронессу жду; не знаю,
Пріѣдетъ ли. Мнѣ, право, было бъ жаль
За васъ.

1-й гость.

Я васъ не понимаю.

2-й гость.

Вы ждете баронессу Штраль?
Она уѣхала.

Многіе.

Куда? зачѣмъ? давно ли?

2-й гость.

Въ деревню, нынче утромъ.

Дама.

Боже мой!
Какимъ же случаемъ! Ужель изъ доброй воли?

2-й гость.

Фантазія, романы... хоть рукой
Махни! *(Расходятся; другая группа мужчинъ).*

3-й гость.

Вы знаете: князь Звѣздичъ проигрался.

4-й гость.

Напротивъ, выигралъ—да, видно, не путемъ
И получилъ пощечину.

5-й гость.

Стрѣлялся?

4-й гость.

Нѣтъ, не хотѣлъ.

3-й гость.

Какимъ же подлецомъ
Онъ показалъ себя!..

5-й гость.

Отнынѣ незнакомъ
Я больше съ нимъ.

6-й гость.

И я! Какой поступокъ скверной!

4-й гость.

Онъ будетъ здѣсь?

3-й гость.

Нѣтъ, не рѣшится, вѣрно.

4-й гость.

Вотъ онъ! *(Князь подходитъ; ему едва кланяются).*

(Всѣ отходятъ, кромѣ пятаго и шестого гостя. Потомъ и они отходятъ. Нина садится на диванъ).

Князь.

Теперь мы съ ней отъ всѣхъ удалены,
Не будетъ случая другова. *(Ей).*
Я долженъ вамъ сказать два слова,
И выслушать вы ихъ должны,

Нина.

Должна?

Князь.

Для вашего же счастья!

Нина.

Какое странное участье!

Князь.

Да, странно, потому что вы виной
Моей погибели... Но мнѣ васъ жаль; я вижу,
Что пораженъ я тою же рукой,
Которая убьетъ васъ; не унижу
Себя ничтожной местью никогда;
Но слушайте и будьте осторожны:
Вашъ мужъ злодѣй бездушный и безбожный,
И я предчувствую, что вамъ грозитъ бѣда.
Прощайте же навѣкъ; злодѣй не обнаруженъ,
И наказать его теперь я не могу;
Но день придетъ, я подожду...
Возьмите вашъ браслетъ: онъ больше мнѣ не нуженъ.

(Арбенинъ смотритъ на нихъ издали).

Нина.

Князь! вы сошли съ ума! на васъ
Теперь сердиться было бъ стыдно.

Князь.

Прощайте навсегда! прошу въ послѣднiй разъ...

Нина.

Куда жъ вы ѣдете, далеко очень, видно?
Конечно, не въ луну?

Князь *(уходя).*

Нѣтъ, ближе: на Кавказъ.

Хозяйка *(инымъ).*

Почти всѣ съѣхались, и здѣсь намъ будетъ тѣсно.
Прошу васъ въ залу, господа!
Mesdames! пожалуйте туда. *(Уходятъ).*

Выходъ второй.

Арбенинъ *(одинъ про себя).*

Я сомнѣвался, я! А это всѣмъ извѣстно;
Намеки колкіе со всѣхъ сторонъ
Преслѣдуютъ меня... Я жалокъ имъ, смѣшонъ!
И гдѣ плоды моихъ усилій?
И гдѣ та власть, съ которою, порой,
Казнилъ толпу я словомъ, остротой?..
Двѣ женщины ее убили!
Одна изъ нихъ... О, я ее люблю,
Люблю... и такъ неистово обманутъ!..
Нѣтъ, людямъ я ее не уступлю...
И насъ судить они не станутъ;
Я самъ свершу свой страшный судъ...
Я казнь ей отыщу, моя жъ пусть будетъ тутъ.
(Показываетъ на сердце).
Она умретъ; жить вмѣстѣ съ нею долѣ
Я не могу... Жить розно? *(Какъ бы испугавшись себя).*
Рѣшено:
Она умретъ; я прежней твердой волѣ
Не измѣню. Ей, видно, суждено
Во цвѣтѣ лѣтъ погибнуть, быть любимой
Такимъ, какъ я, злодѣемъ, и любить
Другого!.. это ясно... какъ же можно жить
Ей послѣ этого?.. Ты, Богъ незримый,
Но Богъ всевидящій! возьми ее, возьми!
Какъ свой залогъ Тебѣ ее вручаю...
Прости ее, благослови;
Но я не Богъ,—и не прощаю... *(Слышны звуки музыки).*
(Ходитъ по комнатѣ; вдругъ останавливается).
Тому назадъ лѣтъ десять, я вступалъ
Еще на поприще разврата;
Разъ, въ ночь одну, я все до капли проигралъ,
Тогда я зналъ ужъ цѣну злата,
Но цѣну жизни я не зналъ.
Я былъ въ отчаяньи, ушелъ и яду

Купилъ и возвратился вновь
Къ игорному столу; въ груди кипѣла кровь.
Въ одной рукѣ держалъ я лимонаду
Стаканъ, въ другой четверку пикъ;
Послѣднiй рубль въ карманѣ дожидался
Съ завѣтнымъ порошкомъ,—рискъ, право, былъ великъ:
Но счастье вынесло, и въ часъ я отыгрался!
Съ тѣхъ поръ хранилъ я этотъ порошокъ,
Среди волненiй жизни трудной,
Какъ талисманъ таинственный и чудной,
Хранилъ на черный день,—и день тотъ недалекъ.

(Уходитъ быстро).

Выходъ третiй. Хозяйка, Нина, нѣсколько дамъ и кавалеровъ.
(Во время послѣднихъ строкъ входятъ).

Хозяйка.

Нехудо бы немножко отдохнуть.

Дама *(другой).*

Такъ жарко здѣсь, что я растаю.

Петковъ.

А Нина Павловна споетъ намъ что-нибудь.

Нина.

Романсовъ новыхъ, право, я не знаю;
А старые наскучили самой.

Дама.

Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, спой же, Нина, спой!

Хозяйка.

Ты такъ мила, что, вѣрно, не заставишь
Себя просить напрасно цѣлый часъ.

Нина *(садясь за пiанино).*

Но слушать со вниманьемъ—мой приказъ!
Хоть этимъ наказаньемъ васъ,
Авось, исправимъ! *(Поетъ):*

„Когда печаль слезой невольной
Промчится по глазамъ твоимъ,
Мнѣ видѣть и понять не больно,
Что ты несчастлива съ другимъ.
Незримый червь незримо гложетъ
Жизнь беззащитную твою,

И что жъ? я радъ, что онъ не можетъ
Тебя любить, какъ я люблю.
Но если счастіе случайно
Блеснетъ въ лучахъ твоихъ очей,
Тогда я мучусь горько, тайно
И цѣлый адъ въ груди моей".

Выходъ четвертый. Прежніе и Арбенинъ.

(Въ концѣ 3-го куплета мужъ входитъ и облокачивается на фортепьяно. Она, увидѣвъ, останавливается).

Арбенинъ.

Что жъ, продолжайте.

Нина.

Я конецъ совсѣмъ
Забыла.

Арбенинъ.

Если вамъ угодно,
То я напомню.

Нина *(въ смущеніи).*

Нѣтъ, зачѣмъ!
(Въ сторону хозяйки). Мнѣ нездоровится. *(Встаетъ).*

Гость *(другому).*

Во всякой пѣснѣ модной
Всегда слова такія есть,
Которыхъ женщина не можетъ произнесть.

2-й гость.

Къ тому же слишкомъ прямъ и нашъ языкъ природной,
И къ женскимъ прихотямъ доселѣ не привыкъ.

3-й гость.

Вы правы: какъ дикарь, свободѣ лишь послушной,
Не гнется гордый нашъ языкъ;
Зато ужъ мы какъ гнемся добродушно!

(Подаютъ мороженое. Гости расходятся къ другому концу зала и, по одному, уходятъ въ другія комнаты, такъ что, наконецъ, Арбенинъ и Нина остаются вдвоемъ. Неизвѣстный показывается въ глубинѣ театра).

Нина *(хозяйкѣ).*

Такъ жарко; отдохнуть я сяду въ сторонѣ.
(Мужу). Мой ангелъ, принеси мороженаго мнѣ.

(Арбенинъ вздрагиваетъ и идетъ за мороженымъ; возвращается и всыпаетъ ядъ).

Арбенинъ *(въ сторону).*

Смерть, помоги!

Нина *(ему).*

Мнѣ что то грустно, скучно;
Конечно, ждетъ меня бѣда.

Арбенинъ *(въ сторону).*

Предчувствіямъ я вѣрю иногда.
(Подавая). Возьми: отъ скуки вотъ лѣкарство,

Нина.

Да, это прохладитъ. *(Ѣстъ).*

Арбенинъ.

О, какъ не прохладить!

Нина.

Здѣсь нынѣ скучно.

Арбенинъ.

Какъ же быть?
Чтобъ не скучать съ людьми, то надо пріучить
Себя смотрѣть на глупость и коварство—
Вотъ все, на чемъ вертится свѣтъ!

Нина.

Ты правъ! ужасно!..

Арбенинъ.

Да, ужасно!..

Нина.

Душъ непорочныхъ нѣту...

Арбенинъ.

Нѣтъ.
Я думалъ, что нашелъ одну, и то напрасно!

Нина.

Что говоришь ты?

Арбенинъ.

Я сказалъ,
Что въ свѣтѣ лишь одну такую отыскалъ я:
Тебя.

Нина.

Ты блѣденъ.

Арбенинъ.

Много танцовалъ.

Нина.

Опомнись, mon ami! ты съ мѣста не вставалъ.

Арбенинъ.

Такъ, вѣрно, потому, что мало танцовалъ я...

Нина *(отдаетъ пустое блюдечко).*

Возьми, поставь на столъ.

Арбенинъ *(беретъ).*

Все, все?
Ни капли не оставить мнѣ?.. Жестоко! *(Въ размышленіи).*
Шагъ сдѣланъ роковой, назадъ идти далеко,
Но пусть никто не гибнетъ за нее.

(Бросаетъ блюдечко объ землю и разбиваетъ).

Нина.

Какъ ты неловокъ!

Арбенинъ.

Ничего... я боленъ.
Поѣдемъ поскорѣй домой.

Нина.

Поѣдемъ. Но скажи мнѣ, милый мой:
Ты нынче пасмуренъ... ты мною недоволенъ?

Арбенинъ.

Нѣтъ, нынче я доволенъ былъ тобой. *(Уходятъ).*

Неизвѣстный *(оставшись одинъ).*

Я чуть не сжалился, и было тутъ мгновенье,
Когда хотѣлъ я броситься впередъ... *(Задумывается).*
Нѣтъ, пусть свершается судьбы опредѣленье,
А дѣйствовать—потомъ настанетъ мой чередъ. *(Уходитъ).*

СЦЕНА III.

Спальня Арбенина.

Выходъ первый. Входитъ Нина, за ней служанка.

Служанка.

Сударыня, вы что то блѣдны стали!

Нина *(снимая серьги).*

Я нездорова.

Служанка.

Вы устали.

Нина (*въ сторону*).

Мой мужъ меня пугаетъ! отчего—
Не знаю. Онъ молчитъ, и страненъ взглядъ его.
(*Служанкѣ*). Мнѣ что то дурно: вѣрно, отъ корсета.
Скажи, къ лицу была сегодня я одѣта? (*Идетъ къ зеркалу*).
Ты права: я блѣдна, какъ смерть, блѣдна;
Но въ Петербургѣ кто не блѣденъ, право?
Одна лишь старая княжна,
И то румяна! Свѣтъ лукавой!

(*Снимаетъ букли и завертываетъ косу*).

Брось гдѣ-нибудь и дай мнѣ шаль. (*Садится въ кресло*).
Какъ новый вальсъ хорошъ! Въ какомъ то упоеньѣ
Кружилась я быстрѣй, и чудное стремленье
Меня и мысль мою невольно мчало вдаль,
И сердце сжалося: не то, чтобы печаль,
Не то, чтобъ радость... Саша, дай мнѣ книжку.
Какъ этотъ князь мнѣ надоѣлъ опять...
А право, жаль безумнаго мальчишку!
Что говорилъ онъ тутъ: злодѣй... и наказать...
Кавказъ... бѣда... Вотъ бредъ!

Служанка (*показывая на наряды*).

Прикажете убрать?

Нина.

Оставь. (*Погружается въ задумчивость. Арбенинъ показывается въ дверяхъ*).

Служанка.

Прикажете идти?

Арбенинъ. (*Служанкѣ тихо*).

Ступай.
(*Служанка не уходитъ*). Иди же!

(*Уходитъ. Онъ запираетъ дверь*).

Выходъ второй. Арбенинъ и Нина.

Арбенинъ.

Она тебѣ ужъ больше не нужна.

Нина.

Ты здѣсь?

Арбенинъ.

Я здѣсь.

Рисун. худ. Л. Пастернака.

Нина („Маскарадъ“, дѣйствіе III, сцена II, выходъ первый).

Нина.

Я, кажется, больна,
И голова въ огнѣ. Поди сюда поближе.
Дай руку: чувствуешь, какъ вся горитъ она?
Зачѣмъ я тамъ мороженое ѣла:
Я, вѣрно, простудилася тогда.
Не правда ли?

Арбенинъ *(разсѣянно).*

Мороженое? да!

Нина.

Мой милый, я съ тобой поговорить хотѣла.
Ты измѣнился съ нѣкоторыхъ поръ:
Ужъ прежнихъ ласкъ я отъ тебя не вижу,
Отрывистъ голосъ твой, и холоденъ твой взоръ.
И все за маскарадъ. О, я ихъ ненавижу;
Я заклялася въ нихъ не ѣздить никогда...

Арбенинъ *(въ сторону).*

Не мудрено! теперь безъ нихъ ужъ можно...

Нина.

Что значитъ поступить хоть разъ неосторожно!

Арбенинъ.

Неосторожно! О!...

Нина.

И въ этомъ вся бѣда.

Арбенинъ.

Обдумать все заранѣ надо было.

Нина.

О, еслибы я нравъ заранѣ знала твой,
То, вѣрно бъ, не была твоей женой.
Терзать тебя, страдать самой—
Какъ это весело и мило!

Арбенинъ.

И то! къ чему тебѣ моя любовь?

Нина.

Какая тутъ любовь? на что мнѣ жизнь такая?

Арбенинъ *(садится возлѣ нея).*

Ты права! Что такое жизнь? Жизнь—вещь пустая:
Покуда въ сердцѣ быстро льется кровь,

Все въ мірѣ намъ и радость и отрада.
Пройдутъ года желаній и страстей—
И все вокругъ темнѣй, темнѣй!
Что жизнь?—давно извѣстная шарада
Для упражненія дѣтей,
Гдѣ первое—рожденье, гдѣ второе—
Ужасный рядъ заботъ и муки тайныхъ ранъ,
Гдѣ смерть—послѣднее, а цѣлое—обманъ!

Нина *(показывая на грудь).*

Здѣсь что то жжетъ.

Арбенинъ *(продолжая).*

Пройдетъ, пустое!
Молчи и слушай. Я сказалъ,
Что жизнь лишь дорога, пока она прекрасна,
А долго ль?... Жизнь, какъ балъ:
Кружишься—весело, кругомъ все свѣтло, ясно...
Вернулся лишь домой, нарядъ измятый снялъ—
И все забылъ, и только что усталъ. .
Но въ юныхъ лѣтахъ лучше съ ней проститься.
Пока душа привычкой не сроднится
Съ ея бездушной пустотой,
Мгновенно въ міръ перелетѣлъ другой,
Покуда умъ былымъ еще не тяготится,
Покуда съ смертію легка еще борьба,—
Но это счастіе не всѣмъ даетъ судьба.

Нина.

О, нѣтъ! я жить хочу!

Арбенинъ.

Къ чему?

Нина.

Евгеній,
Я мучусь, я больна!

Арбенинъ.

А мало ли мученій,
Которыя сильнѣй, ужаснѣе твоихъ!

Нина.

Пошли за докторомъ.

Арбенинъ.

Жизнь—вѣчность, смерть—лишь мигъ.

Нина.

Но я,—я жить хочу!

Арбенинъ.

И сколько утѣшеній
Тамъ мучениковъ ждетъ!

Нина *(въ испугѣ)*.

Но молю:
Пошли за докторомъ скорѣе!

Арбенинъ *(встаетъ. Холодно)*.

Не пошлю.

Нина *(послѣ молчанія)*.

Конечно, шутишь ты, но такъ шутить безбожно.
Я умереть могу, пошли скорѣй!

Арбенинъ.

Что жъ? развѣ умереть вамъ невозможно
Безъ доктора?

Нина.

Но ты злодѣй,
Евгеній! Я жена твоя...

Арбенинъ.

Да! знаю, знаю!

Нина.

О, сжалься! пламень разлился
Въ моей груди; я умираю...

Арбенинъ *(смотритъ на часы)*.

Такъ скоро? Нѣтъ еще; осталось полчаса.

Нина.

О, ты меня не любишь!

Арбенинъ.

А за что же
Тебя любить? за то ль, что цѣлый адъ
Мнѣ въ грудь ты бросила? О, нѣтъ! я радъ, я радъ
Твоимъ страданьямъ. Боже, Боже!
И ты, ты смѣешь требовать любви?
А мало я любилъ тебя, скажи?
А этой нѣжности ты знала ль цѣну?
А много ли хотѣлъ я отъ любви твоей?

Улыбку нѣжную, привѣтный взглядъ очей...
И что нашелъ?—коварство и измѣну!
Возможно ли? меня продать,
Меня—за поцѣлуй глупца... меня, который
По слову первому былъ душу радъ отдать!
Мнѣ измѣнить? мнѣ, и такъ скоро!..

Нина.

О! еслибы вину свою сама
Я знала, то...

Арбенинъ.

Молчи, иль я сойду съ ума!
Когда же эти муки перестанутъ?

Нина.

Браслетъ мой князь нашелъ, потомъ
Какимъ-нибудь клеветникомъ
Ты былъ обманутъ.

Арбенинъ.

Такъ, я былъ обманутъ!
Довольно! я ошибся... возмечталъ,
Что я могу быть счастливъ... думалъ снова
Любить и вѣровать... но часъ судьбы насталъ,—
И все прошло, какъ бредъ больнова.
Быть можетъ, я бъ успѣлъ небесныя мечты
Осуществить, предавшися надеждѣ,
И въ сердцѣ бъ оживилъ все, что цвѣло въ немъ прежде,
Ты не хотѣла, ты!..
Плачь! плачь! Но что такое, Нина,
Что слезы женскія?—вода.
Я жъ плакалъ—я, мужчина!
Отъ злобы, ревности, мученья и стыда
Я плакалъ,—да!
А ты не знаешь, что такое значитъ,
Когда мужчина плачетъ?
О! въ этотъ мигъ къ нему не подходи:
Смерть у него въ рукахъ, и адъ въ груди.

Нина

(въ слезахъ упадаетъ на колѣна и поднимаетъ руки къ небу).

Творецъ Небесный, пощади!
Не слышитъ онъ, но Ты все слышишь, Ты все знаешь
И Ты меня, Всесильный, оправдаешь!...

Арбенинъ.

Остановись! хоть передъ Нимъ не лги.

„Смерть Нины“. Рисун. худ. Л. О. Пастернака.

Нина.

Нѣтъ, я не лгу, я не нарушу
Его святыни ложною мольбой.
Ему я предаю страдальческую душу:
Онъ—твой судья—защитникъ будетъ мой.

Арбенинъ

(который въ это время ходитъ по комнатѣ, сложивъ руки).

Теперь молиться время, Нина:
Ты умереть должна чрезъ нѣсколько минутъ,
И тайной для людей останется кончина
Твоя, и насъ разсудитъ только Божій судъ.

Нина.

Какъ? умереть? теперь? сейчасъ?... Нѣтъ, быть не можетъ!

Арбенинъ *(смѣясь).*

Я зналъ заранѣе, что это васъ встревожитъ.

Нина.

Смерть, смерть! Онъ правъ... въ груди огонь, весь адъ!...

Арбенинъ.

Да, я тебѣ на балѣ подалъ ядъ. *(Молчаніе).*

Нина.

Не вѣрю, невозможно... нѣтъ! ты надо мною *(бросается къ нему)*
Смѣешься... ты не извергъ—нѣтъ, въ душѣ твоей
Есть искра доброты... Съ холодностью такою
Меня ты не погубишь въ цвѣтѣ дней.
Не отворачивайся такъ, Евгеній,
Не продолжай моихъ мученій,
Спаси меня, разсѣй мой страхъ...
Взгляни сюда... *(Смотритъ ему прямо въ глаза и отскакиваетъ).*
О, смерть въ твоихъ глазахъ!

(Упадаетъ на стулъ и закрываетъ глаза. Онъ подходитъ и цѣлуетъ ее).

Арбенинъ.

Да, ты умрешь, и я останусь тутъ
Одинъ, одинъ... Года пройдутъ,
Умру—и буду все одинъ... Ужасно!
Но ты не бойся! міръ прекрасной
Тебѣ откроется, и ангелы возьмутъ
Тебя въ небесный свой пріютъ. *(Плачетъ).*
Да, я тебя люблю, люблю... Я все забвенью,
Что было, предалъ; есть граница мщенью,
И вотъ она. Смотри: убійца твой
Здѣсь, какъ дитя, рыдаетъ надъ тобой... *(Молчаніе).*

Нина *(вырывается и вскакиваетъ).*

Сюда! сюда!... на помощь!... умираю...
Ядъ, ядъ! Не слышатъ... понимаю:
Ты остороженъ... никого... нейдутъ...
Но помни: есть небесный судъ,
И я тебя, убійца, проклинаю!

(Не добѣжавъ до двери, упадаетъ безъ чувствъ).

Арбенинъ *(горько смѣясь).*

Проклятіе! что пользы проклинать?
Я проклятъ Богомъ! *(Подходитъ).* Бѣдное созданье!

Ей не по силамъ наказанье... *(Стоитъ сложа руки).*
Блѣдна... *(Содрогается).* Но всѣ черты спокойны; не видать
Въ нихъ ни раскаянья, ни угрызеній...
Ужель?

Нина *(слабо).*

Прощай, Евгеній!
Я умираю, но невинна... Ты—злодѣй!

Арбенинъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не говори, тебѣ ужъ не поможетъ
Ни ложь, ни хитрость... Говори скорѣй:
Я былъ обманутъ?... Такъ шутить не можетъ
Самъ адъ любовію моей!
Молчишь? О! месть тебя достойна...
Но это не поможетъ: ты умрешь...
И будетъ для людей все тайна,—будь спокойна...

Нина.

Теперь мнѣ все равно... Я все жъ
Невинна передъ Богомъ... *(Умираетъ).*

Арбенинъ

(подходитъ къ ней и быстро отворачивается).

Ложь!

(Упадаетъ въ кресло).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Выходъ первый.

Арбенинъ *(сидитъ у стола на диванѣ).*

Я ослабѣлъ въ борьбѣ съ собой
Среди мучительныхъ усилій...
И чувства, наконецъ, вкусили
Какой то тягостный, обманчивый покой...
Лишь иногда невольною заботой
Душа тревожится въ холодномъ этомъ снѣ,
И сердце ноетъ, будто ждетъ чего то.
Не все ли кончено? Ужели на землѣ
Страданье новое вкусить осталось мнѣ?
Вздоръ!... Дни пройдутъ, придетъ забвенье,
Подъ тягостью годовъ умретъ воображенье,

И долженъ же покой когда-нибудь
Вновь поселиться въ эту грудь...
(Задумывается; вдругъ поднимаетъ голову).
Я ошибался? Нѣтъ, неумолимо
Воспоминаніе!... Какъ живо вижу я
Ея мольбы, тоску... О! мимо, мимо,
Ты, пробужденная змѣя!... *(Упадаетъ головою на руки).*

Выходъ второй.

Казаринъ *(тихо).*

Арбенинъ здѣсь, печаленъ и вздыхаетъ.
Посмотримъ, какъ то онъ комедію сыграетъ. *(Ему).*
Я, милый другъ, спѣшилъ къ тебѣ,
Узнавши о твоемъ несчастьи.
Какъ быть! угодно такъ судьбѣ.
У всякаго свои напасти... *(Молчаніе).*
Да полно, братъ! личину ты сними,
Не опускай такъ важно взоры;
Вѣдь это хорошо съ людьми,
Для публики, а мы съ тобой актеры.
Скажи-ка, братъ... Да какъ ты блѣденъ сталъ,
Подумаешь, что ночь всю въ карты проигралъ!
О, старый плутъ!... да мы разговориться
Успѣемъ послѣ... Вотъ твоя родня,—
Покойницѣ идутъ, конечно, поклониться.
Прощай же, до другого дня. *(Уходитъ).*

Выходъ третій. Родственники приходятъ.

Дама *(племянницѣ).*

Ужъ, видно, есть надъ нимъ Господнее проклятье:
Дурной былъ мужъ, дурной былъ сынъ...
Напомни мнѣ заѣхать въ магазинъ
Купить матеріи на траурное платье.
Хоть нынче нѣтъ доходовъ никакихъ,
А разоряюсь для родныхъ.

Племянница.

Ma tante! какая же причина
Тому, что умерла кузина?

Дама.

А та, сударыня, что глупъ вашъ модный свѣтъ.
Ужъ доживете вы до бѣдъ! *(Уходятъ).*

Выходъ четвертый. Выходятъ изъ комнаты покойницы.

Докторъ и Старикъ.

Старикъ.

При васъ она скончалась?

Докторъ.

Не успѣли
Меня найти... Я говорилъ всегда:
Съ мороженымъ и балами бѣда!

Старикъ.

Покровъ богатъ! парчу вы разсмотрѣли?
У брата моего прошедшею весной
На гробѣ былъ точь въ точь такой. *(Уходитъ).*

Выходъ пятый.

Докторъ

(подходитъ къ Арбенину и беретъ его за руку).

Вамъ надо отдохнуть.

Арбенинъ *(вздрагиваетъ).*

А!... *(въ сторону)* сердце сжалось.

Докторъ.

Вы слишкомъ предались печали эту ночь,—
Усните.

Арбенинъ.

Постараюсь.

Докторъ.

Ужъ помочь
Нельзя ничѣмъ; но вамъ осталось
Беречь себя.

Арбенинъ.

Ого! я невредимъ.
Какимъ страданіямъ земнымъ
На жертву грудь моя не предавалась,
А я все живъ... Я счастія желалъ,
И въ видѣ ангела мнѣ Богъ его послалъ;
Мое преступное дыханье
Въ немъ осквернило божество,
И вотъ оно, прекрасное созданье—
Смотрите—холодно, мертво!
Разъ въ жизни человѣка мнѣ чужого,

Рискуя честію, отъ гибели я спасъ,
А онъ, смѣясь, шутя, не говоря ни слова,
Онъ отнялъ у меня все, все—и черезъ часъ. *(Уходитъ).*

Докторъ.

Онъ боленъ не шутя, и я не сомнѣваюсь,
Что въ этой головѣ мученій было тьма;
Но если онъ сойдетъ съ ума,
То я за жизнь его ручаюсь. *(Уходя, сталкивается съ двумя).*

Выходъ шестой. Неизвѣстный и Князь.

Неизвѣстный.

Позвольте васъ спросить: Арбенина нельзя ль
Намъ видѣть?

Докторъ.

Право, утверждать не смѣю...
Жена его вчерась скончалась.

Неизвѣстный.

Очень жаль.

Докторъ.

И онъ такъ огорченъ...

Неизвѣстный.

Я и о немъ жалѣю...
Однако жъ, дома онъ?

Докторъ.

Онъ? дома, да.

Неизвѣстный.

Я дѣло до него преважное имѣю.

Докторъ.

Вы изъ друзей его, конечно, господа?

Неизвѣстный.

Покамѣстъ нѣтъ; но мы пришли сюда,
Чтобъ подружиться понемногу.

Докторъ.

Онъ боленъ не шутя.

Князь *(испугавшись).*

Лежитъ
Безъ памяти?

Докторъ.

Нѣтъ! ходитъ, говоритъ,
И есть еще надежда...

Князь.

Слава Богу! *(Докторъ уходитъ).*

Выходъ седьмой.

Князь.

О, наконецъ!...

Неизвѣстный.

Лицо у васъ въ огнѣ.
Вы тверды ли въ своемъ рѣшеньѣ?

Князь.

А вы ручаетесь ли мнѣ,
Что справедливо ваше подозрѣнье?

Неизвѣстный.

Послушайте, у насъ обоихъ цѣль одна.
Его мы ненавидимъ оба;
Но вы его души не знаете,—мрачна
И глубока, какъ двери гроба:
Чему хоть разъ отворится она,
То въ ней погребено навѣки; подозрѣнья
Ей стоятъ доказательствъ; ни прощенья,
Ни жалости не знаетъ онъ,
Когда обиженъ. Мщенье, мщенье—
Вотъ цѣль его тогда, и вотъ его законъ.
Да, эта смерть скора не безъ причины.
Я зналъ,—вы съ нимъ враги, и услужить вамъ радъ.
Вы драться станете—я два шага назадъ,
И буду зрителемъ картины.

Князь.

Но какъ узнали вы, что день тому назадъ
Я былъ обиженъ имъ?

Неизвѣстный.

Я разсказать бы радъ,
Да это вамъ наскучитъ!
Къ тому жъ, весь городъ говоритъ...

Князь.

Мысль нестерпимая!

Неизвѣстный.

Она васъ слишкомъ мучитъ.

Князь.

О, вы не знали, что такое стыдъ!

Неизвѣстный.

Стыдъ? —нѣтъ! и опытъ васъ забыть о немъ научитъ.

Князь.

Но кто вы?

Неизвѣстный.

Имя нужно вамъ?
Я вашъ сообщникъ, ревностно и дружно
За вашу честь вступился самъ,
А знать вамъ болѣе не нужно.
Но, чу! идутъ... походка тяжела
И медленна. Онъ! точно. Удалитесь
На мигъ,—есть съ нимъ у насъ дѣла,
И вы въ свидѣтели теперь намъ не годитесь.

(Князь отходитъ въ сторону).

Выходъ восьмой. Арбенинъ *(со свѣчой).*

Арбенинъ.

Смерть! смерть! О, это слово здѣсь,
Вездѣ, я имъ проникнутъ весь;
Оно меня преслѣдуетъ; безмолвно
Смотрѣлъ я цѣлый часъ на трупъ ея нѣмой,
И сердце было полно, полно
Невыразимою тоской.
Въ чертахъ спокойствіе и дѣтская безпечность.
Улыбка вѣчная тихонько расцвѣла,
Когда предъ ней открылась вѣчность,
И тамъ свою судьбу душа ея прочла.
Ужель я ошибался?—Невозможно!
Мнѣ ошибиться?—Кто докажетъ мнѣ
Ея невинность?—Ложно! ложно!
Гдѣ доказательства? есть у меня они?
Я не повѣрилъ ей,—кому же стану вѣрить?
Да, я былъ страстный мужъ, но былъ судья
Холодный. Кто же разувѣрить
Меня осмѣлится?

Неизвѣстный.

Осмѣлюсь—я!

Арбенинъ.

(Сначала пугается и, отойдя, подноситъ къ лицу свѣчу).

А кто же вы?

Неизвѣстный.

Немудрено, Евгеній,
Ты не узналъ меня, а были мы друзья.

Арбенинъ.

Но кто вы?

Неизвѣстный.

Я—твой добрый геній.
Да! непримѣченный, вездѣ я былъ съ тобой,
Всегда съ другимъ лицомъ, всегда въ другомъ нарядѣ,
Зналъ всѣ твои дѣла и мысль твою порой;
Остерегалъ тебя недавно въ маскарадѣ.

Арбенинъ *(вздрогнувъ).*

Пророковъ не люблю, и выйти васъ
Прошу немедленно. Я говорю серьезно.

Неизвѣстный.

Все такъ, но, несмотря на голосъ грозной
И на рѣшительный приказъ,
Я не уйду. Да, вижу, вижу ясно,
Ты не узналъ меня. Я не изъ тѣхъ людей,
Которыхъ можетъ мигъ опасной
Отвлечь отъ цѣли многихъ дней.
Я цѣль свою достигъ и здѣсь на мѣстѣ лягу,
Умру, но ужъ назадъ не сдѣлаю ни шагу.

Арбенинъ.

Я самъ таковъ, и этимъ, сверхъ того,
Не хвастаюсь. *(Садится).* Я слушаю.

Неизвѣстный *(въ сторону).*

Доселѣ
Мои слова не тронули его.
Иль я ошибся, въ самомъ дѣлѣ?
Посмотримъ далѣе. *(Ему).* Семь лѣтъ тому назадъ
Ты узнавалъ меня, Арбенинъ. Я былъ молодъ,
Неопытенъ и пылокъ и богатъ.
Но ты... въ твоей груди ужъ крылся этотъ холодъ,
То адское презрѣнье ко всему,
Которымъ ты гордился всюду.
Не знаю, приписать его къ уму,

Иль къ обстоятельствамъ—я разбирать не буду
Твоей души: ее пойметъ лишь Богъ,
Который сотворить одинъ такую могъ.

Арбенинъ.

Дебютъ хорошъ.

Неизвѣстный.

Конецъ не будетъ хуже.
Разъ ты меня уговорилъ, увлекъ
Къ себѣ... Мой кошелекъ
Былъ полонъ, и къ тому же
Я вѣрилъ счастью... Сѣлъ играть съ тобой
И проигралъ. Отецъ мой былъ скупой
И строгій человѣкъ... и чтобъ не подвергаться
Упрекамъ, я рѣшился отыграться.
Но ты, хоть молодъ, ты меня держалъ
Въ когтяхъ, и я все снова проигралъ.
Я предался отчаянью. Тутъ были,
Ты помнишь, можетъ быть,
И слезы и мольбы... Въ тебѣ же возбудили
Онѣ лишь смѣхъ!.. О! лучше бы пронзить
Меня кинжаломъ! Но въ то время
Ты не смотрѣлъ еще пророчески впередъ;
И только нынче злое сѣмя
Произвело достойный плодъ.

(Арбенинъ хочетъ вскочить, но задумывается).

И я покинулъ все съ того мгновенья,
Все—женщинъ и любовь, блаженство юныхъ лѣтъ,
Мечтанья нѣжныя и сладкія волненья;
И въ свѣтѣ мнѣ открылся новый свѣтъ,
Міръ новыхъ, странныхъ ощущеній,
Міръ обществомъ отверженныхъ людей,
Самолюбивыхъ душъ и ледяныхъ страстей
И увлекательныхъ мученій.
Я увидалъ, что деньги—царь земли,
И поклонился имъ... Года прошли,
Все скоро унеслось: богатство и здоровье;
Навѣки предо мной закрылась счастья дверь...
Я заключилъ съ судьбой послѣднее условье
И вотъ сталъ тѣмъ, что я теперь...
А! ты дрожишь, ты понимаешь
И цѣль мою, и то, что я сказалъ!
Ну, повтори еще, что ты меня не знаешь.

Арбенинъ.

Прочь! я узналъ тебя, узналъ!..

Неизвѣстный.

Прочь?! развѣ это все? ты надо мной смѣялся,—
И я повеселиться радъ.
Недавно до меня случайно слухъ домчался,
Что счастливъ ты, женился и богатъ.
И горько стало мнѣ, и сердце зароптало,
И долго думалъ я: за что жъ
Онъ счастливъ? И шептало
Мнѣ чувство внятное: „иди, иди, встревожь!“
И сталъ я слѣдовать, мѣшаяся съ толпой,
Безъ устали, всегда повсюду за тобой,
Все узнавалъ... И, наконецъ,
Пришелъ трудамъ моимъ конецъ.
Послушай, я узналъ, и... и открою
Тебѣ я истину одну... *(Протяжно).*
Послушай: ты... убилъ свою жену!

(Арбенинъ отскакиваетъ. Князь подходитъ).

Арбенинъ.

Убилъ? я? Князь! О! что такое!...

Неизвѣстный *(отступая).*

Я все сказалъ. Онъ скажетъ остальное.

Арбенинъ *(приходя въ бѣшенство).*

А! заговоръ! прекрасно!... я у васъ
Въ рукахъ... Вамъ помѣшать кто смѣетъ?
Никто... вы здѣсь цари... я смиренъ... я сейчасъ
У вашихъ ногъ... душа моя робѣетъ
Отъ взглядовъ вашихъ... Я глупецъ, дитя
И противъ вашихъ словъ отвѣта не имѣю.
Я мигомъ побѣжденъ, обманутъ я шутя
И подъ топоръ нагну спокойно шею!...
А вы не разочли, что есть еще во мнѣ
Присутствіе ума и опытность и сила?
Вы думали, что все взяла ея могила?
Что я не заплачу вамъ всѣмъ по старинѣ?
Такъ вотъ какъ я униженъ въ вашемъ мнѣньи
Коварнымъ лепетомъ молвы!...
Да! сцена хорошо придумана, но вы
Не отгадали заключенья.
А этотъ мальчикъ?... Такъ и онъ со мной
Бороться вздумалъ? Мало было
Одной пощечины,—нѣтъ, хочется другой?
Вы все получите, мой милой!

Вамъ жизнь наскучила? Не странно: жизнь глупца.
Жизнь площадного волокиты!
Утѣшьтесь же теперь? вы будете убиты,
Умрете съ именемъ и смертью подлеца.

Князь.

Увидимъ, но скорѣй!...

Арбенинъ.

Идемъ, идемъ!

Князь.

Теперь я счастливъ!

Неизвѣстный *(останавливая)*.

Да! а главное забыли!...

Князь *(останавливая Арбенина)*.

Постойте! Вы должны узнать, что обвинили
Меня напрасно; что ни въ чемъ
Не виновата ваша жертва; оскорбили
Меня вы во-время; я только обо всемъ
Хотѣлъ сказать вамъ... Но пойдемъ.

Арбенинъ.

Что? что?

Неизвѣстный.

Твоя жена невинна; слишкомъ строго
Ты обошелся...

Арбенинъ *(хохочетъ)*.

Да у васъ въ запасѣ шутокъ много.

Князь.

Нѣтъ, нѣтъ, я не шучу, клянусь Творцомъ.
Браслетъ случайною судьбою
Попался баронессѣ и потомъ
Былъ отданъ мнѣ ея рукою.
Я ошибался самъ. Но вашею женою
Любовь моя отвергнута была.
Когда бъ я зналъ, что отъ одной ошибки
Произойдетъ такъ много зла,
То вѣрно бъ не искалъ ни взора, ни улыбки...
И баронесса этимъ вотъ письмомъ
Вамъ открывается во всемъ.
Читайте же скорѣй, мнѣ дороги мгновенья...

(Арбенинъ взглядываетъ на письмо и читаетъ).

Неизвѣстный. *(Поднявъ глаза къ небу, лицемѣрно).*

Казнитъ злодѣя Провидѣнье!
Невинная погибла,—жаль!
Но здѣсь ждала ее печаль,
А въ небесахъ спасенье!
Ахъ! я ее видалъ: ея глаза
Всю чистоту души изображали ясно.
Кто бъ думать могъ, что этотъ цвѣтъ прекрасной
Сомнетъ минутная гроза...
Что ты замолкъ, несчастной?
Рви волосы, терзайся и кричи...
Ужасно!... о, ужасно!...

Арбенинъ *(бросается на нихъ).*

Я задушу васъ, палачи!
(Вдругъ слабѣетъ и падаетъ на кресла).

Князь *(толкая грубо).*

Раскаянье вамъ не поможетъ.
Ждутъ пистолеты, споръ нашъ не рѣшонъ...
Молчитъ, не слушаетъ. Ужели онъ
Разсудокъ потерялъ?...

Неизвѣстный.

Быть можетъ...

Князь.

Вы помѣшали мнѣ.

Неизвѣстный.

Мы цѣлимъ розно.
Я отомстилъ; для васъ, я думаю, ужъ поздно!

Арбенинъ *(встаетъ съ дикимъ взглядомъ).*

О, что сказали вы?... Нѣтъ силъ, нѣтъ силъ...
Я такъ былъ оскорбленъ, я такъ увѣренъ былъ...
Прости, прости меня, о Боже!... Мнѣ? прощенья?! *(Хохочетъ).*
А слезы, жалобы, моленья!...
А ты простилъ? *(Становится на колѣна).*
Ну вотъ и я упалъ предъ вами на колѣна...
Скажите же, не правда ли, измѣна,
Коварство очевидны... Я хочу, велю,
Чтобъ вы ее сейчасъ же обвинили!
Она невинна? Развѣ вы тутъ были?
Смотрѣли въ душу вы мою?
Какъ я теперь прошу, такъ и она молила...

Ошибка... я ошибся... что жъ!...
Она мнѣ то же говорила,
Но я сказалъ, что это ложь... *(Встаетъ).*
Я это ей сказалъ. *(Молчаніе).* Вотъ что я вамъ открою:
Не я ея убійца. *(Взглядываетъ пристально на Неизвѣстнаго).*
Ты, скорѣй!
Признайся, говори смѣлѣй,
Будь откровененъ хоть со мною!
О, милый другъ! зачѣмъ ты былъ жестокъ?
Вѣдь я ее любилъ, я бъ небесамъ и раю
Одной слезы ея, когда бы могъ,
Не уступилъ... но я тебѣ прощаю!

(Упадаетъ на грудь ему и плачетъ).

Неизвѣстный *(отталкиваетъ его грубо).*

Приди въ себя, опомнись... *(Князю).* Уведемъ
Его отсюда; онъ опомнится, конечно,
На воздухѣ... *(Беретъ его за руку).* Арбенинъ!

Арбенинъ.

Вѣчно
Мы не увидимся... Прощай... Идемъ... идемъ...
Сюда... сюда... *(Вырываясь, бросается въ дверь, гдѣ гробъ Нины).*

Князь.

Остановите!...

Неизвѣстный.

И этотъ гордый умъ сегодня изнемогъ.

Арбенинъ *(возвращаясь съ дикимъ стономъ).*

Здѣсь посмотрите! посмотрите... *(Прибѣгая на средину сцены).*
Я говорилъ тебѣ, что ты жестокъ!

(Падаетъ на землю и сидитъ полулежа, съ неподвижными глазами. Князь и Неизвѣстный стоятъ надъ нимъ).

Неизвѣстный.

Давно хотѣлъ я полной мести,—
И вотъ вполнѣ я отомщенъ!

Князь.

Онъ безъ ума счастливъ; а я?... Навѣкъ лишенъ
Спокойствія и чести!

1836
г.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Дмитрій Петровичъ въ креслахъ, Юрій возлѣ него на стулѣ, Александръ въ сторонѣ стоитъ у стола и перебираетъ бумаги.

Дмитрій Петровичъ.

Я думалъ, Юрій, что тебя совсѣмъ ко мнѣ не отпустятъ. Признаюсь, умереть, не видавши тебя, было бы грустно. Я старъ, слабъ, много жилъ, иногда слишкомъ весело, иногда слишкомъ печально... и теперь чувствую, что скоро Богъ призоветъ меня къ Себѣ; даже нынче, когда мнѣ объявили о твоемъ пріѣздѣ, то старость напомнила о себѣ... Не знаю, какъ перенесъ я эту послѣднюю радость.

Юрій.

Я нахожу, батюшка, что вы вовсе не такъ слабы, какъ говорите.

Дмитрій Петровичъ.

А что мудренаго? Александръ, скажи-ка, ужъ не въ самомъ ли дѣлѣ я помолодѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ пріѣхалъ.

Александръ.

Точно! Вы никогда со мною не были такъ веселы, какъ теперь съ братомъ.

Дмитрій Петровичъ.

Не пеняй, братъ, не пеняй; вѣдь я съ тобой всегда, а его сколько лѣтъ не видалъ. *(Цѣлуетъ его)*. Ты, Юрій, точно портретъ твоей покойной матери.

Александръ.

Да, вотъ ужъ четыре года, какъ братъ не былъ дома... И самъ онъ много перемѣнился, и здѣсь въ Москвѣ все, кромѣ насъ, перемѣнилось... Я думаю, онъ не узнаетъ княгиню Вѣру.

Юрій.

Какая княгиня?

Дмитрій Петровичъ.

Развѣ не знаешь?... Вѣринька Загорскина вышла за князя Лиговскаго. Твоя прежняя московская страсть.

Юрій

А! такъ она вышла замужъ, и за князя?

Дмитрій Петровичъ.

Какъ же, 3000 душъ, и человѣкъ пречестный, предобрый: они у насъ нанимаютъ бель-этажъ, и сегодня я ихъ звалъ обѣдать.

Юрій.

Князь! и 3000 душъ!... А есть ли у него своя въ придачу?

Дмитрій Петровичъ.

Онъ человѣкъ пречестный и жену обожаетъ. старается ей угодить во всемъ: только пожелай она чего, — на другой же день явится у ней на столѣ... Всѣ ея родные говорятъ, что она счастлива, какъ нельзя болѣе.

Александръ.

Батюшка, что прикажете дѣлать съ этими бумагами?

Дмитрій Петровичъ.

Послѣ!... до бумагъ ли мнѣ теперь.

Юрій.

Признаюсь... я думалъ прежде, что сердце ея не продажно... теперь вижу, что оно стоило нѣсколько сотъ тысячъ дохода.

Дмитрій Петровичъ.

Охъ, вы, молодые люди! а вѣдь самъ чувствуешь, что она поступила бы безразсудно, еслибъ надѣялась на ребяческую твою склонность.

Юрій.

А!... она сдѣлалась разсудительна.

Александръ *(въ нѣкоторомъ волненіи).*

Батюшка! повѣренный ждетъ... нужно.

Дмитрій Петровичъ.

А теперь, когда она вышла замужъ... твое самолюбіе тронуто: тебѣ досадно, что она счастлива; это дурно.

Юрій.

Она не можетъ быть счастлива.

Александръ (*прерывая*).

Батюшка... позвольте... очень нужное дѣло. (*Въ сторону*). Неужели этотъ разговоръ никогда не кончится?...

Дмитрій Петровичъ.

Я сказалъ тебѣ, что послѣ... Ты вѣчно съ дѣлами; вѣдь видишь, что я говорю серьезно. Нѣтъ, Юрій, это нехорошо. Впрочемъ, ты самъ увидишь, какъ она любитъ мужа.

Юрій.

Не можетъ быть.

Дмитрій Петровичъ.

Всѣ ея родные говорятъ, и она сама.

Юрій.

А я говорю вамъ, батюшка, что я по наслышкѣ ужъ имѣю понятіе о томъ, что такое князь... Она любить его не можетъ.

Александръ.

Она его любитъ страстно.

Дмитрій Петровичъ.

Ну, братецъ, ты объ этомъ судить не можешь. (*Юрію*). Онъ такъ холоденъ, такъ разсудителенъ, что, право, я часто желалъ бы лучше, чтобъ онъ былъ вспыльчивъ и вѣтренъ... Вотъ ужъ можно держать пари, что никогда не влюбится и не надѣлаетъ глупостей.

Александръ.

Я остороженъ, батюшка; берегу другихъ и себя.

Дмитрій Петровичъ.

У него всегда готово оправданіе... а тебѣ, Юрій, я долженъ дать совѣтъ и прошу тебя имѣть, на этотъ разъ хоть, ко мнѣ полную довѣренность. Я старъ, опытенъ и понимаю молодость. Я съ цѣлію завелъ этотъ разговоръ; выслушай: она теперь счастлива, я въ этомъ увѣренъ, но она молода, она тебя любила прежде, и во всякомъ случаѣ ваша встрѣча произведетъ въ ней нѣкоторое волненіе. Если ты не покажешь никакого желанія возвратиться къ

прежнему, если ты будешь обращаться съ нею, какъ съ женщиной, которую бы ты встрѣтилъ два раза на балѣ... то, повѣрь, въ скоромъ времени вы оба привыкнете къ мысли, что между вами не должно уже быть ничего общаго; но слушай, Юрій, я прошу тебя, не покушайся никогда разрушить ихъ супружеское счастіе: это удовольствіе низкое, оно отзывается чѣмъ то похожимъ на зависть... Большая слава обольстить бѣдную, слабую женщину!... Обѣщай мнѣ вести себя благоразумно.

Юрій.

Я обѣщаю не дѣлать перваго шага.

Дмитрій Петровичъ.

Юрій!

Юрій.

Я не обѣщаю никогда больше, нежели могу исполнить.

Дмитрій Петровичъ.

Я прошу тебя!... Ты знаешь, какъ я друженъ съ ея семействомъ.

Слуга *(входитъ)*.

Князь Лиговскій съ княгинею.

Александръ *(въ сторону)*.

Рѣшительная минута.

Юрій.

Батюшка, вы будете мною довольны.

(Входятъ Княгиня и Князь. Княгиня и Юрій медленно раскланялись, наблюдая другъ друга).

Князь.

Дмитрій Петровичъ! честь имѣю васъ поздравить съ пріѣздомъ Юрія Дмитрича. Я думаю, вы очень рады.

Дмитрій Петровичъ.

Благодарю васъ, князь, отъ всей души... Когда вы будете отцомъ, тогда и сами вполнѣ меня поймете.

Князь *(съ улыбкою)*.

Я надѣюсь, что это будетъ скоро. *(Вѣра отворачивается; потомъ).*

Вѣра.

Monsieur Радинъ! рекомендую вамъ моего мужа, прошу его полюбить.

Юрій.

Я буду стараться, княгиня.

Князь.

А я надѣюсь, что мы сойдемся: я, какъ говорятъ военные, въ полномъ смыслѣ добрый малый.

Юрій.

Увидавъ васъ, князь, я тотчасъ угадалъ. *(Въ сторону).* Ея хладнокровіе меня бѣситъ.

Дмитрій Петровичъ.

Княгиня, милости просимъ; князь... *(Садятся).*

Вѣра.

Какъ вы находите, monsieur Радинъ, я постарѣла?

Юрій.

Въ счастіи не старѣются, княгиня; вы не постарѣли нисколько, хотя перемѣнились.

Дмитрій Петровичъ.

Довольны ль вы, князь, вашей квартирой?

Князь.

Очень!... прекрасныя комнаты, только довольно странное расположеніе: столько дверей, закоулковъ и лѣстницъ въ задней половинѣ, что я въ первый день чуть не заплутался... Я, вы знаете, только вчера переѣхалъ и теперь все занимаюсь уборкой комнатъ.

Вѣра.

Ахъ, вообразите, какъ мой Пьеръ милъ!... Сегодня я просыпаюсь и вдругъ вижу у себя на туалетѣ цѣлую модную лавку... Что жъ вышло: это все онъ мнѣ подарилъ на новоселье.

Юрій.

Княгиня! это показываетъ, какъ дорого князь цѣнитъ вашу любовь.

Князь.

О, помилуйте! мнѣ такъ пріятно ее тѣшить... за каждую ея ласку я готовъ дать десять тысячъ.

Александръ *(въ сторону).*

За такую ласку я ужъ отдалъ спокойствіе, теперь отдамъ жизнь.

Князь.

Что вы такъ задумчивы, Александръ Дмитріевичъ? Вчера у насъ вы были гораздо веселѣе.

Вѣра.

Онъ всегда печаленъ, когда другіе веселы.

Александръ.

Если вамъ угодно, я буду веселъ...

Вѣра.

Пожалуйста; это любопытно посмотрѣть.

Александръ.

Что жъ, извольте. Не разсказать ли, какъ толстая жена откупщика потеряла башмакъ въ собраніи, — это очень смѣшно; но вы такъ добры, что вамъ будетъ жалко. Разсказать, какъ князь Иванъ битыхъ три часа толковалъ мнѣ объ устройствѣ новой водяной мельницы и самъ махалъ руками наподобіе вѣтряной; вы сами видѣли эту картину, и не смѣялись. Повторить, что разсказываетъ онъ про своего дядю, какъ тотъ на 20 году отъ роду получилъ пощечину, 72 года все искалъ своего непріятеля, на 92-мъ нашелъ, замахнулся... и отъ натуги умеръ,—это смѣшно, только когда онъ самъ разсказываетъ. Наконецъ, говорить мнѣ свои глупости, — вы къ нимъ ужъ привыкли, и онѣ мнѣ самому надоѣли больше, чѣмъ комунибудь.

Вѣра.

Вы сегодня расположены къ злости.

Александръ.

Право? Ну, такъ оправдаю вашу догадку и разскажу, какъ наша сосѣдка плакала, когда дочь отказала жениху съ милліономъ, потому что онъ только разъ въ недѣлю брееть бороду.

Юрій.

Вотъ ужъ это было бы вовсе не смѣшно, и я бы на ея мѣстѣ слегъ въ постелю... Милліонъ! да тутъ не нужно ни лица, ни ума, ни души, ни имени: господинъ милліонъ—тутъ все.

Дмитрій Петровичъ.

Полно, Юрій, это слишкомъ по-петербургски.

Юрій.

Батюшка! вездѣ такъ думаютъ, и въ Петербургѣ такъ говорятъ; но повѣрьте мнѣ, женщина, отказавшая милліону, поздно или рано раскается, и горько раскается. Сколько прелестей въ милліонѣ! Наряды, подарки, вся утонченность роскоши, извиненіе всѣхъ слабостей, недостатковъ, уваженіе, любовь, дружба... Вы скажете: это будетъ все одинъ обманъ; но и безъ того мы вѣчно обмануты, такъ лучше быть обмануту съ милліономъ.

Дмитрій Петровичъ.

Я не полагаю, чтобъ многіе такъ думали.

Кавказскій видъ. Картина М. Ю. Лермонтова.

Юрій.

Я знаю людей, которые поступаютъ по этимъ правиламъ.

Вѣра *(въ сторону).*

Онъ меня мучитъ. *(Громко).* Пьеръ, ты хотѣлъ показать Дмитрію Петровичу, какъ убраны наши комнаты, и о чемъ то съ нимъ переговорить.

Князь.

Ахъ, точно, я имѣю до васъ маленькую просьбу насчетъ условія.

Дмитрій Петровичъ.

Къ вашимъ услугамъ, князь. *(Уходятъ. Александръ приближается къ Вѣрѣ и Юрій; съ минуту молчаніе).*

Юрій *(насмѣшливо).*

Да, княгиня, милліонъ вещь ужасная.

(Уходитъ. Она погружена въ задумчивость).

Александръ *(беретъ ее за руку).*

Вѣра, твой мужъ... всѣ ушли, мы одни... Вотъ ужъ сутки, какъ я жду этой минуты; я видѣлъ по твоему лицу, что ты хочешь мнѣ что то сказать. О, я читаю въ глазахъ твоихъ, Вѣра! *(Она отворачивается).* Ты отворачиваешься... конечно, у тебя на душѣ какая-нибудь новая мучительная тайна,—скорѣй, скорѣй влей ее въ мою душу... тамъ много ей подобныхъ, и она съ ними уживется. Какое-нибудь сомнѣніе? Что жъ! Ты знаешь, какъ искусно я умѣю разрѣшать всѣ сомнѣнія.

Вѣра.

О! я помню.

Александръ.

Ты помнишь, сколько мнѣ стоило труда уничтожить твой единственный предразсудокъ, и какъ потомъ ты мнѣ была благодарна, потому что я люблю тебя. Вѣра! люблю больше, (чѣмъ) ты можешь вообразить, люблю, какъ человѣкъ, который въ первый разъ любимъ и счастливъ.

Вѣра.

Да, я слишкомъ все это хорошо помню.

Александръ.

Что это? упрекъ? раскаянье?... И отчего же именно теперь, послѣ двухъ лѣтъ?... О, я не хочу угадывать... нѣтъ, это минута неудовольствія; ты чѣмъ-нибудь огорчена... и зная, какъ я тебя люблю, ты изливаешь на меня свою досаду... Хорошо, Вѣра, хорошо, продолжай,—это тебя успокоитъ; я съ радостью перенесу твои упреки, лишь бы они были доказательствомъ твоей любви.

Вѣра *(оборачивается).*

Я имѣю до васъ одну просьбу!...

Александръ *(отступаетъ шагъ назадъ).*

Просьбу? Вы?... А! Это ужъ еще что то новое... это холодное вы, послѣ стольких клятвъ и увѣреній, послѣ стольких доказательствъ искренней нѣжности, похоже на проклятіе. Посмотримъ, сударыня... Прикажите... Вы знаете, что моя жизнь принадлежитъ вамъ, зачѣмъ же тутъ слово: „просьба“? Нѣтъ жертвы, которой бы я не принесъ вашей минутной прихоти.

Вѣра.

О, я не требую никакой жертвы!...

Александръ.

Тѣмъ хуже. Вѣра! большою жертвой я бы могъ доказать тебѣ свою любовь...

Рисун. худ. В. Комарова.

Вѣра и Александръ. („Два брата“, дѣйствіе I, сцена I).

Вѣра *(въ сторону)*.

Любовь... это несносно.

Александръ.

Вижу, я начинаю докучать тебѣ; не мудрено. Я глупецъ! Зачѣмъ не употреблялъ я хитрости, чтобъ удержать твое сердце, когда хитростью пріобрѣлъ его?... Но что дѣлать? Я желалъ хоть одинъ разъ попробовать любви искренней, открытой... *(Молчаніе)*. Говорите, что вамъ угодно?

Вѣра.

Я хотѣла васъ просить, чтобъ вы сказали вашему брату...

Александръ.

Брату?

Вѣра *(скоро)*.

Да, скажите ему, что онъ меня чрезвычайно обидѣлъ, намекая на богатство мужа моего... вы сами знаете, отъ того ли я за него вышла... это было безуміе, ошибка... скажите ему, просите его, чтобъ онъ, ради прежней нашей дружбы, не огорчалъ меня болѣе... Если это для васъ не жертва, то прошу васъ сказать ему... *(Молчаніе)*.

Александръ.

Хорошо, Вѣра, я скажу... Но это, вопреки тебѣ, будетъ служить доказательствомъ моей нѣжности болѣе всего на свѣтѣ.

Вѣра *(протягивая руку)*.

О, мой другъ, какъ я тебѣ благодарна!

Александръ.

Нѣтъ, ради Бога, лучше не благодари. *(Уходитъ; въ сторону)*. Конечно, я ничего ему не скажу!...

Вѣра *(одна)*.

Съ нынѣшняго дня я чувствую, что я погибла!... Я не владѣю собой; какой то злой духъ располагаетъ моими поступками, моими словами.

Князь *(высунувшись изъ двери)*.

Вѣринька, Вѣринька! venez ici, посмотри, какой чудесный трельяжъ у Дмитрія Петровича; завтра же куплю тебѣ такой же точно.

Вѣра *(какъ бы проснувшись, встаетъ)*.

О, Боже! и всю жизнь слышать этотъ голосъ!...

(Конецъ перваго акта).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Въ комнатахъ князя Лиговскаго. Князь и Вѣра.

Князь.

Вѣра! посмотри, какъ передѣлали твой брилліантовый фермуаръ.

Вѣра.

Очень мило; но тутъ есть новые камни.

Князь.

Это любезность брилліантщика.

Вѣра.

А! понимаю... ты не хочешь моей благодарности... ты съ каждымъ днемъ дѣлаешься милѣе.

Князь.

Я радъ, что угодилъ тебѣ...

Вѣра *(въ сторону)*.

Угодилъ!... право, другой подумаетъ, что онъ мой управитель.

Князь.

Мнѣ очень понравился второй сынъ Дмитрія Петровича; не знаю, какъ тебѣ.

Вѣра.

Я его давно знаю.

Князь.

Онъ веселаго нрава?

Вѣра.

Слишкомъ веселаго.

Князь.

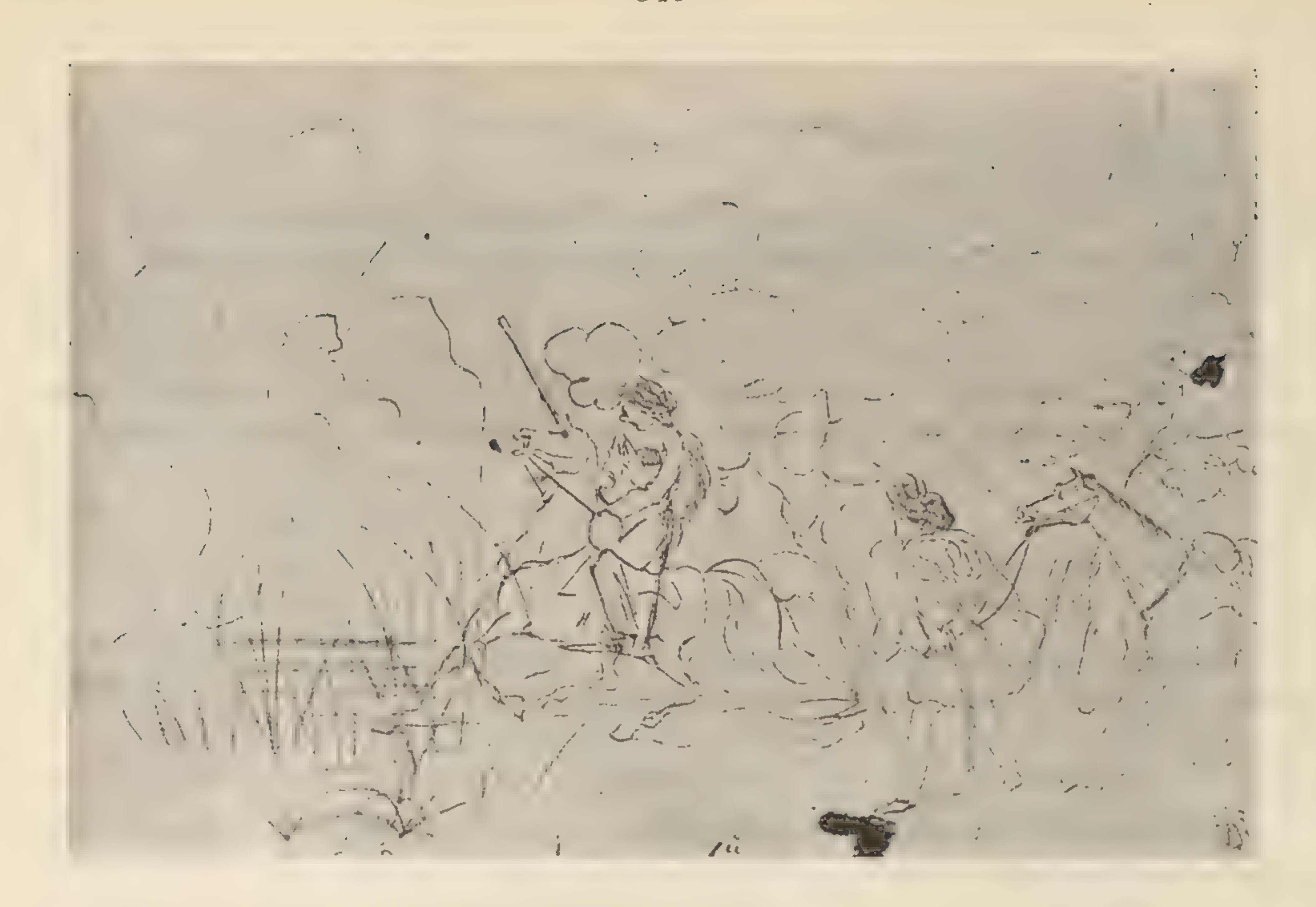
Признаюсь, я самъ таковъ и люблю посмѣяться, и, право, ты, наконецъ, надоѣшь мнѣ своей задумчивостью; а вѣдь Юрій Дмитричъ недуренъ; мнѣ выраженіе лица его очень нравится.

Вѣра.

Какая то насмѣшливая улыбка... я боюсь говорить съ нимъ.

Князь.

Какое предубѣжденіе!... напротивъ, у него въ улыбкѣ то именно есть что то доброе, простое... Я его разъ видѣлъ, а ужъ полюбилъ... А ты?...

Рисунокъ М. Ю. Лермонтова.

Слуга *(входитъ).*

Юрій Дмитричъ Радинъ.

Юрій *(входитъ).*

Князь, я почелъ обязанностію засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе...

Князь.

Мы съ женой постараемся превратить эту обязанность въ удовольствіе! Прошу садиться... А вы легки на поминѣ,—мы съ женой сейчасъ лишь о васъ говорили, и я ее выведу на свѣжую воду. Вообразите, она утверждаетъ, что у васъ въ лицѣ есть что то ядовитое, злое...

Юрій.

Можетъ быть, княгиня права: несчастіе дѣлаетъ злымъ.

Князь.

Ха-ха-ха! Какимъ у васъ быть несчастіямъ?—вы такъ молоды.

Юрій.

Князь! вы удивляетесь, потому что слишкомъ счастливы сами.

Князь.

Слишкомъ! О, да это въ самомъ дѣлѣ колкость, — я начинаю вѣрить женѣ.

Юрій.

Вѣрьте, прошу васъ, вѣрьте,—княгиня никогда еще никого не обманывала.

Вѣра *(быстро прерываетъ его).*

Скажите: вы прямо къ намъ или были ужъ гдѣ-нибудь?

Юрій.

Я сегодня сдѣлалъ нѣсколько визитовъ... и одинъ очень интересный. Я былъ такъ взволнованъ, что сердце и теперь у меня еще бьется, какъ молотокъ...

Вѣра.

Взволнованы?...

Князь.

Вѣрно, встрѣча съ персоной, которую въ старину обожали? Это вѣчная исторія военной молодежи, пріѣзжающей въ отпускъ.

Юрій.

Вы правы,—я видѣлъ дѣвушку, въ которую былъ прежде влюбленъ до безумія.

Вѣра *(разсѣянно).*

А теперь?

Юрій.

Извините, это моя тайна; остальное, если угодно, разскажу...

Князь.

Пожалуйста; писанныхъ романовъ я не терплю, а до настоящихъ страстный охотникъ.

Юрій.

Я очень радъ; мнѣ хочется также при комъ-нибудь облегчить душу. Вотъ видите, княгиня, года три съ половиною тому назадъ я былъ очень коротко знакомъ съ однимъ семействомъ, жившимъ въ Москвѣ; лучше сказать, я былъ принятъ въ немъ, какъ родной. Дѣвушка, о которой я хочу говорить, принадлежитъ къ этому семейству; она была умна, мила до чрезвычайности: красоты ея не описываю, потому что въ этомъ случаѣ описаніе сдѣлалось бы портретомъ; имя же для меня трудно произнесть.

Князь.

Вѣрно очень романическое?

Юрій.

Не знаю; но отъ нея осталось мнѣ одно только имя, которое въ минуты тоски привыкъ я произносить, какъ молитву; оно моя собственность, я его храню, какъ образъ — благословеніе матери, какъ татаринъ хранитъ талисманъ съ могилы Пророка.

Вѣра.

Вы очень краснорѣчивы.

Юрій.

Тѣмъ лучше. Но слушайте. Съ самаго начала нашего знакомства я не чувствовалъ къ ней ничего особеннаго, кромѣ дружбы... Говорить съ ней, сдѣлать ей удовольствіе было мнѣ пріятно — и только. Ея характеръ мнѣ нравился: въ немъ видѣлъ я какую то пылкость, твердость и благородство, рѣдко замѣтныя въ нашихъ женщинахъ; однимъ словомъ, что то первобытное, допотопное, что то увлекающее. Частыя встрѣчи, частыя прогулки, невольно яркій взглядъ, случайное пожатіе руки,— много ли надо, чтобъ разбудить таившуюся искру?... Во мнѣ она вспыхнула; я былъ увлеченъ этой дѣвушкой, я былъ околдованъ ею; вокругъ нея былъ какой то волшебный очеркъ; вступивъ за его границу, я уже не принадлежалъ себѣ; она вырвала у меня признаніе, она разогрѣла во мнѣ любовь, я предался ей, какъ судьбѣ; она не требовала ни обѣщаній, ни клятвъ, когда я держалъ ее въ своихъ объятіяхъ и сыпалъ поцѣлуи на ея огненное плечо, но сама клялась любить меня вѣчно. Мы разстались; она была безъ чувствъ; всѣ приписывали то припадку болѣзни,—я одинъ зналъ причину... Я уѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ возвратиться скоро. Она была моя, — я былъ въ ней увѣренъ, какъ въ самомъ себѣ. Прошло три года разлуки, мучительные, пустые три года; я далеко подвинулся дорòгой жизни, но драгоцѣнное чувство слѣдовало за мною. Случалось мнѣ возлѣ другихъ женщинъ забыться на мгновенье; но послѣ первой вспышки я тотчасъ замѣчалъ разницу, убійственную для нихъ,—ни одна меня не привязала. И вотъ, наконецъ, я вернулся на родину...

Князь.

Завязка романа очень обыкновенна.

Юрій.

Для васъ, князь, и развязка покажется обыкновенна... Я ее нашелъ замужемъ,—я проглотилъ свое бѣшенство изъ гордости... Но одинъ Богъ видѣлъ, что̀ происходило здѣсь.

Князь.

Что жъ? нельзя было ей ждать васъ вѣчно.

Юрій.

Я ничего не требовалъ, обѣщанія ея были произвольны.

Князь.

Вѣтреность, молодость, неопытность; ее надо простить.

Юрій.

Князь, я не думалъ обвинять ее... но мнѣ больно.

Княгиня *(дрожащимъ голосомъ).*

Извините,—но, можетъ быть, она нашла человѣка еще достойнѣе васъ.

Юрій.

Онъ старъ и глупъ.

Князь.

Ну, такъ очень богатъ и знатенъ.

Юрій.

Да.

Князь.

Помилуйте, да нынче главное! ея поступокъ совершенно въ духѣ вѣка.

Юрій *(подумавъ).*

Съ этимъ не спорю.

Князь.

На вашемъ мѣстѣ я бы теперь за ней поволочился; если ея мужъ таковъ, какъ вы говорите, то, вѣроятно, она васъ еще любитъ.

Вѣра *(быстро).*

Не можетъ быть.

Юрій *(пристально взглянувъ на нее).*

Извините, княгиня! теперь я увѣренъ, что она меня еще любитъ. *(Хочетъ идти).*

Князь.

Куда вы?

Юрій.

Куда-нибудь.

Князь.

Поѣдемте вмѣстѣ на Кузнецкій. *(Два слова на ухо).*

Юрій.

Извольте, куда хотите. *(Выходятъ).*

Князь.

Прощай, Вѣринька. *(Поетъ и въ дверяхъ встрѣчаетъ Александра).* Извините, Александръ Дмитричъ,—а вотъ жена цѣлое утро дома. *(Уходитъ).*

(Александръ входитъ медленно, смотритъ то на нихъ, то на Вѣру. Вѣра, опрокинувъ голову на спинку стула, закрыла лицо руками).

Александръ *(про себя).*

Онъ былъ здѣсь, она въ отчаяньи. *(Глухо).* Я погибъ.

Вѣра (*открывъ глаза*).

А! опять передо мною.

Александръ.

Опять и всегда, какъ жертва, на которую ты можешь излить свою досаду; какъ другъ, которому ты можешь ввѣрить печаль; какъ рабъ, которому ты можешь приказать умереть за тебя.

Вѣра.

О, поди, оставь меня... Ты живой упрекъ, живое раскаянье; я хотѣла молиться,—теперь не могу молиться.

Александръ.

Еслибъ я умѣлъ молиться, Вѣра, то призвалъ бы на твою голову благодать Бога Вѣчнаго... но, ты знаешь, я умѣю только любить.

Вѣра.

Я ничего не знаю.... Уйди, ради неба, уйди.

Александръ.

Ты меня не любишь.

Вѣра.

Я тебя ненавижу.

Александръ.

Хорошо!... Это немножко легче равнодушія... За что же меня ненавидѣть?... за что?... Говори, за что?...

Вѣра.

О, ты нынче недогадливъ... Ты не понимаешь, что послѣ проступка можетъ оставаться въ сердцѣ женщины искра добродѣтели; ты не понимаешь, какъ ужасно чувствовать возможность быть непорочной... и не смѣть объ этомъ думать, не смѣть дать себѣ этого имени...

Александръ.

Да, понимаю! несносно для самолюбія.

Вѣра.

Еслибъ не ты, не твое адское искусство, еслибъ не твои ядовитыя рѣчи, я бы могла еще требовать уваженія мужа и, по крайней мѣрѣ, смѣло смотрѣть ему въ глаза.

Александръ.

И смѣло любить другого...

Вѣра (*испугавшись*).

Нѣтъ, неправда, неправда! такая мысль не приходила мнѣ въ голову.

Александръ.

Къ чему запираться? Я не мужъ твой, Вѣра; не имѣю никакихъ правъ съ тѣхъ поръ, какъ потерялъ любовь твою... И что жъ мнѣ удивляться!... Я третій, которому ты измѣняешь; современемъ будетъ и двадцатый!... Если ты почитаешь себя преступной, то преступленія твои не любовь ко мнѣ, а замужество—союзъ неровный, противный законамъ природы и нравственности... Признайся же мнѣ, Вѣра: ты снова любишь моего брата?

Вѣра.

Нѣтъ, нѣтъ!

Александръ.

Если хочешь, то я уступлю тебя брату; стану издали, украдкой смотрѣть на ваши свѣжія ласки и стану думать про себя: такъ точно и я былъ счастливъ... очень недавно...

Вѣра.

Да ты мучитель... палачъ... И я должна терпѣть!

Александръ.

Я палачъ? Я самый снисходительный изъ любовниковъ!... я, готовый быть твоимъ безмолвнымъ повѣреннымъ, — плати только мнѣ по одной ласковой улыбкѣ въ день!... Многіе платятъ дороже, Вѣра.

Вѣра.

О, лучше убей меня!

Александръ.

Дитя, развѣ я похожъ на убійцу?...

Вѣра.

Ты хуже!

Александръ.

Да! такова была моя участь со дня рожденія... Всѣ читали на моемъ лицѣ какіе то признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было, но ихъ предполагали,—и они родились. Я былъ скроменъ, меня бранили за лукавство,—я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло; никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли,—я сталъ злопамятенъ. Я былъ угрюмъ, братъ веселъ и открытенъ, я чувствовалъ себя выше его,—меня ставили ниже, я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ, меня никто не любилъ,—и я выучился ненавидѣть... Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ судьбой и свѣтомъ: лучшія чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубину сердца, они тамъ и умерли: я сталъ честолюбивъ, служилъ долго,—меня обходили; я пустился въ большой свѣтъ, сдѣлался искусенъ въ наукѣ жизни,—а видѣлъ, какъ другіе безъ

искусства счастливы... Въ груди моей возникло отчаянье, не то, которое лѣчатъ дуломъ пистолета, но то отчаянье, которому нѣтъ лѣкарства ни въ здѣшней, ни въ будущей жизни; наконецъ, я сдѣлалъ послѣднее усиліе: я рѣшился узнать хоть разъ, что значитъ быть любимымъ... и для этого избралъ тебя!...

Вѣра *(смотря на него пристально).*

О, Боже!... И ты надо мной не сжалился...

Александръ.

Богъ меня послалъ къ тебѣ, какъ необходимое въ жизни несчастіе; но для меня ты была ангеломъ-спасителемъ. Когда я увидалъ возможность обладать твоей любовью, то для меня не стало препятствій; всей силой неутомимой воли, всей силой отчаянья я уцѣпился за эту райскую мысль... Всѣ средства были хороши: я, кажется, сдѣлалъ бы самую неслыханную низость, чтобъ достигнуть моей цѣли... Но вспомни, вспомни, Вѣра, что я погибалъ... Нѣтъ, я не обманулъ, не обольстилъ тебя,—нѣтъ, было написано въ книгѣ судьбы, что я не совсѣмъ еще погибну!... Да, ты меня любила, Вѣра! Никто на свѣтѣ меня не разувѣритъ, никто не вырветъ у меня изъ души воспоминаній о моемъ единственномъ блаженствѣ! О, какъ оно было полно, восхитительно, необъятно... Видишь, видишь слезы... Не изобрѣтено еще муки, которая бы вырвала такую каплю изъ глазъ моихъ... а теперь плачу, какъ ребенокъ плачу... когда вспомнилъ, что былъ одинъ разъ въ жизни счастливъ...*(Упадаетъ на колѣна и хватаетъ ея руки).* О, позволь, позволь мнѣ, по крайней мѣрѣ, плакать.

Вѣра.

Послушай, Александръ, послушай... что же мнѣ дѣлать?... Мнѣ жаль, но я не люблю тебя: не могу, не могу больше любить... Я всегда ошибалась: мы не созданы другъ для друга... Что же мнѣ дѣлать?... *(Александръ встаетъ).* Послушай, забудь, оставь меня... Или нѣтъ, я уѣду далеко, далеко... Не обращай на меня вниманія: я не ангелъ, я слабая, безумная женщина... я себя не понимаю... я тебя боюсь! Презирай меня, если тебѣ отъ этого будетъ легче, но оставь, не мучь...

Александръ.

Хорошо, хорошо, Вѣра. Я тебя оставлю,—ты меня не увидишь... Но я, моя мысль, мой взоръ, мой слухъ будутъ вѣчно съ тобой; когда ты будешь весела и довольна, то я объ себѣ не напомню, но въ минуты печали я буду тебѣ являться, и ты утѣшишься, видя, что есть на свѣтѣ человѣкъ, который несчастнѣе тебя!

Вѣра.

Но зачѣмъ же, зачѣмъ?... Попробуй полюбить другую... Я знаю много женщинъ, которымъ ты нравишься... А меня оставь жить,

какъ судьбѣ угодно!... Что можетъ быть между нами общаго безъ любви!... Я тебя прощаю, прощаю отъ всего сердца.

Александръ.

Какое великодушіе!

Вѣра.

Обѣщаюсь забыть всѣ мученія, которымъ ты былъ причиной.

Александръ.

И ты думаешь обмануть меня? И ты думаешь, что я не лучше тебя самой читаю въ глубинѣ души твоей? Меня обмануть? Да знаешь ли, что это почти невозможно... Ты выбрала минуту слабости, ты думала, что слезы помѣшаютъ мнѣ видѣть всю тонкость твоего намѣренія! Я знаю, что ты хочешь избавиться отъ моего надзора, какъ отъ любви моей, чтобъ на свободѣ отдать мое мѣсто другому... Эта мысль еще не развилась въ умѣ твоемъ, ты говоришь по какому то невольному побужденію... но я вижу эту мысль во всей ея ужасной наготѣ... и этого не будетъ!... Нѣтъ, что хоть разъ мнѣ принадлежало, то не должно радовать другого... А этотъ другой—мой братъ Юрій. Слышишь ли, я и это знаю.

Вѣра *(съ гордостью)*.

Такое подозрѣніе слишкомъ обидно... Съ сей минуты мы чужды другъ другу... Прощайте, я васъ не знаю... позволяю вамъ мстить всѣми возможными, даже низкими средствами.

Александръ.

Какъ? неужели и ты, и ты не нашла въ душѣ моей ничего благороднаго?...

Вѣра.

Не знаю.

Александръ.

О!

Вѣра.

Оставьте, оставьте меня... еще одна минута, и я умру. *(Упадаетъ на кресла)*.

Александръ.

Я иду... Только онъ никогда не будетъ твоимъ, никогда! *(Подойдя къ двери, оборачиваясь)*. Слышишь ли: никогда!

(Конецъ второго акта).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Дмитрій Петровичъ входитъ. Александръ его ведетъ подъ руку и сажаетъ.

Александръ.

Вы нынче что то необыкновенно слабы, батюшка.

Дмитрій Петровичъ.

Старость, братъ, старость, — пора убираться... Да, ты что то мнѣ хотѣлъ сказать.

Александръ.

Да, точно... есть одно дѣло, о которомъ я непремѣнно долженъ съ вами поговорить.

Дмитрій Петровичъ.

Это, вѣрно, насчетъ процентовъ въ опекунскій совѣтъ... Да не знаю, есть ли у меня деньги...

Александръ.

Въ этомъ случаѣ деньги не помогутъ, батюшка.

Дмитрій Петровичъ.

Что же такое?

Александръ.

Это касается брата...

Дмитрій Петровичъ.

Что такое съ Юринькой случилось?

Александръ.

Не пугайтесь, онъ здоровъ и веселъ.

Дмитрій Петровичъ.

Не проигрался ли онъ?

Александръ.

О, нѣтъ!

Дмитрій Петровичъ.

Послушай... если ты мнѣ скажешь про него что-нибудь дурное, такъ объявляю заранѣ... я не повѣрю... Я знаю, ты его не любишь!

Александръ.

Итакъ, я ничего не могу сказать... а вы одни могли бы удержать его.

Дмитрій Петровичъ.

Ты во всѣхъ предполагаешь дурное.

Александръ.

Я молчу, батюшка.

Дмитрій Петровичъ.

Видно, я правду говорю, коли ты не смѣешь и защищаться!...

Александръ.

Я чувствую, что человѣку не дано силы противиться судьбѣ своей!...

Дмитрій Петровичъ.

Ты меня выведешь изъ терпѣнія... Ну, скажи что ли скорѣе, что ты еще открылъ, въ чемъ предостерегать?

Александръ.

Юрій влюбленъ въ княгиню Вѣру.

Дмитрій Петровичъ.

Да, я самъ подозрѣваю, что онъ не совсѣмъ ее забылъ... а она?

Александръ.

Она его любитъ страстно; о, я это знаю... я имѣю доказательства... я вамъ клянусь честью... Спасите хоть ее... еще два, три дни... и она не будетъ въ силахъ ни въ чемъ противиться... Вы до этого не допустите брата.

Дмитрій Петровичъ.

Да, да, это не хорошо... Но Юрій не захочетъ, не рѣшится.

Александръ.

А минута страсти, самозабвенія?... одна минута!

Дмитрій Петровичъ.

Это нехорошо... Ты правъ. Благодарю, что сказалъ... Да что же дѣлать? Поговорить развѣ Юрію...

Александръ.

О, это хуже всего... Онъ ужъ слишкомъ далеко зашелъ... Надо, чтобъ князь уѣхалъ. Потомъ брату кончится отпускъ... И они никогда, по крайней мѣрѣ долго, не увидятся.

Дмитрій Петровичъ.

Бѣдная женщина!...

Александръ.

О, еслибъ видѣли, какъ она страдаетъ въ борьбѣ съ собою! Но я ее знаю,—еще нѣсколько дней... и она погибнетъ...

Дмитрій Петровичъ.

Я хвалю тебя, Александръ! Ты всегда былъ строгихъ правилъ, хотя не очень чувствителенъ... Но какъ же быть?

Александръ.

Предупредить князя! сказать ему просто!...

Дмитрій Петровичъ.

Разсорить его съ женой?

Александръ.

Онъ благоразумный и добрый человѣкъ. Скажите ему только, что Юрій влюбленъ въ княгиню... Это вашъ долгъ, долгъ отца и честнаго человѣка. Объясните ему, что вы нимало не подозрѣваете его жены, но что, живя въ одномъ домѣ, ея репутація можетъ пострадать; братъ можетъ проболтаться, похвастаться двусмысленнымъ образомъ изъ самолюбія... Мало ли?... Однимъ словомъ, князь долженъ уѣхать.

Слуга *(входитъ)*.

Князь Лиговскій.

Дмитрій Петровичъ.

Надо подумать... Какъ же такъ опрометчиво поступать, —надо бы подумать.

Александръ.

Минуты дороги... Вы видите, сама судьба его вамъ посылаетъ. *(Входитъ князь)*.

Князь.

А я сейчасъ съ Кузнецкаго моста, покупалъ все женѣ наряды къ празднику... Столько хлопотъ, что ужасть... Вотъ эти молодые люди не знаютъ, что такое жениться.

Дмитрій Петровичъ.

Пріятно со стороны смотрѣть, какъ вы любите вашу супругу, князь.

Князь.

Я жену очень люблю. Однако, видите, я со всѣмъ тѣмъ мужъ благоразумный,—хочу, чтобъ меня слушались, и въ случаѣ нужды имѣю твердость: о, я очень твердъ! — Какъ вы нынче въ своемъ здоровьѣ?

Дмитрій Петровичъ.

Благодарю... Я нынче что то слабъ и къ тому же разстроенъ... Охъ, дѣти, дѣти!

Князь.

Разстроены... Помилуйте, вы, кажется, такъ счастливы дѣтьми.

Дмитрій Петровичъ.

Это правда... Но иногда и самыя лучшія дѣти дѣлаютъ глупости.

Князь.

Да помилуйте!... вы несправедливы. Какія же глупости? Но извините, это слишкомъ нескромно...

Дмитрій Петровичъ.

Ничего, князь, напротивъ... Это дѣло даже больше касается до васъ, нежели до меня.

(Александръ дѣлаетъ знакъ отцу и уходитъ).

Князь.

До меня?

Дмитрій Петровичъ.

Мой долгъ повелѣваетъ мнѣ сказать... Но я не знаю, какъ рѣшиться.

Князь.

Развѣ это что-нибудь...

Дмитрій Петровичъ.

Вотъ видите, я не знаю, какъ вы примете.

Князь.

Да развѣ?

Дмитрій Петровичъ.

Успокойтесь, это еще не опасно.

Князь.

Слава Богу... Такъ еще не опасно?... Уфъ!

Дмитрій Петровичъ.

Мой сынъ Юрій...

Князь.

Юрій Дмитричъ? Онъ со мной никакихъ не имѣлъ сношеній!...

Дмитрій Петровичъ.

Я не говорю, чтобъ онъ имѣлъ сношеніе съ вами или съ кѣмъ-нибудь изъ вашего дома... Но ваша жена... еще до замужества... ея красота, любезность...

Князь.

Вотъ видите, Дмитрій Петровичъ... Я этихъ достоинствъ еще самъ въ ней хорошенько не разсмотрѣлъ... Не потому говорю такъ, что она моя жена,—но вѣдь я не поэтъ! О, вовсе не поэтъ! Я женился потому, что надо было жениться, женился на ней потому, что она показалась мнѣ добраго и тихаго нрава; люблю ее потому. что надобно любить жену, чтобъ быть счастливу... Я васъ прервалъ; пожалуйста, продолжайте!

Дмитрій Петровичъ.

Это не такъ легко, князь.

Князь.

Прошу васъ, для меня себя не принуждайте.

Дмитрій Петровичъ.

Однимъ словомъ, мой сынъ Юрій былъ влюбленъ въ вашу супругу до ея замужества и, кажется, былъ нѣсколько ей пріятенъ.

Князь.

О, я увѣренъ, что теперь эта страсть прошла.

Дмитрій Петровичъ.

Къ сожалѣнію, не прошла... со стороны моего сына.

Князь.

Тѣмъ хуже для него!

Дмитрій Петровичъ.

Я боялся, чтобъ это и вамъ было непріятно. и по долгу честнаго человѣка рѣшился васъ предупредить, на всякій случай...

Князь.

Лишь бы жена была мнѣ вѣрна, больше я и знать не хочу!

Дмитрій Петровичъ.

Я не сомнѣваюсь въ добродѣтели княгини.

Князь.

И я также.

Дмитрій Петровичъ *(со вздохомъ)*.

Вы очень счастливы...

Князь.

Не спорю-съ. *(Вдругъ, какъ бы вспомнивъ что то, хватаетъ себя за голову и вскакиваетъ)*. О, я дуракъ! о, я пошлая дурачина!... о, глу-

пая ослиная голова!... Вы правы; а я дубина! Теперь вспомнилъ... О, пошлая недогадливость! Теперь понимаю... понимаю этотъ анекдотъ!... все было на мой счетъ сказано, а я, сумасшедшій, ему же совѣтую волочиться за моей женой... А ея смущеніе... Вѣдь надо было мнѣ жениться въ 42 года!... съ моимъ добрымъ, простосердечнымъ нравомъ—жениться?!...

Дмитрій Петровичъ.

Успокойтесь. прошу васъ,—все еще поправить можно.

Князь.

Нѣтъ, никогда не успокоюсь. *(Садится).*

Дмитрій Петровичъ.

Я вамъ это сказалъ по долгу честнаго человѣка и потому, что знаю сына: онъ легко можетъ надѣлать глупостей и невиннымъ образомъ въ свѣтѣ компрометировать княгиню; притомъ она молода, можетъ завлечься невольно: скажутъ, что, живя въ одномъ домѣ...

Князь.

Вы правы... Посудите теперь,—ну, не несчастнѣйшій ли я человѣкъ въ мірѣ!

Дмитрій Петровичъ.

Утѣшьтесь... Я очень понимаю ваше положеніе; но что же дѣлать!...

Князь.

Что дѣлать?—Вотъ видите, я человѣкъ рѣшительный: завтра же уѣду изъ Москвы въ деревню, нынче же велю все готовить.

Дмитрій Петровичъ.

Это самое лучшее средство, самое вѣрное: тихо, безъ шуму.

Князь.

Да, тихо, безъ шуму!... Уѣхать изъ Москвы зимой, наканунѣ праздниковъ... вотъ женщины! О, женщины! Прощайте, Дмитрій Петровичъ, прощайте! о, вы увидите, что я человѣкъ рѣшительный!

Дмитрій Петровичъ.

Не взыщите, я говорилъ отъ сердца, князь, по-стариковски; притомъ я всегда былъ строгихъ правилъ... *(Хочетъ встать).*

Князь.

Не безпокойтесь... Вы истинный мой другъ... Прощайте! О, я человѣкъ рѣшительный... *(Уходитъ).*

Дмитрій Петровичъ.

Ну, слава Богу, съ плечъ долой, — все уладилъ. Охъ, дѣти, дѣти!...

(Юрій входитъ и хохочетъ во все горло).

Юрій.

Вообразите, ха, ха, ха, ха!... Нѣтъ, я вѣкъ этого не забуду... Князь... ха, ха, ха!... Я подаю ему руку и говорю: здравствуйте, князь! что новаго?... А онъ... ха, ха, ха! скорчилъ кошачью мину и руку положилъ въ карманъ: „Ничего-съ, къ несчастію, все старое"... Потомъ шагъ назадъ и сталъ въ позицію... Я скорѣй бѣжать, чтобъ не фыркнуть ему въ глаза... Не знаете ли, батюшка, отчего такая немилость?

Дмитрій Петровичъ.

А ты хочешь волочиться за женой, и чтобъ мужъ тебѣ въ ноги кланялся? Кабы въ наше время, такъ ему бы надо тебя не такъ еще проучить.

Юрій *(серьезно).*

Я волочусь за его женой? Кто ему это сказалъ?

Дмитрій Петровичъ.

Ну, вѣдь признайся: ты въ нее влюбленъ?

Юрій.

Онъ о прежнемъ ничего не знаетъ и слишкомъ глупъ, чтобъ теперь догадаться.

Дмитрій Петровичъ.

Долгъ всякаго честнаго человѣка былъ ему сказать.

Юрій.

А позвольте, кто жъ этотъ черезчуръ честный человѣкъ?

Дмитрій Петровичъ.

А еслибъ даже я?...

Юрій.

Вы, батюшка?

Дмитрій Петровичъ.

Да, я не терплю безнравственности, безпутства... Въ мои лѣта трудно смотрѣть на такія вещи и молчать... Хорошій отецъ долженъ удерживать сына отъ безчестныхъ поступковъ, а если сынъ его не слушаетъ, то мѣшать ему всѣми средствами.

Юрій.

А, такъ вы ему сказали?...

Дмитрій Петровичъ.

Да, не прогнѣвайся, и князь завтра же увозитъ жену въ деревню.

Юрій.

О! это нестерпимо!

Дмитрій Петровичъ.

Вздоръ, вздоръ!... Что такое за упрямство?... будто нѣтъ другихъ женщинъ.

Юрій.

Для меня нѣтъ другихъ женщинъ... Я хочу, хочу... Да знаете ли, батюшка, что это ужасно... Кто вамъ внушилъ эту адскую мысль?

Дмитрій Петровичъ.

Кто внушилъ? И ты смѣешь это говорить отцу? и какому отцу! который тебя любитъ больше жизни, тобою только и дышитъ... Вотъ благодарность! Развѣ я такъ ужъ старъ, такъ глупъ, что не вижу самъ, что дурно, что хорошо?... Нѣтъ, никогда не допущу тебя сдѣлать дурное дѣло; опомнишься, — самъ будешь благодаренъ и попросишь прощенія!

Юрій.

Никогда! Прощенія!... Мнѣ еще васъ благодарить?! За что? Вы мнѣ дали жизнь, а теперь ее отняли,—на что мнѣ жизнь?... Я не могу жить безъ нея... нѣтъ, я вамъ никогда не извиню этого поступка...

Дмитрій Петровичъ.

Юрій, Юрій! подумай, что ты говоришь.

Юрій.

Я не уступлю. Борьба начинается,—я радъ, очень радъ! Посмотримъ! всѣ противъ меня, и я противъ всѣхъ!...

Дмитрій Петровичъ.

Сжалься, Юрій, надъ старикомъ,—ты меня убиваешь.

Юрій.

А вы надо мной сжалились? Вы пошутили... милая шутка!

Дмитрій Петровичъ.

О, ради Бога, перестань!

Юрій.

Князь завтра ѣдетъ, а нынче Вѣра будетъ моя. *(Идетъ къ столу).*

Дмитрій Петровичъ.

Александръ! Александръ! Онъ убилъ меня... мнѣ дурно! *(Александръ вбѣгаетъ, поднимаетъ и ведетъ его подъ руку).* Онъ злодѣй —онъ убилъ меня!

Юрій *(одинъ).*

Нынче она будетъ моя, нынче или никогда... Они хотятъ у меня ее вырвать... Развѣ я даромъ три года думалъ о ней день и ночь? Три года сожалѣній, надеждъ, недоспанныхъ ночей; три года мучительныхъ часовъ тоски глубокой, неизлѣчимой,—и послѣ этого я ее отдамъ безъ спору, и въ ту самую минуту, когда я на краю блаженства. Да какъ же это возможно! *(Пишетъ записку и складываетъ).* Кажется, такъ оно удастся. *(Отворяетъ дверь и кличетъ).* Ванюшка! *(Входитъ молодой лакей въ военной ливреѣ).* Послушай, отъ твоего искусства теперь зависитъ жизнь моя.

Ванюшка.

Вы знаете, сударь, что я вамъ всѣми силами радъ служить.

Юрій.

Когда ты сдѣлаешь, что я прикажу, то проси, чего хочешь.

Ванюшка.

Слушаю-съ.

Юрій.

Если же нѣтъ,—ты погибъ!

Ванюшка.

Слушаю-съ.

Юрій.

Видишь эту записку? Черезъ часъ, никакъ не позже, она должна быть въ рукахъ у княгини Лиговской. *(Александръ показывается въ другой двери).*

Ванюшка.

Помилуйте, сударь, да это самое пустое дѣло. Я познакомился ужъ съ ея горничною; а у насъ въ пустой половинѣ такіе закоулки, что можно вездѣ пройти днемъ такъ же безопасно, какъ ночью...

Юрій.

Я на тебя надѣюсь. Только, смотри, не позже, какъ черезъ часъ. *(Уходитъ).*

Ванюшка.

Черезъ пять минутъ, сударь... *(Про себя).* Мы съ бариномъ видно не промахи: четыре дня какъ здѣсь, а ужъ дѣла много сдѣлали. *(Хочетъ идти).*

Александръ *(подкрался сзади и схватываетъ его за руку).*

Постой!

Ванюшка *(испуганный).*

Что это вы, баринъ!

Александръ.

У тебя вотъ въ этой рукѣ записка...

Ванюшка.

Никакъ нѣтъ-съ.

Александръ *(хочетъ взять)*.

А вотъ увидимъ.

Ванюшка.

Я закричу-съ, вашъ братецъ услышитъ!

Александръ *(въ сторону)*.

Попробую другой способъ. *(Ему)*. Видишь вотъ этотъ кошелекъ, въ немъ 20 червонцевъ; они твои, если ты дашь мнѣ ее прочесть,— такъ, изъ любопытства.

Ванюшка.

Только никому сами не извольте сказывать.

Александръ.

Я буду молчаливъ, какъ могила. *(Высыпаетъ деньги въ руки)*.

Ванюшка.

А если изорвете, сударь, такъ я скажу своему барину.

Александръ *(про себя)*.

Я умру, а не уступлю ему эту женщину!... *(Читаетъ)*. „Вашъ мужъ все знаетъ... Я васъ люблю больше всего на свѣтѣ, вы меня любите,—въ этомъ я также увѣренъ... Сегодня вечеромъ, въ 12 часовъ, я долженъ съ вами говорить; будьте въ этотъ часъ въ большой залѣ пустой части дома; вы спуститесь по круглой лѣстницѣ и пройдете черезъ коридоръ. Если черезъ два часа я не получу желаемаго отвѣта, то иду къ вашему мужу, заставляю его драться и, надѣюсь, убью. Въ этомъ клянусь вамъ честію... Ничто его не спасетъ, въ случаѣ вашего отказа. Выбирайте“.—А искусно написано!...

Ванюшка.

Пожалуйте, сударь, записку; мнѣ пора.

Александръ.

А если я ее изорву,—говори, что ты хочешь за это? Все, что попросишь... Тысячу, двѣ?...

Ванюшка.

И милліона не надобно-съ.

Александръ.

Я тебя умоляю!...

Рисунокъ М. Ю. Лермонтова.

Ванюшка.

Вотъ видите, сударь, мнѣ велѣно ее отнести, и я отнесу; о томъ, чтобъ ее не показывать, ничего не сказано, и я ее вамъ показалъ.

Александръ *(подумавъ)*.

Хорошо, отнеси ее! *(Слуга уходитъ)*. *(Про себя)*. Я все-таки найду средство имъ помѣшать.

(Конецъ третьяго акта).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Большая заброшенная комната; развалившійся каминъ; съ лѣвой стороны виденъ коридоръ, освѣщенный въ окна луной, въ коридоръ спускается лѣстница; направо двѣ ступени и дверь, а въ серединѣ стеклянная дверь на балконъ. Лунное освѣщеніе.

Александръ *(входитъ съ правой стороны изъ двери и запираетъ ее ключомъ; онъ въ широкомъ плащѣ)*.

Хоть старъ замокъ, а не скоро его сломаешь... и покуда я здѣсь царь!... Жалкая власть! жалкое удовольствіе, украденное изъ рукъ судьбы... и горькое, какъ хлѣбъ нищаго. Зато я, по крайней мѣрѣ, хотя противъ ея воли, но еще разъ прижму ее къ груди своей: мой огненный поцѣлуй, какъ печать, останется на устахъ ея, и она будетъ мучиться этой мыслью. Оно такъ и слѣдуетъ: вмѣстѣ

были счастливы, вмѣстѣ и страдать! Въ темнотѣ, подъ этимъ плащомъ она не скоро меня узнаетъ! Можетъ быть, даже вѣроятно, что мнѣ удастся подъ чужимъ именемъ выманить два-три ласковыя слова... О! какой ангелъ внушилъ мнѣ эту мысль! Богъ, видимо, хочетъ вознаградить меня за 30-лѣтнія муки, за 30 лѣтъ жизни пустой и напрасной. *(Задумывается)*. Да, мнѣ 30 лѣтъ... что я сдѣлалъ? зачѣмъ жилъ?... Говорятъ, что я эгоистъ,—итакъ, я жилъ для себя?... Нѣтъ, я во всемъ себѣ отказывалъ, вѣчно былъ молчаливой жертвой чужихъ прихотей, вѣчно боролся съ своими страстями, не искалъ никакихъ наслажденій, былъ самъ себѣ въ тягость, даже зла никому умышленно не сдѣлалъ... Итакъ, я жилъ для другихъ?—Также нѣтъ: я никому не дѣлалъ добра, боясь встрѣтить неблагодарность, презиралъ глупцовъ, боялся умныхъ, былъ далекъ отъ всѣхъ, не заботился ни о комъ: одинъ, всегда одинъ, отверженный, какъ Каинъ, Богъ знаетъ, за чье преступленіе. И потомъ одинъ разъ встрѣтить что то похожее на любовь—одинъ только разъ—и тутъ видѣть, знать, что я обязанъ этимъ искусству, случаю, даже, можетъ быть, лишней чашкѣ шоколаду... Наконецъ, противъ воли предавшись чудному, сладкому чувству, потерять все и остаться опять одному съ ядовитымъ сомнѣніемъ въ груди, съ сомнѣніемъ вѣчнымъ, которому нѣтъ границы. *(Ходитъ взадъ и впередъ)*. Отчего я никогда не могу забыться? Отчего я читаю въ душѣ своей, какъ въ открытой книгѣ? Отчего самыя обыкновенныя чувства у меня такъ мертвы? Отчего теперь, въ самую рѣшительную минуту моей жизни, сердце мое неподвижно, умъ свѣжъ, голова холодна?... Я, право, кажется, могъ бы теперь съ любымъ глупцомъ говорить битый часъ о погодѣ. Видно, я такъ созданъ, видно, недостаетъ какой-нибудь звучной струны въ моемъ сердцѣ... О! лучше бы ужъ я родился слѣпъ, глухъ и нѣмъ... обо мнѣ бы, по крайней мѣрѣ, сожалѣли. *(Вѣра показывается на лѣстницѣ)*. Это она... такъ точно: теперь я долженъ призвать на помощь всю свою твердость.

Вѣра.

Его еще нѣтъ... темно, страшно... Боже! какъ я могла рѣшиться... Ну что жъ дѣлать? я его знаю—онъ сдержалъ бы свое обѣщаніе: у меня сердце бьется, какъ молотокъ. Шорохъ... О, кто это?... Юрій!...

Александръ *(беретъ ее за руку)*.

Это я!...

Вѣра.

Довольны ли вы?... Что можетъ сдѣлать женщина больше?... но это дурно, дурно принудить меня такимъ средствомъ.

Александръ.

Я также выбралъ между жизнью и смертью.

Юрій и Вѣра. (Два брата, дѣйствіе IV, сцена I).

Рисун. худ. В. Комарова.

Вѣра.

Рѣшившись вамъ повиноваться, я рѣшилась также васъ забыть...

Александръ *(хочетъ ее обнять).*

О, это женская хитрость!

Вѣра.

Нѣтъ... нѣтъ! я вамъ скажу также, что я люблю васъ.

Александръ.

Меня одного?

Вѣра.

Одного, клянусь небомъ! Я могла заблуждаться, но теперь чувствую, что сердце мое никогда не измѣнялось. *(Александръ вздыхаетъ).* Однако, несмотря на это, мы должны разстаться навсегда... Мнѣ трудно такъ же, какъ и вамъ, объ этомъ думать; но теперь мы будемъ благоразумнѣе, чѣмъ въ минуту первой разлуки нашей; я ужъ не могу быть счастлива, но спокойствіе для меня еще возможно,— оставьте мнѣ хоть это!

Александръ.

У меня и этого не останется.

Вѣра.

Вѣрьте мнѣ: женщина благородная можетъ на минуту забыть свой долгъ, но всегда приходитъ время, когда она чувствуетъ, что должна возвратиться къ нему; время это для меня настало. Никакое искусство, никакія угрозы не поколеблютъ моей твердости. Юрій! дайте мнѣ руку, обѣщайте, какъ другу, какъ женщинѣ, которой постоянной мыслью были вы,—обѣщайте никогда не покушаться оторвать какую бы то ни было женщину отъ ея обязанностей. Это ужасно, Юрій!... Это иногда хуже убійства.

Александръ.

О, молю, одинъ прощальный поцѣлуй!

Вѣра.

Нѣтъ, разстанемся друзьями,—зачѣмъ такое испытаніе?

Александръ.

Я буду покоренъ во всемъ,—только одинъ поцѣлуй... ты непремѣнно должна, непремѣнно... Одинъ, только одинъ... и потомъ пусть между нами обрушится вѣчность. *(Увлекаетъ и цѣлуетъ ее; лучъ мѣсячный упадаетъ на его лицо, и она узнаетъ... вскрикиваетъ громко).*

Вѣра.

О! опять онъ, опять!

Александръ.

Я ужъ сказалъ тебѣ опять и всегда,—никто не займетъ моего мѣста.

Вѣра.

Это обманъ неслыханный! Пусти, пусти мнѣ руку... Я къ тебѣ чувствую отвращеніе!...

Александръ.

Знаю, знаю все; но ты не уйдешь отсюда... И ты подумала, что я не останусь вѣренъ своей клятвѣ?... Да, я здѣсь, а твой страстный любовникъ сидитъ крѣпко за двумя замками... Видишь эту дверь, за нею еще дверь: онѣ обѣ заперты... Онъ долженъ сломать замки... можетъ быть, это ему и удастся... Но тогда онъ увидитъ тебя въ моихъ объятіяхъ...

Вѣра.

Боже мой, Боже мой! я должна была знать, что онъ на все способенъ!

Александръ.

Ха, ха, ха! развѣ ты этого прежде не знала? Развѣ годъ тому назадъ, когда ты въ упоеніи страсти лежала въ моихъ объятіяхъ, когда твои поцѣлуи горѣли на губахъ моихъ, развѣ тогда еще я не предварялъ тебя? Развѣ я не говорилъ: Вѣра, ты любишь человѣка ужаснаго, который не имѣетъ ничего святого, кромѣ тебя, и то пока онъ любимъ, человѣка съ душой испорченной, который не боится ничего, потому что ничѣмъ не дорожитъ. Развѣ я не говорилъ: берегись, ты будешь раскаиваться... Но ты не вѣрила, ты улыбалась, ты думала, что я шучу... Мнѣ шутить въ такія минуты!—Ты думала, что я все это говорилъ, чтобъ показаться интереснымъ, удивить тебя, что я, слѣдуя модѣ, фанфаронъ порока и эгоизма; ты даже хотѣла меня увѣрить, что я почти ангелъ доброты... потому что тогда кровь волновалась въ твоихъ жилахъ, тебѣ нужны были ласки, чьи-нибудь ласки, чья-нибудь нѣжность, покуда, на время, до появленія другого, достойнѣйшаго... Не дрожи, не поднимай глаза къ небу... Наказаніе упало тебѣ оттуда... Ты не мученица добродѣтели, не жертва страсти и обмана,—ты просто слабая, вѣтреная, непостоянная женщина... Ты вздумала по прихоти своей располагать судьбою трехъ человѣкъ; одному назначила покорность, другому—вздохи и признанія, третьему, самому послушному, ты назначила мученія ревности, пытки презрѣнія, муки любви отверженной, обманутой... и этотъ послѣдній теперь мститъ за себя...

Вѣра *(упадая на колѣна)*.

Не подходи, не подходи...

Александръ *(подымая ее за руку)*.

Встаньте, не унижайтесь, княгиня, до такой степени... Послѣ вашей надменности, это ужъ слишкомъ смѣшно... На колѣнахъ—и

передъ кѣмъ? Одумайтесь... Что это? страхъ? Чего же вы боитесь? Времена кинжаловъ прошли,—развѣ я вамъ угрожаю?...

Вѣра *(почти безъ чувствъ).*

Я не переживу этого.

Александръ.

Черезъ два года, Вѣра, назначаю тебѣ свиданіе гдѣ-нибудь на балѣ. На лицѣ твоемъ будетъ играть улыбка, въ волосахъ будутъ блистать жемчугъ и бриллiанты, а въ сердцѣ твоемъ будетъ пусто и свѣтло... *(Слышенъ стукъ отломаннаго замка).*

Вѣра.

Это Юрій!—онъ идетъ сюда...

Александръ.

Наконецъ! *(Вѣра хочетъ убѣжать).* Постой! мнѣ пришла мысль. Зачѣмъ оставлять дѣло неконченнымъ? Я хочу, чтобъ онъ нашелъ тебя въ моихъ объятіяхъ, чтобъ онъ насладился пріятной картиной... Это было бы божественно... какъ ты думаешь? *(Обнимаетъ ее).*

Вѣра.

Мнѣ все равно,—дѣлай, что хочешь. У меня нѣтъ силъ противиться.

Александръ.

Слышишь? вотъ его шаги... Послѣдній замокъ сейчасъ разлетится... Бѣшенство удваиваетъ его силы. *(Молчаніе).* Нѣтъ, я вижу, это ужъ слишкомъ много для тебя — обморокъ?... Пустое, я хочу, чтобъ ты съ нимъ говорила; останься здѣсь, скажи ему, что ты его не любишь, не любишь нисколько... Я отойду въ сторону... Слышишь ли, отвергни его ласки такъ же холодно, какъ мои; иначе я стану между вами, и тогда горе вамъ обоимъ. *(Отходитъ и прячется; дверь съ трескомъ отворилась, и входитъ Юрій).*

Юрій.

А! меня заперли... это не даромъ, это съ умысломъ сдѣлано. Но кто же? Братъ?—Зачѣмъ ему?... О, если я опоздалъ... Вѣра!... Ничего не слышно... Чу! шорохъ платья... Она здѣсь, здѣсь!... Вѣра! *(Подходитъ и видитъ).* О, какъ я счастливъ! *(Беретъ ее за руку).* Вѣра, княгиня, простите меня!

Вѣра *(слабо).*

Васъ... я прощаю...

Юрій.

Это былъ мигъ сумасшествія... Но я хотѣлъ васъ видѣть передъ тѣмъ, чтобъ разстаться снова—и, можетъ быть, навсегда... Я

хотѣлъ... о, я самъ не знаю, чего... Да, только васъ видѣть, только.. Я надѣялся, я полагалъ, что вы не можете любить вашего мужа, потому что онъ не стоитъ васъ... Я хотѣлъ найти вамъ въ умѣ своемъ извиненіе... Я даже мечталъ, что вы меня еще любите...

Вѣра.

Вы совершенно ошиблись.

Юрій.

Однако, вы здѣсь... Вы не хотѣли огорчить меня, — вы здѣсь, ваша рука горитъ въ рукѣ моей... Женщина, не любя, не сдѣлаетъ этой жертвы...

Вѣра.

Вы правы, я пожертвовала собой изъ любви,—но не къ вамъ.

Юрій.

Вы хотѣли спасти мужа?

Вѣра.

Да.

Юрій *(обидясь).*

Если такъ, то прошу отъ меня его поздравить.

Вѣра *(послѣ молчанія).*

Забудьте меня.

Юрій.

Я не ожидалъ такого привѣтствія.

Вѣра.

Чего жъ вы ожидали?

Юрій.

Въ васъ нѣтъ и тѣни той женщины, которая нѣкогда любила меня такъ нѣжно, которой обязанъ я лучшими минутами въ жизни... Отчего жъ бы, кажется, имъ не воскреснуть... зачѣмъ дарить сокровище тому, кто ему не знаетъ цѣны?... А я, я, такъ долго жившій одной надеждой обладать имъ,—я брошенъ въ сторону... со мной поступаютъ, какъ съ игрушкой; то кидаютъ огненный взоръ, то ледяное слово...

Вѣра.

Лучше бы вы старались не понять ни того, ни другого.

Юрій.

Боже! какъ вы перемѣнились... Бывало, вамъ стоило подумать, и я ужъ зналъ эту мысль; пожелать—и я невольно желалъ того же; бывало, намъ почти не нужно было словъ для разговора... Теперь, признаюсь, теперь я васъ не понимаю.

Вѣра.

О! слава Богу.

Юрій.

Слава Богу... Ужель вы хитростью хотѣли избавиться отъ моей любви, обманомъ испугать меня?—этому не бывать... Вы теперь въ моей власти... Я не упущу этого случая... Теперь или никогда!... Вы моя, вы будете моею... Судьба этого хочетъ.

Вѣра.

Юрій, Юрій! одна минута восторга и вѣки раскаянія.

Юрій.

Я не буду раскаиваться.

Вѣра.

А я?

Юрій.

Вы меня любите.

Вѣра.

Я слабая женщина... я имѣю обязанности... я знаю, что такое раскаянье.

Юрій.

Ты о немъ забудешь въ моихъ объятіяхъ.

Вѣра.

Пощадите!...

Юрій.

Не доводи меня до крайности... Я за себя не ручаюсь.

Вѣра.

Шорохъ... насъ подслушиваютъ... здѣсь кто то есть...

Юрій.

Шорохъ... Кто же смѣетъ?... *(Осматривается).*

Вѣра *(убѣгаетъ).*

Прощай, Юрій!... Прощай!

Юрій *(бѣжитъ за нею).*

Нѣтъ, я васъ не пущу... Невозможно... Я не хочу такъ разстаться. *(Въ двери хватаетъ ее за руку и упадаетъ на колѣна. Александръ является).*

Вѣра

(указывая пальцемъ на Александра).

Уйдите, уйдите! это онъ... опять онъ! *(Убѣгаетъ).*

Юрій *(оборачивается).*

А! что такое?...

Александръ.

Свидѣтель твоихъ глупостей!...

Юрій.

Этого свидѣтеля можно достойно наградить за труды.

Александръ.

Его награжденіе... здѣсь... *(Указываетъ на сердце).*

Юрій.

Братъ... съ этой минуты я разрываю узы родства и дружбы. Ты мнѣ сдѣлалъ зло, неотвратимое зло, — и я отомщу!...

Александръ *(холодно).*

Какимъ образомъ?...

Юрій.

Ты мнѣ заплатишь.

Александръ *(улыбаясь).*

Съ удовольствіемъ, только чѣмъ?

Юрій *(въ бѣшенствѣ).*

Цѣною крови...

Александръ.

Въ нашихъ жилахъ течетъ одна кровь.

Юрій.

Подслушивать!... такъ коварно отравлять чужое счастіе... Знаешь ли, что это дѣло подлецовъ...

Александръ.

А обольщать жену другого?...

Юрій.

Она меня любитъ.

Александръ.

Неправда!... Развѣ это видно изъ ея поступковъ?...

Юрій.

Я знаю, что она меня любитъ... любила меня одного.

Александръ.

А я знаю кое-что другое.

Юрій.

Что ты знаешь? Говори, сейчасъ говори!...

Александръ.

Я знаю, что въ твоемъ отсутствіи она имѣла любовника.

Юрій.

Клевета, низкая клевета!

Александръ.

Я тебѣ покажу письма...

Юрій.

Кто же онъ?... Назови его мнѣ...

Александръ *(подумавъ)*.

Изволь, я тебѣ его назову.

Юрій.

Сейчасъ... сію минуту...

Александръ.

Завтра... когда она уѣдетъ. *(Уходитъ)*.

Юрій *(задумчиво)*.

Что, если онъ говоритъ правду?

(Конецъ четвертаго акта).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Комната князя. Онъ сидитъ; передъ нимъ управитель съ бумагами.

Управитель.

Ваше сіятельство, честь имѣю рабски донести, что все въ подмосковной готово для принятія вашего сіятельства; и домъ отопленъ, и обозъ долженъ сегодня туда пріѣхать.

Князь.

Хорошо... Ты останешься здѣсь и сдашь квартиру... Нынче, часа черезъ два, мы ѣдемъ; вели укладывать карету.

Управитель.

Слушаю-съ! Да что, ваше сiятельство, изволили такъ на Москву прогнѣваться?...

Князь.

Не твое дѣло разсуждать, дурачина...

Управитель.

Слушаю-съ, ваше сiятельство! *(Вѣра входитъ).* Княгиня изволила пожаловать.

Князь.

Пошелъ вонъ. *(Управитель уходитъ. Женѣ).* Я очень радъ, сударыня, что вы пришли—сдѣлали мнѣ эту честь; очень радъ, въ восторгѣ... Я долженъ съ вами поговорить... сдѣлайте милость, садитесь.

Вѣра.

Что вамъ угодно?

Князь.

Еслибъ вы всегда мнѣ дѣлали этотъ вопросъ, то было бъ лучше.

Вѣра.

Вы этого не требовали...

Князь.

Тогда было другое; тогда я былъ вашъ покорный слуга, вашъ прислужникъ, ваша постельная собачка,—только вы не умѣли цѣнить этого, сударыня... Чего я не дѣлалъ?... Надобны брилліанты—и брилліанты являются; балъ—и балъ готовъ: коляски, кареты, шали, шляпы... Я для васъ разорялся, сударыня.

Вѣра.

Я всегда была благодарна.

Князь.

И изъ благодарности сами хотѣли мнѣ подарить головной уборъ въ новомъ вкусѣ. *(Вѣра хочетъ встать).* Сидите, останьтесь... Я вашъ мужъ—и теперь попробую приказывать; однимъ словомъ, мы нынче ѣдемъ въ подмосковную, а какъ только будетъ можно, то оттуда въ симбирскую деревню...

Вѣра.

Я пришла васъ просить не откладывать отъѣзда.

Князь.

Сами просите? вотъ новость!... Знаете ли, что это очень хитро, тутъ что-нибудь кроется... И я, право, изъ любопытства въ состоянiи остаться.

Вѣра.

Нѣтъ! вы этого не сдѣлаете... это невозможно!... Мы должны ѣхать сегодня же... сейчасъ... я васъ умоляю.

Князь *(про себя).*

Хоть убей, не понимаю... *(Ей).* Я хочу узнать, сударыня, отчего вы желаете ѣхать такъ скоро?

Вѣра.

Я не могу вамъ этого объяснить...

Князь.

Не можете,—и не надо: я самъ догадываюсь... Вы желаете доказать мнѣ, что вы добродѣтельная супруга, которая избѣгаетъ своего любовника; а мнѣ, сударыня, извѣстно, что вы любите сами Юрія Дмитрича, мнѣ извѣстно...

Вѣра.

Нѣтъ, нѣтъ!... я его не люблю... но боюсь...

Князь.

Полюбить его?

Вѣра.

Женское сердце такъ слабо...

Князь.

И такъ обманчиво. Вы моя жена, сударыня, и не должны любить никого, кромѣ меня...

Вѣра.

Я всегда старалась не подать вамъ повода думать...

Князь.

Теперь я буду стараться... Запру васъ въ степной деревнѣ, и тамъ извольте себѣ вздыхать, глядя на прудъ, садъ, поле и прочія сельскія красоты, а подобныхъ франтиковъ за версту отъ дому буду встрѣчать плетьми и собаками... Ваша любовь мнѣ не нужна, сударыня! я, слава Богу, не такъ глупъ, но ваша честь—моя честь! О, я отнынѣ буду ее стеречь неусыпно!

Вѣра.

Я рѣшилась искупить вину свою безпредѣльной покорностью.

Князь.

Образумиться надо было немного раньше.

Вѣра.

Конечно, это было не въ моей власти.

Князь.

Что же! судьба! во всемъ виновата судьба! Вотъ модные романы! вотъ свободныя женщины!... философія, чортъ ее возьми, сударыня! Вы слишкомъ учены для меня, отъ этого все зло!... Отнынѣ не дамъ вамъ ни одной книги въ руки,—извольте заниматься хозяйствомъ.

Вѣра.

Я сказала, что буду покорна во всемъ; только прошу одного: ради Бога, никогда не напоминайте мнѣ о прошедшемъ... Я буду вашею рабою, каждая минута моей жизни будетъ принадлежать вамъ... Только не упрекайте меня.

Князь.

Вотъ мило! вотъ хорошо! Нѣтъ, сударыня, отнынѣ дѣлаю все вамъ напротивъ: вы хотите обѣдать — я велю подавать завтракъ, хотите ѣхать — я сижу дома, хотите сидѣть дома — везу васъ на балъ... Я вамъ отплачу, вы узнаете, что значитъ кокетничать, можетъ быть, вѣрно, больше... съ петербургскими франтиками, имѣя такого мужа, какъ я! *(Уходитъ).*

Вѣра.

И вотъ мнѣ раскрылась цѣлая жизнь страданій; но я рѣшилась терпѣть и буду терпѣть до конца! *(Входитъ слуга).*

Слуга.

Князь приказалъ вамъ доложить, ваше сіятельство, что извольте, дескать, одѣваться,—возокъ закладываютъ.

Вѣра.

Скажи, что я иду. *(Уходитъ).*

СЦЕНА II.

Комнаты у Дмитрія Петровича. Дмитрія Петровича несутъ на креслахъ. Александръ входитъ.

Дмитрій Петровичъ.

Такъ, такъ, остановитесь здѣсь, я хочу, чтобъ свѣтлый лучъ солнца озарилъ мои послѣднія минуты: въ той комнатѣ темно, страшно, какъ во гробѣ... здѣсь тепло... здѣсь, можетъ быть, снова жизнь проснется во мнѣ... Дѣти! Юрій!... гдѣ вы?... Ушли... никого...

Александръ.

Я возлѣ васъ, батюшка!

Дмитрій Петровичъ.

Другъ мой, я умираю... Я замѣтилъ, какъ докторъ нынче покачалъ головой и уѣхалъ, не сказавъ ни слова. Ты говорилъ съ докторомъ?

Александръ.

Нѣтъ, батюшка.

Дмитрій Петровичъ.

Ты боялся спросить... Ты былъ всегда добрый сынъ; не правда ли, ты любилъ меня?... Гдѣ Юрій?...

Александръ.

Его здѣсь нѣтъ. *(Уходятъ за Юріемъ по знаку Александра).*

Дмитрій Петровичъ.

Ради неба, позовите его, моего милаго Юрія... Я умираю... Хочу его благословить... Онъ, вѣрно, не знаетъ, что я такъ дуренъ; вѣрно, ты не сказалъ ему?

Александръ.

Я боялся его огорчить.

Дмитрій Петровичъ.

Такъ, стало быть, я въ самомъ дѣлѣ такъ близокъ къ смерти?

Александръ *(отвернувшись).*

Не знаю, батюшка.

Дмитрій Петровичъ.

О! ты камень! когда ты будешь умирать, то узнаешь, какъ тяжело не встрѣчать утѣшенія.

Александръ.

О, конечно, я тогда это узнаю!

Дмитрій Петровичъ.

Тебѣ не жаль меня, ты даже не просишь моего благословенія. *(Юрій входитъ въ волненіи).*

Александръ.

Батюшка, вотъ пришелъ братъ...

Юрій *(подходитъ; про себя).*

Боже мой! какъ онъ перемѣнился со вчерашняго дня...

Александръ *(Юрію)*.

Онъ умираетъ... и ты убилъ его...

Юрій *(закрывъ лицо)*.

О! говорить это... и въ такую минуту!...

Дмитрій Петровичъ.

Юрій!

Юрій.

Я у вашихъ ногъ *(стоя на колѣнахъ подлѣ него)*.

Дмитрій Петровичъ.

Я тебѣ прощаю и благословляю отцовскимъ благословеніемъ.

Александръ *(отходя къ окну)*.

А мнѣ простить нечего, надо мной нельзя показать великодушія... и потому нѣтъ благословенія!... *(Стоитъ у окна)*.

Юрій *(встаетъ)*.

Батюшка, я передъ вами злодѣй! я недостоинъ.

Дмитрій Петровичъ.

Полно, полно! пылкость, ребячество... я это понимаю, но мнѣ было больно...

Федосей *(за столомъ Юрію)*.

Уговорите его, баринъ, лечь въ постель; ему такъ сидѣть трудно; посмотрите, лишается чувствъ, ослабѣваетъ.

Юрій.

Погоди, надо дать успокоиться.

Дмитрій Петровичъ *(слабо)*.

Я ничего не вижу... Здѣсь ли ты, Юрій?... Свѣтъ бѣжитъ отъ глазъ моихъ... Пошлите за священникомъ.

Юрій.

Онъ безъ чувствъ, руки холодны.

Федосей *(Юрію)*.

Вотъ ужъ дней съ пять, сударь, какъ съ ними это часто бываетъ.

Юрій.

Боже, сколько мученій!... Здѣсь умирающій отецъ, тамъ...

Смерть Дмитрія Петровича. Рис. художника В. И. Комарова.

Александръ
(хватаетъ брата за руку и тащитъ къ окошку).

Посмотри... посмотри: вотъ она выходитъ на крыльцо, даже сюда не смотритъ... блѣдна!... Но что за диво—ночь, проведенная безъ сна!... Садится... улыбается мужу, а тотъ и не замѣчаетъ... Посмотри... еще разъ выглянула въ окно и опустилась въ карету! Вѣра! Вѣра! чего ищутъ глаза твои? *(Слышенъ стукъ кареты).*

Юрій.

Все кончено.

Александръ.

Вздыхай, терзайся, воображай ея слезы и мысли, что вы никогда не увидитесь; воображай, какая ужасная борьба происходила въ душѣ ея, когда она рѣшилась противиться твоей страсти!... О великій, святой примѣръ добродѣтели... чистая душа... Ха, ха, ха!... Это былъ страхъ, страхъ: она знала, что я тутъ за дверью.

Юрій.

Замолчи, замолчи!... видишь, здѣсь умирающій отецъ...

Александръ.

Что мнѣ теперь отецъ, цѣлый міръ?—Я потерялъ все, послѣднее родство погибло, послѣднее чувство умерло... На что мнѣ жизнь?... Хочешь взять ее? Возьми, и хорошо сдѣлаешь—вознаградишь себя за то, чего ты лишился. О, я тебѣ наскажу такихъ вещей, отъ которыхъ и у тебя засохнетъ сердце, и у тебя въ душѣ родится сомнѣніе и ненависть... Глупецъ! глупецъ!... Ты думалъ, что когда разъ понравился 17-лѣтней дѣвушкѣ, то она твоя навѣки, что она не можетъ любить другого, видѣвши разъ такое совершенство, какъ ты... А я тебѣ скажу теперь, подтвержу клятвою, что знаю человѣка, для котораго она забыла мужа, долгъ, законъ, честь, даже самолюбіе; человѣка, для котораго она была готова отдать жизнь, служить ему рабой; человѣка, который тысячу разъ долженъ бы былъ задушить ее въ своихъ объятіяхъ, еслибъ отгадалъ будущее...

Юрій

Наконецъ, ты долженъ мнѣ сказать: кто онъ? Я вырву у тебя изъ горла это проклятое имя...

Дмитрій Петровичъ *(слабо).*

Федосей... что они дѣлаютъ? позови ихъ, я хочу проститься...

Федосей.

Отвернитесь, батюшка, не смотрите.

Юрій.

А, ты молчишь! Такъ я тебя принужу... *(Хватаетъ на столъ саблю).*

Дмитрій Петровичъ.

Дѣти, дѣти!... Убійство... остановите ихъ... братъ на брата... Господи, возьми меня скорѣй!... *(Упадаетъ).*

Федосей.

Помогите!... холоденъ! *(Упадаетъ на колѣна и цѣлуетъ руку старика).*

Александръ

(вырываетъ саблю и бросаетъ на полъ).

Дитя! и ты думаешь, что силой, страхомъ изъ меня можно что-нибудь выпытать?... Ты грозишь смертью... кому?... Брату! Что, еслибъ я позволилъ тебѣ убить себя?! Но я не такъ жестокъ, я самъ скажу все... Твой соперникъ, счастливый соперникъ—я!

Юрій.

Ты?

Александръ.

Теперь продолжай вѣрить женщинамъ, вѣрь любви, вѣрь добродѣтели! Твой ангелъ лежалъ здѣсь, на этой груди, слѣды твоихъ поцѣлуевъ выжжены моими... Я выжалъ изъ сердца Вѣры все, что въ немъ было похожаго на добродѣтель, и на твою долю не осталось ничего.

(Юрій закрылъ лицо руками).

Дмитрій Петровичъ *(умирая).*

Дѣти... Юрій... Юрій...

Юрій.

Мое имя... отецъ... онъ умираетъ... *(Бросается къ нему).*

Федосей.

Скончался.

Юрій.

Не можетъ быть... *(Хватаетъ руку).* О!...

(Юрій упадаетъ безъ чувствъ на полъ. Александръ стоитъ надъ нимъ и качаетъ головою).

Александръ.

Слабая душа... И этого не могъ перенести!

Конецъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Примѣчанія помѣщены въ VI томѣ.

РИСУНКИ ВЪ ТЕКСТѢ:

РИСУНКИ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ:

